

Министерство культуры Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
культуры и искусств

Ю. П. БОНДАРЬ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО:
ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ
В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА**

Минск
БГУКИ
2012

УДК [32+316]-043.86

ББК 66+60.52

Б 811

Рецензенты:

Е.М. Бабосов, академик НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор;

В.В. Бущик, доктор политических наук, профессор;

В.В. Агеев, доктор политических наук, профессор

*Рекомендовано научно-техническим советом
Белорусского государственного университета
культуры и искусств (протокол № 13 от 30.06.2011 г.)*

Бондарь, Ю. П.

Б 811 Политическая наука и общество : тенденции и закономерности эволюции в условиях демократического транзита / Ю. П. Бондарь ; Мин-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2012. – 368 с.

ISBN 978-985-6798-96-5.

В монографии на эмпирическом материале Беларуси и России исследуются фундаментально-прикладные и организационно-статусные показатели эволюции политической науки как аналитико-технологического средства модернизации постсоветского общества: тенденции, закономерности, проблемы и перспективы развития; деятельность профессиональных институтов; изменения в кадровом, гносеологическом, инструментальном базисе; критерии достоверности научных результатов; методы познания переходных процессов в глобальном контексте; влияние на политическую социализацию и культуру личности.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, ученых-обществоведов, преподавателей политологии. Издание полезно политикам и читателям, интересующимся судьбами демократии, науки, культуры.

УДК [32+316]-043.86

ББК 66+60.52

ISBN 978-985-6798-96-5

© Бондарь Ю. П., 2012

© Оформление. УО «Белорус. гос. ун-т культуры и искусств», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел I МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС МОНОГРАФИИ

Глава 1. Методология исследования	10
Глава 2. Источники научного знания	21

Раздел II ИНСТИТУТЫ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава 3. Учреждение институтов политологии	47
Глава 4. Организация подготовки политологов.....	61

Раздел III ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Глава 5. Методы анализа переходных процессов	76
Глава 6. Тенденции демократизации	97
Глава 7. Трансформация государственности	119
Глава 8. Модернизация в контексте мировой политики	144
Глава 9. Идеология государства: контуры парадигмы	168
Глава 10. Динамика политической культуры.....	186

Раздел IV
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ –
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Глава 11. Легитимация политологии в высшей школе	203
Глава 12. Модель политической социализации студентов	219
Заключение	241
Эмпирические источники	255
Категориальный аппарат	305
Предметный указатель	323
Именной указатель	330
ПРИЛОЖЕНИЯ	344
Приложение 1. Модель политической социализации личности в вузе: концептуально-технологическая версия	344
Приложение 2. Программа дисциплины «Политология»: авторский экспериментальный проект	351

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация государственного и общественного устройства на постсоветском пространстве обусловила необходимость в углубленном познании Современности, перманентном производстве новаторских идей, инициатив, средств и методов. Возрастает потребность в качественном экспертно-аналитическом и технологическом обеспечении созидательно-творческих действий.

Стратегический ориентир Содружества Независимых Государств – устойчивое развитие, повышение народного благосостояния, углубление интеграции, обновление бытия на основе демократических норм, инноваций, рационального использования механизма государственного управления, ресурсов материальной и духовной культуры [215; 216; 263; 409].

В общественном сознании укоренилась аксиома: успех реформ непосредственно зависит от концептуально-технологического обоснования политики, ценностно-мотивационных механизмов поведения институтов власти и граждан. Преобразования символизируют органическую взаимосвязь науки с политикой, экономикой, социальной и духовной сферами, ее революционизирующее воздействие на динамику прогресса [31; 283; 312].

В проблемное поле общественных наук включены сегодня следующие приоритетные направления: актуализация и адаптивность к практике фундаментально-прикладных исследований; обоснование инструментов модернизации и стимулирования позитивных перемен; экспертно-критический анализ динамики политических изменений, национальной идентичности и безопасности в условиях глобализации.

Политическая наука – профессиональная отрасль, которая призвана генерировать систематизированные знания о политике, востребованные переходными и постиндустриальными (информационными) обществами. Сегодня она фокусирует внимание на закономерностях политического мира XXI в.: преемственности в политике; детерминации политического

развития национальными особенностями, условиями и обстоятельствами; демократизации государственности и гражданского общества; стабильности и эффективности национальных политических систем. Ее ключевые функции – познавательная, методологическая, инструментальная, прогностическая, оценочно-констатирующая, воспитательно-мировоззренческая.

Актуальные теоретико-прикладные идеи и выводы науки о политике – незаменимое средство познания приоритетов, результатов и перспектив социальных преобразований на постсоветском пространстве. Верифицированные историческим опытом и действительностью знания способствуют совершенствованию основ цивилизованной жизни, закреплению статуса политики как *Искусства, Науки, Творчества*.

Политология выявляет и объясняет универсально значимые взаимосвязи между политическими явлениями, политикой и обществом, специфику политического развития, интересов, традиций, целей, ценностей различных стран и регионов мира. Рациональное использование ее достижений укрепляет гражданское согласие и сотрудничество, инновационный потенциал социальных реформ, государственного управления.

Векторная направленность эвристического и технологического базиса политологии на *запросы практики* – императив постсоветского общества [284; 350]. Абстрактно-теоретические (эмпирически не подкрепленные) или некритически заимствованные знания из когнитивного банка мировой науки сегодня не востребованы. Институциональные субъекты заинтересованы в верифицированных концептах, парадигмах, прогнозах, способах исследования, отражающих национальные реалии и интересы. Задействуются интеллектуальные средства, формирующие системные представления о политической модернизации, влиянии на ее эффективность национальных и международных условий.

Институциональные, кадровые, эвристические, инструментальные возможности политической науки позволяют производить адекватные жизненным потребностям социума знания при главных для ее позитивной эволюции предпосылках: демократизации общества и государства, плодотворной деятельности ученых.

Статус политологии как профессиональной отрасли не был легализован в Советском Союзе, а обществознание, являясь «покорным слугой» правящей партии, оказалось неспособным диагностировать, критически оценивать ситуацию в стране, спрогнозировать банкротство государства.

В настоящее время политическая наука на постсоветском пространстве фокусирует внимание на приоритетах и методологии познания демократического транзита. Полезные аналитико-технологические разработки ученых используются как инструмент демократизации и гармонизации политико-властных отношений.

Вместе с тем молодая наука не свободна от несоответствий, заинтересованно обсуждаемых в политологической среде. Дискуссии выявляют вопросы, на которые нет однозначных ответов. Каковы тенденции и закономерности развития науки о политике, ее теоретического и прикладного базиса в условиях реформирования государственности? Чем отличается производимое знание в постсоветских обществах от концептуальных идей европейской и американской политологии? Какими критериями измерять соответствие исследований ученых вызовам эпохи и национальным интересам? Есть ли пределы и границы заимствования западной эпистемологии, насколько адекватны переходным процессам ее концептуальные поиски и теоретические результаты?

Подкрепленные обобщенным опытом, достоверными фактическими данными ответы на эти вопросы имеют теоретико-прикладное значение не только для суверенных государств (молодых политий) на постсоветском пространстве, но также для истории и методологии мировой политической науки. Они побуждают к системному анализу истоков, этапов развития, соответствия запросам и требованиям времени проблематики национальной политологии. Библиографический фонд науки России и Беларуси интенсивно пополняется содержательными книгами, статьями, диссертациями, сборниками трудов, однако ощущается дефицит комплексных, основанных на репрезентативном концептуальном и эмпирическом базисе проектов [135; 172; 307; 369; 381–389; 398; 405; 420; 422].

Отмеченные обстоятельства обуславливают актуальность теоретического обоснования тенденций и закономерностей эво-

люции политологии как аналитико-технологического инструмента познания и преобразования постсоветского общества в условиях демократического транзита.

В монографии комплексно анализируются фундаментально-прикладные и организационно-статусные показатели эволюции политологии Беларуси и России: тенденции, закономерности, проблемы и перспективы развития; результативность действий профессиональных институтов; изменения в предметном поле познания; векторы трансформации кадрового, эвристического, инструментального базиса; критерии соответствия исследований национально-государственным интересам; методы познания переходных процессов в глобальном контексте; влияние науки на политическую культуру и социализацию личности.

Эмпирический базис исследования – сведения и оценочные суждения, почерпнутые из публикаций, диссертаций, энциклопедической и справочной литературы, правовых актов, официальных документов политических институтов России и Беларуси – союзных государств, имеющих сходные или совпадающие культурно-исторические традиции, стратегические цели, ценности и приоритеты.

Новизна монографии – в изучении проблемы теоретико-прикладного значения для *динамического* политического, социально-экономического и духовного развития переходных обществ, *эпистемологии* мировой политической науки.

Промежуточные итоги исследования изложены автором в цикле статей в рецензируемых журналах, энциклопедических изданиях, докладах на международных конференциях, а также в двух версиях учебно-методического комплекса с государственным грифом, изданных общим тиражом 10 тыс. экземпляров и положительно оцененных рецензентами в периодической печати [23; 70; 417].

Эмпирические данные, теоретические обобщения и выводы монографии конвертированы в образовательный процесс.

Экспериментально апробированная модель методологического и технологического обеспечения политической социализации студентов вуза включает: концепцию политической социализации личности специалиста; учебную программу по политологии; актуализированные лекции; политологический тренинг; наглядно-графическое структурирование проблем-

но-содержательных сегментов дисциплины; тестовый блок для диагностики качества знаний по изучаемым темам; политологический словарь; методические рекомендации.

Автор выражает признательность академику НАН Беларуси, доктору философских наук, профессору *Е. М. Бабосову*, доктору политических наук, профессору *В. В. Буцику*, доктору политических наук, профессору *Л. Е. Землякову*, доктору политических наук, профессору *С. В. Решетникову*, доктору политических наук, профессору *В. В. Агееву*, доктору культурологии, профессору *А. И. Смолику* за консультативное содействие и ценные критические замечания.

Осознавая, что трактовка явлений и процессов, авторские выводы, наблюдения, оценки и прогнозы могут вызвать неоднозначную реакцию коллег, считаем это закономерностью творческого познания многомерных, противоречивых изменений на постсоветском пространстве, в современном мире, культуре и науке. Политическое знание – своеобразная «теорема» трансформирующегося бытия, нуждающаяся в непрерывном доказательстве, корректировке и проверке практикой.

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС МОНОГРАФИИ

Глава 1

Методология исследования

Авторская методология включает совокупность методов, технолого-аналитических процедур, а также стадий познания эволюции политологии в условиях демократического транзита: определение предмета, целей и задач исследования; обоснование исследовательского инструментария; эмпирическую; процессуальную; завершающую.

На исходной стадии выяснялась степень познания эволюции политической науки переходного общества, обосновывались цели и задачи исследования, конструировались теоретические гипотезы.

На второй стадии выявлялись идеи, теории, концепции, парадигмы, методы, показатели динамики мировой политической мысли, способствующие выбору стратегии и технологии научного поиска.

На основе агрегирования достижений науки формировался индивидуальный методический инструментарий, включающий логически взаимосвязанные способы, приемы, нормы, процедуры, категории (понятия). Он обеспечил концептуально-теоретическое объяснение и описание имманентных свойств феномена эволюции национальной политологии в контексте демократических преобразований в социуме.

Третья стадия – создание эмпирического базиса исследования на основе авторской методики (технологии) творческого поиска.

Оценены эмпирические источники, содержащие информацию о состоянии и развитии политологии в России и Беларуси. Почерпнутые из них данные классифицировались, обобщались, систематизировались; проверялась их аутентичность, измерялась полезность для реализации аналитико-приклад-

ного проекта. Сведения, идеи, суждения и наблюдения учебных идентифицировались с замыслом и задачами исследования, предметно-тематической структурой монографии.

Четвертая стадия аналитико-познавательных действий – процессуальная. Практически реализовалась теоретико-прикладная цель исследования. Внимание фокусировалось на выявлении и концептуально-теоретическом обосновании тенденций, закономерностей и особенностей развития политологии постсоветских обществ, объяснении и описании показателей, функционально-динамических изменений в науке, адаптивности исследований к запросам реформируемого социума и вызовам времени. Выявлялись причинно-следственные связи между переменными, обусловленность состояния теории и методологии науки объективными и субъективными факторами. Экспериментально апробировалась инициированная модель технологического обеспечения функций политологии в вузах. Фундаментально-прикладные результаты исследования систематизировались, классифицировались, интерпретировались, верифицировались с ориентацией на признанные в научном сообществе когнитивные и ценностные параметры нормативного и эмпирического анализа.

На завершающей стадии проверялись гипотезы, аргументация авторских идей, обоснованность теоретического объяснения эволюционных изменений и явлений в национальной политологии. Вносились коррективы и дополнения в категориальный аппарат, сформулированные положения и рекомендации технолого-практического свойства. Уточнялись концептуальные выводы о позитивных и негативных тенденциях в науке о политике: институциональном и кадровом базисе, проблематике, содержании и адаптивности исследований, закономерностях и противоречиях трансформации политологического знания.

Главным аналитическим инструментом послужили приспособленные к предмету познания *методы*, апробированные мировой политической наукой и обществознанием. Творческая реализация их потенциала явилась предпосылкой выявления и концептуально-теоретического обоснования характерных свойств эволюции политологии в транзитном социуме – имманентной сущности, количественных и качественных показателей, функционально-динамических харак-

теристик, трендов и закономерностей, критериев оценки адаптивности, перспектив.

Применение *институционального метода* способствовало исследованию профессиональных институтов, объединяющих и обслуживающих научное сообщество Беларуси и России: их типов и характера деятельности, организационно-регулятивного влияния на творческий процесс.

Системный метод полезен в изучении динамики политологии как целостности компонентов, характеристик, индикаторов, аспектов с устойчивыми причинно-следственными связями, от которых непосредственно зависит производство политических знаний, востребованных политическими системами переходных обществ.

Бесспорна эффективность *структурно-функционального метода* для познания эволюции политической науки. Каждый элемент ее структуры обладает специфическими свойствами, выполняет определенные функции, влияет на реализацию организационно-творческих задач, степень адаптивности производимых знаний к вызовам эпохи и потребностям модернизируемого социума.

Социологический метод обусловил выявление, измерение и объяснение социальных факторов, детерминирующих развитие, легитимацию и роль политологии как аналитического средства и технологического инструмента модернизации действительности.

Сравнительный метод необходим для обоснования общего (универсального) и особенного (национального) в политической науке, родственных черт и характерных свойств однотипных политологических явлений и процессов.

Применение *нормативно-ценностного метода* выразилось в:

- истолковании и описании творческих мотивов и целей, мировоззренческих и профессиональных установок, норм взаимоотношений политологического сообщества;
- оценочных суждениях и выводах о реальных политических переменных в постсоветских обществах с учетом их стратегических целей и приоритетов;
- истолковании предметного поля исследований в контексте интересов национальной государственности, соответствия фундаментально-прикладных проектов запросам и ценностным предпочтениям социума.

Конкретно-исторический метод незаменим в изучении эволюции мировой политической мысли, этапов становления и развития науки о политике, преемственности ее концепций, теорий, парадигм, категорий.

Метод «рационального выбора» способствовал «измерению» генерируемых политологами знаний запросами практики и вызовами глобализации, национальными условиями и перспективами демократического транзита.

В объяснении мотивации действий, имиджа субъектов политики и политологии в реформируемом социуме, побудительных стимулов творчества ученых использовались *психологический и поведенческий методы*.

Интерпретация влияния национального менталитета и психологических факторов на политические изменения, ценностные ориентации субъектов транзитных процессов обусловила потребность в применении *социокультурного подхода*.

Творческая реализация потенциала *метода концептуализации* обеспечила теоретико-методологическое обоснование и описание особенностей процесса эволюции политологии – функционально-динамических характеристик, трендов, закономерностей, показателей поступательно-восходящего развития.

Количественный метод востребован автором как способ обобщения и систематизации эмпирического материала: сопоставления и оценки статистических, числовых параметров профессиональной инфраструктуры, перемен в кадровом потенциале национальной политологии, проблемно-тематическом содержании диссертаций и публикаций, методическом обеспечении познавательной, мировоззренческой, инструментальной и регулятивной функций науки о политике в высших учебных заведениях.

Качественный метод послужил теоретико-концептуальному обоснованию и систематизированному описанию реального состояния, причинно-следственных связей и функционально-структурных особенностей политологии в постсоветских обществах:

- сущностных показателей (индикаторов) изменений;
- результатов творческих поисков в области методологии познания транзитных процессов;
- актуальности исследований, их адаптивности к переходному периоду и вызовам глобализации;

- специфических понятий, впервые введенных в научный оборот;
- отношений политологического сообщества с политическими институтами.

Применение метода обогатило возможности сравнительно-интегрированного анализа изменений в политологии постсоветских обществ: тенденций, закономерностей, проблем, противоречий; целей и мотивов поведения политологической корпорации; приоритетных направлений и ценностно-содержательных параметров исследований демократического транзита; методологических инструментов объяснения и описания динамики политических систем, инноваций в изучении политологии студентами вузов.

Методика «контент-анализа» незаменима в классификации и оценке массива эмпирических источников в зависимости от их формы и содержания. Числовая обработка, обобщение и синтез почерпнутой информации формируют объективное представление о репрезентативности фактографического базиса исследования, профессионально-аналитических достоинствах и недостатках изученных автором монографии текстов.

В качестве смысловых «единиц анализа» использовались индикаторы:

- концепции, теории, парадигмы, методы, категории политологии;
- теоретико-методологический потенциал и прикладное значение монографий, диссертаций, учебной литературы, статей, докладов, документов властных институтов;
- оценочные суждения, аргументы, идеи и выводы ученых относительно динамики и перспектив отечественной политологии.

Метод факторного анализа полезен как инструмент объяснения причинно-следственных связей между структурными компонентами, трендами и показателями эволюции политической науки. Он применялся также и как способ классификации, корреляции, измерения информативности и достоверности эмпирических данных, интерпретации влияния условий демократического транзита на динамику политологического знания.

Метод «ивент-анализа» результативен в изучении ситуации (событий) в политологическом сообществе, аргумента-

ции теоретических предположений и оценочных суждений о характере творчества ученых, актуальности и политико-прикладном значении их профессиональных дискурсов и мероприятий.

В авторском банке эмпирической информации накапливались, систематизировались, комплексно оценивались и сравнивались данные по показателям коммуникативного взаимодействия и аналитических результатов ученых:

- периодичность проводимых дискуссий, конгрессов, семинаров, конференций;
- постановка и решение актуальных творческих проблем;
- издание научных трудов и учебной литературы для вузов;
- методология и интенсивность исследования трансформационных процессов;
- взаимодействие с институтами государства и гражданского общества.

Количественно выраженная, обобщенная и структурированная эмпирическая информация о профессиональной коммуникации – определяющее условие достоверности суждений о динамичности отечественной науки о политике, концептуального обоснования доминирующих тенденций, закономерностей и особенностей ее развития, достижений, проблем и противоречий.

Применялись элементы *методики «когнитивного картирования»*. Ее полезность проявилась на стадии накопления, кодирования, систематизации и сравнительно-качественного анализа эмпирической информации о реализации функций политологии в высшей школе. Выявлены три взаимозависимые переменные: степень заинтересованности студентов в познании науки о политике; владение методами организации политического самообразования; влияние технологий преподавания политологии на мировоззрение, ценностные ориентации обучаемых по отношению к национальной политической системе, мировым процессам, личному политическому участию.

«Когнитивная карта» отражает персонифицированные переменные (показатели):

- качество усвоенных знаний;
- владение методикой самообразования;
- степень усвоения политологических категорий, теорий, концепций, парадигм познания политики;

- компетентность и заинтересованность участия в деятельности общественных ассоциаций;
- потребность в коллективном обсуждении политических явлений, событий и проблем;
- положительные и отрицательные реакции на политические процессы в модернизируемом социуме;
- интерес к исследовательской деятельности.

При помощи компьютерной программы показатели, зафиксированные в «когнитивной карте», измерялись и интерпретировались в социокультурном контексте, который заключается в результативности средств и методов целенаправленного воздействия на ценностные ориентации личности специалиста: политологического тренинга; тестовой диагностики знаний по разделам и темам курса; политического дискурса; зачетов и экзаменов; консультаций в рамках контролируемой самостоятельной работы; научно-практических конференций; методологического семинара; мнений обучаемых о плодотворности и недостатках постижения политической культуры.

На основе наблюдения за переменами в мировоззрении, мышлении и поведении студентов, синтеза и анализа информации (случаев, ситуаций, результатов образовательного процесса), индукции и дедукции выяснялась зависимость функций политологии в высшей школе и применяемых технологий формирования политической культуры личности специалиста.

Фактографические и аналитические данные составили базис восхождения от абстрактно-теоретической интерпретации традиционно применяемых способов политического образования к конкретно-логическому обоснованию инновационной модели концептуально-технологического обеспечения функций политологии – мировоззренческой, методологической, познавательной, информационно-коммуникативной, регулятивной.

Верификация модели осуществлялась *экспериментальным методом*. Эксперимент проводился в реальных условиях Белорусского государственного университета культуры и искусств. Накапливаемая информация подвергалась статистической обработке, логической формализации (упорядочению), обобщению и объяснению. Она послужила разработке теоретических гипотез, обоснованию концепции политической социализации личности специалиста, воплотившейся в

авторской учебной программе, содержании двух версий учебно-методического комплекса по политологии.

Исследование генезиса, динамики и перспектив отечественной политологии в контексте мирового политического знания обусловило потребность в *методе прогнозирования*. Суждения и предсказания автора относительно будущего развития национальной политологии отражены в теоретическом обосновании функционально-динамических стадий национальной политологии (см. Заключение).

В процессе исследования проверялась обоснованность теоретических *гипотез*, объясняющих сущностные свойства тенденций и закономерностей эволюции политологии в постсоветском социуме.

Гипотеза-основание. Динамичность эволюционных изменений в политологии России и Беларуси детерминирована практикой демократического транзита, творческим потенциалом политологической корпорации и реальным состоянием мирового политического знания.

Гипотезы-следствия:

– востребованность фундаментально-прикладных знаний социальными институтами – определяющий фактор поступательно-восходящего развития политологии, реализации политического выбора и интересов национальной государственности;

– формирование зрелой, адаптивной к практике политической науки в условиях модернизации транзитного общества – противоречивый и относительно продолжительный во времени процесс;

– инновационное концептуально-технологическое обеспечение политической социализации личности специалиста – необходимое условие выполнения политологией общественно-полезных функций в высших учебных заведениях.

Проверка гипотез осуществлялась системой показателей (индикаторов):

- состоянием инфраструктуры политологии;
- практикой подготовки специалистов-политологов;
- заинтересованностью институтов государства и гражданского общества в аналитико-эвристическом обеспечении политики общественной модернизации;

- актуальностью предметно-тематического содержания политических исследований;
- степенью адаптивности концептов, парадигм и методов мировой науки, их применимости к познанию демократического транзита постсоветского социума;
- результативностью политического анализа динамики, закономерностей и национальной специфики социальных реформ;
- потенциалом экспериментальной концептуально-методической модели политической социализации личности в высшей школе;
- выявленными условиями, тенденциями, закономерностями, стадиями развития, нерешенными проблемами, противоречиями и перспективами национальной политологии;
- переменами в политической культуре граждан России и Беларуси.

В процессе самоопределения в методологии исследования обнаружилась потребность в корректировке традиционных и введении в оборот новых понятий, системном отражении в категориальном аппарате, обосновании, интерпретации и концептуальном описании фундаментальных свойств эволюции политологии как феномена культуры транзитного общества, инструмента познания и модернизации национальной государственности.

В книге применены *три группы понятий*, выражающих характерные свойства политической науки и практики демократического транзита: политики как искусства управления переходным обществом; показатели и особенности развития политологии; методологии познания транзитных процессов, качественно-количественных изменений в эвристическом и инструментально-технологическом потенциале исследований.

Впервые введены в научный оборот категории: национальная политология; концептуализация процесса эволюции политологии; теоретический анализ эволюции политологии; прикладной анализ эволюции политологии; инструментарий исследования эволюции политологии; интерпретация категорий эволюции политологии; механизм эволюции политологии; имманентная сущность процесса эволюции политологии; тенденции эволюции политологии; показатели эволюции политологии; закономерности эволюции политологии; институционализация политологии; институты политологии;

профессиональная инфраструктура политологии; адаптивность политической науки; проблемы политологии; противоречия политологии; стадии эволюции политологии; условия эволюции политологии.

Методы и аналитические процедуры, концептуально интерпретированные и верифицированные автором, обеспечили: выявление и обоснование тенденций, закономерностей, общезначимого и национально-специфического в развитии политологии постсоветского общества; установление причинно-следственных связей политических знаний с общественными преобразованиями; определение критериев соответствия исследований политологов государственным интересам и вызовам глобализации; теоретическое обоснование и апробацию инновационных подходов к политической социализации личности; аргументацию предложений и рекомендаций инструментально-прикладного характера.

Валидность и надежность методов обусловлены тем, что базируются на достижениях эпистемологии общественнознания и учитывают особенности динамики политической науки в условиях демократического транзита.

Гипотезы монографии проверены и подтверждены достоверными эмпирическими данными, совокупностью количественных и качественных показателей, отражающих реальное состояние политологии в реформируемом социуме.

Примененная в исследовании методология, сочетающая совокупность средств, методов, приемов и процедур, обеспечила решение исследовательских задач. Однако это не означает, что апробированный автором инструментарий безупречен, не требует корректировки и творческого развития. В этом суждении заключено убеждение: абсолютно удовлетворительных, универсальных способов познания как политики во всех ее проявлениях, так и процесса эволюции политологии не было в прошлом и не существует в настоящее время. Поиск альтернативных парадигм, бесспорно, актуальная задача. Гносеологические новации способны открыть еще не задействованные возможности неразрывной взаимосвязи политических знаний и социальной практики, познания ди-

намики политологии как социокультурного фактора и инструментально-аналитического средства прогрессивных изменений в транзитном обществе, национального своеобразия и общих черт мировой политической науки.

Теоретическое объяснение и описание процесса эволюции науки о политике на основе творческого развития закрепившихся в эпистемологии обществоведения верифицированных методов политического анализа плодотворно и правомерно. Их целесообразно использовать как инструмент экспертизы, анализа, диагностики, прогнозирования реального состояния политической науки, ее достижений и проблем в исторической ретроспективе, мониторинга онтологической рефлексии ученых на нынешнем этапе национальной и мировой трансформации.

Методология исследования эволюционных изменений в национальной и мировой политологии не является предметом планомерной разработки и верификации учеными. В библиографическом фонде отечественной науки нет диссертаций, монографий и статей, посвященных этой проблеме, отвечающих запросам и стандартам современного аналитического процесса.

Эту мысль уместно особо подчеркнуть, поскольку утвердившиеся в переходных обществах гносеологические представления о методологической зрелости мировой политологии, оценки качества и адаптивности ее инструментально-технологического базиса требуют углубленного переосмысления. Плюралистические концепции, теории, методы, парадигмы, модели, категории, составляющие эвристический потенциал исследований, нередко заимствуются политологами транзитных обществ без учета их продуктивности, возможности проверки опытом. Это существенно затрудняет нормативный и эмпирический анализ динамики мировой и национальной политологии. Как отмечает немецкий профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей политологии *Х.-Д. Клингеманн*, методологические подходы нуждаются в ревизии и обновлении, должны опираться на надежные данные для их проверки, сопоставления, определения полезности, непредвзятой характеристики аналитико-фундаментального и прикладного потенциала науки о политике [202].

Творческое развитие методов познания эволюции политической науки в условиях демократического транзита, ее имманентных свойств, исследовательских направлений, тенденций, закономерностей и национальных особенностей представляется приоритетной задачей политологического сообщества.

Глава 2

Источники научного знания

Эмпирические источники для комплексного теоретического осмысления, объяснения и описания процесса эволюции национальной политологии условно подразделяются на четыре типа по характеру проблемно-тематической информации, отражающей:

- генезис мировой политической мысли в исторической ретроспективе;
- достижения политической науки в теории и методологии;
- количественные и качественные изменения в политологии постсоветских обществ;
- государственную политику преобразований в переходный период.

Знания о политике на всех исторических этапах становления и развития политологии обогащались новым содержанием или отвергались, удовлетворяя запросы времени, государственной власти и социально-экономической практики. Объективный вектор их трансформации – отвержение неадекватных жизни идей, признание и утверждение концепций, теорий, методов, парадигм, категорий, открывающих новые возможности изучения и преобразования политической действительности.

Фундаментальные источники для познания перемен в политологии – «Антология мировой политической мысли» (в 5 т.) [11] и антология «Российская политическая наука» (в 5 т.) [432]. В изданиях представлены публикации или их фрагменты, отражающие идеи и методы творчества именитых мыслителей прошлого и известных современных политологов. На основе обобщения содержащейся в антологиях и других опубликованных источниках информации автор пришел к следующим *концептуальным выводам* об эволюции

политической науки как инструментально-аналитического феномена общества и государства.

1. Политология утвердилась в европейских странах и США как профессионально-автономная отрасль обществоведения в первой половине XX в. Ее эвристический и технологический потенциал был закономерно востребован капиталистической формацией в условиях радикальных социально-политических перемен. Однако легитимации знаний о политике предшествовал длительный и нелинейный процесс их накопления, обогащения и проверки истинности, непрерывного обновления и творческого развития.

Первые ростки знаний о политических явлениях (происхождении и устройстве государства, качествах правителей, нормах поведения людей, социальной справедливости, отношениях человека и власти) появились на Востоке и выражались в мифологической форме.

Мыслители Античности (*Аристотель, Платон, Цицерон*), постепенно освобождаясь от религиозно-мифологических представлений о политике, рассматривали ее через призму философско-этической парадигмы – моральных императивов общественного интереса, равноправия и благополучия граждан, представлений о справедливости, добре и зле.

В эпоху Средних веков догматы христианства представлялись как политические аксиомы. Теократические идеи (*Августина Блаженного Аврелия и Фомы Аквинского*) о детерминации земной жизни божественной волей служили теоретической платформой притязаний церкви на духовное доминирование в разрешении светских проблем и господство над государственной властью.

Начало рационально-критическому исследованию политики как общественного явления положили мыслители эпохи Возрождения *Н. Макиавелли* и *Ж. Боден*. Отвергнув теологические воззрения на политику, они доказали, что ее корни – в социально-экономической практике. Религия в их понимании имеет цену лишь как одно из средств политики и укрепления государственной власти.

2. Политические учения Нового времени отражали интересы экономически господствующего класса и были направлены против отживших феодальных порядков и учреждений. В этот период происходят качественные изменения в евро-

пейских странах под влиянием рыночной экономики и трансформации политической надстройки. Промышленный капитализм требовал глубоких преобразований в политических системах западных стран, усиления влияния культурно-идеологических факторов на мировоззрение и поведение людей. В массовом сознании укореняются ценности политической и экономической свободы, общественного порядка и согласия, демократического взаимодействия и политического участия, которые стимулировали инициативу, предприимчивость, социальные перемены. Возрастал спрос на достоверные знания о государстве и гражданском обществе, структуре, функциях и методах деятельности политических институтов, плюралистических методах правления, представительстве интересов. Адаптируясь к реальности, ученые-философы фокусируют внимание на методах анализа и описания социально-экономических и политических детерминантов происхождения и стабильности государства, его типов, форм правления и устройства, суверенитета парламентских систем, представительной демократии, конституционных норм.

Ответом на запросы и противоречия капиталистического общества явилась исследовательская деятельность *Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы, Ш. Монтескье, Э. Берка, Д. С. Милля, Э. Канта, Л. Бональда, Б. Констана, И. Бенгама, К. Маркса, В.И. Ленина, А. Токвиля, Ж.-Ж. Руссо, О. Конта, В. Парето, Г. Моски* – плеяды ученых, обладающих даром незаурядного критически-творческого мышления.

В произведениях мыслителей эпохи Нового времени содержится комплекс идей и положений, способствующих формированию плюралистических теорий и концепций капиталистического государства. Они знаменовали прогресс в поиске рациональной парадигмы познания политики. Заметно обогатились представления о механизмах и проблемах политической жизни: полномочиях и обязанностях государственной власти; правовом государстве; гражданском обществе; взаимодействии рыночной экономики и политики; интересах и отношениях социальных субъектов; управленческой роли элиты и бюрократии; свободе и ответственности гражданина; разделении властей; политических режимах; конституционализме; политической конкуренции; сути плюрализма, компромиссов, конфликтов, влиятельных идеологий.

3. В первой половине XX в. учреждаются и обретают организационно-управленческий статус международные и национальные институты политической науки, интенсивно формируется ее кадровый потенциал как автономной отрасли гуманитарных наук. Вырабатываются процессуально-аналитические нормы, процедуры и стандарты деятельности ученых, изучающих политику. Конкретизируются предметные границы, структура и функции новой дисциплины, направления фундаментальных и прикладных исследований.

Характеризуя политическую науку XX в., *Г. Алмонд* акцентирует внимание на ее противоречивой профессионализации в Соединенных Штатах и Европе – трансформации способов познания, адаптивности политологической инфраструктуры к практической политике, запросам государственных институтов. Качественные перемены политологии исследователь связывает с чикагской школой (20–40-е гг.), основанной *Ч. Мерриамом*. Ее ученики явились последователями европейской политической науки, заложили методологические основы социологической и психологической интерпретации политики, количественных методов анализа массовых коммуникативных процессов и политических действий индивидуальных субъектов. Эмпирические исследовательские проекты школы и техника их реализации открыли новые концептуально-инструментальные возможности для изучения действительности, мотивации и результатов поведения субъектов политики, интересов электората, политической системы, политической культуры и социализации, применения междисциплинарных подходов к объяснению явлений, событий и процессов [5].

4. Институционализация политологии в Европе и США явилась закономерным итогом многовековой эволюции политического знания. Это символизировало возрастающий интерес властвующей элиты и общественности к научным знаниям как средству познания и демократического переустройства жизни. Преобразования в сфере материального производства, проблемы рыночного и государственного регулирования, качественные перемены в массовом сознании побуждали ученых и правительства к осмыслению механизмов политического управления, мотивации и методов стимулирования гражданской инициативы, укрепления взаимосвязей го-

сударственной власти с личностью и социумом на основе научных представлений и демократических норм.

Вызовы времени диктовали спрос на профессиональную компетентность государственных структур и адекватную адаптивность науки о политике к практике. Ответом на запросы жизни было образование в Европе и США специализированных структур (факультетов, кафедр) в университетах и колледжах, учреждение политических периодических изданий, исследовательских центров, институтов и лабораторий, научных школ. Политическая наука обрела устойчивый имидж специфического инструментально-аналитического феномена, востребованной обществом профессией, авторитетной академической дисциплины, генерирующей полезные для личности, общества и государства знания, навыки и умения.

В 1903 г. основана Американская ассоциация политических наук, в которую входило более 200 специалистов. К середине 40-х гг. ее численность достигла 3 тыс. человек, а в 60-е гг. превысила 10 тыс. исследователей и преподавателей политологии [5].

Активное влияние на интеграцию науки и координацию творчества ее субъектов оказывают специализированные институты. В 1970 г. образован Европейский консорциум политических исследований. При его содействии создан Архив осуществленных исследований и учреждено профессиональное периодическое издание «The European Journal of Political Research». Коллективными членами консорциума стали факультеты и научно-исследовательские организации; в 1989 г. в его состав входило 140 таких учреждений, из них 40 приходилось на Великобританию, 21 – на Германию, 13 – Нидерланды, 11 – Италию и 5 – Францию [5].

В 2006 г. в консорциуме состояло 286 членов из 18 стран. В организации доминируют Великобритания и Германия, имея 40 % от общего числа членов (62 и 51 соответственно) [202, с. 114].

Успешно функционируют Европейская ассоциация преподавателей политологии. Проводятся конференции национальных ассоциаций политической науки. На повестке дня – создание Европейской ассоциации политической науки.

Объединения политологов обеспечивают профессиональную коммуникацию, представляют и отстаивают интересы

ученых на европейском и глобальном уровнях, организуют дискуссии по предметным направлениям и актуальным темам науки, способствуют преодолению методологических разногласий, разработке и легитимации общих стандартов подготовки кадров – бакалавров, магистров, докторов политологии, программ освоения студентами политологических курсов в университетах [202, с. 109, 114]. В 2005 г. в национальных ассоциациях состояло 10 тыс. членов, всего в мире работают около 40 тыс. политологов, регулярно публикующих результаты своих исследований в специализированных изданиях [202, с. 112, 113].

5. В начале XXI в. политическая наука располагает солидным эвристическим и инструментально-технологическим базисом. В ее сокровищнице – многочисленные концепции, теории, парадигмы, модели, направления, методы исследования политики. Опираясь на методологические достижения своих предшественников, ученые исследуют меняющуюся и мозаичную картину политического мира. Накоплен богатый эмпирический материал для сравнительно-политологических исследований. Идеи и выводы науки, результаты деятельности научных школ (успешно функционируют в ведущих европейских странах и США) используются политическими институтами, способствуют социализации личности, утверждению ценностей демократической культуры, совершенствованию механизмов государственного управления.

6. В общечеловеческую политическую мысль внесли свою лепту мыслители России. Их идеи отражали гуманистические воззрения европейских стран, общественно-политические представления Древней Руси, традиции централизованного государства, политические реалии Российской империи периода разложения феодализма и становления капитализма.

Политическая мысль России зародилась в XI в. и развивалась продолжительное время в контексте религиозного (православного) мировоззрения. Внимание древнерусских мыслителей фокусировалось на идеях божественного происхождения, незыблемости и средствах укрепления власти государей, единства российских земель. В XVI в. доминируют идеи самодержавного правления, сословной монархии, благих законов, упорядочивающих общественную жизнь. Реформы *Петра I* положили начало новому этапу в истории политиче-

ской мысли страны. Возобладали идеи просвещенного абсолютизма, реформаторства (укрепляющего статус и преимущества дворянства), неприятия крепостничества и самодержавия как формы правления.

В конце XIX – начале XX в. закладывается фундамент конституционализма, возрастает интерес обществоведов страны к политическому знанию, теории правовой государственности. Важный вклад в разработку проблем политической философии внесли *Б.Н. Чичерин, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский* и др. [432, т. 1].

Революционные потрясения в России в начале XX в. ускорили процесс трансформации политической мысли страны. Властными институтами были приняты политические решения, направленные на внедрение принципов парламентской монархии, многопартийной системы, ограниченных гражданских свобод, нового избирательного права. В изменившихся условиях политическая мысль страны эволюционировала в русле либеральных, консервативных, социал-демократических взглядов.

Смена политического строя в стране, господство коммунистической политики и идеологии прервали естественный процесс институционализации политической науки. Однако образование в декабре 1960 г. Советской ассоциации политических наук (САПН), проведение в Москве в 1979 г. XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук (МАПН) означало легализацию политологии как обществоведческой отрасли знания [372, с. 18]. Эти события послужили стимулом к политологическим исследованиям. Они явились следствием двух факторов: либерализации политического режима после XX съезда КПСС (конец 1950-х – начало 1960-х гг. принято называть «оттепелью»); активной творческой деятельности узкой группы советских ученых, замеченной и оцененной европейскими политологами [54].

И все же следует особо подчеркнуть, что *легитимация* политологии стала реальностью лишь после распада СССР. Она была востребована практикой и начала интенсивно формироваться как автономная, профессиональная отрасль в системе гуманитарных наук.

7. В историческом процессе становления государственности и борьбы за национальную независимость эволюционировала политическая мысль Беларуси [309; 337]. Внутренне присущая толерантность, восприимчивость к христианским гуманистическим идеалам, просветительству, демократическому освободительному движению обусловили ее органическую адаптивность к общечеловеческим ценностям и устремленность к национальной идентичности. Эти черты свойственны, в частности, творчеству *Е. Полоцкой, К. Туровского, Ф. Скорины, С. Будного, М. Гусовского, В. Тяпинского, М. Смотрицкого, А. Филипповича, С. Полоцкого, Л. Сапег, В. Дунина-Марцинкевича, К. Калиновского, Ф. Богушевича, Я. Лучины, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича*, плеяде создателей национальной культуры.

В советскую эпоху политическая мысль белорусского общества развивалась в контексте политики и идеологии КПСС. Политология не утвердилась как профессионально-автономная отрасль гуманитарного знания. Общечеловеческие политические знания и навыки были востребованы в Беларуси только после провозглашения ее суверенитета, в условиях преобразования общества на принципах демократии и рыночной экономики после распада СССР.

Вторая группа эмпирических источников монографии отражает достижения политической науки в теории и методологии.

Теория и методология политологии представляет собой ее гносеологический субстрат: материализованную в идеях, суждениях, концепциях, парадигмах, закономерностях, категориях, методах онтологию политического бытия на различных этапах человеческой истории. Как образно выразил суть органично взаимосвязанных в теории феноменов исследователь *Я. А. Пляйс*, это «своеобразный камертон, по которому определяют верность и обоснованность того или иного научного вывода» [371, с. 5].

В развитие теории и методологии политологии внесли весомый вклад ученые различных эпох, стран, народов и регионов мира. Они использовали специфические концептуальные модели постановки научных проблем и методов их решения, диагностики, объяснения, описания и прогнозирования политики. Воплощая в себе достижения научного зна-

ния, систему понятий, методов, ценностных критериев, норм и образцов, политологические парадигмы служили эталоном, непрерывно обновлялись, подвергались ревизии или отвергались. Американский философ *Т. Кун* обосновал концепцию научных революций как смены парадигм – способов аналитического осмысления действительности, доминирующих в определенный временной период.

Каждой исторической эпохе свойственны специфические парадигмы:

- мифологическая (Древний Восток);
- философско-этическая (эпоха Античности);
- теологическая (Средние века);
- рационально-критическая (Возрождение);
- социально-экономическая (Новое время);
- постклассические методы исследования политики (Новейшее время).

Производство знаний о человеке, государстве, обществе и власти характеризовалось непрерывной корректировкой и конкретизацией традиционных и появлением альтернативных теоретико-методологических подходов. Философско-этические представления (суждения) древних мыслителей о политике как искусстве возможного в построении идеального общества постепенно трансформировались в социально-экономический подход к ее изучению. Ученые концентрируют внимание на теоретическом анализе детерминантов политического мира, поведения и отношений государственной власти с гражданами, причинно-следственных взаимосвязей в социуме.

Философы Нового времени *О. Конт*, *Д. Юм*, *Г. Спенсер*, *Д. С. Милль*, *Т. Парсонс* и другие обосновали доктрину позитивизма в изучении общества. Абстрактное умозрение как средство производства политических знаний, не поддающихся опытной проверке, подверглось критическому пересмотру. Единственным источником истинного, действительного знания сторонники позитивистского направления объявили конкретные (эмпирические) науки, теоретические идеи, подкрепленные наблюдениями, фактами действительности, количественными данными.

Ученые активизировали поиск продуктивных способов познания поведения субъектов политики, западноевропейских институтов и демократических преобразований в условиях

капиталистической формации. В исследованиях смещаются акценты на трактовку сущности политических и экономических свобод, демократических форм организации государственной и общественной жизни, мотивации поведения и отношений социальных субъектов. Наблюдается разграничение фактов и ценностных суждений, нормативного и эмпирического анализа действительности. Переосмысливаются авторитетные идеи и концепты именитых исследователей.

Профессор Э. Хейвуд в известном учебнике для студентов вузов «Политология» (М., 2005, с. 17) отмечает, что апогея энтузиазм в пользу пересмотра методологии политического анализа достиг в США в 1950–80-е гг., чему способствовало возникновение *бихевиоризма*. «Впервые это дало политологии надежный научный статус, поскольку обеспечило то, чего не было раньше – объективность и количественно проверяемые данные, на основе которых можно было проверять любые гипотезы», – утверждает ученый.

Основу бихевиоризма составили методы естественных наук, провозглашение единственно возможным средством познания истины, проверки научных гипотез и теорий опыт, практику, непосредственно наблюдаемые социально-политические процессы.

Бихевиоризм знаменовал своеобразную альтернативу традиционному подходу к исследованию политики, которому были свойственны существенные недостатки – слабая восприимчивость к социально-политическим изменениям, абстрактное теоретизирование, увлеченность субъективным нормативизмом, описательностью явлений и событий без объяснения закономерных взаимосвязей между ними.

Сердцевину методологии бихевиоризма составляли эмпирические стандарты анализа политики, основанные на логическом прагматизме. Содержание инновационной методологии – это синтез эмпирических данных о мотивах, характере и динамике поведения субъектов политики как результат обобщения опыта посредством применения методов психологии, педагогики, естественных наук.

Ключевые положения поведенческого подхода к познанию политики:

а) систематичность эмпирического анализа объективной политической реальности;

б) измерение и выявление закономерностей политической сферы поведением ее субъектов, количественными индикаторами;

в) только основанные на наблюдении и эксперименте сведения могут служить критерием истины – обоснованности теорий и концепций, выдвижения и проверки гипотез, социальной полезности политической науки для общества;

г) непризнание полезности теоретических исследований, не подтвержденных достоверными эмпирическими данными – действиями субъектов политики, опытом, квантификацией;

д) строгое разграничение между суждениями нормативно-ценностного характера и полученными эмпирическим способом.

Бихевиоризм явился своеобразным вызовом традиционному (преимущественно абстрактно-теоретическому, нормативно-ценностному) подходу и схоластическому (оторванному от реальной жизни) методологическому плюрализму. Он символизировал начало поиска новой модели постановки и решения проблем познания политики в XX в., объективную потребность в «революционной смене» (термин принадлежит *Т. Куну*) главенствующих парадигм в политологии.

Инициатива бихевиоризма, его стремление к преодолению кризисных тенденций в методологии европейской и американской политической науки, одержимость количественными методами анализа политики неоднозначно были восприняты и оценены. Предложенная методология вызвала сопротивление «традиционалистов», острые дискуссии среди ученых. Ее подвергли критике, так как инновационный подход не был свободен от недостатков (абсолютизация эмпирического анализа; определенная недооценка традиций нормативной политической мысли; недостаточно убедительное разграничение эмпирических фактов и ценностных суждений).

Но, несмотря на противодействие традиционалистов, инновационная парадигма склонила целое поколение политологов к отходу от ограниченной нормативной политической мысли, побудила исследователей к эмпирической верификации теории, аргументации умозрительных идей и положений количественно измеряемыми данными, основанными на наблюдении и экспериментах. Проблемы методологии науки стимулировали поиск в XX в. современной парадигмы познания политической действительности.

Однако попытки создания на основе бихевиоризма, нормативизма и структурного функционализма адаптивной к реальности, лишенной «субъективно-ценностной нагрузки» науки о политике не увенчались успехом. Это привело к позиционированию абстрактно-плюралистических подходов и методов. Задача их сопоставления и синтеза на основе эмпирической проверки достоверности концептуальных идей, категорий и аналитических обобщений требует решения совместными усилиями научного сообщества.

Сегодня мы наблюдаем в политической науке мозаичную эвристическую картину. Предлагаются и обсуждаются многочисленные когнитивные конструкты, отражающие различные академические подходы, методы и традиции познания мира политического (политической сферы). Они – свидетельство открытости политологии для критического переосмысления ее содержания и методов. Но они являются также показателем ее гносеологической неопределенности [278; 381; 382; 488; 533].

Содержательный источник для уяснения динамики методологических подходов к познанию политики – труды известных представителей американской, немецкой, французской, английской, итальянской политологических школ. Наиболее популярные из них переведены на русский язык и опубликованы массовым тиражом. За последнее двадцатилетие изданы работы *Х. Арндт, Р. Арона, Е. Вятра, Р. Даля, Э. Кассирера, Дж. Крамера, А. Лейпхарта, Дж. Мангейма и Р. К. Рича, К. Мангейма, Р. Нойштадта, С. Хантингтона, Р. Х. Чилкота, Й. Шумпетера, Ш.Н. Эйзенштадта, Ч. Эндрайна*, других ученых.

В Западной Европе реализованы важные для познания изменений в мировой политической науке проекты. Изданы сборники статей о состоянии политической науки в Германии (Beume, 1986), Италии (Graziano, 1987), Франции (Leca, Gra-witz, 1985), Соединенных Штатах Америки (Finifter, 1983, 1993; Katznelson, Milner, 2002), в Азии (Inoguschi, 2006). Развитие политической науки в Западной Европе с 1960 по 1990 гг. – тема Европейского журнала политических исследований под редакцией К. Ньютона и Ж. Валлеша (Newton, Valles, 1991) [202, с. 97–99].

Состоянию политологии в Центральной и Восточной Европе посвящены коллективные издания под редакцией *Х.-Д. Клин-*

геманна, Е. Кулеши и А. Легутке. В настоящее время издательство Оксфордского университета продолжает публикацию десяти томного издания, обобщающего состояние основных подразделов политической науки [202, с. 97–99].

Фактические данные о приоритетах исследований, переменах в деятельности политологических институтов, кадровом, гносеологическом и технологическом потенциале мировой политологии отражены также в массиве публикаций, изданных в России, Беларуси и других постсоветских обществах. В них доминирует идея о насущной необходимости обновления и верификации инструментов познания политики XXI в. – парадигм, методов, концепций, категорий, подходов. Решение этой задачи предполагается на основе плодотворного сотрудничества политологов, совместной разработки, легитимации и проверки истинности методов и критериев изучения политической практики [432].

Повышение авторитета, адаптивности политической науки к изменениям в мире невозможно без обновления, обогащения и гармонизации идей, теорий, концепций, методов изучения действительности, преодоления эклектизма и кризисных тенденций в гносеологии. Залог успеха в этом направлении – свобода критики достигнутых творческих результатов, взаимоуважение и продуктивное партнерство ученых. Критически оценивая методологический инструментарий науки, принципиально важно сохранить и творчески развить полезные идеи в классических и постмодернистских парадигмах – то, что выдержало проверку опытом истории и насущными потребностями жизни. Эвристическая продуктивность такого подхода должна соизмеряться верифицированными знаниями, которые обеспечивают фундаментальность, аналитико-технологическую состоятельность проводимых исследований, их адаптивность запросам социальной практики.

В своей совокупности эмпирические источники свидетельствуют о непрерывном творческом поиске инновационных парадигм исследования политики – политических систем, моделей демократии, институтов, событий, общественного мнения, конфликтов, политической культуры, государственного управления, механизмов и тенденций политического развития, поведения властвующей элиты, иных феноменов.

Вместе с тем осмысление плюралистических концептов зарубежных и отечественных исследователей, которые отличаются по содержанию и гносеологическим ориентациям, – качественный показатель *противоречивой эволюции* мировой политической науки, степени ее соответствия реалиям глобализации. Как отмечают профессионалы, стремление к объединенной науке, возможно, все еще остается химерой, хотя она выглядит потенциально объединяемой [202, с. 100].

В начале XXI в. процессы интеграции и идентификации политологии связаны с преодолением существенных национальных различий в ее институциональной основе, школах, кадровом потенциале, интерпретации предмета познания и категорий, системе ученых степеней и преподавания, проблемно-тематической направленности исследований, программах подготовки политологов, понимании эпистемологии и стандартов достоверности, социальной полезности политических знаний. Видимо, эта многоликая неопределенность порождает сомнения в среде гуманитариев постсоветских обществ о научности политологии, автономности ее статуса.

Рассуждая в этом контексте о состоянии и перспективах российской политологии, академик РАН Ю.С. Пивоваров логично задается вопросом: какой должна быть принципиальная мера подражания мировой политической науке, заимствования ее достижений в эпоху Модерна?

Отвечая на этот сакраментальный в политологической среде вопрос, ученый замечает, что мировая политология – это только название, за которым скрывается множество различных (и противоположных) школ, подходов, направлений. Им ошибочно поклоняться «как дикари тотему или идти на выучку к капитализму» в качестве робких, скромных, провинциальных учеников. Мировая наука – естественное отражение исторического развития, рационального самопознания *преимущественно западного общества*. Ее никто не «задумывал» как нечто, с помощью чего можно эффективно изучать другие типы социума. Стало быть, осваивая опыт мировой науки, важно адекватно понимать ее фундаментальные особенности, несостоятельность постулата «вестернизации», концептуальные ошибки и теоретические заблуждения исследователей [432, т. 1, с. 43, 44].

Методологическая неопределенность и противоречивость взглядов аналитиков проявляется в перманентных дискуссиях о предмете, объекте, структуре и содержании политологии, сущности категорий, приоритетах, национальной специфике и теоретико-прикладном значении исследований. «И в наши дни споры по этим вопросам еще очень далеки от завершения, – отмечает политолог *О.Ю. Бойцова*. – Предметом разногласий служит даже само название дисциплины, не говоря уже о проблемном поле, взаимоотношении суботраслей, критериях классификации исторически сложившихся форм политического познания и принципов интегрирования множества частных политических дисциплин (по разным оценкам, их насчитывается от 20 до 40) в единую систему политической науки. Во многом это объясняется тем, что политическая наука – дисциплина молодая, и процесс активного роста политических знаний и их структурирования все еще продолжается» [45, с. 5].

В западной традиции принято различать понятия «политология» (англ. *political science*) и «политические науки» (англ. *policy science*). Под термином «политология» подразумевается систематизированное изучение политики, включая и государственное управление. А понятие «политические науки» предполагает научно-прикладное обеспечение практической политики посредством использования междисциплинарного комплекса производства политического знания. Некоторые западные исследователи отождествляют политологию с политической социологией.

Автор монографии использует термины «политология», «политическая наука», «наука о политике» как синонимы. Он считает эвристически обоснованным доминирующий подход к трактовке политологии как *интегральной (комплексной) науки*, призванной генерировать систематизированные теоретико-прикладные знания о политике.

Объект политологии – мир политического (политическая сфера) или политика во всех ее проявлениях как инструмент (средство) социального управления.

Предмет политологии уместно интерпретировать в широком и узком смысле. В широком понимании речь идет о сущностных феноменах политической сферы (мира политического), их фундаментальных свойствах и особенностях: принци-

пах, закономерностях и законах функционирования политических систем; интересах, ценностях, деятельности и отношениях субъектов политики; процессах трансформации государственности; эволюции политических знаний как феномена культуры современных обществ, аналитико-технологического инструмента познания и преобразования действительности.

Предмет науки в узком смысле – политическая власть, источники, характер, механизмы, способы справедливого распределения, рационального использования и ограничения государственной власти; закономерности демократического переустройства политико-властных отношений в традиционных, переходных (транзитных) и постиндустриальных обществах.

Как убеждает исторический опыт, политология как наука призвана реализовать общественно-полезные задачи: осуществлять эмпирический и нормативный анализ, диагностику и прогнозирование политической реальности; теоретически объяснять явления и процессы в политическом мире; производить востребованные практикой фундаментально-прикладные знания; творчески развивать традиционные идеи и генерировать новые методы познания политических изменений. Приоритетные проблемы в ее предметном поле: политическая теория и методология; структура, функции, типы и сравнительные характеристики современных политических систем; средства и методы демократизации государственности и гражданского общества; действия, интересы, ценностные ориентации и характер коммуникации субъектов политики; информационные технологии в политике; гипертрофия власти; политические идеологии; тенденции мировых политических отношений.

Структуру политологии составляет *междисциплинарный* комплекс отраслей обществознания (субдисциплин), изучающих разные аспекты политики: политическая философия, политическая социология, политическая психология, политическая история, политическая антропология, политическая семиотика, политическая этика, сравнительная политология, геополитика, политический менеджмент. Этот комплекс умножается по мере углубления дифференциации и специализации политического знания.

Каждое конкретное общество заинтересовано в реализации наукой задач, обусловленных его *интересами, ценностями*

ми и приоритетами. Оно воспринимает эмпирически подкрепленные, инновационные знания о политической реальности, отражающие достижения цивилизации и культурно-исторический опыт нации. Поэтому было бы проявлением интеллектуальной неосмотрительности некритически воспринимать концепты, позиционируемые как универсально значимые (к примеру, «вестернизации», «волн» демократизации, «конца истории» и др.).

Как правило, такие концепты не свободны от идеализации (идеологизации) либеральных ценностей, односторонности или тенденциозности в объяснении политических явлений в западном мире. Ни европейская, ни американская наука не в состоянии заменить *национальные разработки*, проливающие свет на специфичные социально-политические процессы в постсоветских государствах. Потребности модернизируемого социума в научных знаниях могут быть удовлетворены лишь напряженным творческим поиском отечественных исследователей.

Отвечая на вызовы времени и располагая наследием политической науки, ученые постсоветских государств, с одной стороны, переосмысливают достижения в области теории и методологии, с другой – откликаются на запросы практики фундаментальными и прикладными разработками. При этом творческий поиск фокусируется на незавершенных или дискуссионных концептах, ценностно-мировоззренческих интерпретациях политики в транзитных обществах, системном анализе осуществляемой политической модернизации.

Теоретико-методологические проблемы политической науки переходного периода успешно разрабатывают российские исследователи: *Т. А. Алексеева* [3], *В. Я. Гельман* [87; 88], *Л. Е. Гринин* [109; 110], *А. А. Дегтярев* [121–125], *М. Г. Делягин* [125–128], *М. В. Ильин* [171–176], *Б. Г. Капустин* [192–193], *М. М. Лебедева* [246–250], *Б. И. Макаренко* [267–270], *О. Ю. Машинова* [273–277], *А. Ю. Мельвиль* [286–288], *Л. В. Сморгунов* [452–455], *А. И. Соловьев* [464–471], *Е. Б. Шестопал* [547–549].

Активизация методологического поиска наблюдается и в белорусском научном сообществе. Свидетельство тому публикации *Е. М. Бабосова*, *А. Н. Данилова*, *Д. Г. Ротмана*, *С. В. Решетникова*, *В. А. Мельника*, *В. Н. Ватыля*, *Н. А. Антанович* [7; 9; 10; 21; 22; 67–69; 117–119; 141; 289; 418–424; 526].

Ученые переходных обществ постепенно овладевают навыками разработки эффективного методологического инструментария, апробации и верификации инновационных методов выявления тенденций, закономерностей и противоречий социальной практики.

Антология «Российская политическая наука», многочисленные статьи и материалы дискуссий по методологическим проблемам на страницах специализированных журналов, диссертации свидетельствуют о непрерывном творческом поиске исследователей. Их профессиональный интерес сосредоточен на обосновании инновационного аналитического инструментария, позволяющего эффективно исследовать транзитные процессы, динамику государственности, этапы и направления ее реформирования.

Третью группу представляют источники, отражающие направления и приоритеты междисциплинарного анализа трансформационных процессов, реальное состояние политологии России и Беларуси.

О степени адаптивности к запросам практики и времени свидетельствуют разработки Г. А. Василевича, П. Г. Никитенко, Е. В. Матусевича, В. Н. Шимова, П. И. Бондаря, Д. В. Белявцевой, В. В. Агеева, О. В. Возгуровой, С. С. Давыденко, А. Е. Дайнеко, А. А. Жариковой, Е. М. Ильиной, И. А. Карпухиной, И. В. Ковалевой, Ю. М. Красотенко, Н. В. Ляхович-Петраковой, Д. А. Роговцова, В. А. Саковича, Е. В. Скакун, В. В. Ясева и других ученых.

Интерес для исследователей транзитных процессов представляют материалы международных конференций, состоявшихся в Гродненском государственном университете [27–30].

Результаты познания политической жизни Беларуси отражены в публикациях российских ученых К. Е. Коктыша, Ю. Ф. Година, Б. И. Макаренко, А. Н. Михайленко, И. Николаева, Н. А. Симония, Е. Цедилиной, А. Шурубович, О. В. Бахловой, А. В. Строма, С. А. Тарановой.

Проблематика публикаций и диссертаций актуальна: характер социально-политических преобразований в стране; интересы, культурно-идеологические факторы развития государственности; способы и процедуры политического управления; механизмы и технологии интеграции постсоветских государств; динамика политической культуры; деятельность

институтов гражданского общества; политическая ситуация; избирательный процесс и электоральное поведение; обеспечение национальной безопасности.

Особый интерес представляют публикации и диссертации о приоритетах преобразований в Беларуси: социально-экономической и внешней политике; конституционно-правовых нормах государственности; культурно-идеологическом базисе реформ; тенденциях эволюции политической системы; характере избирательного процесса и народного представительства; интеграционных интересах страны в рамках СНГ; динамике трансформации гражданского общества и массового сознания [12; 26; 31; 46–50; 57; 58; 62; 71; 73; 94; 115; 134; 138–141; 145; 147; 149; 162; 209–211; 223; 301; 311; 315; 469; 477; 478; 550; 557].

Специфика переходных обществ раскрывается в монографии и статьях доктора социологических наук, профессора *А. Н. Данилова* [117–119]. На примере Беларуси, России и других стран Центральной и Восточной Европы, творчески используя идеи и концепты западных ученых, автор анализирует и прогнозирует транзитные процессы в сферах политической, социально-экономической, культурной. Его оценочные суждения и социологические данные говорят в том, что комплексное изучение транзитных процессов в Беларуси и мире представляет собой актуальную теоретико-методологическую, ценностно-мировоззренческую и прикладную задачу.

Достоверная эмпирическая информация, обстоятельные теоретические выводы о политических преобразованиях в Беларуси, влиянии реформ на общественное сознание и поведение представлены в монографии и диссертации доктора политических наук, профессора *В. В. Буцика* [57; 58]. Их фактографический и методологический базис составляет социологическая информация о переменах в обществе в 1990-е гг., восприятии гражданами модернизации, государственной политики и поведения институтов власти.

Эмпирически подкрепленные обобщения и суждения о роли идеологии государства в условиях демократического транзита содержатся в монографиях *Е. М. Бабосова*, *В. А. Мельника*, *О. Г. Слуки*, *В. В. Шинкарева* и *Л. В. Вартановой*, учебных пособиях, изданных вузами Республики Беларусь [21; 22; 289; 449; 551].

Познание политической жизни углубляют официальные политические документы: доклады и послания президентов, резолюции республиканских форумов, правовые акты Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического сообщества, Союзного государства России и Беларуси, Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси.

Важный источник эмпирических сведений – итоги мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь [138–140; 301; 477; 478]. Они отражают динамику политической ситуации в обществе, восприятие гражданами государственной политики, потребности и ожидания, сомнения и надежды.

Вместе с тем полезность информации снижается на страницах сборников, где не объясняются неудобные и острые вопросы политической модернизации, причинно-следственные взаимосвязи между социальными явлениями. Авторским статьям недостает концептуально-критической оценки реформ, теоретического обоснования тенденций и закономерностей политической трансформации в Беларуси [138–140].

Анализ публикаций и защищенных диссертаций сформировал убеждение, что исследуются актуальные аспекты модернизации Беларуси, но познание динамики демократического транзита еще не приобрело системный, планомерный и скоординированный характер. Предметное поле анализа размыто, находится в стадии кристаллизации.

Большой массив источников, различающихся по форме и тематическому содержанию, выявлен в России. Предметное поле исследований отличается масштабностью и актуальностью:

- национальная политическая наука: состояние, проблемы и перспективы;
- характер и тенденции постсоветской модернизации;
- результаты преобразований социально-экономической, политической и духовной сфер;
- политический дискурс;
- изменения в массовом сознании и поведении;
- политическая культура общества;
- плодотворность методов властного регулирования;
- векторы и механизмы трансформации;

- качество государства, характер его взаимоотношений с гражданским обществом;
- факторы и стимулы политических изменений;
- инновационный потенциал социальных реформ;
- интересы, цели, ценности и рейтинг политических субъектов;
- перспективы демократического транзита;
- федерализм и региональное развитие;
- избирательный процесс и поведение избирателей;
- этнополитические конфликты и кризисы;
- соотношение практической политики и морали;
- профессионализм и авторитет политической элиты;
- национальная идентичность и безопасность в условиях глобализации;
- роль России в мировой политике.

Публикации и диссертации большинства исследователей привлекают компетентными оценками практической политики. Отличительное их свойство – свободная и аргументированная интерпретация реального состояния политической системы, негативных явлений в действиях государственных органов, просчетов и несоответствий в управлении социально-экономическими процессами.

Познаваемые политические феномены являются ответом на вызовы времени и запросы общества. Выявляются истоки таких антиподов демократического транзита, как коррупция, бюрократизм, протекционизм, некомпетентность и безответственность, симптомы духовно-нравственной деградации в молодежной среде, пассивное политическое участие граждан.

Ученые исследуют российское государственное устройство, достоинства и недостатки централизованного и местного управления, оптимально целесообразное распределение в федерации полномочий между верховной властью и местной. В публикациях сравниваются различные модели федеративного устройства, характеризуются его принципы, формы и способы интеграции наций, распространение идей федерализма в мире [44; 165; 255; 502; 508]. Опыт реформирования федеративных отношений в стране, проблемы и перспективы обобщены и проанализированы в докторских диссертациях *В. Н. Лысенко, А. Н. Аринина, И. В. Бахлова, Г. В. Каменской, М. В. Столярова, Ф. Х. Мухаметишина, Т. Д. Мамсурова, Н. М. Мирзиханова, И.Б. Гонtareвой, В.В. Гайдук* [см. 371, с. 31].

Активно исследуются изменения на постсоветском пространстве, причины деструктивных тенденций и неустойчивости СНГ, роль и интересы России в интеграционных процессах, развитии взаимовыгодного сотрудничества с суверенными государствами [12; 25; 73; 93; 94; 108; 115; 158; 181; 187; 191; 201; 222; 232; 245; 298; 304; 331; 447; 493; 528; 536; 552; 557; 558].

Взаимосвязь изысканий российских аналитиков с политикой модернизации раскрывается в цикле публикаций профессора *Я. А. Пляйса* [365–375]. Он защитил докторскую диссертацию в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук [371], в четырех разделах которого тематически объединены статьи, изданные автором в 1996–2009 гг. Цель его исследования заключалась в определении теоретико-методологических, исторических и процессуальных особенностей функционирования политической науки в контексте переходной эпохи в России.

Особенность публикаций *Я. А. Пляйса* в том, что личные размышления и интерпретацию ситуации в обществе и государстве он подкрепляет ссылками на защищенные в стране кандидатские и докторские диссертации. Основу оценочных суждений о ситуации в политологии России составляют его собственные идеи и выводы о транзитных процессах в России, поведении политических институтов и общественных структур [372].

Важный источник эмпирической информации – публикации о *политической культуре и идеологии*. Значение их обусловлено кризисом национальной идентичности, неблагополучием в духовно-идеологической сфере переходного социума. Результаты научного познания политической культуры анализируются в десятой главе монографии. Здесь же отметим, что транзитные общества России и Беларуси утратили прежние формы культурной самоидентификации и их институты, как подтверждают публикации политологов и социологов, ведут поиск приемлемых моделей идеологии и политики в духовно-нравственной сфере.

Переходному периоду свойственна специфическая политическая культура, сочетающая признаки гражданской, подданнической и патриархальной культур (по классификации *Г. Алмонда* и *С. Вербы*), с явным преобладанием, по мнению

политических социологов, элементов подданнической культуры [6; 120; 427–429]. Это противоречиво отражается на темпах и качестве модернизации политических систем, массовом сознании и поведении.

Автором выявлены диссертации, монографии, сборники, статьи, доклады, материалы дискуссий, из которых почерпнуты эмпирические данные, отражающие изменения в политологии России и Беларуси:

- приоритетах и результатах исследований [1; 2; 8; 27–29; 41; 45; 54; 59; 95; 142; 164; 172; 206; 281; 325; 340; 361; 363; 381–390; 398; 405; 422; 432; 466; 475; 476; 488; 499; 547];
- методологии науки [42; 65; 81; 174; 186; 193; 307; 315; 363; 420; 455; 458; 466; 480; 486];
- деятельности политологических институтов и кадровом потенциале [77; 78; 135; 324; 335; 385; 507; 551; 552; 570];
- политической социализации личности [32; 61; 74; 113; 141; 149; 178; 182; 227; 320; 394; 395; 404; 420; 458; 470; 504; 526; 547; 548; 556].

Перемены в политологии России и Беларуси – предмет научного интереса *Т. А. Алексеевой, М. В. Ильина, А. А. Дегтярева, С. В. Решетникова, Ю. С. Пивоварова, Я. А. Пляйса, А. И. Соколова, А. Ю. Мельвиля, Е. Б. Шестопал, Н. А. Антанович, С. А. Козловой, Л. В. Сморгунова, Л. Е. Бляхера, Л. М. Семеренко, Д. М. Воробьева, Ю. С. Конопина*, других ученых.

Их теоретические выводы, наблюдения и размышления способствовали уяснению проблемно-тематического вектора и профессиональных предпочтений в творчестве политологов.

В результате классификации, систематизации и комплексного анализа совокупности источников информации выявлены типичные и несовпадающие суждения о свойствах и специфике национальной политологии, ее достижениях, насущных методологических проблемах, интеллектуально-аналитических возможностях. Плюрализм мнений – объективный стимул системного познания тенденций и закономерностей эволюции политологии транзитных обществ, адаптивности производимого ею знания к социально-политическим преобразованиям на постсоветском пространстве.

Исследование источников сформировало гипотетическое представление о структурных компонентах процесса эволюции политологии: институциональных формах, приоритетах

теоретических и прикладных исследований, соотношении господствующих в мировой науке парадигм с гносеологическими ориентациями и нормативно-ценностными установками отечественных ученых. Сведения, почерпнутые из источников эмпирической информации, побудили автора к их теоретическому обобщению, комплексному обоснованию трендов эволюции, закономерностей и особенностей национальной политической науки.

Изучение разнообразных по содержанию и форме эмпирических источников научного знания убедило автора в том, что фактографический базис монографии репрезентативен и благоприятен. Он позволяет реализовать цель исследования – обосновать доминирующие тенденции и закономерности развития, функционально-динамические особенности политической науки как инструментально-аналитического средства модернизации государства и общества.

Эмпирические источники представляют собой синтез теоретической и дескриптивной традиций в национальной политической науке, отражают ее состояние и проблемы. Извлеченная из них совокупная информация – необходимое условие постановки и практического решения автором теоретико-прикладных задач:

- представить теоретически обобщенную, сравнительно-интегрированную, систематизированную характеристику имманентных свойств эволюции науки о политике как феномена культуры переходного социума;
- определить приоритетные исследования и оценить их соответствие интересам и ценностям, внутренней и внешней политике постсоветских государств;
- обосновать и верифицировать методы и аналитические процедуры познания динамики политической науки;
- ввести в научный оборот универсально значимые категории, выражающие существенные признаки и причинно-следственные зависимости процесса эволюции политического знания в модернизируемом обществе;
- предложить концептуально-технологическую модель политической социализации личности специалиста в высших учебных заведениях;

– проверить гипотезы достоверными количественными и качественными показателями.

Почерпнутые из источников сведения составили эмпирический фундамент познания изменений в национальной политологии: индикаторов, тенденций и закономерностей развития; особенностей трансформации институционально-кадрового, эвристического и инструментально-технологического потенциала науки; функционально-динамических стадий эволюции; предметного поля исследований транзитных процессов и степени адаптивности производимого политического знания к потребностям социума и вызовам времени.

Изученные источники не дают обобщенно-интегрированного, систематизированного знания о трендах эволюции политологии. Вне поля изучения актуальной проблемы оказались закономерности процесса. Однако осмысление совокупной информации сформировало предварительное представление об институциональных основах и состоянии национальной политологии, требующее проверки, теоретической и эмпирической аргументации.

Благодаря публикациям и диссертациям определены проблемно-тематическая направленность и содержание творчества политологического сообщества, его аналитические возможности. Обозначились контуры авторской методологии и границы исследования, что содействовало системному познанию динамичности и специфики перемен в политологии России и Беларуси, перспектив ее интеграции в мировую политологию.

В результате анализа источников научного знания выявлены характерные черты и проблемы методологии современной политической науки, которые свидетельствуют о противоречивом поиске инновационных парадигм в XX – начале XXI в.:

– эклектизм методологических подходов и альтернативных интерпретаций демократического транзита;

– «мозаичный» плюрализм направлений и проблематики исследований переходных процессов;

– ограниченность банка логически завершенных методологических идей, концептов, теорий, парадигм, методов комплексного исследования социально-политических изменений в постсоветских обществах;

– неопределенность гносеологических критериев достоверности аналитических обобщений, стандартов эмпирического и нормативно-ценностного анализа;

– дискуссионность предметного поля науки;

– неразработанность методов объяснения и описания процесса эволюции мировой политологии, включая теоретическое истолкование тенденций, закономерностей, особенностей развития науки в условиях демократического транзита;

– интенсивное формирование парадигмы сравнительных исследований;

– усиливающаяся критическая рефлексия по отношению к абстрактно-виртуальным, эмпирически не верифицированным концепциям и методам.

Изучение эмпирических источников убеждает в необходимости критически-творческого отношения к методологическим инструментам мировой политической науки, что предполагает активную гносеологическую рефлексию, целенаправленный поиск надежных, не отягощенных эклектикой, идейными симпатиями и антипатиями средств и методов познания процессов в обществах демократического транзита.

Анализ эмпирического и методологического базиса исследования углубил понимание цели, задач, теоретико-прикладных аспектов научной проблемы. Удалось самоопределиться в выборе и концептуальном развитии методов комплексного познания эволюции национальной политологии.

Эмпирические источники способствовали уяснению структуры монографии, стратегии, тактики и аналитических процедур творческого поиска, характера теоретических обобщений и выводов. Очерчены предметные границы анализа: институциональные основы и кадровый потенциал политологии Беларуси и России; предметное поле исследований демократического транзита; способы познания переходных политических процессов и национальной государственности; концептуально-технологическое обеспечение политической социализации личности специалиста в национальной высшей школе.

Раздел II ИНСТИТУТЫ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава 3 Учреждение институтов политологии

Начальная стадия становления политологии на постсоветском пространстве характеризовалась формированием ее институционального базиса, включающего: создание специализированных структур; организацию подготовки кадров; апробацию норм и форм сотрудничества политологов с государственной властью и гражданским обществом; легитимацию стандартов исследовательской и преподавательской деятельности.

Осуществление насущных задач начиналось с учреждения профессиональных структур (институтов), призванных организовывать и объединять исследователей и преподавателей на основе коллективной воли, совместно выработанных норм, стандартов, ценностей и целей, представлять их интересы во властных структурах.

Институциональные формы политологии как автономной отрасли обществознания получили официальное признание только после распада СССР. Создание Советской ассоциации политических наук (САПН) в декабре 1960 г. стало значимой вехой в истории отечественного обществознания, но заметно не повлияло на процесс легализации нового научного направления. Главным препятствием были интересы правящей элиты, считавшей политологию буржуазной наукой, несовместимой с политикой и идеологией КПСС [54; 77; 78; 432, т. 1, с. 22].

Вместе с тем публичные заявления некоторых ученых о необходимости политической науки, своем праве формулировать и предлагать власти идеи и технологии реконструкции государства на основе демократических ценностей явились логическим продолжением многовекового мыслительного процесса в обществе. Они свидетельствовали о том, что эво-

люция прогрессивных традиций национальной политической мысли тормозилась властью, но не прекращалась даже в условиях жесткого административно-командного управления обществом.

Постепенно в стране созревали условия для легализации политической науки: «политическая оттепель» 1950-х – начала 1960-х гг.; создание САПН и участие ее представителей в конгрессах Международной ассоциации политических наук (МАПН); деятельность институтов Академии наук; инициативы оппонировавших официальным идеологам ученых – *Ф. Бурлацкого, А. Арбатова, Г. Шахназарова, А. Бовина, О. Богомолова* и др. [54].

Разоблачение культа личности и декларированные политической элитой меры по преодолению его последствий, ослабление репрессивного давления на общество государственного аппарата, дезавуирование политических процессов 1930-х гг., либерализация цензуры и информационного пространства, активизация внешней политики – эти меры благотворно сказывались на общественном сознании, морально-психологической атмосфере в стране.

Изменившаяся в стране после XX съезда КПСС (1956 г.) ситуация обострила потребность в объективных знаниях о политической жизни общества и мира. Но социальные науки не были способны ее удовлетворить. Они находились в состоянии кризиса, порожденного политическим и идеологическим монополизмом правящей партии. В такой обстановке власть предприняла некоторые меры по развитию общественно-научного знания.

В 1960–1970-е гг. в Академии наук СССР начали функционировать специализированные институты, обслуживающие высшую политическую элиту: мировой экономики и международных отношений; Латинской Америки; Дальнего Востока; Африки; США (позднее США и Канады); Европы; социалистической системы; научной информации по общественным наукам; конкретных социальных исследований; международного рабочего движения [432, т. 3, с. 8].

Академические структуры издавали журналы «Мировая экономика и международные отношения», «Азия и Африка сегодня», «Народы Азии и Африки». Публикации экспертов-международников повышали социальный рейтинг знаний о политике как феномене мировой культуры, сделали достоянием

заинтересованных читателей неизвестные им научные категории, события, факты и оценки политической действительности.

Некоторые аналитики, приближенные к власти, выступали за перемены в обществе, высказывали нетрадиционные суждения, веря в возможность успешного реформирования советской политической системы [382].

10 января 1965 г. в газете «Правда» была опубликована программная статья профессора *Ф.М. Бурлацкого*. Она открыла публичную дискуссию о целесообразности автономной в системе общественознания политической науки [54].

В 1979 г. в стране проходил XI Конгресс Международной ассоциации политических наук (МАПН). На форуме представляли отечественную политическую мысль *П. Н. Федосеев, В. С. Семенов, Г. Г. Здравомыслов, Н. Н. Иноземцев, В. Н. Кудрявцев*, другие ученые-обществоведы [432, т. 1, с. 24].

САПН начала издавать Ежегодник, «продемонстрировавший сюжетное разнообразие проводившихся в то время политико-юридических исследований» [432, т. 1, с. 24].

Процесс легализации политологии стимулировала «перестройка» 80-х гг. Постановлением от 4 ноября 1988 г. Государственный комитет по науке и технике включил шесть политологических специальностей в номенклатуру специальностей научных работников. Были сформированы первые советы по защите диссертаций в Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР [432, т. 1, с. 25, 26].

Под руководством ВАК при Совете Министров СССР формировались диссертационные советы. В ведущих вузах создавались кафедры политологии и отделения по подготовке профессиональных политологов, а в научно-исследовательских институтах – секторы или отделы политологического профиля.

1990-е гг. – относительно непродолжительный этап учреждения и легитимации в России политологических исследовательских структур. Политическая проблематика стала неотъемлемой частью программ исследовательских институтов РАН. Академия общественных наук при ЦК КПСС была преобразована в Российскую академию государственной службы (РАГС); Институт марксизма-ленинизма – в независимый институт социальных и национальных проблем, а позднее – в Ин-

ститут комплексных социальных исследований РАН; Институт международного рабочего движения – в Институт сравнительной политологии. Высшие партийные школы стали центрами по подготовке управленческих кадров при Правительстве России, а затем – региональными филиалами РАГС. В некоторых академических институтах начали функционировать отделы политологии [78].

В связи с резким сокращением государственного финансирования исследовательских проектов и высших учебных заведений помощь молодой российской политологии оказывали западные благотворительные структуры. В их числе – Институт «Открытое общество», фонды Аденауэра, Форда, Эберта и др.

В России начали функционировать независимые научные центры: Международный Фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд), Московский Центр Карнеги, Российский общественно-политический центр, Институт гуманитарно-политических исследований, ИНО-центр (Информация. Наука. Образование).

В 1988–1989 гг. возникли политологические кафедры в Институте общественных наук при ЦК КПСС, Московском, Санкт-Петербургском, Белорусском государственных университетах.

Первая в России кафедра политологии учреждена в Санкт-Петербургском государственном университете [113, с. 72].

Ее десятилетний юбилей был отмечен как знаменательная дата в институционализации и легитимации отечественной политической науки [325]. Тематика секций конференции, посвященной знаменательной дате, отразила многообразие творческих интересов исследователей и преподавателей России:

- тенденции эволюции политологии;
- структура и содержание проводимых исследований;
- приоритеты политического образования студентов;
- методология познания транзитных процессов в сравнительном контексте подходов западных и российских ученых;
- динамика национальной государственности;
- особенности формирования политической элиты страны и эффективность политического лидерства;
- геополитические изменения, внешняя политика России.

Подводя итоги первого десятилетия в развитии национальной политологии, профессор *А. А. Федосеев* (Санкт-Петер-

бургский государственный университет) отметил, что политическая наука в России состоялась как автономная область общественно-научного познания. По мнению ученого, «об этом свидетельствует сложившееся научное сообщество российских политологов; их активная профессиональная и общественно-политическая деятельность как внутри страны, так и в международных кругах; довольно высокий уровень научной, учебно-педагогической и учебно-методической литературы; востребованность специалистов-политологов в различных сферах политико-государственной, духовной, социальной и экономической жизни общества» [325, с. 168].

В 2001 г. политология России была представлена 280 вузовскими кафедрами, 3000 преподавателей [398, с. 3].

Одна из авторитетных в настоящее время институциональных структур на постсоветском пространстве – кафедра политологии Белорусского государственного университета, созданная в 1991 г. Ее возглавляет *С.В. Решетников*, профессор, первый в Республике Беларусь ученый, защитивший докторскую диссертацию по политологии.

Кафедра инициировала включение политической науки в учебные планы вузов страны, разработку государственного образовательного стандарта и учебной программы. По ее предложению учреждены специализированное (по подготовке политологов-юристов) отделение на юридическом факультете БГУ (в 1992 г.), магистратура, аспирантура и докторантура, совет по защите диссертаций [420].

Коллектив плодотворно сотрудничает с Калифорнийским государственным университетом и Институтом политических наук Варшавского университета.

Консультативную помощь политологам оказывают созданные в университете Центр европейской документации и информации, а также Центр международных исследований.

Неотъемлемая часть институциональной структуры белорусской политологии – факультет международных отношений БГУ. Он готовит специалистов-международников. Его сотрудники, наряду с выполнением преподавательских функций, исследуют внешнюю политику государства, содействуют правительству в ее концептуально-методическом обосновании и повышении эффективности.

Весомый вклад в интеграцию, укрепление методологического и учебно-методического потенциала политологическо-

го сообщества вносит кафедра политологии и социологии Гродненского государственного университета, возглавляемая доктором политических наук, профессором *В. Н. Ватылем* [27–30].

Преемница САПН – Российская ассоциация политической науки (РАПН) последовательно обогащает интеллектуальное содержание научной коммуникации политологов, актуализирует проблематику исследований, повышает статус и укрепляет позиции отечественной политической науки на международной арене. Ее представители участвовали в конгрессах IPSA, проходивших в Буэнос-Айресе (1991 г.), Берлине (1994 г.). В состав исполкома ассоциации были избраны российские ученые *В.В. Смирнов, Е.Б. Шестопал* [79].

Если в 1994 г. во Всероссийской политологической конференции принимали участие 200 делегатов из 18 городов страны, то в 2004 г. РАПН объединяла уже 400 политологов и имела 54 региональных отделения [78].

РАПН – инициатор конгрессов, семинаров, симпозиумов, дискуссий за «круглым столом» – интерактивных форм профессиональной коммуникации и повышения квалификации политологов. Только в 1999–2000 гг. таких мероприятий проведено более 20. В них участвовали политологи 50 субъектов Российской Федерации [398, с. 6].

Планомерно осуществляется издание научной и учебной литературы. Регулярно публикуются сборники статей, отражающие эволюционные изменения и методологические поиски в региональных центрах политической науки. Ежегодно проводятся конкурсы на лучшие научные, учебно-методические и политико-публицистические работы российских политологов. Профессиональным ресурсом науки является сайт РАПН в Интернете [427].

О влиянии ассоциации на актуализацию и адаптивность исследований к условиям демократического транзита свидетельствуют тематические конгрессы политологов, состоявшиеся в 1998–2009 гг.: «Современная Россия: власть, общество, политическая наука»; «Россия: политические вызовы XXI века»; «Выборы в России и российский выбор» «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке»; «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы».

В рамках конгрессов проводятся пленарные, секционные и тематические заседания, «круглые столы», лекции ведущих зарубежных и отечественных политологов, дебаты, презентации, обмен опытом сотрудничества и деятельности научно-организационных структур РАПН и регионов.

Накануне конгресса 2000 г. политологам предлагалось оценить: достижения последнего десятилетия; более и менее развитые области политического знания; плодотворность формирующихся научных школ; значительные теоретические и прикладные разработки; факторы, сдерживающие эволюцию политологии; степень поддержки науки социальными институтами; способы и эффективность координации творчества политологов. Мнение ученых страны о состоянии и перспективах развития науки нашло отражение в решениях политологического форума.

РАПН укрепляет сотрудничество с Международной ассоциацией политических наук, ее исследовательскими комитетами. Российские политологи регулярно участвуют во всемирных конгрессах МАПН.

Приоритетное направление деятельности РАПН – содействие развитию сравнительной политологии, которая доминирует в мировой политической науке.

В структуре РАПН функционирует исследовательский комитет сравнительной политологии (ИК СП-РАПН) [452].

Основные задачи Комитета: использование методологии сравнительной политологии для изучения политико-управленческих процессов в России; обмен опытом российских и зарубежных исследователей и его распространение; повышение качества преподавания сравнительной политологии в вузах; содействие научной разработке актуальных тем и проблем; информирование политологического сообщества о состоянии мировой и отечественной компаративистики [452].

РАПН как центрирующее звено инфраструктуры национальной политологии плодотворно взаимодействует с кафедрами вузов, исследовательскими центрами и фондами городов и регионов России, совместно с ними проводит научно-практические конференции и семинары.

Институциональной формой российской политологии являются формирующиеся научные школы *Г. Х. Шахназарова* (Горбачев-Фонд), *А. А. Галкина* (Институт сравнительной по-

литологии РАН), *Г. Г. Дилигенского* (ИМЭМО РАН), *Н. Н. Разумовича* (ИНИОН РАН).

На волне преобразований в обществе возникла потребность в аналитических и консалтинговых центрах («фабриках мысли»), оказывающих услуги государственным и частным структурам. Предмет их деятельности – информационно-аналитическое и технолого-прикладное обеспечение избирательных кампаний, производство интеллектуальных продуктов, востребованных практикой демократического транзита.

В истории становления «фабрик мысли» в постсоветской России выделяются три периода. Первый – годы «перестройки», когда интеллектуалы организовали дискуссионные клубы с целью предложения власти технологий модернизации. Следующий период – вторая половина 1990-х гг., когда большинство центров переключились на избирательные технологии и стали заниматься не публичной политикой, а теневой, кулуарной. В настоящее время функционирует сеть «фабрик мысли», позиционирующих себя в качестве представителей интересов предпринимателей и гражданского общества, центров развития демократии и публичной политики.

Получили известность теоретико-прикладными разработками Московский и Санкт-Петербургский политологические центры «Стратегия», Фонд ИНДЭМ, Московский общественный научный фонд (МОНФ) и его структуры – Центр конституционных исследований, Центр конвертируемого образования, Методологический университет.

Неправительственные экспертные и консалтинговые центры осуществляют диагностику и прогнозирование политической ситуации, экспертизу политических решений, планирование избирательных кампаний, реализацию адаптивных к запросам практики программ, информационное обеспечение структур бизнеса, политических партий и общественных объединений.

К примеру, в 1995–2000 гг. Методологический университет МОНФ реализовал программу «Конвертируемое образование». Ее цель – повышение квалификации российских политологов и обществоведов – оказание им помощи в овладении методикой преподавания гуманитарных дисциплин и методологией исследований. Ежегодно 200–250 слушателей университета (преимущественно из регионов страны) участвовали в научных конкурсах, проектах, дискуссиях, сессиях.

По итогам работы университета была издана хрестоматия «Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность» под редакцией *А. Д. Воскресенского* [385]. Ее авторы – преподаватели, авторитетные политологи, социологи, философы, историки, экономисты. В разделах издания, предназначенного обществоведам, освещаются методологические проблемы политической науки: ее предметное поле и структура; направления интеллектуального поиска новых парадигм познания демократического транзита; сущность новых концепций и теорий; методы фундаментальных и прикладных исследований.

Спрос на теоретико-прикладные исследования в российской политике обусловил создание информационно-аналитических подразделений при государственных органах: Администрации Президента РФ, Госдуме и Совете Федерации, мэрии Москвы, в Поволжском федеральном округе и иных регионах страны [388, с. 182, 183].

Институты, организующие фундаментально-прикладные исследования, плодотворно действуют в МГИМО (У) МИД России, РАГС при Президенте Российской Федерации, МГУ имени М. В. Ломоносова, Высшей школе экономики, Санкт-петербургских вузах.

В России учреждены и пользуются популярностью профессиональные периодические издания. До 1991 г. единственным политологическим изданием был реферативный сборник ИНИОН РАН «Политическая наука». Поэтому политологические тексты печатались в журналах исторического, философского и обществоведческого профиля. За сравнительно короткий отрезок времени постоянно действующей трибуной политологов стали журналы «Полис», «Политическая наука», «Pro et contra» (издание Фонда Карнеги), «Полития (издание Российского общественно-политического центра), «Космополис. Альманах», «Свободная мысль», «Открытая политика».

Весомый вклад в развитие политологии вносят редакционные коллективы обществоведческих журналов «Социологические исследования», «Общественные науки и современность», «Вопросы философии», «Философия и общество», «Вопросы социологии», «Власть», «Политэкс», «Вестник Московского университета», «Обозреватель», «Мир перемен».

С середины 1990-х гг. в научной коммуникации начали использоваться интернет-ресурсы. Этому способствовала про-

грамма Института «Открытое общество». Благодаря программе крупнейшие вузы и академические институты России получили оснащенные современным оборудованием интернет-центры [78].

Особой целенаправленностью отличается деятельность редколлегии журнала «Полис». Он издается с 1991 г., систематически освещает проблемы становления и развития национальной политической науки.

«Полис» – журнал российский, но его регулярно читают тысячи обществоведов и политиков в странах СНГ. Тематика публикаций, разнообразие их жанров и стилей, плюрализм суждений – авторитетный и интересный для специалистов информационно-аналитический и методологический источник знаний. Они обогащают инновационными научными идеями, стимулируют творческий поиск концептуальных подходов к познанию процессов в переходных обществах, внедрению современных методов преподавания политологии в вузах.

Несомненна заслуга редколлегии, международного консультативного совета журнала и руководства РАПН – организуемые дискуссии о состоянии, проблемах и перспективах отечественной политологии. Они вызывают интерес и побуждают к участию профессионалов. Не менее продуктивны публикации зарубежных политологов, проливающих свет на достижения и противоречия американской и европейской политической науки. Полезны рубрики «Панорама политической науки России», «Университетская наука», «Кафедра» для обмена мнениями и консолидации ученых и коммуникаторов политических знаний в студенческой аудитории, обсуждения теоретико-методологических оснований науки и учебной дисциплины, методики и региональной специфики ее преподавания.

Статьи, доклады на конференциях, симпозиумах и конгрессах, материалы «круглых столов», регулярно публикуемые журналом, свидетельствуют о том, что политологическое сообщество в лице «Полиса» имеет надежного партнера. Журнал критически и объективно оценивает итоги и недостатки в становлении и развитии политологии. При этом глубоко осмысливаются качественные изменения в проблематике и содержании исследований, противоречия методологии молодой науки, условия и обстоятельства, сдерживающие прогресс и практическое применение политологического знания.

Почетную миссию в институциональном механизме российской политологии выполняют российские издательства «РОССПЭН», «Весь Мир», «Мысль», «Аспект Пресс», «Инфра-М», «Юнити-Дана», «Международные отношения», «АСТ». Благодаря их инициативе переведены и изданы произведения зарубежных авторов, востребованные политологическим сообществом.

Специализированные институты учреждены в 1990-е гг. в Беларуси. Сотрудничество и профессиональную коммуникацию исследователей и преподавателей сегодня обеспечивают:

- Ассоциация политических наук (основана в 1993 г.);
- Академия политических наук (создана в 1998 г.);
- Академия управления при Президенте Республики Беларусь;
- Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь;
- Минский НИИ социально-экономических и политических проблем;
- Центр социологических и политических исследований БГУ;
- Центр социологии управления, политики и права в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси;
- кафедры политологии и социально-гуманитарных дисциплин в университетах;
- отделения политологии в вузах;
- факультет международных отношений БГУ;
- советы по защите диссертаций политологического профиля;
- магистратура, аспирантура и докторантура.

Институциональные структуры объединяют политологическое сообщество, координируют исследования, выражают и представляют интересы ученых и преподавателей.

Профессиональные взаимосвязи способствуют постепенному накоплению информационно-аналитических ресурсов молодой науки, устранению разногласий в подходах к ее структуре и содержанию. Повышается уровень квалификации политологов.

Регулирование отношений профессиональной корпорации институциональными структурами способствует творческому развитию методологии познания переходных процессов, адаптации национальной политологии к запросам демократического транзита. Институциональные изменения в 1990-е гг. явились важным условием разработки и легитимации образо-

вательных и академических стандартов, организации и актуализации проблематики исследовательской деятельности, концептуально-технологического обеспечения функций политологии в вузах.

В институциональном механизме национальной политологии активную роль играют государственные учреждения политико-идеологического профиля – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт социологии НАН Беларуси, Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Ключевые направления их деятельности: информационно-аналитическое и технологическое содействие властным институтам; исследование политики государства, ее влияния на общественное сознание; подготовка и экспертиза проектов политических решений; мониторинг политической ситуации, изменений в общественном сознании и поведении; познание механизмов и проблем демократической трансформации.

Как показало исследование, позитивные тенденции в создании институционального базиса национальной политологии еще не получили надлежащего закрепления. Лишь в трех-четырёх вузах Беларуси функционируют автономные (или интегрированные) кафедры политологии. В отличие от России и большинства европейских стран в белорусских университетах нет ни одного факультета по подготовке политологов. Узок спектр форм и методов деятельности Ассоциации политических наук. В структуре НАН Беларуси отсутствует подразделение, координирующее фундаментальные и прикладные исследования ученых-политологов страны; представители национальной политологии не избираются в состав действительных членов академии.

В республике нет финансируемого государством политологического журнала, необходимого для непрерывной профессиональной коммуникации ученых и преподавателей, обсуждения фундаментальных и прикладных проблем науки и политического образования, методологии познания динамики либерализации и демократизации национальной политической системы.

Кроме фрагментарных проектов, связанных с разработкой государственной идеологии, фундаментальные и прикладные исследования политологов не планируются и не финансиру-

ются институтами государства. Отмеченные недостатки тормозят динамику национальной политологии, адекватную запросам реформируемого общества и вызовам глобализации.

На фоне доминирующих тенденций в институциональном базисе науки контрастно проявляются административные проекты и действия, логично не совместимые с перспективами развития науки о политике, целями и ценностями политической социализации личности в условиях демократического транзита, творческим поиском модели подготовки специалиста, отвечающей национально-государственным интересам и приоритетам. Речь идет о перманентных и не безуспешных попытках «реформаторов»:

а) исключить политологию и социологию как автономные дисциплины из вузовских учебных планов и программ под предлогом повышения их гибкости, вариативности и мобильности;

б) радикально изменить статус, структуру, содержание и функции изучаемых студентами гуманитарных наук, что не согласуется с инициативами и декларируемыми намерениями интегрироваться в Болонский процесс, адаптироваться к Европейскому пространству высшего образования;

в) внедрить некую «синтетическую» обществоведческую дисциплину, которая фактически будет означать нарушение ключевых принципов качественной социально-профессиональной подготовки выпускников высшей школы, пренебрежение доминирующими тенденциями дифференциации и специализации мирового научного знания.

Серьезная преграда позитивной эволюции политической науки – ее «чрезвычайная зависимость, – как образно выразился российский доктор философских наук *Б. Г. Капустин*, – от милостей государственных и частных спонсоров и заказчиков. Отсюда – и столь распространенное среди нас самих представление о практическом значении политологии, которое видится преимущественно в экспертном обслуживании обладателей власти и богатства» [476, с. 138].

Однако, несмотря на констатацию аномальных явлений завершающего этапа институционализации политической науки в условиях демократической трансформации постсоветской государственности, совокупность достоверных фактов дает основание для *ключевого вывода*. Созданная в России

и Беларуси инфраструктура науки – обобщающий показатель ее поступательно-восходящего развития. Если американским и европейским политологам потребовалось почти столетие для создания жизнеспособных, самоуправляемых ассоциаций, поиска и апробации неформальных профессиональных и этических стандартов творчества, норм отношений с институтами государства и гражданского общества, то в постсоветских обществах эти задачи в основном реализованы за два десятилетия. Политическая наука получила признание, заявила о себе достижениями как академическая и учебная дисциплина. Ее инфраструктура задает ритм творчеству и методологической рефлексии, стимулирует прогресс эпистемологии познания политических изменений и транзитных процессов.

Политологические институты представляют собой государственные и добровольные ассоциации, которые обеспечивают профессиональную коммуникацию и творческое сотрудничество ученых, их конструктивные отношения с политическими системами транзитных обществ. Состояние, методы и формы деятельности этих структур определяют эволюционные перемены в политической науке, ее имидж и степень социальной полезности.

Как субъекты влияния, основывающегося на коллективной воле, нормах, ценностях, целях научного сообщества, институты направляют творческий процесс на удовлетворение запросов практики, стимулируют производство инновационных знаний о политике, выражают и представляют интересы ассоциации политической власти. Обобщенный опыт России и Беларуси убеждает, что для динамичного развития национальной политологии необходимы эффективные, непрерывно взаимодействующие с государственной властью и гражданским обществом структуры различных типов:

- общенациональные ассоциации с индивидуальным и коллективным членством;
- региональные организации;
- государственные и независимые исследовательские центры политологического профиля;
- специализированные советы по защите диссертаций;

- научные фонды, финансирующие политические исследования;
- периодические издания для непрерывной профессиональной коммуникации политологов;
- издательства, дотируемые государством, для оперативного выпуска доступной для граждан научной и учебной литературы;
- кафедры политологии в вузах;
- научные школы, возглавляемые авторитетными учеными;
- специализированные факультеты и отделения политологического профиля в государственных университетах (академиях).

Целесообразность и плодотворность этих институциональных форм подтверждает отечественный и мировой опыт.

Процесс формирования профессиональных институтов в Беларуси и России в основном завершен. Они легализованы, признаны государством и обществом, однако их потенциал может реализоваться более эффективно. Коммуникация региональных политологов ограничивается пределами кафедр политологии государственных университетов. Недостаточно общественных фондов, финансирующих политические исследования. Государственная материальная поддержка творческих инициатив и проектов политологических структур еще не соответствует запросам непрерывного научного анализа модернизации транзитных обществ.

В России и Беларуси ощущается потребность в жизнеспособных и авторитетных (неангажированных и неконъюнктурных) независимых аналитических и консалтинговых центрах, координирующих фундаментальные и прикладные разработки по заказам институтов власти и гражданского общества.

Глава 4

Организация подготовки политологов

Теоретическое познание демократического транзита, политики суверенных государств и тенденций развития гражданского общества предполагает высокий профессионализм ученых-политологов, целенаправленное осуществление их подготовки и повышения квалификации.

Политологи должны обладать уникальными качествами: владеть достижениями мировой политической науки, мето-

дами эмпирического и нормативного анализа; системно исследовать многомерные переходные явления и процессы; конструктивно взаимодействовать с властью, не претендуя на абсолютную истину; предлагать инновационные технологии разрешения политических проблем и конфликтов. Не менее важно научиться соотносить общезначимые теоретические положения, генерируемые концептуальные идеи, рекомендации и предложения с национальным контекстом, практикой модернизации.

В условиях преобразований на постсоветском пространстве закономерно возрастает спрос на специалистов нового типа: аналитиков, советников, консультантов, экспертов, технологов, компаративистов, международных менеджеров. Легализация и легитимация политической науки диктуют необходимость качественного решения насущной задачи – формирования профессиональной корпорации исследователей и преподавателей, гибко и плодотворно реагирующих на запросы транзитных обществ и вызовы глобализации.

Ядро политологического сообщества в начале 1990-х гг. составляли советские обществоведы. Их доминирование негативно отражалось на исследовательской и педагогической деятельности. Большинство историков, философов, партийных идеологов и пропагандистов оказались не подготовленными к краткосрочной и гибкой профессиональной переориентации. Деструктивное влияние на их сознание и поведение оказывали коммунистический традиционализм, длительная изоляция от мировой политической науки. Деморализовало кадры резкое падение престижа гуманитарных наук после распада советской политической системы.

Либерализация общества, устранение политической цензуры и идеологических запретов по-разному сказывались на профессиональной свободе и ответственности советских обществоведов. Часть из них усердно занялась переквалификацией, самообразованием, творческим усвоением теоретического наследия европейской и американской науки о политике, нетрадиционных методик политического образования студентов вузов. Другая же часть кадров неохотно расставалась с принципами, нормами и догмами прошлого, не проявляла инициативы в освоении теории и методологии науки о политике, что тормозило процесс ее институционализации как академической и учебной дисциплины [325; 389].

Теоретико-методологический и инструментально-технологический потенциал обществознания не соответствовал ценностным ориентациям и интересам социальной модернизации – не позволял реализовать инновационные проекты исследований, адаптивные к запросам реформ. Ощущался дефицит специалистов, способных на современном уровне исследовать транзитные процессы и преподавать политологию в высшей школе. Как небезосновательно отмечал российский профессор *В. Гельман*, отечественное политологическое сообщество представляло собой в 1990-е гг. лишь «периферию» западных школ с их традициями и возможностями. Даже среди тех, кто занимался изучением постсоветской политики за рубежом, «голос наших (включая и столичных) политологов был не особенно звучным» [476].

В неприглядном свете представлялась региональная политология. Она некритически копировала мировые политологические идеи и школы или же выполняла идеологические заказы местных органов власти и их оппонентов. Характерные тенденции в кадровом потенциале политологического сообщества Дальнего Востока России выявил доктор политических наук, профессор *И. Ф. Ярулин*. В регионе функционировали, как он установил, три автономные группы политологов:

- вузовские политологи, с ценностно-гносеологическими ориентациями обществознания советской эпохи;
- политологи Дальневосточного отделения РАН, не отличающиеся строгими методологическими подходами в исследовании политической реальности;
- политтехнологи, эпизодически обслуживающие региональные администрации и платежеспособных оппонентов [574].

Незрелое и противоречивое состояние политологической ассоциации негативно сказывалось на эволюции науки: усвоении достижений и творческом развитии политической теории; анализе и концептуализации транзитных процессов; изучении расстановки политических сил и ситуаций в транзитном обществе; восприятию европейской демократии и эпистемологии; тематике и содержании диссертаций; интеграции усилий ученых на актуальных направлениях исследований.

Для обеспечения национальных потребностей в квалифицированных специалистах предстояло изыскать и мобилизовать финансовые, информационно-аналитические, организа-

ционно-административные ресурсы. В России и Беларуси были реализованы практические меры, способствующие количественным и качественным переменам в профессиональном корпусе исследователей политики и преподавателей политологии в вузах.

За двадцать лет постсоветской истории накоплен значительный опыт формирования кадрового потенциала политологического сообщества.

Подготовка политологов началась в 1992 г. на юридическом факультете БГУ. Спустя три года состоялся первый выпуск политологов-юристов со специализацией «политика и государственное управление» [8, с. 190].

За шестнадцать лет подготовлено около 400 профессиональных политологов. Более 300 политологов-менеджеров получили дипломы в частных вузах – Белорусском институте правоведения, Институте парламентаризма и предпринимательства, Международном гуманитарно-экономическом институте.

В 1998 г. введен в действие государственный образовательный стандарт по специальности «Политология». Документ закрепил нормы, регулирующие подготовку политологов-юристов по специализациям «Политическая власть и политические системы», «Политика и государственное управление».

Стандарт регламентировал структуру и содержание образовательной программы, требования к знаниям, навыкам и умениям выпускников отделений, кадровому, методическому, информационно-аналитическому, материально-техническому обеспечению учебного процесса.

Коллектив кафедры политологии БГУ подготовил методические и информационно-аналитические материалы, конкретизирующие нормы государственного стандарта [420].

Учебная программа для студентов отделения предусматривает преподавание по тематическим разделам: политическая теория, сравнительная политика, государственное управление и администрация, методология и методы политической науки, международные отношения. В контексте этих разделов изучаются специальные курсы, отражающие содержательно-ценностные векторы теоретической и практической подготовки.

Проблематика курсов нацелена на усвоение студентами фундаментальных основ науки: «Введение в политическую

теорию», «Методология политической науки», «Теория политики», «Сравнительная политика», «Теория политических систем», «Теория государственного управления», «Теория принятия политических решений», «Теория и практика оценки публичной политики», «Права человека».

На отделении преподаются курсы теоретико-прикладной направленности: «Организация избирательных кампаний», «Общественная политика», «Основы идеологии белорусского государства», «Политическая идеология», «Политические партии и партийные системы», «Политическая культура», «Политическая психология», «Местное самоуправление в Республике Беларусь», «Правила парламентской процедуры», «Конфессиональная политика в Республике Беларусь», «Геополитические проблемы в современном мире» и др.

Выпускники отделений политологии белорусских вузов могут работать в органах представительной и судебной власти, идеологических структурах исполнительных органов, выполнять научно-исследовательские, педагогические, информационно-аналитические функции в государственных учреждениях и общественных объединениях.

В Беларуси осуществляется подготовка специалистов-политологов высшей квалификации. Аспирантура и докторантура по политическим наукам функционируют в БГУ, БГПУ им. М. Танка, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республиканском институте высшей школы. Действуют два специализированных совета по защите диссертаций. В конце 2011 г. Высшей аттестационной комиссией внесены существенные изменения и дополнения в Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь [399].

В 1991 г. в республике не было ни одного научного сотрудника или педагога с ученой степенью кандидата или доктора политических наук. К 2012 г. подготовлено 12 докторов и более 40 кандидатов политических наук.

Политологическое сообщество располагает сегодня профессиональным ресурсом для планомерного исследования теоретических и прикладных проблем демократического транзита, обогащения гносеологического и инструментально-технологического потенциала национальной политической науки.

Кардинальные меры по решению кадровых проблем политической науки реализованы в России. Уже в 1994 г. только в

национальных вузах (исключая госаппарат, общественные политические организации, исследовательские и консалтинговые структуры) насчитывалось 3,6 тыс. политологов [81].

Во Всероссийской политологической конференции (1994 г.) приняли участие 200 делегатов из 18 городов страны. В 2004 г. РАПН объединяла 400 политологов, представлявших 54 региональных отделения [146].

В организации подготовки политологов происходили заметные институциональные изменения; осуществлялся ускоренный переход к *факультетскому формату*.

В 1998 г. по специальности «политология» набор осуществлялся в 10 университетах России [549]. В 2001 г. готовили политологов уже 20 вузов; а в 2008 г. функционировало 50 специализированных факультетов и отделений, около 200 кафедр политологического профиля. В 2003 г. в вузах РФ обучалось 1127 студентов – будущих политологов. Новая наука активно утверждалась на магистерском и аспирантском уровнях [372, с. 42, 43; 547].

В настоящее время подготовка кадров в России осуществляется в трех направлениях: преподавателей и научных сотрудников; политологов-прикладников (политтехнологов, консультантов, экспертов, менеджеров); стратегических политических аналитиков (международников, компаративистов).

К примеру, факультет политологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО (У) МИД России), основанный в 1998 г., готовит бакалавров, специалистов-практиков, магистров, аспирантов. На факультете два отделения – «Сравнительная политология» и «Мировая политика». Их учебные программы предусматривают подготовку политических аналитиков – международников и компаративистов.

Студенты изучают курсы, отражающие особенности мировых политических систем, институтов, процессов, культур, влияние международных факторов на политическую жизнь России и других постсоветских обществ. Политологи-международники овладевают знаниями, навыками и умениями в области анализа глобальных процессов и тенденций, постигают мировую политику через призму воздействия на нее различных стран и региональных факторов.

Исходная ступень образования студентов факультета – базовый, систематизированный курс о политике, знакомящий с центральными категориями, концепциями и теориями науки.

Следующая ступень – обучение профессиональное. Оно предполагает усвоение специальных курсов: «История политических учений», «Современные политические теории», «Политическая социология», «Политическая философия», «Сравнительная политология», «Мировая политика», «Политическая система и политические процессы в России», «Политическая регионалистика», «Политическая эпистемология», «Политическая семиотика» и др.

На факультете преподается цикл курсов, углубляющих теоретико-прикладные знания, навыки и умения: «Современное государственное устройство», «Политические системы и политические культуры», «Группы интересов», «Партии и партийные системы», «Парламентаризм и президентство», «Международная безопасность», «Национализм и этнополология», «Россия в мировой политике», «Ведение переговоров».

Учебные планы факультета включают также цикл политико-управленческих дисциплин: «Политическая информатика», «Социальная и политическая статистика», «Методы и методики политических исследований», «Прикладной политический анализ», «Основы государственно-публичной политики», «Политический менеджмент», «Политическая коммуникация», «Политические кампании», «Политический лоббизм», «Кризисное регулирование», «Политические документы», «Технологии аппаратной работы», «Имиджмейкинг».

Факультет обеспечивает многопрофильную гуманитарную и многоцелевую политологическую подготовку. Международные связи МГИМО (У) МИД России, научный авторитет преподавателей факультета политологии способствуют качественному обучению студентов. Лучшие среди них проходят краткосрочные стажировки в ведущих зарубежных университетах [294, с. 798, 799].

Эффективные институциональные структуры, готовящие политологов, целенаправленно формировались в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. В 1990-е гг. учрежден факультет мировой политики. Специализированная подготовка кадров осуществлялась на *отделении политологии* философского факультета (ежегодно обуча-

лось около 300 студентов, 100 аспирантов и соискателей из России и зарубежных стран). В 2008 г. образован факультет политологии [499; 504; 548; 549].

Факультет издает журнал «Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки». Его кафедры сотрудничают с ведущими университетами мира и аналитическими центрами России. Они реализуют теоретические и прикладные проекты, руководят учебно-методическим объединением (УМО) по классическому университетскому образованию.

Факультеты и отделения политологии функционируют в региональных вузах России. Их выпускники трудоустраиваются в частных учреждениях, на кафедрах политологии вузов, в исследовательских институтах РАН, научных центрах и фондах. Они способны решать фундаментальные и прикладные задачи науки, концептуально-методического обеспечения политического образования.

В 1990-е гг. в России происходят качественные изменения в национальной системе подготовки и государственной аттестации политологов высшей квалификации.

Первая Номенклатура специальностей по политическим наукам была введена в действие 4 ноября 1988 г. [372, с. 13].

По мере апробации нормативного документа государства в него вносились изменения и дополнения – в 1995, 1999, 2001 гг.

Первые защиты докторских диссертаций состоялись в 1990 г., а кандидатских – в 1991 г.

Об эволюции кадрового потенциала свидетельствуют данные о защищенных в стране диссертациях по политологии [372, с. 45] (таблица).

**Динамика эволюционных изменений
в кадровом потенциале политологии России
(1990–2007 гг.)**

Защищено диссертаций	Годы		
	1990–1999	2000–2007	1990–2007
Докторских	175	497	672
Кандидатских	603	2901	3504
Общее количество	778	2620	4176

Если количественные данные о защищенных докторских диссертациях характеризуются устойчивой тенденцией «статичности», то число кандидатов наук росло высокими темпами.

По сведениям доктора исторических наук, профессора *Я. А. Пляйса*, 80 % кандидатских диссертаций защищались в Москве. На втором месте – Санкт-Петербург, на третьем – Поволжье. В этом регионе в 1991–1998 гг. выделялся диссертационный совет в Саратовском государственном университете. На последующих местах расположились Урал, Воронеж и Дальний Восток.

Расширялась сеть диссертационных советов. В 1999 г. В России функционировало 26 докторских советов и 27 кандидатских, 38 из них – в Москве [375, с. 176, 177]. Лидировала в подготовке политологов высшей квалификации Российская академия государственной службы при Президенте РФ. В 1992–1998 гг. здесь подготовлено 29 докторов и 25 кандидатов наук [375, с.177]. Устойчивые лидерские позиции занимали также МГУ имени М.В. Ломоносова, Дипломатическая академия МИД РФ.

Едва ли не половина этих структур не проявляла должной активности, что свидетельствовало о слабой организации исследовательского процесса, аспирантуры и докторантуры в ряде вузов и академических институтов. Недостаточное использование возможностей для подготовки докторов и кандидатов наук было характерно для региональных вузов, а также и некоторых научных центров в системе РАН: Института социально-политических исследований, Института Европы, Института сравнительной политологии, Института Дальнего Востока.

К концу 1990-х гг. обозначилась тенденция в подготовке кадров, символизирующая динамичные изменения в тематике и содержании диссертационных исследований. Если на исходном этапе деятельности советов всего 15,5 % докторских диссертаций было посвящено отечественным проблемам, то уже в 1998 г. – 54,5 %. Фактически во всех диссертациях, наряду с теоретическими выводами, обосновывались рекомендации-предложения, приемлемые для практики социальной трансформации. Увеличился массив диссертаций по партийному строительству [372, с. 408–439].

В 2007 г. проведена реорганизация сети диссертационных советов в соответствии с решением Министерства образования и науки РФ. В результате реформирования из 67 советов, действовавших в конце 2005 г. в России и двух странах СНГ (Киргизии и Таджикистане), в начале 2009 г. продолжало функционировать 58 советов [374, с.156].

25 февраля 2009 г. утверждена новая, существенно измененная Номенклатура специальностей научных работников [372, с.159].

Сегодня соискатели ученых степеней могут защищать диссертации по следующим специальностям [374, с. 159]:

23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки»;

23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;

23.00.03 «Политическая культура и идеология»;

23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»;

23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика».

Соискателям-политологам предоставляется возможность, как и раньше, защищать диссертации по журналистике (10.01.10), политической психологии (19.00.02), политической социологии (22.00.05).

Формирование и укрепление кадрового потенциала национальной политологии в определяющей степени было обусловлено профессиональной коммуникацией исследователей и преподавателей в рамках легитимных политологических институтов, о чем речь шла в предыдущей главе.

Значительное влияние на становление российского и белорусского научного сообщества, создание предпосылок для его интеграции в мировую ассоциацию политологов оказывали международные обмены, владение иностранными языками.

Повышению теоретического уровня отечественных исследователей и преподавателей способствовали научные труды представителей европейской, американской, немецкой, французской, английской, итальянской политологических школ. С начала 1990-х гг. налажено их планомерное издание массовыми тиражами и публикация в российских журналах.

Освоение достижений европейской политологической корпорации в области теории и методологии было насущной проблемой на начальной стадии становления политологии

в постсоветском социуме. Господство коммунистической идеологии сформировало превратные представления о политологии как научной дисциплине.

Постижение опыта западных коллег для постсоветских обществоведов было жизненно необходимым. Благодаря его осмыслению определялись направления и методологические подходы к познанию транзитных процессов, содержанию тем и разделов базового курса политологии, преподаваемого в вузах. Популярны концепции, теории, методы и идеи являлись предметом профессионального дискурса, методологической рефлексии, усвоения стандартов и ценностных ориентиров политологической квалификации, исследовательских приоритетов и содержания учебной литературы.

Для углубленного освоения политологами достижений мировой и отечественной науки, творческого осмысления национальных политических традиций, концепций и теорий общественного устройства полезна изданная в России «Антология мировой политической мысли» [11]. Она стала настольной книгой политических деятелей и обществоведов; ее приобрели 1400 библиотек стран СНГ.

Ценным источником повышения квалификации специалистов, познания эволюции политической мысли постсоветских обществ является издание «Российская политическая наука» (в 5 т.) под редакцией профессора *А.И. Соловьева* [432].

Участвуя в одной из представительных дискуссий в 1997 г., директор Центра политических и международных исследований, профессор МГИМО (У) МИД России *А. И. Никитин* огласил обоснованный вывод. Суть его в том, что консолидированного сообщества политологов в России пока нет, потому что «настоящая научная корпорация требует высокой степени системных связей между своими членами, отличается рядом системных качеств, которые, к сожалению, пока в российских условиях лишь начинают формироваться» [476, с. 132].

Разъясняя свой концептуальный вывод, ученый сформулировал *индикаторы зрелого научного сообщества*: экспертный авторитет в обществе; качественное выполнение специализированных функций рефлексии; способность к углубленному анализу и оценке политических решений, результатов правительственной политики. Такая корпорация профессионалов, которая бы постоянно и качественно осуществляла эксперт-

но-аналитическое обеспечение государственной политики, институтов власти и гражданского общества, – перспектива обозримого будущего. Что же касается настоящего момента, то в роли аналитиков, технологов, консультантов и советников нередко выступают люди, весьма далекие от профессиональных занятий политической наукой. Нелепо упрекать политиков-практиков в том, что они опираются на неадекватную интеллектуально-экспертную базу. Проблема заключается в *неразвитости рынка предложений* прикладных и теоретических разработок. Политический анализ транзитных процессов пока фрагментарен. Прикладные исследования менее распространены, чем поиски в области политической теории. Навыки и привычка политологов писать «об общем» восходят еще к советской эпохе исторического материализма [476, с. 133].

Прошедшие годы внесли существенные коррективы в эту негативную ситуацию. Исследование совокупности эмпирических данных позволяет утверждать, что за два десятилетия в России и Беларуси сформирован солидный кадровый потенциал политологии. Сегодня национальные научные ассоциации способны решать задачи концептуализации демократического транзита переходных обществ, обстоятельно исследовать политические явления и процессы, разрабатывать современные технологии поведения и отношений институтов власти.

Вместе с тем существуют несоответствия во взаимодействии ученых-политологов с политической властью в России и Беларуси. Суть их отражена в статье доцента кафедры политологии Нижегородского государственного университета *А. С. Макарычева* [272]. Он обнаружил противоречия, волнующие политологическую корпорацию: навязывание политикам-управленцам псевдонаучных идей; невосприимчивость и недоверие политической элиты к экспертно-аналитическим продуктам творчества политологов; стремление бюрократии к своекорыстному, конъюнктурному использованию авторитета носителей современных знаний в политических играх, обращение с наукой как со «служанкой» власти.

Эти противоречия – субъективные препятствия на пути реформ и укрепления государственности, рационализации принимаемых политических решений, повышения адаптивности науки к запросам внутренней и международной среды.

Политическая сфера и мир политической науки органично взаимосвязаны, но живут по специфическим законам. Это должны осознавать профессиональные политики и политологи. Скепсис политиков по отношению к возможностям политической науки, как и претензии политологов на абсолютную истину, оборачиваются негативными последствиями. Производство востребованных практикой политических знаний и технологий, поддержка властными институтами полезных инициатив и исследовательских проектов ученых – основополагающие условия динамичного развития политологии, реализации национально-государственных интересов в модернизируемом обществе.

Таким образом, основу сложившейся системы подготовки профессиональных политологов составляют факультеты и отделения вузов, магистратура, аспирантура и докторантура, государственная аттестация соискателей ученых степеней и званий.

Учебно-воспитательный процесс на факультетах и отделениях вузов организуется в соответствии с государственными стандартами, учебными планами и программами. Цели нормативного регулирования – обеспечение соответствующего запросам времени и реформируемых обществ теоретического и методического уровня образования, формирование у студентов устойчивых профессиональных и гражданских качеств, отвечающих национальным интересам и ценностям. Эти цели достигаются посредством повышения качества обучения.

Алгоритм подготовки специалистов подчинен воспитанию личной ответственности за результаты профессиональной деятельности. Образовательный процесс направлен на критически-творческое овладение студентами фундаментальными достижениями мировой политической науки и национальными историко-культурными традициями. Учебно-воспитательный процесс фокусируется на формировании осознанного отношения будущих политологов к политике модернизации, овладении методами и навыками практического решения социально-творческих задач в транзитном социуме.

Оправдывает себя подготовка высококвалифицированных специалистов через аспирантуру и докторантуру. Функцио-

нирует сеть диссертационных советов. Количественные и качественные показатели защищенных в России и Беларуси кандидатских и докторских диссертаций отражают позитивные тенденции и перспективы.

В процессе исследования выявлены и негативные явления в подготовке, обеспечении качественной учебной литературой, распределении и использовании специалистов-политологов.

Учебные программы отделений и факультетов политологии целесообразно дополнить темами, формирующими систематизированные знания о демократическом транзите. Этим регламентирующим документам недостает «междисциплинарной» цельности в структуре и содержании преподаваемых политологических курсов и специальных дисциплин, адаптивных к запросам постсоветских обществ.

Постижение органически взаимосвязанных курсов, отражающих изменения на пространстве СНГ, укрепит сравнительно-исследовательский потенциал усвоенных сущностных свойств политической теории и прикладной политологии.

Выявлены несоответствия в проблематике и качестве диссертационных исследований демократического транзита. Они являются следствием несовершенной координации политологических изысканий и недостаточного внимания специализированных советов по защите диссертаций.

Установлены факты нерационального использования дипломированных политологов. Многие из них не востребованы. Между тем на кафедрах гуманитарных наук государственных и частных вузов, в институтах власти, научно-исследовательских структурах ощущается дефицит специалистов с базовым политологическим образованием.

В системе государственной службы России и Беларуси трудятся кандидаты и доктора политических наук, что является, бесспорно, позитивным явлением. Это укрепляет аналитико-экспертный, теоретико-методологический и технологический потенциал политических решений и прогнозов социального развития, социально-политических преобразований и технологий государственного управления.

Эффективная практическая политика невозможна без участия в ее обосновании, технологическом обеспечении и экспертизе результатов ученых-обществоведов. Она несовместима с дилетантским экспериментированием, произвольными комбинациями и иллюзорными проектами.

Интеллектуальный, инновационный потенциал кадров политической науки помогает своевременно выявлять негативные тенденции и прогнозировать социальные процессы, оперативно принимать обоснованные решения и своевременно устранять недостатки в управленческой деятельности. Недооценка или игнорирование производителей научных знаний и технологий негативно отражаются на культуре государственного управления, неизбежно оборачиваются просчетами, импровизациями и ошибками, подрывающими авторитет политики. Если субъекты транзитных обществ действуют по своему усмотрению, импульсивно и интуитивно, пребывают во власти мифических идей, иллюзорных приоритетов и проектов, победных реляций и фальсифицированной информации «о бесспорных достижениях», они неизбежно терпят банкротство.

Профессиональные политологи и обществоведы, ориентированные на запросы практики демократического транзита, способны предупреждать волюнтаристские решения и действия, аргументированные «политической целесообразностью», противоречащие внутренним и внешним условиям постсоветских обществ. Они непременно должны стать объектом кадровой политики государства.

Раздел III

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Глава 5

Методы анализа переходных процессов

Своеобразие преобразований в России и Беларуси, не вписывающееся в стандарты либеральной демократии и традиционные теоретические конструкции, актуализировало потребность в инновационном методологическом инструментарии.

Посткоммунистическая трансформация, несмотря на некоторое сходство с западным, африканским, азиатским и латиноамериканским опытом реконструкции общественной и государственной жизни, не имеет исторических аналогов. По этой причине малопродуктивен ее анализ на гносеологическом базисе «транзитологической» парадигмы.

Ученые выявили пробелы и проблемы в эпистемологии науки, осознали необходимость новых подходов к изучению характера режимных изменений, условий, специфики, тенденций и закономерностей эволюции переходных обществ [81; 87; 159; 193; 285; 331; 335; 457; 508; 518; 520].

В «дискуссионном ключе», противоречиво формируются концепты, методы, гипотезы и прогнозы, отличающиеся от устоявшихся представлений. Разногласия пока не преодолены – методология познания неизведанного пространства, изменившего облик Восточно-Центральной Европы, Евразии и мира, представляет собой совокупность плюралистических идей и подходов [148; 192; 196; 402; 506; 538; 541].

В фонде науки нет обобщающей (интегративной) теории, удовлетворительно объясняющей разнонаправленные траектории политических изменений «третьей волны» [294, с. 237]. Претензии западных аналитиков на истину не могут быть признаны обоснованными, так как «заданы углом зрения»

парадигмы, постулаты и догмы которой выявили политическую иррелевантность [193, с. 7,18].

Каковы предпосылки, эффективные механизмы и последовательность этапов демократического транзита? Почему неприемлема западная модель политического развития для мусульманского мира и постсоветских государств? Какие условия гарантируют стабильность социально-политических преобразований и консолидацию демократии в России и Беларуси? Способны ли национальные государства следовать глобальным ценностным императивам, не теряя своей независимости и не представляя опасности для мирового сообщества? Каковы шансы, критерии успешности и перспективы коренного переустройства бытия на постсоветском пространстве? Эти актуальные вопросы «транзитологи» виртуозно «обходят» – мы не находим в их трактатах убедительных, верифицированных практикой ответов.

Не восполняют пробелы в эпистемологии науки и «современенные» концептуальные «версии» транзитологии – «волн демократизации», «догоняющего развития», «конца истории» и др. Они преимущественно с позиций западных ценностей отражают реалии и прогнозируют перспективы демократического транзита, не поддаются измерению опытом социально-политической трансформации незападных стран и регионов мира [45; 65; 76; 194; 278; 381; 488; 515; 516].

Внимание обществоведов России и Беларуси сосредоточивается на разработке методологического инструментария, позволяющего *системно познавать и концептуально объяснять*, опираясь на достоверные эмпирические данные, *специфику и закономерности* демократического транзита в национальном и глобальном контексте. В творческих поисках они исходят из того, что постсоветская модернизация учитывает опыт других стран, но не может быть «догоняющей», копирующей известные модели социальной реконструкции [506; 507].

Исследование демократического транзита существенно затрудняет неоднозначное понимание и толкование учеными категории «*политический анализ*». Одни считают анализ имманентным свойством теоретических и прикладных исследований. Он рассматривается как универсальный гносеологический инструмент (включающий совокупность средств, методов, приемов и процедур) изучения политической сферы,

производства новых идей, оценочных суждений, гипотез, концепций, технологий. Другие – «политическим анализом» называют фундаментальные исследования. Третьи ратуют за придание «политическому анализу» статуса автономной отрасли прикладной политологии, некой *особой* «политико-управленческой науки» или учебной дисциплины [7; 120; 124; 392].

Доцент *А. А. Дегтярев* акцентирует интерес на прикладном политическом анализе (ППА) как «отрасли политической науки», предполагающей интегрированное использование системы знаний. Предназначение «отрасли», по его мнению, – реализация практически-технологических задач: информационно-аналитическое и экспертное обеспечение внутренней и внешней политики государства; разработка общих принципов и специальных методов политического моделирования, диагностики, стратегического планирования, программирования, прогнозирования проблемно-политической ситуации; консультирование политических институтов; формулирование рекомендаций по подготовке, принятию и реализации политико-управленческих решений [121; 392, с. 182, 183].

В публикациях *А.А. Дегтярева* отражены концептуальные идеи и положения, стимулирующие разработку методологии и методики прикладного анализа политики в реформируемом социуме: обоснование необходимости ускоренного развития ППА; значение конструктивной коммуникации аналитиков с властью и обществом; перспективность объединения интеллектуальных ресурсов ученых-теоретиков и «прикладников».

Позиция автора обстоятельно аргументирована. Однако невольно возникают вопросы: Каково соотношение между ППА как «отраслью» и прикладной политологией? Логично ли универсальный инструмент познания демократического транзита, коим является политический анализ (эмпирический и нормативный), классифицировать как «отрасль науки» под предлогом ее «низкой дифференциации» и преодоления «дисциплинарного синкретизма»? Каковы взаимосвязи политического анализа транзитного общества с эпистемологией политологии – теориями, концепциями, подходами, моделями, парадигмами, гипотезами, прогнозами?

Недооценка или абсолютизация роли в реформируемой политической системе исследований практически-прикладного

характера означали бы умаление возможностей теоретического объяснения логики, тенденций и закономерностей демократизации транзитных обществ.

Сегодня прикладные разработки не превалируют в массиве политологических изысканий в России и Беларуси, хотя их проблематика, бесспорно, заслуживает приоритетного внимания. От степени заинтересованности социальных институтов как заказчиков аналитико-технологических проектов, их компетентности в реализации рекомендаций ученых зависит успех демократических преобразований в обществе и государстве. Не ощущая должного интереса политиков, ученые проявляют озабоченность перспективами, гносеологическим потенциалом теоретических и прикладных исследований. Они стремятся устранить пробелы в методологии познания политической практики, апробируют инновационные идеи, версии и гипотезы [65; 87; 173; 174; 188; 293; 296; 297; 349; 363; 400; 402; 450; 476; 489].

Мы рассматриваем *политический анализ* как универсальный аналитический инструмент обобщения опыта практической политики, проверки и творческого развития политической теории, решения конкретных фундаментально-прикладных задач в транзитных обществах. Этот метод исследования органически соединяет теоретико-методологические, эмпирические и нормативно-регулятивные свойства. Эмпирия необходима для теоретического объяснения и описания общественных явлений, концептуализации языкового и мыслительного аппарата исследования, разработки технологий политической деятельности, измерения достоверности результатов познания реальности. В свою очередь, осмысление, классификация, интерпретация, измерение репрезентативности эмпирических данных предполагает соблюдение теоретико-концептуальных норм и стандартов, признанных научным сообществом.

Профессор *М. В. Ильин*, безусловно, прав, утверждая, что «теория существует на всех уровнях и во всех измерениях, равно как эмпирика также на всех уровнях и во всех масштабах». Суть теоретического анализа не в абстрагировании от реальности, отвлечении от частных фактов, а в учете всего диапазона явлений и процессов в их временном, пространственном и структурном измерении. Только так возможно вы-

работать теории среднего уровня, значение которых ошибочно недооценивать [172, с. 139, 140].

По-мнению *М.В. Ильина*, политический анализ постсоветской действительности не означает теоретико-методологического конструирования «особой» науки, ограниченной «национальными рамками», или изобретение «универсальной матрицы» сравнения и интерпретации эмпирического материала – мирового, регионального и локального. «Если мы хотим изучить локальные процессы детально и подробно, придется отказаться от универсальной матрицы и универсальных терминов, найти другие исследовательские инструменты (не науку!), ориентированные на эти задачи. И совершенно нормально, что инструменты, разработанные для анализа демократического транзита, скажем, в Бразилии и Чили, будут неэффективными при исследовании трансформаций в Закавказье. Не требуем же мы создания новой химии, раз привычные методы анализа не годятся для определения состава атмосферы Марса, где нужны другие инструменты – например, спектрограф», – отмечает ученый [317, с. 176].

Поскольку методология политического анализа интерпретируется в дискуссионном ключе, изложим свое понимание ее структуры.

По-нашему мнению, структура политического анализа преобразований в Беларуси и России должна включать взаимозависимые компоненты:

- комплексное исследование (диагностику, описание, объяснение, прогнозирование) демократического транзита;
- теоретическое обобщение опыта социальной практики, активную методологическую рефлекссию по отношению к политологическим идеям, концепциям, моделям, парадигмам и методам познания действительности;
- концептуализацию политики, наблюдаемых явлений и процессов;
- обоснование критериев и переменных эмпирического и нормативного анализа социально-политических изменений;
- выявление тенденций, закономерностей и национальных особенностей динамики политической сферы и политологии;
- ревизию, обновление и обоснование инновационных концепций, парадигм, понятий, отражающих сущностные свойства реформируемой политической сферы и эволюции политической науки;

– постановку актуальных для транзитных обществ научных проблем и предложение инновационных технологий их решения.

В политическом анализе принципиальное значение имеет определение функций, стандартов, параметров, критериев достоверности фундаментального (теоретического, методологического), эмпирического и практически-прикладного исследования. Нам представляется удачным, хотя и неполным, разграничение, предложенное *А. А. Дегтяревым* [121, с. 155–158].

Жизнь, практика побуждают ученых России и Беларуси к корректировке и творческому развитию методологии анализа политических изменений с учетом национальной специфики транзитных процессов. Познавательные-технологические аспекты и возможности иницируемых идей и подходов находятся в центре дискуссий, составляют предмет нормативно-ценностных интерпретаций в публикациях и диссертациях. В зеркале плюрализма мнений отражается общее и особенное в понимании действительности, аналитических подходов к ее познанию [7; 22; 46–50; 119; 218; 382; 392; 419; 455; 492].

Методологию исследования постсоветской трансформации целенаправленно разрабатывают ученые Беларуси и России: *Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, М. В. Ильин, Т. И. Заславская, В. В. Буцик, В. Г. Федотова, И. А. Антанович, С. В. Решетников, В. Н. Ватиль, В. И. Пантин, В. Я. Гельман, В. А. Мельник, П. И. Бондарь, Д. Г. Ротман, Л. Е. Земляков, Б. Г. Капустин, А. Ю. Мельвиль, Б. И. Макаренко, С. П. Перегудов, Я. А. Пляйс, Е. Б. Шестопал, К. Е. Коктыш.*

Промежуточные результаты в разработке методов познания постсоветской модернизации отражены в диссертациях, монографиях, статьях, материалах дискуссий, докладах. Научные труды – свидетельство неразрывной взаимосвязи теоретического и эмпирического анализа преобразований в России и Беларуси. Творческое развитие и проверка концептуальных версий и предположений, как правило, базируются на обобщении опыта практической политики.

Исходным пунктом изучения проблем демократического транзита является осмысление меры применимости западных моделей, концептов и категорий. Доминирует тезис, что в повестке дня науки – разработка *инновационного инструмен-*

тария во избежание схоластического теоретизирования, концептуальной неопределенности и отвлеченности аргументов от действительности, производства не проверяемых опытом методологических конструкций [88; 148; 193; 286; 343].

Акцентируется внимание на различиях политического анализа транзитных процессов в западной и отечественной традиции [76; 81; 476; 519; 529; 532; 547].

Профессор *Е.Б. Шестопал* констатировала в 1997 г. методологические несоответствия в отечественной политологии: традиционную неразвитость; не адаптивность европейских и американских концептов к познанию трансформационных процессов в постсоветском социуме. По ее мнению, российские ученые не преодолели «комплекс провинциализма» – не творчески заимствуют западные модели, идеи и постулаты, «несамостоятельны» в объяснении транзитных процессов. К тому же многие исследователи пренебрегают мировым опытом познания практической политики, уповая на неповторимость постсоветской действительности, подменяя эмпирический анализ философско-историческими схемами и абстрактными рассуждениями [476, с. 130–132].

Профессор огласила *принципиально значимый* вывод: методологии, понимаемой как общая теория познания, нет ни на Западе, ни в России. «Но если западные исследователи, особенно позитивистски ориентированные, осознанно используют эклектические идеи, то эклектику отечественной методологической базы можно назвать скорее бессознательной, – констатирует *Е. Б. Шестопал*. – После того, как марксизм перестал быть доминирующей теорией, определить реальные методологические основания того или иного исследования бывает чрезвычайно непросто: рефлексия в отношении методологии встречается редко» [476, с. 131].

В политическом анализе транзитных процессов важны *критерии* сравнения, измерения универсальности и самобытности политологического знания, концептуальных идей и подходов. Мерой могут служить актуальность проблематики и теоретико-прикладные возможности исследований. Понимание учеными научных приоритетов, соблюдение аналитических правил и процедур, качество применяемого индивидуального методологического инструментария – основополагающие условия достоверности и теоретико-прикладной зна-

чимости познания объективной действительности, тенденций и особенностей постсоветского транзита.

Трактовки российскими и белорусскими учеными гносеологических проблем познания политических изменений в переходных обществах и в политологии отличаются. Но лейтмотив их рассуждений совпадает и созвучен запросам времени и реформируемого социума: необходим специфичный инструментальный политологический анализ; его конструирование – задача неотложная и приоритетная.

Этот вывод имеет для политологии России и Беларуси стратегическое значение. Методология познания политики в постсоветских обществах находится в *начальной стадии* формирования. Противоречиво преодолевается дефицит эксплицитных идей, концептуальных версий, предположений и подходов. Нет должной определенности в трактовках, аргументации и описании гносеологических правил, методов и процедур познания механизмов и особенностей переходных процессов. Есть общее понимание необходимости качественного инструментария, но результаты в его разработке скромны, еще не адекватны потребностям науки и практики.

Концептуальные аспекты постсоветской модернизации отражены в массиве диссертаций, монографий, статей, материалов дискуссий, докладов ученых на конференциях, конгрессах. Их проблематика многогранна:

– критический анализ «транзитологии», формирование и творческое развитие парадигмы демократического транзита [39; 76; 81; 88; 192; 193; 399; 519];

– методы, приемы и процедуры исследования политических институтов и процессов [71; 144; 148; 154; 180; 213; 217; 218; 239; 296; 297; 330; 356; 390; 391; 401; 410; 434; 453; 455; 496; 502; 533; 538; 573];

– опыт методологической рефлексии национальной политической науки по отношению к «своей» эпистемологии [59; 95; 135; 172; 174; 186; 307; 314; 325; 335; 361; 368; 384–390; 405; 418; 419; 423; 470; 475; 476; 480; 495; 518; 549];

– теоретическое осмысление динамики государственности на постсоветском пространстве и в мире [15; 44; 46; 62; 68; 109; 110; 125; 143–145; 162; 168; 176; 200; 208; 258; 292; 303; 366; 438; 490; 509; 522; 533; 535];

– концептуальные подходы к осмыслению международного контекста демократического транзита [53; 60; 64; 73; 93; 108; 126; 222; 229; 243; 246; 247; 260; 304; 456; 550; 553; 557];

– тенденции и закономерности изменений в политических системах России и Беларуси [47; 49–51; 75; 82; 92; 97; 99; 189; 198; 205; 209–211; 219; 223; 255; 259; 265; 270; 307; 323; 331; 336; 351–353; 377; 408; 457; 492; 572].

По проблемам демократического транзита в России и Беларуси защитили докторские диссертации более 50 соискателей. Они формируют обобщенное представление о реальном состоянии и содержании методологии анализа постсоветской трансформации, эволюции социально-политической сферы и политологии. Ученые интенсифицируют поиск новых, применимых к национальным условиям концептов. Предлагаются альтернативные методы объяснения и описания действительности.

Предметное поле теоретико-прикладного анализа свидетельствует о методологических приоритетах политологической корпорации, ее ответах на запросы демократического транзита. Творческий интерес фокусируется на концептуальной интерпретации специфики трансформации постсоветского социума: реалистичности выбора моделей развития; итогах, тенденциях и закономерностях преобразований; перспективах консолидации демократии; характере политических институтов и режимов; стабильности и эффективности государственности; предпосылках и противоречиях демократизации.

Активный поиск эффективных инструментов анализа политики (институтов, факторов, условий, стадий, критериев преобразований, стратегии и тактики власти, качества реформ) символизирует доминирующую тенденцию в развитии национальной политической науки. Суть ее – в *усилении методологической рефлексии* исследователей.

Вектор рефлексии устойчиво смещается на сегмент производства *инновационных знаний* – преодоление пробелов в политической теории и прикладной политологии, генерирование методологических подходов, соответствующих вызовам времени и практики. Ученые озабочены концептуализацией реформаторской политики, разрешением «ахиллесовых» проблем исследования демократического транзита.

Характерная особенность научной рефлексии – использование аналитиками эмпирических данных и выводов междисциплинарных исследований. Это расширяет «диапазон» аргументации в объяснении причинно-следственных и функциональных связей политики с экономикой, наукой, образованием, культурой, насущными социальными проблемами. Усиливается эмпирическая доказательность результативности реформ, качественных изменений в политическом устройстве и правовом базисе государственности. Открываются благодатные перспективы скоординированных познавательных действий политологов, социологов, экономистов, философов, историков, культурологов.

Следствием взаимодействия обществоведов могут стать согласованные и выверенные практикой гносеологические условия, критерии, стандарты, параметры и показатели, обеспечивающие комплексное обоснование закономерностей и национальной специфики транзитных процессов, внутренних и внешних факторов успешной модернизации переходных обществ.

Опыт изучения учеными России и Беларуси постсоветской трансформации опровергает постулат «транзитологии» о последовательности динамических стадий: эрозии и распада авторитаризма – либерализации политических режимов – институциональной демократизации – неконсолидированной демократии – демократической консолидации [285; 288].

Социологические замеры общественного сознания не подтверждают также идею об «универсальности» западного образа жизни. В Беларуси и России признаны, закреплены в законах и *постепенно* реализуются такие общечеловеческие идеалы, как права человека, свобода СМИ, правовое государство, гражданское общество, разделение властей, политический плюрализм, консенсус, компромисс. Вместе с тем нединамичность и нестабильность постсоветских преобразований, мировой кризис породили сомнения граждан в либерализме как эталоне для подражания, символе благополучия и прогресса [6; 118; 130; 156; 195; 240; 251; 317; 352].

В научном сообществе заинтересованно обсуждаются концептуальные вопросы, проблематичные для изучения и не имеющие однозначных ответов. Насколько обоснован и реалистичен политический выбор постсоветских государств?

Каковы итоги, тенденции и перспективы преобразований? Завершится ли политическая модернизация консолидацией (необратимостью) демократии? Насколько реален откат демократии? Какие типы политических институтов и режимов сложились на постсоветском пространстве и как они влияют на качество и динамику реформ? Есть ли причинно-следственные зависимости между авторитаризмом, стабильностью и эффективностью государственности? Возможно ли образование гибридных режимов на основе демократии и автократии? Создают ли преобразования в постсоветском социуме условия для утверждения демократических ценностей, апробированных человечеством? Каковы оптимальные модели общественного устройства, отвечающие национальным интересам и критериям благополучия личности?

Западные концепты модернизации (вестернизации, «волн демократизации», «догоняющего развития», «электорализма», «конца истории» и другие) не позволяют ответить на эти злободневные вопросы динамичной политической жизни.

Методы познания постсоветской модернизации обсуждаются и анализируются отечественными политологами на основе достоверного эмпирического материала. В центре изысканий и дискуссий – выявление и концептуализация национальных условий и особенностей перехода к демократическим формам правления. Корректируются аналитические подходы. Институтам власти предлагаются демократические технологии преобразований, преодоления негативных процессов переходного периода в экономике, государственном управлении, социально-политической и духовной сферах.

В России контрастно обозначилось перспективное исследовательское направление – разработка методологии сравнительной политологии. Как верно заметил исследователь *Р. Ф. Матвеев*, политология в каждой конкретной стране «немыслима без многоуровневого сравнительного анализа. Именно он может дать более или менее достоверный ответ на вопрос о принципиальной возможности и о пределах применения того или иного зарубежного опыта» [281, с. 11].

Ученые выявили причины кризисных тенденций в мировой компаративистике [96; 174; 287; 297; 402; 452]. Истоки кризиса – в недостаточной адаптивности к социально-политическим переменам, односторонне-ограниченном при-

менении количественных методов анализа, попытках создать на основе бихевиоризма и структурного функционализма научную дисциплину, лишенную ценностной нагрузки.

В институтах российской сравнительной политологии наблюдается обновленческая тенденция. Формируется кадровый корпус специалистов, способных реализовать крупные и актуальные исследовательские программы.

Инновационными подходами характеризуется деятельность Института сравнительной политологии РАН, кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, исследовательского комитета по сравнительной политологии Российской ассоциации политической науки (ИК СП-РАПН).

В стране с устойчивой периодичностью организуются конференции, дискуссии, семинары ученых-компаративистов. Национальные политологические журналы регулярно публикуют статьи, отражающие научные результаты.

Вышли в свет монографии *А.Ю. Мельвиля*, *Л.В. Сморгунова*, *Г. В. Голосова*. Итоги творческого поиска нашли отражение в публикациях *М. В. Ильина*, *М. Г. Миронюк*, *М. М. Лебедевой*, *М. А. Петрова*, *О. В. Поповой*, *И. А. Василенко*, в сборнике «Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран». *Т. Н. Митрохина* защитила докторскую диссертацию по этой проблеме [297].

Очевидна позитивная динамика: ученые «вышли за границы» осмысления и комментирования известных концептов сравнительного анализа как инструмента изучения политики. Предпринимаются удачные попытки разработки новых переменных и критериев познания, применения нетрадиционных количественных и качественных характеристик политических явлений и процессов в России и других транзитных странах. За двадцатилетие заметно пополнился когнитивный банк знаний отрасли, полученных на основе эмпирического анализа постсоветской трансформации, изменений в переходных государствах, интересах, поведении и отношениях субъектов политики.

Содержание публикаций свидетельствует, что компаративисты накопили определенный методологический опыт концептуализации сравнительного анализа политики. Их непрерывно обогащаемый банк идей умножает возможности успешного поиска и творческого развития гносеологического ин-

струментария, осуществления масштабных программ и проектов, адаптивных к запросам демократического транзита.

Наш вывод подтверждает, в частности, проект «Политический атлас современности». О его целях и промежуточных результатах речь пойдет в седьмой главе раздела. Здесь же подчеркнем, что проект реализуют более 40 аналитиков кафедры сравнительной политологии и других структур МГИМО (У) МИД России, Института общественного проектирования, при поддержке РАН и журнала «Эксперт». Руководитель проекта – доктор философских наук, профессор *А. Ю. Мельвиль* [287; 288; 296; 392–394].

Методы познания демократического транзита целенаправленно разрабатывают политические социологи Беларуси *Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, С. А. Шавель*.

Институт философии НАН Беларуси совместно с академическими институтами Казахстана и России (Сибирским отделением РАН) провел комплексное сравнительное исследование социальных последствий трансформационных процессов. Ученые выявили *типологически сходные черты* транзита трех стран: стратегическая ориентация на демократизацию общественной и государственной жизни; некритическое заимствование в 1990-е гг. западных образцов экономической и социальной политики; нестабильность социально-политических процессов; кризис ценностей и приоритетов; либерализация экономики и социально-политической сферы, противоречивое формирование рыночной инфраструктуры; социальная поляризация; патерналистские ожидания населения; склонность бюрократии к использованию традиционных методов управления и распределения; стремление национальных государств к интеграции под влиянием глобальных вызовов и угроз.

Как выяснили исследователи, постсоветский транзит имеет *национальные особенности*: «страновые» различия в стратегии и моделях развития, темпах и масштабах реформ; усиление государственного протекционизма; незавершенность институциональных преобразований, нелинейность и нединамичность политических изменений; отчужденность определенной части граждан от власти.

Установлены *определяющие факторы* успешной трансформации постсоветских обществ: последовательная демократизация политико-властных отношений; становление конкурен-

тоспособной и инновационной рыночной экономики; эффективные механизмы стимулирующей и стабилизирующей функций государственной политики; рациональный выбор приоритетных направлений реформ и способов их осуществления; неприемлемость «шоковой терапии» как средства управления; органичное сочетание реализуемого принципа социальной справедливости с ресурсами государства; благоприятный международный контекст модернизации [118].

Знаменательно появление диссертаций и публикаций, посвященных *концептуализации* политического пространства России, моделированию политической стабильности, методологии изучения институциональных механизмов национальной политической системы, процедурам разработки, принятия и реализации политико-управленческих решений.

Согласно мнению профессора *Ю.А. Красина* [317, с. 172], публичная политика в переходном обществе должна строиться на сочетании двух начал: либерального (принцип свободы личности) и социально-демократического (принцип равенства в социуме). Либеральный компонент противостоит тенденциям к иждивенчеству, патернализму, властному бюрократизму. Социально-демократическая составляющая выдвигает на передний план социальную справедливость, солидарность, равенство – принципы, которые декларировали и активно внедряли в общественное сознание коммунистические лидеры.

Профессор *Б. И. Макаренко* проанализировал «детские болезни» постсоветских республик и предложил заслуживающий внимания научной общественности их рейтинг по шкале «убывающей консолидации» демократии [268].

Некоторые ученые предлагают дополнить анализ политической системы парадигмой синергетики (самоорганизации). В системно-синергетической модели, как они считают, заключен потенциал трех взаимосвязанных задач, от решения которых зависит сохранение или банкротство политической системы: адаптационной, коммуникационной и процессуальной [386; 389; 450].

Предметом изучения стала «методология сетей» как инструмент исследования взаимозависимости субъектов в процессе принятия и реализации решений, информационного обмена, обсуждения и экспертизы социальных проблем, мо-

билизации и использования ресурсов, формирования коалиций и отношений сотрудничества, преодоления кризисных ситуаций [453].

Группа российских ученых инициировала новаторское использование модели «воронки причинности» в анализе факторов демократического транзита. Предлагается изменить аналитические процедуры познания реальности – постепенно продвигаться к цели исследования условий транзита от переменных макроуровня к переменным микроуровня [246; 285].

Методологическое и инструментально-прикладное значение для транзитных обществ имеют исследования теории и практики государственного управления. Углубленно разрабатывают эти вопросы российские и белорусские исследователи *А. А. Дегтярев* [120–124], *С. В. Решетников* [424], *В. В. Герменчук* [91], *С. Н. Князев* [203; 204], *Н. А. Антанович* [10].

Используя преимущества «фазоциклического» подхода западных исследователей, *А. А. Дегтярев* указывает на его достоинства:

- фокусировка внимания на поведении лиц, принимающих решения, факторах, влияющих на их выбор и ориентации;
- фиксация внутренних фаз процесса, охватывающих разные виды политической активности и взаимодействия субъектов;
- гибкость и открытость для совершенствования и уточнения проектов решений;
- акцентировка не только на структурных аспектах политико-управленческого процесса, но и его динамике;
- космополитичность и приемлемость для изучения системы принятия политических решений в любой стране мира (разумеется, с учетом национальных особенностей, специфики политической системы).

Исследователь выявил и существенный недостаток «фазоциклического» подхода: ограниченные аналитико-эвристические возможности, не позволяющие вскрывать внутренние связи, тенденции и зависимости, присущие процессу принятия государственных решений. Рассуждая о фазах и измерениях, логике функционирования и этапах анализа политико-управленческого процесса, он формулирует методологические вопросы и проблемы, требующие изучения [123; 124].

Оценив методологические подходы и концептуальные модели анализа политических решений, *А. А. Дегтярев* сделал

обоснованный вывод: за прошедшие полвека «не удалось создать теорию, способную комплексно отразить все основные аспекты системы принятия решений». Однако «начала вырисовываться перспектива интеграции концептов и идей из разных методологических источников, что со временем может привести к формированию обобщенной синтетической теории» [120, № 3, с. 163].

Методологическая рефлексия политологов обнаружила несовпадение подходов к описанию, объяснению и интерпретации политических явлений и процессов в переходных обществах. С учетом этого обстоятельства журнал «Полис» провел в октябре 2001 г. «круглый стол» под председательством доктора философских наук *А.С. Кузьмина*. Обсуждались дискуссионные, требующие корреляции вопросы: границы политического; функции политологического сообщества; применение единых научных стандартов; методы анализа наблюдаемых политических объектов; соотношение языков политики и политологии; структуры политической теории и моделей политической реальности [186].

На первоочередных проблемах методологического обеспечения исследований акцентирует внимание профессор *А. И. Соловьев*. По его мнению, мозаичность парадигм порождает противоречия в объяснении практической политики: незавершенность интерпретаций специфики политических феноменов в транзитном социуме; отсутствие общепризнанной постановки и решения исследовательских задач; размытость теоретических демаркаций политологии с другими общественными дисциплинами; дефицит теорий среднего уровня.

Определившиеся концептуальные подходы, справедливо замечает ученый, соседствуют в исследованиях с многочисленными неустоявшимися методологическими конструктами: «Пока именно это создает неповторимый интеллектуальный образ российской политологии, тот идейный поток, где не тесно и нынешним – весьма разноликим – поколениям ученых, а главное оставлено место и для будущих теоретиков, которым наверняка удастся лучше разгадать загадки политического мира» [432, т.1, с. 13; 469, с. 19].

Однако бесспорен факт, что темы и сюжеты методологического направления в предметном поле национальной науки непрерывно обновляются и отличаются инновационным со-

держанием. Наглядное представление о состоянии методологии исследования транзитных процессов дают тематика диссертаций и монографий, материалы коллективных дискуссий, систематически организуемых редакциями обществоведческих журналов.

В этом смысле показателен действующий научный семинар «Фундаментальные проблемы политологии», организованный в 2009 г. редакцией «Полиса», МГИМО (У) МИД России, ИМЭМО РАН, ИС РАН.

Темы дискуссий отразили широкий спектр актуальных теоретико-методологических вопросов: источники, масштабы и последствия глобального кризиса; социально-политические технологии кризисного регулирования; проблемы моделирования политических систем и процессов; мировой кризис в зеркале политической психологии; политологические журналы в виртуальном пространстве; теория и политика инновационного развития.

Об адаптивности дискуссий к условиям демократического транзита свидетельствует тематика Конгресса российских политологов, состоявшегося в 2009 г., и обсуждение теоретических проблем политики инновационного развития в 2010 г.:

- социальные и политические предпосылки инновационного типа развития;
- модернизация и инновационный потенциал переходных обществ;
- тенденции демократизации национальных политических институтов и политических практик;
- мотивации и стимулы инновационных решений в реформируемом социуме;
- взаимосвязь и взаимодействие политической культуры и культуры инновационной;
- векторы и составляющие социальной политики инновационного развития;
- субъекты инноваций в политике, расслоение в выборе типа преобразований в России – инновационного, догоняющего, инерционного;
- взаимодействие государства и гражданского общества в инновационной политике [489].

Анализ совокупности эмпирических источников убеждает в том, что в разработке теоретико-методологических истру-

ментов анализа демократического транзита доминирует позитивная тенденция. Суть ее – в корректировке и целеустремленном обновлении гносеологического базиса политической науки. Усилиями научного сообщества Беларуси и России проверяется достоверность западных концептов и парадигм, генерируются инновационные идеи, подходы, гипотезы, обогащающие возможности комплексного исследования политических процессов переходного периода.

На основании обозначенных в главе книги проблем и результатов их решения, отметим, что профессиональный облик национальной политологии качественно преобразуется. Ее потенциал устойчиво обогащается новыми фундаментально-прикладными знаниями, концептуальными конструктами. Освоение учеными Беларуси и России эпистемологии мировой науки увенчалось их самоопределением в приоритетных задачах политического анализа и демаркацией предметного поля теоретического объяснения демократического транзита.

Обобщая научные результаты политологов, можно сделать вывод об успешности методологических поисков и результатов. Интенсивно и плодотворно осваиваются актуальные направления фундаментальных исследований, характеризуются разнообразием тематики, концептуальных инноваций. Обогащается спектр нетрадиционных подходов к познанию динамики и механизмов социально-политических изменений. Укрепляющийся гносеологический потенциал способствует повышению адаптивности национальной политологии к условиям и вызовам демократического транзита.

Трансформация суверенных государств на постсоветском пространстве обостряет потребность в использовании политической теории и методологии для экспертной оценки, аналитико-инструментального обеспечения практической политики, эффективного управления социумом. В свою очередь, методологические изыскания, востребованные наукой и практикой демократического транзита, свидетельствуют о росте профессионализма политологов, рационализации их исследовательской деятельности.

Эвристический банк национальной науки постепенно пополняется нетрадиционными оценочными суждениями и выводами. Если десять лет назад ученые России и Беларуси не-

уверенно объясняли культурно-национальные и исторические особенности, динамику постсоветской модернизации, ориентировались на заимствование небесспорных концептов европейских и американских коллег, то сегодня ситуация в науке иная. Наблюдаются качественные перемены в проблематике диссертаций и публикаций по методологии познания транзитных процессов, эмпирической обоснованности иницилируемых концепций и парадигм, верификации методов объяснения и описания политической реальности.

На исходной ступени легитимации науки в 1990-е гг. отечественные политологи некритически воспринимали концептуальные версии, которые неприкрыто (или завуалированно) постулируют идеи о безусловной прогрессивности и универсальности либеральной модели развития. Редко высказывались суждения об уязвимости, сомнительности и субъективности умозрительного, не подкрепленного достоверными данными практики методологического инструментария. В настоящее время лишь незначительная часть молодых политологов испытывает искушение «универсальностью» западных методологических разработок.

Большинство интеллектуалов, как свидетельствуют изученные публикации, диссертации и материалы дискуссий, убеждены, что объективно неизбежный этап некритического усвоения гносеологического опыта мировой политологии завершен; выполненные на этой стадии задачи способствовали становлению национальной политической науки России и Беларуси, формированию профессиональной самостоятельности исследователей. Общее признание получил стратегический методологический вектор – творческое развитие инструментария науки с учетом запросов трансформации постсоветских обществ. Это открывает благодатные перспективы познания тенденций, специфики и закономерностей демократического транзита.

Эпистемология отечественной политологии формируется и развивается под влиянием внутренних и внешних факторов социальной эволюции. Производимые теоретико-методологические знания о политике, власти, демократии, политических системах, институтах, процессах, политической культуре и социализации, роли постсоветских государств в мировой политике представляют собой непрерывно обогащаемый аналитический ресурс.

Концентрированный результат методологического поиска политологов России и Беларуси – совокупность концептуальных идей, имеющих *критически-ориентационное значение* для эпистемологии обществознания. Их содержание заключается в следующем.

1. Мировая наука пока не располагает завершенной теорией преобразований в обществах, которые принято называть переходными или транзитными. Имеющиеся в ее фонде концепты и аналитические подходы, объясняющие тренды и особенности, функциональные модели изменений в социуме, представляют научный интерес. Однако верифицируемая достоверность многих из них вызывает сомнения, поскольку не согласуется с постсоветской действительностью. Это обстоятельство детерминирует потребность в активизации методологической рефлексии политологов.

2. Инструментарий мировой политической науки неадекватен специфическим задачам изучения переходных процессов, малопригоден для диагностики, прогнозирования, теоретического объяснения и описания перемен в Беларуси, России и других постсоветских обществах. Поэтому «подражание» популярным, но слабо верифицированным социальным опытом концепциям ошибочно и не отвечает национально-государственным интересам.

3. Отечественные политологи разделяют общепризнанный гносеологический принцип модернизации – демократизацию институтов государства и гражданского общества. Демократические перемены трактуются как *объективная закономерность* переходной эпохи и современного мира, фундаментальный ценностный ориентир политических систем Содружества Независимых Государств, как предпосылка успешных творческих поисков, конкретизации и обновления методологического инструментария национальной политологии. Вместе с тем в научной среде господствует мнение о предпочтительности постепенных, нефорсированных демократических перемен, невозможности теоретического обоснования и практической реализации *универсально-образцовой модели* социально-политических преобразований на постсоветском пространстве.

4. Аналитические возможности политологов России и Беларуси позволяют реализовать проекты, направленные на

планомерное и комплексное исследование демократического транзита, обогащение предметного поля методологического поиска. Выявленная *устойчивая тенденция* в обосновании методов познания транзитных процессов – *определяющий показатель* (индикатор) роста профессиональной культуры политологов.

5. Демократический транзит стимулирует методологическую рефлексию ученых, побуждает их к гибкому реагированию на вызовы времени, внутренней и внешней среды. В профессиональном сообществе закрепились логические аксиомы: предлагаемые методы анализа действительности полезны, если они *удовлетворяют запросы практики*, измеряемы эмпирически, подлежат объективной экспертной проверке.

Методологический поиск ученых России и Беларуси устойчиво смещается на актуальные для постсоветского социума проблемы:

- методы познания политики модернизации, тенденций и закономерностей эволюции транзитных обществ;
- новые подходы к исследованию реформируемых политических систем, режимов и процессов;
- методы государственного строительства;
- критерии теоретико-методологического качества диссертаций, монографий, статей, научных докладов и проектов;
- индикаторы ценностных ориентаций граждан по отношению к политическим системам, институтам государства и гражданского общества;
- показатели эволюции массового политического сознания и поведения в условиях демократизации общественных отношений;
- способы концептуализации политической культуры общества и идеологии государства;
- методики описания и объяснения мировой политики и роли в ней молодых независимых государств.

Успехи на этих направлениях особенно контрастно проявились в последнее пятилетие. Они – закономерный итог критически-творческого отношения к достижениям западных политологов в области эпистемологии, профессиональной заинтересованности ученых России и Беларуси в *достоверности* познания тенденций, закономерностей и специфики демократического транзита.

Глава 6

Тенденции демократизации

Модернизация политической сферы предполагает эволюционные изменения в государственном правлении и гражданском обществе, основывающиеся на апробированных практической принципах, нормах и процедурах современной демократии.

Наукой установлено, что демократия – объективно необходимое средство достижения общественного благополучия, легитимации и ограничения власти, стимулирования политического участия граждан. Ключевой критерий ее жизнеспособности и условие воспроизводства – реализация *идеалов* и *интересов* социума, возможность избегать возникновения ситуаций, которые толкают государственные институты и других политически значимых субъектов к *недемократическим* методам поведения [555, с. 320, 322, 378].

Демократический транзит – доминирующая тенденция мирового развития. Все большее число стран переходят от авторитаризма и тоталитаризма к демократии. К 1998 г. 61, 3 % государств апробировали свободные, тайные и всеобщие выборы как процедурный инструмент демократизации [251, с. 76].

Исторический опыт демократизации, механизмы, закономерности и особенности ее практического осуществления, несовпадение динамики и результатов в разных странах и регионах мира – предмет творческого осмысления и дискуссий профессионалов [116; 156; 251; 261; 286; 288; 414; 484; 487; 517; 539; 554; 564]. Это научное направление находится в состоянии неустоявшихся, по преимуществу фрагментарных методологических идей, неупорядоченных концептов, суждений и предположений [66; 131; 132; 256, 261; 268; 317; 459; 517; 524; 566].

И. Шапиро, профессор кафедры политической науки Йельского университета (США) доказательно констатировал, что «потoki литературы, из которой вырастают нормативные и объяснительные теории демократии, движутся в основном по раздельным руслам. Их авторы по большей части не осведомлены о том, что происходит в смежной области». Теоретизирование на тему о «должном» не одушевляется соответствующим знанием о «сущем и осуществимом». По этой при-

чине «объяснительная теория сама по себе слишком легко становится тривиальной и зависимой от метода, если она изолирована от тех неотступных забот нормативного свойства, коим продиктована всеобщая заинтересованность в демократии в последние десятилетия» [539, № 3, с. 6].

Плюрализм и полемичность мнений о предпосылках, идеалах, институциональных формах, дилеммах и методах демократии – характерная черта дискурса не только нынешних теоретиков, но и философов прошлых эпох. Как отмечал американский политолог *Р. Даль*, на протяжении более двух тысячелетий демократия по-разному внедрялась в жизнь, объяснялась, оспаривалась, порицалась, замалчивалась, уничтожалась, возрождалась [116, с. 9]. Этот ученый предложил *концепцию полиархии* – государственного правления, основывающегося на принципах либеральных свобод и плюрализма, политической конкуренции и широкого политического участия граждан.

Понимание роли, сути, методов демократического правления непрерывно эволюционировало, корректировалось под влиянием реальных социально-политических процессов. Нынешние представления о демократии порождены переменами в XX в. Превалирует убеждение, что она желательна, жизненно необходима, способна гарантировать политические и гражданские права личности. Но предмет полемики о характере, особенностях, тенденциях, условиях, закономерностях демократизации, ее взаимосвязи с глобализацией не исчерпан.

В альтернативно-плюралистическом ключе сегодня обсуждаются проблемные вопросы: Возможны ли «агрегированные», не «двойственные» стандарты (оценочные критерии) подлинной демократичности? Насколько совершенны механизмы представительного правления в странах с относительно высоким и устойчивым уровнем социально-экономического развития – «староевропейских», США, Китае, Японии, Южной Корее? Как гарантировать высокое качество политических и гражданских свобод в демократических, олигархических и авторитарных государствах? Существует ли взаимообусловленность «первичной», «вторичной», «третьей волны» и «глобальной» демократизации? Способны ли демократизироваться новые типы авторитаризма в транзитных обществах? Каковы последствия и средства противодействия

политике «экспорта демократии»? Насколько гарантируют исход постсоветского транзита формальные демократические институты и процедуры, свободные и честные выборы кандидатов на государственные должности?

Поиск ответов на эти вопросы стимулируют идеи, концепты и гипотезы Д. Растоу, У. Ростоу, Т. Парсонса, Р. Мертона, Ф. Штирнера, Й. Шумпетера, Р. Даля, Г. Алмонда, С. Хантингтона, Л. Даймонда, Ш. Эйзенштадта, Д. Антера, Д. Лернера, П. Штомпки, А. Гершенкрона, Д. Истона, С. Липсета и других ученых. На их основе формировалась и корректировалась парадигма, называемая «транзитологией».

В предыдущей главе мы отмечали, что «транзитология» включает совокупность плюралистических положений и выводов, объясняющих цели, процедуры, стадии, ритмику и динамику политических изменений в традиционных обществах с позиций исторического опыта и ценностей демократии «западного образца».

Концептуальное «ядро» парадигмы: внедрение норм и процедур свободных выборов, определяющих состав правительства; институционализация открытой конкуренции за обладание властью и право контроля правительства; позиционирование либеральной демократии и западной модели развития в качестве «универсального эталона»; векторное (линейное) представление о типологической последовательности стадий политических изменений (либерализация – демократизация – консолидированная демократия).

«Эвристическая матрица» транзитологии оценивается по-разному и подвергается критике [193;194]. Негативно воспринимается измерение национальных результатов демократического транзита критериями либеральной демократии и опытом ее осуществления в европейских государствах. Уязвима эмпирическая аргументация социально-экономической причинности переходных политических процессов. Неубедительны объяснения истоков и периодизация «волн демократизации», условий успешной модернизации, векторов и характера политической трансформации на постсоветском пространстве.

Вместе с тем некорректно и непродуктивно в споре о том, что есть демократия, каковы методы и средства ее осуще-

ствления в современном мире, в чем сходство и различия режимных изменений, западного и постсоветского опыта модернизации, отрицать познавательное значение «транзитологической парадигмы» под предлогом «восточноевропейской исключительности».

Специфика посткоммунистических стран в переходе к демократии очевидна, но не является бесспорным доказательством «неадекватности» парадигмы транзита/консолидации. По мнению американских теоретиков, она указывает «на потребность в более четком определении демократии и уточнении ее параметров, ибо только в этом случае мы можем быть уверены, что при установлении сходных явлений и процессов использовались одни и те же концепты и та же самая система координат» [196, с. 9].

Необходимы эмпирически выверенные критерии политических изменений с учетом многомерности концепта демократии. Типологические формы (национальные разновидности) демократического транзита многообразны и отличны от стандартов либеральной демократии. Это является серьезным аргументом как против тезиса об универсальности западной модели демократии, так и выводов о «провале» модернизаций на постсоветском пространстве [66; 130; 131; 305].

Исследователь *Т.П. Лебедева*, рассуждая в этом контексте, уместно замечает: «Важно различать либеральную демократию как *идеальный тип* общественных отношений, с одной стороны, и ее *воплощение* в человеческой практике – с другой». Западные политики теоретически обозначили социально-политический идеал современной цивилизации и создали рациональную систему его постепенной реализации. Разочарования в характере функционирования демократии, проявляющиеся в западных обществах, как и неудовлетворенность граждан преобразованиями в России, «безусловно, не касаются принципов либеральной демократии как таковых, а свидетельствуют скорее о стремлении к углублению демократии, к приведению демократической практики в соответствие с потребностями современного человека» [251, с. 77].

Гносеологическое значение «транзитологии» нам представляется в следующем.

Во-первых, в западной научной литературе, наряду с трактовкой в 1990-е гг. демократической консолидации как «ли-

нейно-восходящего» процесса на поведенческом, ценностном, конституционном уровнях, категорически не исключается возможность установления авторитарных или «гибридных» режимов.

Во-вторых, парадигма ориентирует на рациональные принципы демократии, способствующие формированию цивилизованной социальной общности: демократизация государственных институтов; либерализация взаимоотношений государства и гражданского общества; конституционное закрепление свобод и прав граждан; разделение властей; верховенство закона; независимость СМИ; открытая политическая конкуренция за власть; проведение альтернативных, прозрачных выборов, в результате которых определяется состав правительства; внедрение рыночной экономики – ключевой предпосылки формирования «среднего класса».

В-третьих, парадигма не отрицает, что постсоветский транзит как переход в отдаленной перспективе к консолидированной демократии требует особой концептуализации, использования достоверной, отражающей трансформационные реалии эмпирической информации.

В-четвертых, транзит стран Центральной и Восточной Европы трактуется как переходный, «волнообразный» период демократизации с ее «нарастанием» и «откатами», как состояние «неизвестной напряженности, для которого характерна крайне высокая степень неопределенности, когда действия сложно предугадать, а выбор недостаточно ясен» [196, № 4, с. 10].

Популярностью среди политологов на постсоветском пространстве пользуется небесспорная концепция с метафорическим названием «волны демократизации». Американский исследователь С. Хантингтон представил ее научному сообществу в книге «Третья волна. Демократизация на исходе XX века» [516].

Демократические изменения в мире С. Хантингтон охарактеризовал как процесс распространения и укоренения в мире политических ценностей *западной цивилизации*. Он отобразил его хронологически, с нарастающей и откатной тенденциями. Логика авторских рассуждений сводится к тому, что источник «волн демократизации» – США, а их стимулятор – победа союзников в мировой войне над нацизмом. Что же касается «третьей волны», то начало ее «прилива» – сере-

дина 1970-х гг., когда потерпели фиаско авторитарные режимы в Португалии, Греции, Испании. Следствие «третьей волны» – специфические по условиям и результатам социальные перемены в странах Восточной Азии, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Африки.

Эвристический потенциал концепций «вестернизации», позиционирующих либеральную демократию в западных странах как источник прогрессивных преобразований, образец для подражания в глобальном мире, уязвим. Почему он неприемлем для объяснения тенденций, закономерностей, уникальности демократизации на постсоветском пространстве? На этот вопрос удачно ответил в своей статье *Д. А. Медведев*, не затрагивая сущности теорий, претендующих на универсальность: «Российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы. Гражданское общество не купить за иностранные гранты. Политическую культуру не переделать простым подражанием политическим обычаям передовых обществ. Эффективную судебную систему нельзя импортировать. Свободу невозможно выписать из книжки, даже если это очень умная книжка. Мы, безусловно, обязательно будем учиться у других народов. Будем перенимать их опыт, учитывать их успехи и просчеты в развитии демократических институтов. Но никто не проживет нашу жизнь за нас. Никто не станет за нас свободными, успешными, ответственными. Только наш собственный опыт демократического строительства дает нам право утверждать: мы свободны, мы ответственны, мы успешны» [284].

В начале 1990-х г. отечественные политологи некритически воспринимали идеи, концепты, допущения, гипотезы, постулаты «транзитологии». Редко высказывались суждения о сомнительности выводов об «универсальности» стандартов европейской демократии. Это дало повод американскому исследователю *Дж. Сартори* заявить, что политологи переходных регионов некритически и не всегда компетентно заимствуют концепты демократизации. Необходимо учитывать серьезные пробелы в эпистемологии науки, а также то обстоятельство, что чем дальше мы продвигаемся в методологии познания практики, тем обширнее оказывается неизведанное политическое пространство. Если количественный анализ не в состоянии решить наши проблемы в том смысле, что мы не

можем измерять постигаемую реальность, и если наши суждения, теоретические обобщения носят абстрактный характер, необходимо ревизовать и творчески обновлять инструменты познания наблюдаемых явлений [442, № 3].

Постигая сущность, направления и результаты политической трансформации, отечественные ученые осознали несовершенство европейского и американского инструментария для исследования демократизации постсоветских обществ. Становится все более явным, что методологический плюрализм в познании демократических изменений в мире, если он не измеряем достоверными эмпирическими данными, не приносит желаемые плоды – не способен удовлетворить запросы науки и практики. Динамично преодолевается «синдром подражания» привлекательным «виртуозностью» теоретизирования, но слабо верифицированным фактографическим базисом концепциям. Расширяется спектр изучаемых парадигм демократизации, методологических проблем переходных процессов:

- тенденции и характер трансформации политических систем и режимов [51; 89; 93; 198; 211; 212; 237; 239; 318; 331; 336; 341; 473; 492; 498];

- национальные условия демократизации институтов государства и гражданского общества [130; 225; 254; 255; 306; 317; 361; 540];

- динамика социально-политической ситуации и ценностных ориентаций граждан [6; 119; 139; 140; 264; 284; 313; 376; 377; 427; 428; 437];

- перспективы консолидации демократии [268; 433; 524];

- сравнительный анализ современной демократии, демократизаций постсоветских обществ и западных стран [131; 132; 173; 188; 255; 288; 289; 336; 359];

- аномалии и противоречия демократизации [37; 66; 158; 226; 266–269; 407; 433; 474; 486; 568];

- международный контекст демократизации [60; 258; 305; 439; 534; 550; 569].

В трансформирующемся мире нормы демократии реализуются нединамично. Это, как показывают исследования, обусловлено многими факторами: различиями, неравномерностью в социально-экономическом развитии; своеобразием исторического опыта, условий бытия и традиций народов;

кризисом либеральных ценностей; обострением глобальных проблем человечества; неурядицами, конфликтами и противоречиями эпохи; ужесточением недемократических политических режимов. Негативное влияние на процессы демократизации в мире оказывает и неопределенность науки в объяснении условий, моделей, закономерностей, критериев политических изменений. Неясность, незавершенность объяснительных конструктов ученых могут усугублять неуверенность в жизнеспособности демократических механизмов регулирования социальных отношений, тормозить политические изменения в переходных обществах.

В России и Беларуси обозначились качественные перемены в теоретическом объяснении специфики политических трансформаций, демократических форм правления в современном мире и транзитных обществах. По мере накопления эмпирических данных корректируются и углубляются представления ученых о специфических механизмах демократических преобразований, тенденциях и проблемах эволюции политических систем. Институциональные изменения, нелинейные и противоречивые тенденции в демократизации политической жизни мира составляют фактографический базис критического осмысления устаревших концептов, обоснования альтернативных методов анализа транзитных процессов.

Фонд эпистемологии науки постепенно пополняется обстоятельными статьями, востребованными жизнью монографиями, диссертациями, исследовательскими проектами и программами.

Иллюстрацией нашего вывода могут служить публикации *Л. Е. Бляхера* [37–39], *В. В. Буцика* [58], *В. Н. Ватыля* [69], *В. Я. Гельмана* [84–89], *Т. И. Заславской* [159], *М. В. Ильина* [171–176], *Б. Г. Капустина* [192–195], *К. Е. Коктыша* [209–211], *Б. И. Макаренко* [267–270], *А. Ю. Мельвиля* [286–288], *С. П. Перегудова* [351–356]; докторские диссертации российских и белорусских соискателей *Е. В. Бродовской*, *В. А. Ачкасова*, *А. Г. Дугина*, *Л. Е. Землякова*, *А. А. Калинина*, *Г. П. Лесникова*, *Ю. И. Матвеевко*, *Е. В. Матусевича*, *В. А. Мельника*, *С. А. Модестова*, *С. А. Панкратова*, *В. И. Якунина*.

Изыскания ученых посвящены назревшим методологическим проблемам политических изменений. Наблюдается еди-

нодушие в том, что гносеологические дилеммы могут быть разрешены только на платформе концептуализации специфического постсоветского политического пространства, свободного поиска истины, плюрализма и консенсуса, творческого использования политического анализа (эмпирического и нормативного) как инструмента познания действительности.

Российские политологи *М. В. Ильин* и *А. Ю. Мельвил* в монографиях и цикле статей публично подвергли сомнению онтологическую состоятельность закрепившейся в науке парадигмы «демократического транзита». Они предложили анализировать политические изменения в мире и каждой стране с учетом совокупности параметров, критериев и переменных, отражающих национальные особенности: демократические изменения в государственном устройстве, политических институтах; уровень социально-экономического развития и политической культуры; динамика и прогрессивность перемен в сравнительном контексте; характер информационной и конкурентной среды, социально-классовых отношений; ценностные ориентации субъектов политики; личностные качества и профессионализм политических лидеров; влияние глобальных факторов; результаты политической трансформации [171; 173; 188; 288].

Ученые обоснованно констатируют, что постсоветский транзит явился вызовом и для политической практики, и для политической науки. Уязвимость прежних (западных, «модельных») трактовок демократической эволюции, уникальные проявления, парадоксы и деструктивные процессы в реформаторской политике на постсоветском пространстве стимулировали производство диверсифицированных методологических подходов к познанию характера и национальных особенностей политических перемен. Обоснование *новой парадигмы анализа демократизации*, ее верификации практикой представляется как ключевая задача творческого поиска и коммуникации политологов.

Углубленно исследуются формы правления, типы государственно-территориального устройства, электоральные процессы, партийные системы, взаимоотношения политической элиты с гражданами, состояние гражданского общества, ритмы и приоритеты преобразований на постсоветском пространстве. Большинство аналитиков не разделяет мнение о проти-

вопоказанности для переходных обществ норм и процедур демократии, апробированных в европейских странах, но и не отрицается возможность появления иных, качественно полноценных моделей демократического устройства [388; 390]. Стратегический вектор модернизации Беларуси и России, направленный на строительство демократического, правового, социального государства [215; 216], подтверждается опытом и научными результатами.

В фокусе внимания ученых – *нединамичность демократизации*, бюрократические тенденции в регулировании переходных процессов, неопределенность и противоречивость политических изменений, ослабляющих потенциал реформ, базовых ценностей. Приоритетные направления – эффективность государственного управления, имидж властных институтов, сущность и перспективы авторитаризма как феномена постсоветской трансформации. Установлено, что авторитарные режимы *объективно не заинтересованы* в демократизации, которая несовместима с административно-принудительными механизмами социального управления, бесконтрольностью власти, злоупотреблениями ее полномочиями и ресурсами [84; 130; 132; 210; 240; 266; 331; 486; 492]. Этот вывод ученых убедительно подтверждает политический кризис в Тунисе, Египте, Йемене, Сирии, Ливии, Алжире, других арабских странах.

В научной среде наблюдается несовпадение мнений о роли, характере и перспективах авторитаризма как переходного политического режима. Одни исследователи считают его главным препятствием на пути прогрессивных перемен, другие полагают, что авторитаризм создает предпосылки для демократизации [67; 84; 237; 575].

Доктор политических наук, профессор Гродненского государственного университета *В.Н. Ватиль* на основе экспертизы мирового опыта характеризует авторитаризм как *закономерный* политический феномен транзитных обществ. Авторитарная модель модернизации, по его мнению, имеющая серьезные изъяны, независимо от воли и желания властных институтов, *формирует предпосылки* для либерализации и демократизации общества [67, с. 118].

Эту концептуальную идею конкретизирует белорусский доктор философии *Я. С. Яскевич*. Авторитарный режим, как она

заявляет, *вполне уместен*, если «обеспечивает порядок, экономический рост, решение социальных проблем, национальное единство, переход к рыночным отношениям». Авторитарная власть создает «такие условия, как компетентность политических лидеров, обоснование качественно различных продолжительных этапов и конкретных приоритетов в процессе реформ, четкий выбор времени их применения» [575, с. 157].

Профессор *Ю. А. Красин* аргументирует вывод относительно динамики «мягкого авторитаризма». По его мнению, этот политический режим способен эволюционировать как в направлении постепенной демократизации страны, так и в направлении «жесткого авторитаризма». Но вероятность реализации последнего сценария представляется сомнительной: «уж слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, уже ощутивших вкус свободы и самостоятельности». В социально-политическом развитии наблюдаются «откатные» тенденции, которые наталкиваются на серьезные препятствия. «Во-первых, в современном глобализирующемся мире никакая власть не в состоянии осуществлять тотальный контроль над информационными и культурными потоками, что лишает автократию ее главного козыря – “монополии на истину”. Во-вторых, процесс перехода к инновационному типу развития, в который втягивается и Россия, порождает потребность в работнике с широким кругозором, тяготеющем к демократическим порядкам и либеральным ценностям. В-третьих, несмотря на общую слабость российского гражданского общества, в нем сохранились очаги устойчивого влияния, которые могут стать базой для мобилизации демократических сил, их активного участия в политической жизни. В-четвертых, со времен перестройки в России, вопреки всем авторитарным препонам, существует публичная сфера, а значит – и условия для того, чтобы общество размышляло о своем политическом развитии. И, наконец, в-пятых, авторитарный дрейф России встречает противодействие со стороны демократической общественности на международном уровне» [226, с. 135].

Анализируя концептуальные несоответствия в науке, внутренние и внешние условия демократического развития, *Ю. А. Красин* обозначил когнитивную проблему: «как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия его

способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности» [226, с. 131].

В научных трудах белорусских и российских политологов анализируются позитивные и негативные тенденции в развитии демократии западных стран и переходных обществ. Отмечается, что правящие элиты, испытывающие искушение властью, зачастую используют средства манипуляции мнением избирателей, выходят из-под контроля граждан. Чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо *«выйти за рамки»* либеральной модели. Абсолютизация свободных и прозрачных выборов, структурно организованной конкуренции за власть сужает понимание демократии как базовой ценности. Демократия – не только метод правления, цивилизованные процедуры избрания кандидатов на государственные должности, противодействие монополизму власти, сознательное политическое участие граждан. Это *образ жизни социума*, ключевой индикатор зрелости его политической культуры, достигнутого уровня цивилизованности. Главный критерий ее воплощения в социальную практику – радикальное переустройство общественного бытия на принципах справедливости и политического равенства, выражения и реализации национальных идеалов и интересов.

Негативный опыт внедрения либеральной модели демократии в России в 1990-е гг., как считают исследователи, породил массовое недоверие к ее предпочтениям и стереотипам. Неумелые попытки реформаторов воспроизвести западную версию демократизации, игнорирование ими национальных особенностей и традиций обернулись несправедливостью в приватизации государственной собственности, правовым нигилизмом, социальным неравенством, отчуждением граждан от власти. Результаты проводимых реформ, разрушительные последствия мирового кризиса не только подорвали доверие к либерализму как идеологии и практике, но и способствовали укреплению позиций *«мягкого авторитаризма»*. Неокрепшие демократические институты оказались *«заложниками»* глобальных факторов, государственно-бюрократических, олигархических и криминальных структур. За демократическим фасадом нередко скрываются клановые интересы правящей элиты [37; 55; 158; 433; 438].

Исследователи демократизации российского общества (не по «западному» образцу) критически осмысливают недостатки и парадоксы «электорального фетишизма», избирательного законодательства, управленческих действий властвующей элиты, либерализации и реконструкции экономики, социальных последствий модернизации. Их оценки преобразований в стране после распада СССР – преимущественно отрицательные.

Разрабатываются новые концепты познания электорального выбора, мотивации поведения избирателей в транзитных обществах [410; 411; 433]. Авторы анализируют возможности и недостатки традиционных подходов – социологического, социально-психологического и рационального выбора. Обосновывается необходимость их конкретизации и обогащения на основе изучения особенностей информационной среды и политической компетентности избирателей.

Доктор философских наук *А. В. Лукин* обращает внимание на изъяны политических предпочтений демократов-западников, которые существенно влияют на электоральный выбор и общественное мнение. Есть все основания предполагать, пишет он, что их идеи не «приживутся» на российской почве. Как и ранее, восприняты лишь некоторые элементы либеральной демократии. Проводимые реформы не благоприятствуют укоренению фундаментальных демократических идей и ценностей. Страна деградирует. По сравнению с 1990–1991 гг. отечественные средства массовой информации и суды теряют независимость. Реальное разделение властей отсутствует. Гражданские права и свободы обеспечиваются в гораздо меньшей степени. Политическая культура изменилась мало. Да и сами выборы становятся все менее свободными и честными, если сопоставить их с выборами 1990 г. [264].

Рассуждая в критически-негативном ключе, *А. В. Лукин* конкретизирует свою концептуальную позицию. Было бы ошибкой утверждать, замечает он, что либерально-демократическое устройство вообще неприемлемо в России. Культура, традиции либерализма, уникальный опыт институционального строительства в западных странах – мощный стимул модернизации для каждой страны [264, № 2, с. 152, 153].

В монографиях и статьях доктора исторических наук *С. П. Перегудова* содержится углубленный анализ политической системы России [351–356]. Он рассматривает ее как во-

площение забытой общественным сознанием концепции конвергенции. В стране конкурируют два типа подсистем – государственно-бюрократическая и рыночная. Они подобны двуликому Янусу: корни одной – в прошлом, а другая устремлена в будущее – несет на себе печать либерально-демократического развития.

Базис первой подсистемы – силовые ведомства, «вертикаль власти», бюрократия. Социальная опора второй – частные корпорации, гражданское общество. Главное в раскладе политических сил – то, что государственная власть, закрепив за структурами гражданского общества и бизнес-корпорациями ряд полномочий и прерогатив, сохраняет в неизменности монополию на принятие политико-управленческих решений. Реагируя на ограничения своей деятельности, бизнес и гражданское общество начинают «бастовать»: предпринимательские структуры – активно, общественные ассоциации – пассивно, сворачивая активную деятельность. Ситуация в стране – источник глубинных противоречий, центростремительных тенденций, «окостенения», снижения легитимности и даже возможного распада неэффективной политической системы [352, с. 103].

Взыскательно оценивает и объясняет эволюционные изменения в политической системе России профессор *И. К. Пантин* [344]. Его выводы нацелены на преодоление опасных «болезней» демократизации: разочарование граждан в преобразованиях, неэффективность институтов государства, бюрократизм, социально-экономическое и духовное неблагополучие. Для демократической трансформации, как он считает, недостаточно завоевания власти и заимствования из мирового опыта строительства полиархии. Необходим «подъем масс, материальный и моральный, не говоря уже о политическом». Государство проводит реформы «сверху», опираясь на «партию власти», одновременно отстраняя от активного политического участия иных акторов. Гражданское общество не может появиться и стать основой демократии, пока новая власть сохраняет главные черты старой, командно-административной системы, пока у представительных органов нет реальных рычагов влияния на политико-управленческие решения. Бюрократизм – основное препятствие демократизации. 1,5 млн вопросов, заданных *В. Путину*, –

это не только свидетельство демократизма Президента, его стремления не терять связь с народом, но и индикатор неготовности (нежелания) громадного бюрократического аппарата исполнять вмененные ему законом обязанности.

Взыскательно-аргументированная трактовка предпосылок и перспектив демократизации России дана в книге профессора *Я. А. Пляйса* [372, с. 150, 151]. Его концептуальный вывод заключается в том, что в стране функционирует неполноценная представительная власть. Она является придатком исполнительной власти, не способна противостоять ее монополизму, контролировать действия политической элиты.

Революционные перемены, по мнению исследователя, открыли путь к свободе, раскрепостили инициативу и потенциал людей. Утверждается плюрализм форм собственности, производственных отношений, структур и мировоззрений. Ведется поиск оптимальной модели распределения власти и государственного устройства. Вместе с тем проблемы собственности, политической власти, гражданского общества решаются противоречиво. Несправедливая приватизация привела к господству в экономике криминального, олигархического капитализма, массовому обнищанию граждан, ослаблению государственности, усилению сепаратистских тенденций.

Критическим анализом демократизации в глобальном мире отличается сборник научных трудов «*Политические институты на рубеже тысячелетий*» [391]. Авторы исследуют трансформацию в России, сравнивая ее с опытом стран Запада, Латинской Америки, Японии. Они констатируют, что «третья волна» демократизации сталкивается в начале XXI в. с препонами. Установление новых политических режимов сопровождается острой борьбой конкурирующих субъектов, «цветными революциями», массовыми протестными акциями, военными переворотами, узурпацией государственной власти, фальсификацией народного волеизъявления, манипулированием массовым сознанием, несовершенством системы сдержек и противовесов. В большинстве транзитных стран реальной демократии не существует.

Кризисные тенденции характерны и для стран «старой» демократии: наблюдаются такие явления, как ослабление влияния граждан на власть и реальную политику, «разблокирование» механизма чередования партий у власти, рост недо-

верия людей к выборам, представительным учреждениям и партийным структурам, непрофессионализм бюрократии, нарушения правопорядка, рост организованной преступности и коррупции [391, с. 388–391].

Исследователи *А. Д. Богатуров, А. А. Кокошин, С. А. Кизи-ма* интерпретируют навязываемые транзитным обществам представления о демократии и правах человека как идеологию американского геополитического доминирования, инструмент воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств. Ее предназначение – оправдание «гуманитарной интервенции» и военных акций в обход решений ООН, беспрепятственного «экспорта» западных ценностей. Публично США позиционируют такую демократизацию как идеологию транснациональной солидарности [200; 208; 456].

Отношение властных структур России к демократизации как идеологии и практике влиятельных субъектов мировой политики выразил Президент России *В. В. Путин* в статье «Россия и меняющийся мир». По его мнению, поощрение внепарламентских методов борьбы, попытки насильственного экспорта демократии в страны с неокрепшими институтами негуманны и поэтому недопустимы. Демократия должна утверждаться в каждой стране на собственной национальной и правовой основе.

«Часто говорят – права человека первичны по отношению к государственному суверенитету. Без сомнения, это так – преступления против человечества должны караться международным судом. Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне на выборочной основе – и в процессе «защиты» попираются такие же права массы людей, включая базовое и святое право на жизнь, – речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии» [410].

В свете этого суждения выглядит парадоксальным отношение США и Евросоюза к Беларуси. Требуя от власти суверенного государства демократизации «в полном объеме» и прибегая к жестким политическим и экономическим санкциям, зарубежные радетели прогресса наносят трудно поправимый урон имиджу демократии как высшей ценности современной цивилизации. Их ошибка, по мнению академика *А. Н. Рубинова*, в иллюзорных попытках мгновенно реализо-

вать «демократические стандарты» Западной Европы в любой стране.

Аргументация ученого согласуется с исследовательскими подходами: уровень демократии в обществе зависит от уровня его социально-экономического благополучия и национальных особенностей. Универсальной модели демократизации нет. Беларусь, как он утверждает, целенаправленно следует по пути демократизации государственного и общественного устройства. Но движется *постепенно*, по мере развития экономики, расширения частной собственности, роста политической культуры и ответственности государственной власти и граждан [436].

В публикациях российских и белорусских политологов обосновываются концептуальные идеи о конкретно-историческом, культурно-национальном измерении демократизации. Универсальных технологических рецептов демократического переустройства бытия, доказывают ученые, не существует. Механически, некритически заимствовать западные образцы – значит совершать грубую ошибку. Национальные формы демократии *многовариантны*; они – продукт социальных условий и обстоятельств, интересов, рациональных действий и отношений властных структур. Ритмы и типы политического развития переходных обществ и стран Запада не совпадают, что затрудняет обоснование закономерностей демократизации. В этом контексте понимания демократизации ни одно политическое устройство не может претендовать на всеобщность.

В публикациях и диссертациях выявляются характерные тенденции трансформации постсоветских государств. Несмотря на неудовлетворенность значительной части граждан плодами преобразований, они осознают *необходимость демократии*, полезность ее стандартов и критериев, что стимулирует строительство фундамента правовой государственности и гражданского общества.

Как показали выборы Президента России в марте 2012 г., отношение к демократии стало намного конструктивнее, чем это было в 1990-х – 2000 гг. После двадцати лет реформ граждане осознали пагубность иррациональной политики, общественной пассивности и безответственного поведения политиков. Они ожидают эффективных преобразований в эконо-

мической, социальной, политической и духовной сферах, активного использования полномочий государства для обеспечения конституционного порядка и общего благополучия [6].

За *В.В. Путина* проголосовало на выборах 2012 г. 64 % избирателей. В 2011 г. его деятельность в годы предыдущего президентского правления положительно оценивали 57 % граждан, а отрицательно – 27 %. Власть в период президентства *Б. Ельцина* воспринимают негативно 76 % респондентов [545, с. 15, 16].

Средства и методы властвования, нормы отношений институтов власти с гражданским обществом, динамика политической модернизации, социальная продуктивность государственного управления, образ политиков в общественном сознании – эти направления составляют основу проблемного поля познания демократического транзита постсоветских обществ. Публикации и диссертации корректируют и углубляют закрепившиеся в науке представления о демократизации как феномене: ее траекториях, принципах, проблемах, процедурах. Они открывают богатые перспективы углубленного творческого поиска, обогащения концептуальных подходов и парадигм.

Наблюдается совпадение мнений относительно *главного противоречия* политической модернизации на постсоветском пространстве. Исследователи видят его в рассогласовании провозглашенных демократических целей преобразований и реально осуществляемой демократизацией государственной и общественной жизни. Авторитарные тенденции остро заявляют о себе, сдерживают динамичное развитие социума, негативно отражаются на политической культуре граждан.

Заведующий кафедрой Гродненского государственного университета, профессор, доктор политических наук *В. Н. Ватиль* подверг экспертизе опыт авторитарных модернизаций в мире – внутренние и внешние условия, характерные черты автократии как закономерного политического феномена транзитных обществ. По его прогнозу, в обозримом будущем мы будем наблюдать новые формы авторитаризма, в которых он будет адаптироваться к нашему необычайно сложному и динамичному времени [67, с. 116].

Сущность авторитаризма и его перспективы активно исследуются политической наукой. Согласно суждениям уче-

ных, подкрепленным эмпирическими данными, авторитарные режимы *объективно не заинтересованы* в демократизации, которая препятствует административно-принудительным методам управления, узурпации государственной власти для реализации своекорыстных корпоративных интересов [84; 132; 144; 239; 266; 474].

Обобщенная информация и концептуальные выводы о характере политических режимов в постсоветских обществах представлены в книгах, статьях, докладах на научных семинарах, конгрессах, конференциях, дискуссиях за «круглым столом» [158; 189; 209–211; 239–241; 318; 331; 431; 489].

Эволюционным процессам в Беларуси посвящены монографии *Е. М. Бабосова, В. В. Буцика, Г. А. Василевича, В. В. Герменчука, Л. Е. Землякова, Е. М. Ильиной, К. Е. Коктыша, И. В. Котлярова, В. А. Мельника, С. Г. Паречиной, О. Г. Слуки, В. В. Шинкарева и Л. В. Вартановой*.

Авторы объясняют характер изменений в политической системе Беларуси, особенности модели социально-экономического развития, рейтинг институтов власти в общественном сознании.

Опыт политической трансформации страны осмысливается в сборниках статей, докладах на конференциях [16; 26–30; 46; 48–50; 71; 140; 141; 162; 477; 478; 511; 525; 535; 550].

Уместно подчеркнуть, что удельный вес публикаций о преобразованиях в Беларуси в общем массиве источников, их хронологический контекст, предметный «диапазон» и содержание не позволяют сформулировать систематизированные выводы о тенденциях и закономерностях политической эволюции государства. Необходимы фундаментальные исследования, выполненные на достоверном эмпирическом базисе, обогащающие эвристический потенциал познания траекторий, ритмов, динамики, проблем и перспектив демократического транзита. Накопленный в стране опыт реформирования бытия позволяет предложить институтам государства и гражданского общества системную трактовку политических изменений, инновационную концептуально-технологическую модель демократического развития Беларуси, отвечающую национальным интересам.

Перспективы демократизации в мире неразрывно связаны с радикальными переменами в технологическом базисе политики, сфере коммуникации мирового сообщества. Стремле-

тельно обновляются информационные средства, методы и формы влияния на общественное сознание и поведение. Интернет, телевидение, политическая периодика, кинематограф активно и неоднозначно воздействуют на геополитическую ситуацию, модернизацию транзитных обществ [177; 204].

Глобальная коммуникация ускоряет демократизацию как закономерный процесс, вызывая эффекты «интеллектуализации», демонстрации, подражания, «снежного кома». Авторитарным режимам все труднее скрывать от своих граждан сведения о некомпетентных или неблагоприятных деяниях. Но проявляется и ее негативное свойство – расширяются возможности «экспорта» революционного экстремизма, манипулирования общественным сознанием, использования недемократическими режимами информационной революции для узурпации власти и укрепления своего господства. Граждане отвлекаются от действительных социально-экономических и политических проблем суррогатами культуры, ложными сведениями о социально-политической ситуации в странах и регионах мира, различного рода мифами, лицемерными заявлениями и обещаниями. Аналитики прогнозируют неизбежные информационно-пропагандистские войны (терроризм), радикальную трансформацию государственных наднациональных институтов власти, появление виртуальной политической элиты, сетевых лидеров, идущих на смену традиционным гражданским структурам.

Исследователь *С. Н. Пишизова* обосновала неординарную концептуальную идею: в обозримом будущем, когда компьютер превратится в атрибут домашнего быта, вроде телевизора, это может стать важным фактором децентрализации политической коммуникации и вытеснения старых, опосредующих властное общение структур. Создаются условия для качественно нового, интерактивного общения. Доступ каждого отдельного гражданина к информации и средствам выражения индивидуальной политической воли делает технически возможным переход от представительных форм к прямой демократии, причем во всемирном масштабе. Перед этим объективным процессом равны все народы, поскольку внедрение новых технологий носит действительно глобальный, всеобщий характер и уровень социально-экономического развития не является здесь фатально определяющим [412].

Формирование информационного общества качественно модифицирует социальную организацию. Информатизация уже сегодня является фундаментальным источником прогресса во всех сферах человеческой деятельности. Социально эффективные государства создают информационно-коммуникационную инфраструктуру, адекватную вызовам эпохи демократизации. Их предназначение – надежно защищать права и свободы личности, взаимодействовать с гражданами на основе демократических норм, стимулировать их политическую компетентность и политическое участие.

Переходу государств и регионов мира от авторитаризма к демократии нет альтернативы. Но на этом пути неизбежны проблемы, пессимистические прогнозы и разочарование. Экономическая экспансия капитализма, глобализация не сопровождаются линейным ростом благополучия и процветания народов, равномерным созреванием условий, необходимых для демократии.

Демократизация – острая борьба инновационных и консервативных, гуманных и принудительных методов управления социумом, целенаправленное устранение препятствий и угроз, сковывающих свободу, инициативу и творческую активность граждан. Желаемым, хотя и не всегда достижимым результатом этого процесса является радикальное обновление эволюционирующей действительности и политической культуры, созидание справедливых, стабильных и социально эффективных политико-властных отношений.

Как показало исследование, применение концептов, имеющих в фонде мировой политической науки, затруднено или неприемлемо для познания темпов и ритмов демократизации на постсоветском пространстве. Как правило, они постулируют и позиционируют идеи, слабо верифицированные практикой, с позиций западных эталонов отражают реалии и прогнозируют перспективы переходных обществ. Это диктует необходимость «научной революции» (понятие *Т. Куна*) в эпистемологии познания противоречивых, многомерных процессов в традиционных государствах, ревизии искусственных, аморфных и неопределенных методологических конструктов, не удовлетворяющих исследовательские запросы.

Анализируя процессы в транзитных обществах, ученые выяснили и истолковали некоторые *закономерности* демократизации: доминирующее отношение к демократии как универсальному инструменту цивилизованного переустройства бытия; специфичность национальных моделей демократизации; ошибочно форсирование демократизации во избежание недоверия к ней граждан; непоследовательность и ошибки реформаторов, отсутствие консенсуса субъектов политики разрушают потенциал демократизации; на пути к консолидированной демократии неизбежны проявления авторитаризма; ритмы демократизации зависимы от эффективной государственности, культурно-национальных условий.

Определяющие условия демократизации – решительный демонтаж консервативных форм организации общественной жизни, конструктивная политическая конкуренция, общественный контроль власти, соблюдение субъектами закрепленных в законах норм и процедур. Демократизация – альтернативный, соревновательный проект информационной эпохи, *исключающий универсальные, образцовые* для безусловного подражания и реализации модели социально-политического устройства.

На основе обобщенного опыта политических изменений ученые обосновали *национальные особенности* демократизации: несовпадение парадигмы, траекторий и результатов политических изменений в мире; противоречивость процессов перехода от авторитаризма к демократическим формам правления; недостаточный эвристический и инструментально-технологический потенциал политики реформации; массовое недоверие к либеральной демократии «западного образца», обусловленное изъянами ее реализации, культурно-историческими различиями и своеобразием бытия народов, стран и регионов мира; конфликтное взаимодействие политических субъектов; нединамичность демократической трансформации и не отвечающая ожиданиям граждан эффективность политических изменений; несоответствие потребностям демократических перемен реального уровня политической культуры граждан и институтов; неблагоприятный международный контекст демократизации.

Движение государств и народов к демократии и благоустроенной жизни бесперспективно пытаться ускорить «шоковой те-

рапией», форсированием преобразований в ущерб качеству жизни граждан. Вместе с тем возможности для достижения идеала расширяются, если институты власти удовлетворяют интересы народа, а гражданское общество контролирует правительство, отличается высоким уровнем политической культуры.

Как в прошлом веке, так и сегодня актуально суждение *А. Токвиля* о главных предпосылках прогресса человечества: «Обучать людей демократии, возрождать, насколько это возможно, демократические идеалы, регулировать демократические движения, постепенно приобщать граждан к делам управления государством, избавляя их от неопытности в этих вопросах и вытесняя их слепые инстинкты осознанием своих подлинных интересов; изменять систему правления соответственно времени и месту, приводя в соответствие с обстоятельствами и реальными людьми, – таковы важнейшие из обязанностей, налагаемых в наши дни на тех, кто управляет обществом» [491, с. 30].

Глава 7

Трансформация государственности

Методологическая рефлексия отечественных политологов наряду с уже рассмотренными направлениями включает также диагностику, объяснение, описание и прогнозирование динамики национальной государственности в глобальном мире.

Геополитические факторы, модернизация транзитных обществ, расширяющаяся сфера деятельности наднациональных структур в глобальном пространстве обостряют потребность в критически-творческом осмыслении управленческих функций государства как основного политического института, его господства, авторитета, выполнения обязательств перед гражданами.

Регулятивные механизмы и перспективы государства в XXI в. – предмет возрастающего интереса ученых. Политологи, историки, экономисты, правоведы, философы, социологи изучают и обсуждают широкий спектр актуальных для постсоветских преобразований проблем:

– суверенитет государства, его интересы, адаптивность, конкурентоспособность, эффективность [15; 46; 107; 110; 165; 200; 208; 258; 314; 401; 509; 522, 533];

– конституционно-правовые основы легитимности, функции, прерогативы и ценностные измерения государственной власти, особенности ее функционирования и образы в общественном сознании [19; 52; 62; 130; 143; 162; 165; 238; 302; 316; 325; 345; 347; 451; 465; 490; 535; 545; 546];

– приоритеты, технологии, асимметрии государственного управления [91; 101; 123; 147; 161; 162; 177; 190; 203; 204; 210; 238; 265; 424; 441; 493; 572];

– культурно-идеологический базис государственности [21; 63; 114; 170; 237; 274; 289; 291; 303; 346; 449; 551; 571];

– механизмы взаимодействия государства с гражданским обществом [56; 92; 105; 125; 145; 223; 224; 254; 255; 269; 338; 354; 466];

– условия и тенденции трансформации политических систем транзитных обществ [46; 47; 49–51; 58; 69; 84; 97; 118; 144; 209; 222; 237; 339; 354; 377; 439; 503; 553].

Междисциплинарный подход к проблеме содержит достоверный эмпирический материал для ее комплексного осмысления – политических, правовых, экономических, социальных, культурно-идеологических, внутренних и внешних факторов трансформации современной государственности.

Первый кризис глобализации актуализировал повестку дня науки концептуальными вопросами, на которые нет однозначных ответов. Какой должна быть теоретическая модель государства? Изживает ли себя государство-суверен? В чем заключаются прерогативы государства в переустройстве общества и мирохозяйственных связей? Как оно адаптируется к социуму и воздействует на траектории социально-экономической трансформации? Насколько «размывают» его независимость во внутренней и внешней политике экономическая экспансия глобального капитализма, наднациональные институты, приватизация госсобственности и углубляющаяся коммерциализация социальной сферы? Как целесообразно реорганизовать государство, модифицировать его деятельность, отношения с гражданским обществом в условиях преодоления деструктивных явлений переходного периода? Каковы консолидирующие основы интеграции суверенных государств на постсоветском пространстве?

Эти вопросы находятся в фокусе научной корпорации, так как государство сохраняет статус верховного политического института общества. Без его управленческого влияния, как в прошлом, так и сегодня не решается ни одна проблема социума и международного сотрудничества. Вместе с тем изменяющаяся политическая реальность вносит существенные коррективы в прерогативы и имманентные функции государства. Одни ученые убеждены в способности государства качественно реализовать общественные цели и интересы. Другие выражают скептицизм в отношении управленческих возможностей его структур. Третьи считают устаревшей и неприемлемой для объективного анализа традиционную методологию познания феномена государственной власти.

В науке превалирует убеждение, что в условиях взаимозависимого, взаимосвязанного, интегрирующегося мира государственная система в чем-то ослабевает, а в чем-то усиливается [107; 110; 357].

Абсолютная независимость государства во внутренней и внешней политике, как ее представляли мыслители прошлого, сегодня невозможна. В определенной степени суверенитет «распределяется» между государством, наднациональными институтами, региональными союзами государств, муниципальными управленческими структурами в конкретной стране. Эволюционируют традиционные функции доминирующего властного института и его типы. Однако эти явления, как констатирует наука, не означают «заката» государственности и тем более распада национальных государств [109; 515; 533].

В докладе на XXVII Конгрессе Международной ассоциации политических наук в Сеуле (1997 г.) французский ученый *Дж. Пьер* уместно акцентировал внимание на основополагающем методологическом тезисе: государство не сдало свои позиции глобализации. Не исчезла его способность управления экономикой и обществом. Обновляются стратегия, функции, методы и формы государственного управления. Новая миссия государства в мире не должна оцениваться как уменьшающаяся либо вообще исчезающая – просто она меняется.

Российский исследователь *В.Е. Чиркин* характеризует облик государства второго тысячелетия как качественно новую модель государственности. Она – прообраз обозримого бу-

дущего, базирующегося на общечеловеческих ценностях, взаимных правах и обязанностях государства, общества, бизнеса, коллектива, человека. Такое государство отличается высокой приспособляемостью к жизни и полнее соответствует критериям международного сообщества [533].

Большинство ученых исследует феномен на основе парадигмы общечеловеческого идеала – демократического, правового, социального, светского государства. Сущностные его признаки – власть народа, демократичность взаимоотношений с личностью и гражданским обществом, господство права, разделение властей, политический и идеологический плюрализм, социально ориентированная рыночная экономика, надежные гарантии прав и свобод человека, общественный контроль власти, соблюдение разумной меры вмешательства в общественные процессы.

В публикациях и диссертациях правовое государство представлено как качественно новый тип государства, последовательно воплощающего принцип верховенства права и демократических норм взаимоотношений с личностью и гражданским обществом. Раскрываются его фундаментальные признаки:

- реальное обеспечение прав и свобод, социальной защищенности личности;
- равная ответственность и обязанность государства перед гражданином и гражданина перед государством;
- властное доминирование гуманных законов; разрешено все, что не запрещено законом;
- сфера отношений между государством, личностью и обществом регулируется демократическими нормами самоуправления, свободной инициативы граждан;
- разделение, эффективность, четкое ограничение прерогатив государственной власти, контроль гражданского общества за ее функционированием.

В научных трактатах доминирует концептуальная идея: только *правовое государство* способно преодолеть отчуждение граждан от политической власти и управления обществом, гарантировать их достойное благосостояние, в полном объеме реализовать права и свободы человека [68; 143; 168; 490].

Правовое государство призвано осуществлять социальную политику, гарантирующую достойные условия жизнедеятельности и свободного развития граждан. Цивилизованный путь

к социально-правовому государству – последовательная демократизация политико-властных отношений, реализация принципов справедливости, верховенства законов, гражданского согласия, общественно-политической стабильности.

В последнее десятилетие в теоретические представления о социальном государстве внесены существенные коррективы. Оно характеризуется многими западными политиками и учеными как государство «всеобщего благоденствия» с более высокими, чем в недалеком прошлом, стандартами материального и духовного благополучия. Вместе с тем в зарубежной и отечественной литературе наблюдается широкий диапазон мнений о модели социально-правового государства – оптимистических и пессимистических [490; 533].

Оптимисты прогнозируют его закономерную прогрессивно-восходящую трансформацию – постепенное движение к гармонично-демократическому общественному устройству. К примеру, российский ученый *С. В. Калашиников*, усматривает в модели социально-правового государства воплощение социалистического идеала. Реализуемый ныне в западных странах проект государства «всеобщего благоденствия», по его мнению, – свидетельство позитивной эволюции капитализма, все более глубокого «проникновения в его ткань» принципов равенства, справедливости, социального мира.

Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор философских наук *З. Ш. Гафуров*, соглашаясь с утверждением о том, что капиталистическое государство позаимствовало некоторые черты и принципы социализма, фокусирует внимание на его социальной функции как вынужденной мере. Социальное государство, по его мнению, – *явное отклонение* от логики развития и природы капитализма. Его мотивация лишь в определенной степени может быть объяснена заботой о справедливости и всеобщем благе. Главный аргумент – в глобальном противостоянии капиталистической и социалистической систем. Стремясь победить в этом противоборстве в бытность СССР, предотвратить массовое недовольство проводимой политикой, капиталисты вынуждены были «откупаться» от среднего и рабочего классов, снижая налоги, повышая оплату труда, пенсии, пособия [83, с. 6].

Негативное отношение к социальному государству прева­лирует среди ученых с либерально-демократической ориен­тацией. Не отрицая безусловный приоритет правового начала в капиталистическом обществе, они квалифицируют соци­альное государство как стыдливый, дискредитированный практикой, обтекаемо сформулированный аналог социали­стического утопизма. Главный его порок – отсутствие под­линной свободы; государство «благосостояния» является го­сударством тотального администрирования, принуждения, унижающей достоинство личности благотворительности, по­этому оно не имеет права на жизнь [83, с. 6, 7].

Вызывает эвристический интерес трактовка социально-правовой государственности в книге политолога и философа *А. А. Зиновьева*. По его мнению, после краха коммунизма на Востоке, Запад устремился в том же направлении, но под знаменем «демократизации», руководствуясь теорией и иде­ологией *конвергенции* социальных систем. «Можно подумать, – иронично замечает ученый, – что Запад в свое время раз­гневался на русских не за коммунизм, а за его “неправиль­ное” строительство» [163, с. 8].

Неординарным подходом к осмыслению характера госу­дарства переходного периода, его взаимоотношений с лично­стью и обществом отличается статья доктора социологиче­ских наук, профессора *М.Б. Смоленского*. Он иллюстрирует советским и российским опытом традиционную и безогово­рочную подчиненность гражданина государству, пренебре­жение власти его правами и свободами. «Абсолютный харак­тер воплощенного в образе государства добра, – отмечает ис­следователь, – парадоксальным образом уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью многих граждан от государства в лице его структур» [451, с. 15]. Об­раз государства в общественном сознании как бы постоянно раздваивается. С одной стороны, люди видят в нем потенци­ального носителя добра и общественного порядка, с другой – господствующий институт, в котором нет справедливости и гуманности, царит произвол.

Корни этого когнитивного противоречия исследователи усматривают в недостаточном внимании государственной власти к правам граждан, стремлении оправдать вводимые ограничения свободы, инициативы и предприимчивости че-

ловека политической целесообразностью, заботой о народном благе и стабильности общества. По их мнению, государство в России никогда не было в полном смысле правовым. Обязанности всегда преобладали над правами и свободами личности. Превалировала установка по отношению к конкретному человеку как не вполне полноценному существу, которое надо опекать, наставлять на путь истинный и пресекать, если нужно. Вследствие этого массовое сознание оставалось иждивенчески-пассивным, ожидающим от государства благодеяния. И сегодня, в условиях заявленных демократических преобразований, государство находится в столь же амбивалентном состоянии, как и институты гражданского общества. Люди относятся к государству скорее критически, чем доверительно, замечая, что его декларированные демократические нормы и реформы, социально-экономические, политические и правовые функции реализуются некачественно. Государство еще не создало условия, при которых гражданин выступал бы как равноправный партнер, участвующий в принятии важнейших решений, контролирующий действия властных структур. Не налажен продуктивный диалог государства с гражданским обществом. Показатели слабости и хрупкости возрожденной государственности – авторитарные тенденции и субъективизм в политике, слабая эффективность социальных программ, доминирование корпоративно-олигархических интересов в экономике, низкий уровень управляемости, правовой нигилизм, коррупция, рост организованной преступности [408; 486].

Как в прошлом, так и в настоящее время государство выступает главным субъектом национальной безопасности. Его безусловная прерогатива – защита и укрепление конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности страны. Не менее важная функция – мирное разрешение конфликтов на основе международного права, предупреждение разрушительных для государства политических, культурно-идеологических, социальных, экономических, демографических, экологических, транснациональных процессов.

Проблеме национальной безопасности, реального суверенитета российского государства во все более усложняющемся мире посвятил монографии академик РАН *А. А. Кокошин* [207; 208]. Его концепция опирается не на абстрактные рас-

суждения, а на стратегические интересы государства. По его мнению, идея реального суверенитета не устарела, как заявляют некоторые обществоведы и политики. Он предлагает различать глобализацию как *процесс* и как *идеологию*, полагая, что идеология стран-лидеров и наднациональных институтов направлена на ограничение прав государств, нуждающихся в кредитах и экономической поддержке, принуждение их к ускоренной приватизации, демократизации, свертыванию госсектора и социальных программ без учета конкретной ситуации и имманентных рынку дефектов.

В качестве примера *А. А. Кокошин* ссылается на жесткие и детальные условия МВФ, выполнение которых де-факто ограничивает национальную независимость. МВФ в отношении восточноевропейских стран, и особенно России, проводил в 1990-е гг. политику активного давления. Ее цель – максимальная либерализация, тотальное «разгосударствление» экономики, сокращение расходов на социальные программы, что не соответствует практике наиболее развитых государств и специфике переходных обществ. Давление МВФ не позволило России провести даже скромную налоговую реформу – путем снижения налога на добавленную стоимость. В результате налоговое бремя усилилось, так как был введен налог с продаж, а НДС остался прежним, что не могло не отразиться на динамике социально-экономического развития [208, с. 15–30].

Такую же политику МВФ проводит и в отношении Беларуси, других государств – конкурентов на мировом капиталистическом рынке. Ее следствия – снижение эффективности макроэкономической политики национальных государств, способности их правительств собирать налоги и финансировать социальные проекты, контролировать инфляцию и валютный курс; неустойчивость внутренних рынков и поведения в глобальной конкурентной среде.

Глобализация высветила, как полагают ученые, *приоритетные объекты* капиталистической экспансии и соперничества государств-лидеров, что угрожает национальной и международной безопасности:

- политический контроль над стратегическими территориями, доминирующее влияние в мире;
- экспортный потенциал и таможенные режимы развивающихся стран;

- природно-сырьевые, энергетические, информационно-технологические и инновационные ресурсы;
- сферы прибыльного приложения капитала;
- перемещение на периферию трудоемких, экологически опасных, морально устаревших и сборочных производств;
- механизмы управления торговлей и международными финансовыми потоками [100; 115; 314; 505].

Основные игроки на этом изменчивом поле – могущественные производственные ТНК, финансовый капитал, часто действующие при явной или завуалированной поддержке государств-лидеров.

Доктор экономических наук *В. Л. Шейнис* ставит под сомнение некоторые положения государственной доктрины России по обеспечению национальной безопасности. Он обнаружил в этой доктрине недоговоренности и перекосы, несоответствия реально проводимому курсу внешней политики, противоречия в поведении и влиянии России на пространстве СНГ и европейской арене [543].

Ученые выявили неисследованные факторы «проблемной государственности», международной и внутренней легитимации в формировании новых государственных образований, что тормозит познание характерных свойств, статуса, функций и проблем непризнанных и самопровозглашенных государств [15; 176]. Они обосновывают принципиально важный теоретико-методологический вывод. Суть его в том, что политическая наука «только начинает движение от простой фиксации и интерпретации проблем новых территориальных политик к более основательному и систематическому анализу консолидации государственности в современных условиях» [176, с. 38].

Роль государства в переходном обществе трансформируется под влиянием запросов практики и вызовов времени. Его эволюция предопределена международными условиями, радикальными изменениями в политической системе, неразвитостью рыночной инфраструктуры и демократии, преодолением негативного наследия прошлого, неготовностью гражданского общества к саморазвитию и контролю правительства.

Стратегическая цель государства в реформируемом социуме – качественное переустройство общественной жизни в соответствии с национальными интересами, апробированны-

ми практикой демократическими ценностями и инновациями, создание условий для стабильного социально-экономического прогресса и повышения благосостояния граждан. Оно призвано решать совокупность задач, связанных с совершенствованием политического управления, формированием зрелой институционально-правовой структуры экономики, предотвращением кризисов рынка, повышением эффективности и конкурентоспособности индустриального производства и сферы социальных услуг, обеспечением национальной безопасности.

Зарубежные и отечественные исследователи модернизации постсоветских государств отмечают, что преобразования осуществляются непоследовательно и противоречиво [66; 90; 238; 408].

Это обусловлено внешними и внутренними обстоятельствами – отсутствием опыта в проведении структурных реформ в экономике, низкой конкурентоспособностью, узостью национальных рынков, исторически сложившейся специализацией производства, слабостью предпринимательства, преобладанием госсобственности, качеством человеческого капитала, неудовлетворительной мотивацией инвестиций и инноваций, ошибками в государственной политике. Постсоветские государства оказались в зоне аутсайдеров глобализации, «догоняющего», неустойчивого социально-экономического и политического развития [17; 50; 118; 157; 158; 176; 552; 573].

Оценивая опыт модернизации в контексте мировой политики, профессор Кентского университета (Великобритания) *Р. Саква* характеризует ситуацию в российском переходном государстве как борьбу между двумя системами: формальным, хрупким конституционализмом (нормативным государством) и корыстными интересами его протагониста – влиятельными фракциями и группами (политической практикой, подрывающей нормы и гарантии Конституции). Россия – дуалистическое (двойственное, гибридное) государство, в котором нет созревших для демократии условий, реставрируются элементы советского политического режима. В таких условиях высшее руководство страны стремится модернизировать государственно-бюрократическую систему путем повышения эффективности существующих политических институтов, преодолеть правовой нигилизм, сократить нефор-

мальные полномочия деструктивных, кланово-коррупцированных групп влияния, привести социальную практику в соответствие с демократическим принципом всевластия Закона [438].

В среде отечественных интеллектуалов преобладает мнение, что в переходном обществе функции государства не девальвируются, а усложняются. Оно не сдает позиции под напором глобализации, экономического, информационно-идеологического, дипломатического и психологического пресинга наднациональных институтов, ТНК и государств-лидеров. Россия, Беларусь и другие постсоветские страны страдают не от «избытка» государственного регулирования, а от его недостаточной гибкости и консерватизма, неэффективности контроля и регулирования процессов в экономике, бюрократических злоупотреблений, дефицита профессионализма политической элиты. Системно-организующая, инновационная, стимулирующая, духовно-идеологическая роль государства в механизме модернизации социума не «минимизируется», а возрастает. Это, как следует из рассуждений ученых, *закономерность* переходного от социализма к капитализму периода [203; 258].

Согласно концептуальным представлениям аналитиков о практике постсоветской трансформации, государство постепенно сужает границы административно-регулятивного влияния на общественные отношения: расширяет сферу либерализации экономики, ее инвестиционного и инновационного обеспечения, стимулирования предприимчивости и инициативы граждан, коммерциализации относительно дорогостоящих сегментов социальных услуг. Одновременно демократизируется государственный контроль и арбитраж [309; 511].

Государство в транзитном социуме призвано осуществлять комплекс объективно необходимых функций.

Политическую – создание легитимных органов власти; распределение их функций и полномочий; разработка и реализация государственной политики; повышение адаптивных возможностей политической системы.

Правовую – установление правовых норм, поддержание правопорядка и законности.

Организаторскую – принятие стратегических и оперативно-тактических решений; поддержание устойчивого взаимодействия субъектов государственного управления и всех

звеньев общественной системы административно-правовыми средствами; осуществление контроля и арбитража на основе соблюдения демократических норм.

Экономическую – либерализация условий деятельности хозяйствующих субъектов; совершенствование инновационных механизмов реструктурирования и регулирования рыночной экономики; стимулирование предпринимательской инициативы; прогнозирование, мониторинг, преодоление и предупреждение кризисных тенденций в рыночных отношениях; сотрудничество с наднациональными институтами в экономической сфере.

Социальную – повышение социальной ответственности и активности институтов власти и частных корпораций; обеспечение их плодотворного партнерства в удовлетворении материальных и духовных потребностей граждан; координация усилий бизнеса и власти по реализации стратегии социально ориентированного экономического развития.

Культурно-идеологическую – внесение в сознание граждан демократических ценностей, формирующих отношения согласия, сотрудничества, солидарности и партнерства; охрана и обогащение прогрессивного исторического наследия, национальных традиций; совершенствование условий социализации личности.

Внешние функции – укрепление национальной безопасности; участие в мировой политике; развитие взаимовыгодного международного сотрудничества.

Как свидетельствуют научные публикации и дискуссии, мировой кризис выявил серьезные изъяны в моделях «минимального» воздействия государства на финансово-экономическую и социальную сферы, породил недоверие к политическим институтам, протекционистские настроения и недоразумения между странами [100; 116; 479].

Антикризисные меры, предпринятые правительствами западных и постсоветских стран, подтверждают необходимость компетентного и гибкого государственного управления социально-экономическими процессами. Особо востребованными оказались интеграционные проекты, инновационные идеи и технологии, повышающие уровень социально-экономической стабильности антикризисных моделей и механизмов, качества и эффективности контроля, «сетевое» взаимодействие с общественными объединениями и структурами бизнеса [22; 26; 511; 550].

Кризис актуализировал необходимость существенной корректировки внутренней и внешней политики государств, углубления их интеграционных отношений. Властные институты на постсоветском пространстве предприняли меры по активизации преобразований в экономике, либерализации рыночных отношений, устранению таможенных и налоговых барьеров. Совершенствуются правовые нормы согласованных действий власти с бизнесом, региональными и наднациональными институтами [115; 181; 309; 314].

В публикациях и официальных документах аргументируется мысль, что значение функций государства в условиях добровольного делегирования им некоторых полномочий наднациональным органам не нивелируется. «Объединенный суверенитет» во многих ситуациях не слабее, а сильнее национального. Суть проблемы – не в отмирании государства, а в изменении инструментов и демократизации методов его вмешательства в хозяйственную жизнь, регулятивного влияния на легитимацию действий и «правила игры» экономических агентов. Государство в условиях глобализации полностью сохраняет свое значение как гарант национальных интересов и благополучия своих граждан [284; 312].

Некоторые политологи прогнозируют в XXI в. децентрализацию национальных государств – ослабление центральной власти на подведомственной территории и усиление компетенций, политического влияния региональных управленческих структур. Эта предположительная тенденция распространяется на федеративные, конфедеративные и унитарные государства [165; 515; 563].

Кандидат юридических наук *Н. Б. Пастухова* на основе анализа тенденций российского федерализма и законодательных актов страны сформулировала концептуальный вывод: государственный суверенитет по определению не может принадлежать административно-территориальным образованиям. По ее мнению, нарушение этого принципа чревато трансформацией федерации в конфедерацию, рассогласованием полномочий между центром и субъектами федерации, дестабилизацией государства, снижением эффективности политического управления. Правовой статус субъектов федерации должен основываться на четком и согласованном разграничении функций между ними и центром. Их законодательство

надлежит привести в строгое соответствие с Конституцией Российской Федерации. Суверенитет государства исключает существование двух уровней суверенных властей. Государственная власть федерации едина и неделима; только она обладает верховенством и независимостью, однозначно исключает суверенитет субъектов федерации [347].

Поиск приемлемой для многонациональной страны модели федерации – особенность стратегии и тактики действий центральной власти. Проблемы федерализма как формы государственного устройства, его эволюция и перспективы, теоретические и прикладные аспекты являются приоритетными для российских обществоведов [497; 502]. Ученые анализируют этапы реформирования государственности после распада СССР, содержание договорных отношений между центром и регионами, противоречия во взаимодействии центра с региональной и местной властью, между Конституцией РФ и республиканскими конституциями.

Не теряет своей роли правовая функция государства в реформируемом обществе. Это обуславливает необходимость, как считают специалисты, укрепления основ правовой политики, теоретически обоснованной государственно-правовой идеологии, формирования нового типа правосознания социальных субъектов, позитивного нормотворчества в условиях политической модернизации, качественной правоприменительной деятельности, преодоления правового нигилизма [62; 143; 451; 490; 535].

Экономическую функцию переходного государства обществоведы оценивают и интерпретируют в контексте мирового опыта, практики развитых стран и особенностей постсоветской трансформации. При этом стремятся выяснить посредством междисциплинарных проектов эффективность государственной политики, антикризисных мер, политических механизмов обеспечения устойчивого социально-экономического развития [22; 26; 74; 100; 181; 366; 509; 514].

Особую обеспокоенность научной корпорации вызывают инерционные процессы в России, отставание лидера на постсоветском пространстве от развитых европейских стран и США по ключевым показателям социально-экономического благополучия. Страна занимает пятое место по величине ВВП, 74-е место по валовому продукту на душу населения,

стремительно возрастает ее зависимость от сырьевого экспорта. Упущены возможности для структурных реформ и модернизации экономики и социальной сферы. По отраслевой структуре экономики и движению финансовых потоков государство почти сравнялось с монархиями Ближнего Востока. Изношенность основных фондов составляет более 46 %. Вместо создания новых активов, инвестирования отечественного производства крупные компании увлеклись покупкой акций зарубежных корпораций и недвижимости. Внешний долг тормозит инновационные изменения в экономике. Увеличивается разрыв в доходах между богатыми и бедными гражданами. Угрожающих масштабов достигла коррупция [543, №1, с. 45–50].

Негативные тенденции проявляются и в развитии Беларуси. Их истоки – в последствиях мирового кризиса, затянувшихся инновационных изменениях в экономике с учетом мировых тенденций и приоритетов внешнеэкономической деятельности, недостатках государственного управления. Как выяснили исследователи, Беларусь сегодня не готова к глобальной конкуренции и интеграции, максимально продуктивному использованию инвестиционного и технологического потенциала западного вектора. За период с 1995 по 2010 г. в стране наблюдается рост отрицательного сальдо внешне-торгового баланса. Увеличивается совокупный валовой внешний долг, что подрывает стабильность валютной и денежно-кредитной политики государства, его рейтинг в мировом сообществе. Высоки темпы инфляции, роста цен на товары массового спроса, что снижает качество жизни граждан [115].

Для осмысления механизмов, закономерностей эволюции и функций современной государственности имеет особое значение проект «*Политический атлас современности*». Как мы отмечали в предыдущем разделе, он реализуется аналитиками кафедры сравнительной политологии и других структур МГИМО (У) МИД России, Института общественного проектирования, при поддержке РАН и журнала «Эксперт» [188; 288; 393; 394].

Цель проекта – создание многомерной типологии современных политических систем и политических режимов на основе разработки и применения системы количественных методов сравнительного анализа.

Объект исследования – все суверенные государства мира, уникальные по социально-политическим характеристикам и международному влиянию.

Определяя предметное поле и задачи исследования, авторы проекта учитывали сильные и слабые стороны разработок европейских ученых. Они обосновали необходимость новых подходов к построению рейтингов стран, проверке истинности экспертных оценок статистическими данными, многомерным сравнительным анализом.

Ученые сформулировали конкретные вопросы, на которые нет общепризнанных ответов в науке:

- каковы отличительные свойства и параметры современных государств;
- насколько их способность обеспечивать благополучие граждан зависит от типа политической системы, культурных традиций, экономических показателей, пространственного расположения и других факторов;
- можно ли сравнивать уникальные явления в мировой политике;
- как учитывать в исследовательской практике национальную специфику государств и траектории их эволюции;
- можно ли учесть в сравнительном анализе неопределенную множественность факторов и показателей развитости государств.

Авторы проекта предложили модель многомерного (включающего разнообразные методы, приемы и процедуры) сравнительного анализа политических систем и политических режимов, поддающегося верификации. В его основе – унифицированные и официально признанные в международном и профессиональном сообществе статистические (эмпирические) данные, отражающие эволюционные изменения в государствах, их особенности, темпы развития.

Исследование является междисциплинарным по характеру, сочетающим политологические и точные количественные (математические) методики познания государств. Его специфика в том, что существенно расширяются возможности для мониторинга ситуации в мире, национальных институтов, традиций и культур, внутренних и внешних влияний на государственность, политических изменений, допустимых по отношению к конкретным странам «эволюционных требований».

Проектанты фокусируют внимание на *политиях* как базовых структурах мирового устройства, которые развиваются в глобальном пространстве в соответствии с внутренней логикой и приоритетами, стремятся к взаимодействию и подвергаются множественным трансформациям [393; 394].

Обоснованными представляются эмпирические гипотезы исследователей. По их предположительному мнению, реальный статус-кво национальных государств и их взаимосвязи определяются:

- качеством государственности, способностью обеспечивать эффективное функционирование и воспроизводство политических институтов;
- адаптивностью к вызовам, исходящим из внутренней и внешней среды;
- ресурсами воздействия, которыми они располагают;
- реализацией функции жизнеобеспечения своих граждан;
- потенциалом демократического развития – традиций политической конкуренции, представительства и участия.

Методологическое и прикладное значение проекта, если судить по его предварительным результатам, апробированным на международных конференциях, семинарах, симпозиумах, заключается в следующем:

- построена интегрированная матрица мониторинга, описания и сравнения политических систем и политических режимов, включающая более 150 параметров (индикаторов);
- разработаны многомерные и репрезентативные индексы национального и мирового развития: государственности; национальных угроз; потенциала международного влияния; институциональных основ демократии; качества жизни;
- на основе индексов и эмпирических данных произведена типология политических систем и режимов, построены рейтинги стран мира, выявлены их сходства и различия, внутренние взаимосвязи между национальными государствами и группами государств;
- установлены корреляции между индексами с учетом того, что национальное развитие не всегда вписывается в «универсальную логику», так как осуществляется в многомерном пространственно-временном континууме;
- сформулированы выводы о своеобразии традиций, условий, приоритетов и угрожающих России факторов, которые

определяют перспективы ее динамики как влиятельной страны мира с высокой степенью суверенности, но с низким качеством жизни и среднеразвитыми формальными институтами демократии;

– предложена качественно новая аналитическая модель, способная стать инструментом анализа государственного базиса демократии, конкретных международных и внутривнутриполитических ситуаций, разрешения конфликтов и проблем постсоветских обществ [393].

Промежуточные результаты исследования верифицированы эксплицитными эмпирическими данными. Они обогащают представления о политической картине мира, специфике и общих тенденциях внутренней жизни национальных государств, предупреждают искусственное «ускорение» процессов трансформации в постсоветских обществах, навязывание стандартов и институтов других стран.

Доминирующее направление изысканий обществоведов Беларуси – история национальной государственности. Ей посвящены публикации *М. Ф. Пулипенко, В. Ф. Ладысева, П. И. Бригадина, Н. В. Сильченко, И. А. Басюка, П. Г. Чигринова* и других исследователей.

Анализируются исторические условия становления белорусской государственности, влияние на национальную идентификацию Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР.

Национальная государственность – особый признак, которым отмечена историческая эволюция страны; обобщенный показатель ее цивилизованности, развитости в социально-экономической, политической, духовно-нравственной сферах. Изучая национальную специфику, приоритеты и альтернативы строительства суверенной государственности, ученые стремятся ответить на дискуссионные вопросы: Имеет ли нынешняя национальная государственность общерусские корни? Правильно ли считать Великое Княжество Литовское (XIII–XVI вв.) белорусским государственным образованием? Каковы последствия для национальной идентификации акта вхождения «этнических» территорий (в этнических границах проживания белорусов) в состав Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.), Российской империи и СССР?

Автор считает обоснованным концептуальный вывод исследователей относительно того, что основные признаки ре-

альной государственности Беларусь обрела после Октябрьской революции 1917 г., в составе Советского Союза. После распада СССР в истории национального государства наступил новый период – модернизации, качественного переустройства всех сфер государственности на основе принципов рыночной экономики и правовой государственности. Этой стратегической цели, равнозначной общественному идеалу, нет альтернативы. Могут быть предложены лишь плюралистические концептуальные подходы к практическому воплощению идей демократической модернизации в жизнь.

В таких альтернативных, реалистичных идеях (концепциях, проектах, программах) мы ощущаем сегодня дефицит. Не располагает белорусская историография и монографиями, диссертациями политологов и социологов, посвященными комплексному осмыслению итогов, противоречий и перспектив социально-политической трансформации страны, специфики и результативности национальной модели развития.

Некоторые аспекты эволюции белорусского государства освещаются в публикациях *В. В. Буцика, П. И. Бондаря, В. П. Величко, Л. Е. Землякова, В. А. Мельника, С. Г. Паречинной, В. В. Шинкарева; российских ученых К. Е. Коктыша, Ю. Ф. Година, Б. И. Макаренко, А. Н. Михайленко, И. Николаева, Н. А. Симония, Е. Цедилиной, А. Шурубович, О. В. Бахловой, А. В. Строма, С. А. Тарановой.*

Перспективы утверждения в Беларуси принципов правовой государственности и зрелого гражданского общества исследуют *Г. А. Василевич, В. Г. Тихиня, Н. Л. Бондаренко, В. А. Кадавбович, В. И. Шабайлов, Н. В. Павлова, В. Н. Ватыль, И. В. Котляров, Н. Н. Белякович, И. И. Котляр, С. Г. Дробязко, М. Ф. Чудаков.*

В публикациях ученых анализируются эволюционные изменения в Республике Беларусь, их влияние на рейтинг власти, общественное сознание и поведение. Они свидетельствуют, что стратегические цели проводимых в стране реформ – сохранение и укрепление суверенитета, реализация национальных интересов, демократизация институтов власти и гражданского общества, устойчивое социально-экономическое развитие.

Политический курс государства обеспечивается совокупностью факторов: формированием рыночной инфраструктуры; внедрением инноваций; либерализацией экономики; ре-

конструкцией производства; повышением конкурентоспособности товаров и услуг; рациональным использованием энергоресурсов; углублением интеграционных процессов на пространстве СНГ.

В публикациях последних лет обосновывается концептуальный тезис о либерализации экономики как условии ее реструктуризации и модернизации, стимулирования малого и среднего бизнеса, привлечения инвестиций и претворения в жизнь инновационной стратегии государства.

Политический курс на либерализацию национальной экономики выглядит парадоксом на мировом фоне усиления государственного регулирования финансово-экономической сферы с целью преодоления кризисных последствий. Однако этому нонсенсу есть объяснение. Суть его заключается в стратегии, логике и выявленных недостатках апробируемой модели развития, а также в том, что даже сильное государство не в состоянии эффективно управлять всеми экономическими агентами и операциями. Административные методы управления экономикой ограничивают свободу капиталистического рынка, инициативы предпринимательства. Деятельность государства в условиях кризиса глобальной экономики направляется на укрепление финансовой системы, рационализацию денежно-кредитной политики, преодоление дисбаланса внешней торговли, создание наукоемких, конкурентоспособных производств, недопущение массовой безработицы и снижения качества жизни граждан [72; 115; 309; 314; 550].

Вектор эволюционных изменений в Беларуси скоординирован на упрочение суверенной государственности. Он обусловлен возрастающей ролью государства в переходный период как «локомотива» демократических перемен и прогресса, необходимостью гармонизации его отношений с личностью и обществом.

Государство как основной институт политической системы общества призвано решить комплекс взаимообусловленных задач:

- направлять и стимулировать трансформационные процессы;
- создавать демократические условия для проявления творческой инициативы граждан в политике, экономике, самоуправлении;

- обеспечивать ожидаемую гражданами эффективность власти – законодательной, исполнительной, судебной;
- заботиться об увеличении инвестиций в человеческий капитал страны и стимулировать инновации;
- формировать резервный корпус новой управленческой элиты, способной компетентно и адекватно отвечать на вызовы глобализации и запросы общества;
- повышать профессиональный уровень взаимодействия, культуру и ответственность органов государственной власти;
- упорядочивать, демократизировать и усиливать государственный контроль соблюдения законов, осуществления политических и оперативно-управленческих решений [31; 101; 202; 215; 216; 261; 312; 410; 436].

Приоритетное направление государственной политики – совершенствование законодательства, формирование целостной, прозрачной, гибкой, динамичной правовой системы.

В монографии доктора юридических наук, профессора *Г. А. Василевича* исследованы изменения в конституционном развитии белорусской государственности. Дана системная характеристика структуры, порядка формирования, правового статуса, полномочий, механизмов взаимодействия ветвей власти. Предлагаются пути совершенствования нормативных актов в переходный период. Авторская интерпретация политико-правовых аспектов государственности (в теоретическом, методологическом и практическом плане) подкреплена эмпирическим материалом. Раскрываются проблемы и перспективы конституционализма, особенности правовой политики, причинно-следственные взаимосвязи политических изменений и права, результативность соблюдения конституционно-правовых норм социальными институтами и гражданами [62].

Вместе с тем в процессе изучения совокупности публикаций о трансформации государственности Беларуси выявлены фрагментарность их содержания, недостаточное внимание *системной оценке* динамики политических изменений. Им недостает критического осмысления политики реформ, проблем и противоречий социальной практики. Это бы усилило научную аргументацию доминирующих в официальных документах и научных разработках выводов о преимуществах и специфике белорусской модели развития, причинно-след-

ственных взаимосвязях между государственным управлением и преобразованиями в социально-экономической сфере, принятыми правительством антикризисными мерами и их эффективностью.

Ученые России, напротив, остро критически оценивают экономические функции своего государства, его статус и роль в мировой политике и международном разделении труда. В экономической сфере они выявили негативные тенденции: негибкость государственной власти и ее зависимость от клановых интересов; недостаточность мер по модернизации экономики; огромные непроизводительные издержки; низкий инновационный, технический и технологический уровень промышленного, сельскохозяйственного производства; монополизм и слабость конкурентных начал; незащищенность прав собственности; зависимость бизнеса от власти; бюрократизм, коррупция, некомпетентность управленческих структур.

В российских публикациях аргументируется суждение, что государство не может управлять обществом по-старому. Насущная необходимость – его глубокая *демократическая трансформация*. Административные методы тормозят творческую инициативу, формирование здоровой конкурентной среды в рыночной экономике, консолидацию государства и гражданского общества.

Как утверждают исследователи, в России есть социальные силы, способные осуществить демократические перемены, вывести страну из перманентного кризисного состояния. Аналитическая задача заключается в том, чтобы оценить их инновационный потенциал, определить условия взаимодействия [476; 479].

Одним из направлений научного анализа являются взаимоотношения государства и бизнеса в социально-экономической сфере. Его успешно разрабатывает доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *С. П. Перегудов* [353].

Ученый выявил изъяны в экономической деятельности российских корпораций, их нежелание диверсифицировать бизнес, инвестировать социальную сферу, технологическое обновление собственного производства и смежных его отраслей. Главная причина такого поведения не в эгоизме крупного бизнеса, его ментальности и непомерном стремлении

к обогащению, а в отношениях с властью. Вывоз капитала за рубеж, поражающие воображение излишества в личном потреблении, сверхвысокие дивиденды, скупка люксовой недвижимости за рубежом, «инновационная апатия» – свидетельство недоверия к государственной власти, автократическим методам ее взаимодействия с бизнесом.

Творческие усилия обществоведов России сосредоточиваются в последние годы на исследовании государственной политики, ее результативности. Этому направлению посвящено большое количество публикаций: монографий, статей, докладов на конференциях, материалов коллективных дискуссий. Их проблемно-тематический спектр разнообразен и актуален: итоги трансформации, ее национальная специфика; динамика социально-политической ситуации; качество и эффективность политического управления; роль государства как гаранта гражданских прав и свобод; тенденции и проблемы взаимодействия государства с гражданским обществом; эволюционные изменения в политической культуре властных институтов; перспективы национальной государственности.

Междисциплинарный подход к познанию постсоветской государственности выявил некоторые закономерности ее эволюции:

- умножаются созидательные возможности тех государств, которые адаптивны к глобализации;
- интернационализация мировой экономики, региональная интеграция, приватизация и либерализация не девальвируют государственное регулирование, а усиливают потребность в демократических, инновационных методах управления обществом;
- повышается роль государственного контроля реализации политических решений и социально-экономических задач;
- сокращается объем суверенных полномочий государства в международной сфере и внешней политике, но возрастает ответственность за национальные интересы, благополучие граждан;
- согласование и координация действий субъектов мировой политики становится неременным условием безопасности и динамичного развития переходных обществ;
- в условиях глобализации социально неэффективные государства попадают в зависимость от более развитых и влиятельных, а «закрытые» пополняют список «изгоев»;

– в неконкурентоспособных и нестабильных государствах обостряются противоречия, активизируются агрессивный национализм, сепаратизм, организованная преступность, бюрократизм и коррупция.

Осмысление политической наукой и обществоведением роли и функций переходного государства обусловлено его эволюцией и трансформационными процессами в мире. Устоявшаяся система традиционных представлений корректируется, приводится в соответствие с социально-политическими реалиями. В таком обновлении взглядов на государственность в равной степени заинтересованы и постиндустриальные, и традиционные, и транзитные общества. Мировой финансово-экономический кризис актуализировал проблему государственности, ускорил включение ее в повестку дня научной корпорации.

Политологи, историки, экономисты, правоведы, философы в дискуссионном ключе обсуждают и исследуют динамику современных государств, влияние на их развитие экономической экспансии глобального капитализма, региональной интеграции, последствий кризисных процессов.

В центре научного диалога и творческого поиска – тенденции и закономерности эволюции национального государства, его роль в качественном переустройстве общества и геополитике. Теоретическое осмысление феномена не завершено. Однако наблюдается примечательная особенность коммуникации профессионалов – единодушие по поводу того, что государство не может управлять обществом по-старому. Назрела необходимость его глубокой *демократической трансформации*. Административно-командные методы управления в переходном социуме препятствуют формированию позитивного имиджа государства, здоровой политико-конкурентной среды, прогрессу рыночной экономики, консолидации демократии.

Наука утверждает, что государство по-прежнему осуществляет комплекс объективно необходимых обществу функций, хотя либерализация и демократизация общественных отношений постепенно сужают его регулятивное влияние на социально-экономические процессы. Россия и Беларусь стра-

дают не от «избытка» государственного управления. Проблема заключается в том, что государственный механизм еще не отличается достаточной гибкостью, адаптивностью к требованиям социума и вызовам глобализации, демократичностью и эффективностью. Ему свойственны такие «болезни», как консерватизм, бюрократизм, коррупция, дефицит профессиональной культуры политической элиты. Это, как следует из концептуальных идей ученых, является закономерностью нынешней социально-политической трансформации, постепенно «освобождающей» государственный механизм от негативного наследия прошлого.

Стратегическая цель государства в реформируемом социуме – качественное переустройство общественной жизни на основе национальных интересов, апробированных ценностей и опыта цивилизации. Его гуманная миссия – создание условий для прогрессивных изменений, стабильного социально-экономического развития и повышения благосостояния граждан. Государство призвано решать имманентные его предназначению задачи: совершенствовать политическое управление; формировать демократическую институционально-правовую структуру социума; предотвращать кризисы капиталистического рынка; повышать качество жизни граждан; укреплять инновационный потенциал экономики; стимулировать инвестиции в социальную сферу; обеспечивать национальную безопасность.

В среде отечественных политологов преобладает мнение, что в транзитном обществе функции государства не девальвируются, а усложняются. Оно не сдает своих позиций под напором глобализации, экономического, информационно-идеологического, дипломатического и психологического давления наднациональных институтов, ТНК и государств-лидеров. Властные структуры России, Украины, Беларуси, Казахстана и других постсоветских стран совершенствуют государственное управление, чтобы повысить его адаптивность к запросам динамичной жизни и оправдать ожидания граждан. Системно-организующая, стратегически ориентирующая, инновационная, стимулирующая, культурно-идеологическая роль государства в механизме модернизации переходных обществ не девальвируется, а возрастает.

Методологическая рефлексия ученых выявила неоднозначное объяснение и плюралистическую интерпретацию динамики, легитимации и перспектив национальной государственности. Ее объективный базис – противоречивая действительность. Нестабильность социально-экономического и политического развития на постсоветском пространстве, расширяющиеся масштабы деятельности ТНК и наднациональных институтов, изменяющаяся ситуация в мире обостряют потребность в нетрадиционных методологических подходах познания реальности, критически-творческом осмыслении статуса государства, его функций, созидательных возможностей и перспектив.

Отчетливо выраженный междисциплинарный подход обществоведов к проблеме обогащает возможности комплексного анализа национальной государственности с учетом совокупности политических, экономических, социальных, духовно-нравственных, внутренних и внешних факторов.

Глава 8

Модернизация в контексте мировой политики

Особенности демократического транзита постсоветских государств невозможно познать, не осмысливая его характер и динамику в международном контексте. Состояние мироустройства, метаморфозы и проблемы геополитики непосредственно влияют на ритмику и результаты преобразований в России, Беларуси и других переходных обществах.

Современная политическая наука располагает солидным банком исследований международных отношений. Однако предлагаемые модели мира и инструменты его качественного изменения, методы объяснения и прогнозирования политических реалий не вполне отвечают запросам времени и переходных обществ. Гносеологические возможности некогда популярных геополитических концепций, претендующих на универсальность, завышены, устарели или неприменимы. Поэтому ученые России и Беларуси ведут поиск новых парадигм и способов познания международных условий политической модернизации, влияния на демократический транзит глобальных событий и факторов.

Распад СССР не ускорил поступательное движение человечества к ненасильственному, справедливому международному порядку. Внедряемый партийной номенклатурой в массовое сознание на рубеже 1980–90-х гг. тезис о «новом политическом мышлении» оказался иллюзорным.

Сегодня в мировой политике участвуют 193 государства, но сохраняется доминирующая роль США. Обостряются глобальные проблемы цивилизации. Мировой кризис усугубил нестабильность ситуации в транзитных обществах. Неблагополучие в социально-экономическом развитии характерно и для ведущих держав. Усиливается соперничество за геополитическое влияние, передел рынков, природные ресурсы, сферы приложения капитала, информационное пространство. Проявляются стереотипы блокового противостояния. Непрерывно вспыхивают конфессиональные и этнические конфликты. Огромные средства направляются на совершенствование оружия и обеспечение военного превосходства.

Мир разбалансирован, разделен на две части – государства относительного благосостояния; регионы нестабильности, социально-экономической и политической непредсказуемости.

Сказанное подтверждает актуальность непрерывного, соответствующего интересам преобразований в постсоветских обществах обновления теоретико-методологических подходов к познанию мировых политических процессов. Жизненно необходим творческий поиск приемлемых для Содружества Независимых Государств внешнеполитических моделей поведения, отвечающих целям и приоритетам демократического транзита, насущным потребностям интеграции и глобальным вызовам. Модернизация не достигает целей, если не обеспечивается альтернативными идеями, полноценным анализом мотивов и действий субъектов мировой политики, обоснованным предвидением угроз национальной и международной безопасности, сценариев развития событий в обозримой перспективе.

В качестве иллюстрации потребности в активизации теоретико-методологической рефлексии политологов уместно привести публикации, которые с позиций авторских симпатий и антипатий характеризуют расстановку сил в мировом сообществе и на постсоветском пространстве.

Профессор-политолог *З. Бжезинский* в книге «Великая шахматная доска», изданной в конце 1990-х гг., изображает

будущее мировой политической системы в облике американской гегемонии [33]. Центральная концептуальная идея книги – использование США своего военного, экономического и культурного потенциала для удержания контроля над Евразией, где в ближайшие десятилетия будет оспариваться американское доминирование. Вектор стратегии государства должен быть направлен на удержание и закрепление мирового господства, недопущение возникновения соперничающей сверхдержавы, угрожающей интересам, имперскому статусу и глобальному влиянию США.

Профессор оптимистично утверждает, что американское превосходство породило желаемый однополюсный мир, новый международный порядок, который копирует и воспроизводит многие черты политической системы.

Сообразно своим методологическим представлениям политолог проектирует и прогнозирует перспективы человечества, интерпретирует геополитические интересы и влияние постсоветских государств на международную безопасность.

Так, Россию он называет «черной дырой» на карте планеты, обозначая «космической» метафорой агрессивную роль евразийского государства с колониальными намерениями, стремящегося к властному верховенству на постсоветском пространстве, сохранению контроля над огромной территорией между Центральной Европой и Тихим океаном.

Геополитическая концепция *З. Бжезинского* – позиционирование имперской роли США в истории, их мирового господства после краха СССР – единственного сильного соперника на мировой арене. Она обнажает суть доктринальной химеры западного либерализма о линейной эволюции международного порядка и счастливом завершении «холодной войны», отвечающем стратегическим интересам США и Европейского Союза.

В очередной книге «Выбор» *З. Бжезинский*, осознав под влиянием противоречивых тенденций в мировой политике и трагических событий 11 сентября ошибочность своих концептуальных идей, внес коррективы в «имперскую» риторику, призвал администрацию США переформулировать внешнеполитические цели и идеологию. Он отмечает, что страна стоит на перепутье и должна сделать стратегически правильный выбор: то ли избрать путь самоизоляции, ведущий к ми-

ровому господству, или использовать помощь союзников и стать мировым лидером. Гарантий национальной безопасности Америки, как заявляет политолог, сегодня нет. Стране нужны долгосрочные и надежные союзники, а образ государства, основанный на неограниченной военной силе и упреждающих ударах, вызывает недоверие и отчуждение вчерашних партнеров, враждебность и ненависть арабских, постсоветских и других стран.

Приведенный пример толкования реалий и перспектив международного порядка свидетельствует о серьезных изъянах *либеральных концептуальных моделей* мировой системы, иррациональности геополитического плюрализма, абстрактного теоретизирования.

Обоснованию неолиберальной концепции мировой системы положили начало *Ф. Бродель* и *И. Валлерстайн*. Их последователи определяют глобальную систему как целостность капиталистической экономики, способной к экспансии и не совпадающей с границами национальных государств.

Согласно концепции *И. Валлерстайна*, капиталистическая система Запада выявила свои исторические преимущества и закономерно распространяется по всему земному шару как наиболее прогрессивный тип цивилизации. Доминируя в мире, она символизирует «универсализацию» и утверждение западных ценностей. Ее неизбежные следствия – «догоняющее» и «зависимое» экономическое развитие транзитных обществ, несправедливое перераспределение прибавочной стоимости, господство развитых государств в международной политике, конфликты и кризисы [294, с. 643, 644].

В этой абстрактно-теоретической схеме России (как и другим постсоветским государствам. – *Ю.Б.*) дезинтегрированной, ослабленной социально-экономическими проблемами, потерявшей в 1990-е гг. геополитическое влияние и авторитет великой державы, *однозначно нет* иной альтернативы, как пассивно и толерантно двигаться в фарватере американской и европейской внешней политики.

Естественно, гносеологическая непоследовательность и некорректность упрощенно-концептуальных подходов вызывает критическое к ним отношение, побуждает профессионалов к эмпирической проверке истинности сомнительных идей и аналитических обобщений.

За два десятилетия эволюции национальной политологии ее фонд существенно пополнился диссертациями, монографиями, сборниками научных трудов, статьями и докладами государственных деятелей о проблемах модернизации постсоветских государств и влиянии на ее характер глобальной политики. Они характеризуются многогранностью предмета исследований:

- глобализация как объективный процесс [106; 126; 200; 244; 401; 444; 569];
- последствия мирового кризиса, средства и методы его преодоления [60; 100; 127; 128; 155; 429; 482; 550];
- формирующаяся архитектура мира после распада СССР, инструменты анализа современной геополитики [15; 48; 53; 64; 157; 176; 220; 243; 247; 248; 258; 342; 456];
- внешнеполитическая стратегия России и Беларуси [12; 25; 115; 157; 190; 228; 229; 314; 407; 410; 447; 493; 558];
- интеграционные процессы на постсоветском пространстве [108; 181; 201; 245; 298; 304; 528; 536].

Особый интерес представляют концепты, находящиеся сегодня в фокусе научной полемики и гносеологического плюрализма, отражающие влияние геополитических факторов на ситуацию в мире и преобразования в транзитных обществах:

- формирование нового миропорядка, состояние международной и национальной безопасности;
- характер экономической интеграции Содружества Независимых Государств, их геополитические интересы;
- влияние наднациональных институтов на политику России и Беларуси;
- кризисные тенденции в западных и переходных обществах;
- причины региональных конфликтов, глобальных рисков и угроз.

Среди публикаций выделяется коллективное исследование «Глобальный капитализм: три великие трансформации», изданное в Москве в 2008 г. [505].

Авторы воспользовались правом «свободы критики» социального знания, скрупулезно проанализировав категориальный, концептуально-теоретический и инструментальный потенциал общественных наук начала XXI в. Исходный их тезис – постмодернистский мозаичный плюрализм в эпистемологии науки, как и крайности концептов либерального «кон-

ца истории», порождают скепсис в отношении возможностей познания феномена глобализации, специфики и динамики национальной государственности.

В монографии исследованы фазы, механизмы, содержание и результаты трансформации капитализма. Нынешние перемены в мире характеризуются как множественность историко-культурных, экономических, политико-институциональных форм глобального развития, в контексте которого Россия и другие транзитные общества могут и должны найти свой самобытный путь. Этот исходный методологический тезис аргументируется опытом Японии, молодых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, постсоветских государств. Обосновывается ключевой вывод, что модернизация не есть заимствование или копирование западной модели, а «развитие на базе собственных культурных оснований» [505, с. 269]. «Догоняющая» модель по либеральным образцам в условиях глобализации способствует лишь консервации системного неравенства между странами и регионами [505, с. 369].

Концептуальный «лейтмотив» монографии заключается в том, что рекламируемая западная модель развития далека от идеальных представлений о прогрессе: порождает индивидуализм, несправедливость в распределении материальных и духовных благ, кризисные процессы, дестабилизирующие общественные отношения. Она, бесспорно, исторически значимая, но все же локальная, не универсальная, не эталон для тотального подражания. Демократический транзит по «лекалам» одной модели порождает кризисы национальной идентичности, размывает культурное многообразие народов, стран и регионов. Динамика современного мирового развития с ее противоречиями и проблемами обуславливает значимость локального, традиционного, исторического, религиозного факторов.

Обосновывая методологические подходы к интерпретации мирового развития, исследователи сосредотачиваются на логической аксиоме: абсолютизация самобытности модернизации переходных обществ, как и постулируемых «универсальных» моделей развития, ведет к одинаково вредным последствиям. Будущее глобального капитализма прогнозируется в книге как процесс апробации и реализации альтерна-

тивных сценариев, вариантов, моделей и парадигм развития, основанных на «автохтонных капитализмах» [505, с. 539].

Проблемам модернизации посвятили монографию ученые Института социологии РАН [103]. В ней отражены результаты исследования, проведенного в 2010 г. и охватившего 1750 респондентов, с целью получения ответов на главный вопрос: какова общая ситуация в стране и позволяет ли она совершить успешные преобразования?

Ученые пришли к выводу о неразрывной взаимосвязи национальной модели преобразований с современными реалиями и особенностями, непреходящем значении опыта стран и регионов мира в качественном переустройстве бытия. Однако модернизация конкретной страны не может быть «догоняющей»; она адекватна национальному политическому и социально-экономическому опыту, ценностям культуры общества, государственным интересам и приоритетам.

В октябре 2002 г. в Москве состоялась международная конференция «Переосмысливая современность» [357], участники которой обсуждали актуальные для России и Беларуси гносеологические проблемы: поворотные точки истории и мировой порядок; тренды эволюции транзитных обществ; новые угрозы международной безопасности; трансформация мировых экономических структур и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику национальных государств.

Р. Аксельрод (Мичиганский университет, США) констатировал безуспешность попыток политологов-международников предсказать развитие мировых событий на 20 и более лет вперед и указал на необходимость поиска более эффективного инструментария прогнозирования. Он предложил новую классификацию *угроз безопасности*:

- технологические (связанные с новыми видами оружия, использованием компьютерных и информационных технологий во вред человечеству);
- идентичности (исходящие от религиозных экстремистов, межэтнических конфликтов, нарушений демократических норм);
- природные (обусловленные неразумной деятельностью человека, дефицитом продовольствия, воды, сырья для промышленности, энергетических ресурсов и т. д.);
- межгосударственные конфликты;

– экономические проблемы (углубляющие разрыв между благоденствующими и транзитными странами, финансовую неустойчивость);

– демографические проблемы (старение населения в Европе и США, рост рождаемости в Азии, Африке и Латинской Америке, опасные болезни) [357, № 3, с. 14–16].

Предложенная классификация угроз национальной и международной безопасности была воспринята участниками конференции как конструктивный методологический ориентир. Она отличается реалистичным и масштабным взглядом на мир, что выгодно отличает ее от прогностических идей, изложенных в книге *С. Хантингтона* «Столкновение цивилизаций» – одного из популярных в 1990-е гг. геополитических трактатов.

В.М. Сергеев (МГИМО, Москва) и *Дж. Бреслауэр* (Калифорнийский университет Беркли, США) заострили интерес участников дискуссии на неисследованных теоретических и прикладных аспектах международных структур безопасности. Предложили обменяться мнениями по вопросам о реальном статусе Японии, Индии, ФРГ, Бразилии, Европейского Союза, необходимости их представительства в Совете Безопасности ООН, расширении и реорганизации этой структуры в более действенный инструмент многосторонней координации, согласования международных норм и контроля их применения. По убеждению этих аналитиков, не исключена вероятность ослабления Совета Безопасности в результате увеличения числа его членов; этот акт может породить острые противоречия между господством права в мировых отношениях и механизмами коллективного принуждения к исполнению установленных норм.

В контексте международной безопасности рассматривались и проблемы политической модернизации в транзитных обществах. Отмечалось, что для современного мира переменны в сфере политики – неотъемлемая составляющая прогресса. К категории демократических относится всего 4–5 % стран, в остальных же либерализация и демократизация уклада бытия характеризуются неустойчивостью. Реалии противоречивого бытия «выталкивают» демократию из политического пространства, стимулируют авторитаризм, представляют угрозу национальной и международной безопасности.

Участник конференции *А. Хадениус* (Упсальский университет, Швеция) подчеркнул, что политическая наука мало знает о казуальных факторах демократизации:

– экономических (установлено, что шансы демократии ничтожны там, где ВВП на душу населения составляет меньше одной тысячи долларов в год; в то же время в арабских странах вопреки высокому экономическому развитию нет движения к демократии);

– этнических конфликтов (они обостряются и трудно разрешаются там, где отсутствуют демократические регуляторы или неэффективны институты государства);

– авторитарных;

– международного влияния на демократические процессы в «переходных» государствах и регионах [357, № 3, с. 21, 29].

Н. И. Бирюков (МГИМО, Москва) заострил внимание на неисследованном методологическом аспекте – угрозах институциональной, экономической, социальной, политико-идеологической и духовно-нравственной системам транзитных обществ. Источники угроз: непоследовательность и противоречивость перемен; обострение социально-экономических проблем; факторы биологического и морально-психологического характера; низкий уровень политической культуры власти и граждан; несоответствие результатов модернизации ее целям и ценностям; авторитарные имитации демократизации; падение имиджа реформаторской политики; злоупотребления демократией [357, № 2, с. 30, 31].

На конференции были обозначены и другие методологические аспекты анализа мировой политики и ее влияния на демократические преобразования в транзитных обществах: методы исследования «поворотных пунктов» новейшей истории, будущего мироустройства, способы модернизации, источники терроризма, эволюции национальных и мировой политических систем, механизмы наднационального контроля государств и транснациональных корпораций.

Совместное и непрерывное обсуждение зарубежными и отечественными учеными методологии исследования модернизации в контексте мировой политики – определяющее условие компетентного познания, моделирования и прогнозирования поведения национальных и наднациональных институтов, эффективной разработки и верификации инноваци-

онного гносеологического инструментария политологии. Такой взаимообмен мнениями предупреждает появление поспешных, субъективистских концептов и парадигм, неприемлемых для нынешней действительности, внешней политики постсоветских государств.

26 октября 2009 г. редакция «Полиса» и ИМЭМО РАН организовали обсуждение социально-политических последствий современного кризиса и проблем кризисного регулирования» [479]. Предмет дискуссии – причины, проявления, типология кризиса, динамика мирового развития, модели «альтернативного капитализма».

Полемика выявила потребность в методологически обоснованном мониторинге изменений в мире. Отмечалось, что кризис требует смены социально-экономической парадигмы: ценностной мотивации потребления в развитых странах; наращивания инновационного потенциала и бережного использования ресурсов переходных обществ; совершенствования механизмов действенного и справедливого международного регулирования экономики и финансовой сферы; устранения неравенства между странами и регионами. Ученые констатировали, что общественные науки не готовы дать исчерпывающие ответы на актуальные вопросы. Анализ суждений участников дискуссии позволяет сформулировать ключевой гносеологический принцип: целостное видение глобального мира (многообразного, динамичного, противоречивого) выкристаллизовывается в процессе взаимодействия различных концепций и подходов; его нельзя исследовать, опираясь на какую-то одну методику или социальную доктрину.

Доктор исторических наук *К. Г. Холодковский* указал на основные причины кризиса: неэффективное регулятивное влияние наднациональных институтов на региональную и глобальную финансово-экономическую сферу; слабость политического управления экономикой со стороны национальных государств; отсутствие механизмов предупреждения спекулятивно-деструктивных тенденций в мировом экономическом развитии.

Ученый предложил к обсуждению меры по преодолению кризиса: совершенствование рыночных механизмов; гибкое маневрирование государственными ресурсами; ограничение банковской тайны и сверхприбылей финансового капитала;

согласование экономической политики и интересов ее субъектов; усиление регулятивного воздействия на экономику наднациональных структур и государств; осторожное и ограниченное вторжение в права собственности [479, с. 111].

Доктор философских наук *В.И. Пантин* акцентировал интерес участников дискуссии на причинно-следственных связях между кризисом и политическими переменами. В США потерпели поражение консерваторы, президентом впервые за всю историю стал потомок афроамериканца *Б. Обама*. В Италии левоцентристская коалиция уступила власть правым партиям. В Японии на парламентских выборах впервые за много лет лишилась доверия значительной части электората Либерально-демократическая партия, ее сменила оппозиционная Демократическая партия. В Греции на досрочных парламентских выборах избиратели отдали предпочтение социалистам (партии ПАСОК). В ходе кризиса произошли политические сдвиги в Чехии, Латвии, Литве и ряде других государств.

Из материалов дискуссии вытекают актуальные выводы методологического значения. Глобальный кризис, закономерное явление капитализма, неразрывно связан с политикой и идеологией доминирующих государств. Он сделал явными нежизнеспособность «однополярной» системы мироустройства, изъяны и проблематичность либеральной парадигмы, которая многие десятилетия популяризировалась как универсальный образец для подражания. Обнажилась ущербность несправедливого международного порядка. Проявилась неадекватность вызовам глобализации политики развитых стран, их отношений с мировым сообществом. Вместе с тем кризисные процессы стимулировали изменения методов государственного управления, приспособление к реалиям либерализма, более гибкое реагирование на негативные мировые тенденции транзитных обществ. Государства и наднациональные структуры озаботились поиском эффективной антикризисной стратегии.

Конструктивный обмен эмпирической информацией и мнениями составил мотивированное основание оптимистического прогноза: в перспективе доминирующей может и должна стать модель развития – «сильное государство, глубоко интегрированное в глобальный рынок» [479, с. 112, 113].

Уместно, однако, отметить, что прогнозы ученых относительно сроков преодоления последствий глобального кризиса

не совпадают. Оптимисты ограничивают их 4–5 годами. «Реалисты-пессимисты» прогнозируют выход из рецессии не ранее 2017–2020 гг. По их мнению, преодоление кризисных следствий будет сопряжено с острыми социальными и политическими неурядицами в развитых и транзитных странах, что ускорит проведение экономических и политических реформ. Это может спровоцировать политические и военные конфликты с участием США и стран Европейского Союза. Существенно усилится политическое и экономическое влияние Китая, Японии, Индии. Роль США в мировой политике, вероятно, станет менее значительной. Ситуация в странах Африки, Латинской Америки, СНГ, которые не успели создать эффективные экономическую и политическую системы, будет сложной и противоречивой. Скорее всего, кризис усилит социальную напряженность, потребует централизации власти и усиления авторитарного регулирования [100, с. 11].

Согласно прогнозам доктора исторических наук *Н. В. Загладина*, маловероятно, что кризис в ближайшей перспективе заметно повлияет на трансформацию политических институтов стран «зрелой» демократии. Иллюзии относительно саморегулирующейся рыночной экономики и минимального вмешательства государства в ее развитие прочно укоренились в политическом сознании и менталитете западных обществ. Кризис существенно повлияет на транзитные общества, где не укоренились демократические традиции; они могут принять авторитарные меры для смягчения социальных последствий кризиса, причем – с одобрения и согласия большинства граждан. Такая перспектива выглядит реальной для Пакистана, Филиппин, Индонезии, ряда стран Латинской Америки, постсоветских государств [155].

Концептуальная идея о взаимосвязи кризиса с политической жизнью современного мира нашла отражение в аналитических обобщениях доктора исторических наук *Г. И. Вайнштейна*. Как он полагает, кризис не вызвал драматических событий в политической сфере. Массовое недовольство в некоторых странах – эпизод, не оказавший заметного воздействия на расстановку политических сил. Незначительность политического резонанса обусловлена оперативностью государственного реагирования, предотвратившего катастрофическую экономическую рецессию, развитие событий по худ-

шему сценарию. Кризис свидетельствует не о провале рыночных механизмов регулирования экономического развития и «конце капитализма». Проявились пороки либеральной модели «независимости» финансово-экономического сегмента от государственного управления.

Неограниченная свобода рынка традиционно абсолютизировалась, недооценивалась необходимость его «дополнения» государственными механизмами, которые бы регламентировали поведение и отношения субъектов экономики. Государство должно быть гарантом противодействия эгоистическим устремлениям бизнеса, злоупотреблениям рыночными свободами. Управленческая миссия государства является не краткосрочной, а долговременной. Формирование общественного консенсуса по поводу усиления экономической функции государства – характерная черта нынешней эволюции общественных настроений. Это и есть главное проявление политических изменений в развитых странах в условиях глобального кризиса [479, с. 115, 116].

В обсуждении социально-экономических и политических последствий кризиса участвуют политологи, экономисты, психологи, историки, юристы, философы [100; 479]. Это обогащает «палитру» оценочных суждений, методологических идей, аргументации в объяснении противоречивых мировых процессов. Концептуальные подходы, мнения и выводы различаются. И все же «междисциплинарные» дискуссии выявляют *методологические проблемы*, требующие углубленной разработки политической наукой:

- масштабы и опасности рисков политического развития в условиях глобализации;
- функции национальных государств, международных организаций, институтов бизнеса, научного и экспертного сообщества, некоммерческих структур в механизме управления мировыми процессами;
- инструменты и границы регулятивного влияния стран-лидеров и наднациональных институтов на глобальную экономику и политику;
- пределы административно-политического «вмешательства» государства в рыночные отношения, его роль в формировании и обеспечении соблюдения справедливых и прозрачных правил поведения конкурирующих хозяйствующих субъектов;

- теоретическое обоснование прогрессивной модели социально-экономического и политического развития как альтернативы либеральной;
- перспективы многополюсного мира, трансформации глобального лидерства, национальной и международной безопасности;
- потенциал демократизации, инновационного развития, структурных изменений в политике и экономике транзитных обществ;
- технологические инструменты «очищения» государственного управления от коррупции, авторитарного бюрократизма, некомпетентных чиновников и других аномалий;
- информационно-коммуникационное обеспечение мирохозяйственных и политических отношений, интеграции стран, находящихся на разных ступенях общественно-экономической зрелости.

В свете новых тенденций в мировой политике особую актуальность приобретают вопросы международной и национальной безопасности постсоветских обществ. Угрозу миру представляют противоречия и кризисы глобализации. Ничего позитивного не сулит ему распад старого мирового порядка, использование на региональном и локальном уровнях военной силы. Проявляется несовершенство институциональных структур поддержания безопасности. Не прекращается гонка вооружений. Существует реальная угроза ядерной катастрофы.

Эти факторы, вызовы и угрозы актуализируют необходимость их научного анализа, системного методологического подхода к осмыслению, описанию и прогнозированию. Изучению тенденций мировой политики, международной и национальной безопасности России посвящены исследования академика РАН *А. А. Кокошина*, доктора политических наук *С. В. Картунова*, доктора политических наук, профессора *М. М. Лебедевой*, доктора исторических наук *В. Л. Шейниса* [207; 208; 220; 221; 247; 248; 543].

М.М. Лебедева анализирует особенности современной политической системы мира, фундамент которой составляют принципы Вестфальской (государственно-центристской) модели международных отношений. Ссылаясь на дискуссионность этой проблемы в среде ученых-неореалистов и неолибералов, аналитик доказывает, что национальные государства

в начале XXI в. не единственный структурный элемент системы. В мировой политике произошли кардинальные изменения. Возросло влияние частно-государственного партнерства. Образовавшиеся в результате разрушения колониальных империй суверенные государства различаются по множеству параметров и отношению к Вестфальской системе, ее правилам. Некоторые из них («несостоявшиеся», «проблемные», частично признанные) – источник угроз мировому сообществу. Все большую значимость в конкурентной борьбе за лидерство в мире приобретают не только военно-экономические, научно-технические и технологические возможности государств, но и их инновационный, культурный, человеческий потенциал. В условиях глобализации размываются традиционные функции международных субъектов [248].

Профессора *М. М. Лебедева* и *А. Ю. Мельвиль* предложили к обсуждению на страницах «Полиса» актуальную проблему – о сближении и частичном пересечении предметных областей и методологических подходов сравнительной политологии и мировой политики. Они пришли к выводу о желательности и необходимости сравнительных исследований и образовательных программ на стыке политической компаративистики, мировой политики и международных отношений.

Пять лет спустя *А. Ю. Мельвиль* констатировал, что отечественное исследовательское сообщество заметно продвинулось по пути усвоения западных наработок в сфере мировой политики. Качественные перемены произошли благодаря усилиям кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД России и финансовой поддержке благотворительных фондов. Результаты нашли отражение в публикациях *М. М. Лебедевой*, *А. В. Торкунова*, *С. А. Афонцева*, *О. Н. Барабанова*, *А. Д. Богатурова*, *Н. А. Косолапова*, *М. А. Хрусталева*, *К. П. Боршшполец*, *В. М. Кулагина*, *Д. М. Фельдмана*, *П. А. Цыганкова*.

Исследователи мировой политики в большей степени стали использовать политологические методы, преодолевая рамки национальных границ, расширяя предметную область познания до глобального уровня. Вместе с тем в их работах по-прежнему доминировал внешний (по объекту) и некомпаративный (по методу) взгляд на предмет изучения.

Обозначив причины недостаточной восприимчивости дисциплины «мировая политика» к органически присущему ей

компаративному ракурсу анализа, *А. Ю. Мельвиль* высказал суждения о появлении новых измерений и возможностей познания транснациональной многоуровневой политической среды [287, с. 116–118].

Инновационные способы осмысления мировой политики и стремление ученых к качественной аналитике характерны для коллективной монографии под редакцией *А. Д. Богатурова* [456]. Как справедливо заметила профессор-рецензент *Т. А. Алексеева*, книга дышит теорией «полезного свойства», не перегружена «неологизмами и кальками с английского языка», оторванными от реальностей жизни международного сообщества.

В издании скрупулезно, творчески анализируются новые явления глобализации, тенденции, проблемы, противоречия и мировоззренческие стереотипы международной жизни, неоднозначность внешней политики России. Авторы представляют глобальный мир как конгломерат различных социально-политических укладов, разных типов его восприятия, асимметричных моделей внешнеполитического поведения. Это «отодвигает» тенденцию универсализации и интеграции мира в отдаленную перспективу. Аргументированны суждения авторов относительно сомнительных постулатов о глобальном кризисе, размывании суверенитета государств, модернизации, «вестернизации», предпочтительности «демократической полярности», специфике восточного и западного типов социальной организации.

А. А. Кокошин в сравнительном контексте, в свете новых тенденций в политико-военной сфере исследует проблемы стратегической стабильности в прошлом и настоящем как условие национальной и международной безопасности, демократизации межгосударственных отношений и мировой политической системы.

Его парадигма военно-стратегического равновесия основывается на ядерном сдерживании России и США, ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, нераспространении оружия массового уничтожения и средств его доставки, устранении недоверия и неопределенности между ядерными государствами. Главным аспектом стабильности ученый считает переход военно-стратегической «суперсистемы» в новое качественное состояние – от поиска

консенсуса, политического взаимодействия, характерного для мирного времени, к отношениям, исключающим конфронтацию, предупреждающим ядерную катастрофу. Заключение договора о СНВ не должно служить «рычагом воздействия на политику России в ядерной сфере», ущемлять ее суверенитет и статус как одной из великих держав некомпенсируемыми уступками Соединенным Штатам. Парадигму поведения России при любом варианте развития российско-американских отношений необходимо тщательно соизмерять новыми реалиями мировой политики, национальными интересами, геополитическими координатами последних 10–12 лет [208, с. 23, 25–27].

Аналитическое осмысление научных парадигм и официальных доктрин обеспечения безопасности российского государства представлено в публикациях доктора экономических наук *В. Л. Шейниса* [543]. Он детально исследует развитие концепции национальной безопасности в официальных документах. Анализирует основные угрозы и приоритеты, показывает, как их воспринимает, ранжирует и воплощает в политике власть, каковы структурные элементы механизма обеспечения национальной безопасности.

Приоритеты, проблемы и перспективы внешней политики России исследуются в докторских диссертациях *В. В. Разуваева, А. Д. Богатурова, С. З. Павленко, В. Е. Петровского, С. А. Проскурина, С. А. Модестова, С. М. Комарова, Н. К. Арбатовой, О. М. Михайленка, С. В. Кортунова, Ю. А. Тихомирова, Д. С. Кузьмина* [372, с. 408–439].

Защищено значительное количество кандидатских диссертаций, опубликованы содержательные монографии, статьи и доклады по внешней политике России в условиях глобализации. Их проблематика многогранна:

- направления и тенденции политики страны в контексте международных отношений;
- противоречия однополярного мироустройства и перспективы нового мирового порядка;
- международный имидж и роль России в укреплении международной безопасности;
- национально-государственные интересы;
- последствия и «обновленческие» шансы для страны мирового финансово-экономического кризиса;

- масштабы угроз и вызовы, исходящие из внешней среды;
- стратегия и ресурсы усиления влияния на мировые процессы;
- интеграционный потенциал внешней политики России на постсоветском пространстве.

Уместно подчеркнуть, что идеи абсолютного большинства российских ученых подкреплены достоверным эмпирическим материалом, объективно интерпретируют ситуацию в мире и содержат конструктивные предложения, направленные на оздоровление отношений между государствами. Они созвучны внешнеполитическому курсу страны, четко выраженный в программной статье *В. В. Путина*. «Россия является частью большого мира – и с точки зрения экономики, и с точки зрения распространения информации, и с позиций культуры. Мы не можем и не хотим изолироваться. Мы считываем, что наша открытость принесет гражданам России рост благосостояния и культуры, укрепит доверие, которое все больше становится дефицитным ресурсом. Но мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений.

Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, не пытаясь “задвинуть” ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности. Цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, развитии цивилизации» [410].

Характерно совпадение мнений непредвзятых исследователей и политиков, когда оцениваются процессы дезинтеграции постсоветского пространства. Они отмечают, что крах СССР обернулся для России политическими, экономическими и военно-стратегическими потерями. Россия сталкивается с усиливающейся конкуренцией со стороны ЕС, США, Китая, Японии и нередко проигрывает в противоборстве за геополитическое влияние [12; 25; 93; 94; 157; 493; 552; 553; 558].

Ученые обосновывают концептуальную идею: дезинтеграция на пространстве СНГ ущербна интересам России. Поэто-

му страна, официально признавая отношения с постсоветскими республиками главным приоритетом внешней политики, должна проводить ее продуманно и целеустремленно. Это необходимо для совместного противостояния вызовам и угрозам глобализации.

Ученые предлагают российской власти более четко выстроить иерархию интеграционных приоритетов. Прекратить непродуктивные заигрывания со странами СНГ. Сосредоточить государственную политику на усилении позиций России как инвестора в разработке природных ресурсов стран СНГ на фоне активизации корпораций развитых стран, Китая, государств Юго-Восточной и Южной Азии. Отказаться от не оправдавшей себя либеральной монетаристской экономической модели развития. Реструктурировать экономику России на базе новейших технологий и инноваций, интенсифицируя развитие конкурентоспособных отраслей промышленности. Покончить с топливно-энергетической направленностью экспорта.

В этом контексте представляет интерес книга профессора *Ю. Ф. Година* «Белоруссия – это “Брестская крепость” современной России» [94]. В ней он анализирует политические и экономические причины, препятствующие интеграции России и Беларуси.

Истоки кризиса российско-белорусской интеграции исследователь усматривает в асимметрии моделей хозяйствования. Реформы в Беларуси ограничились акционированием крупных предприятий, но их акции так и остались в руках государства, с его традиционно неэффективным, своекорыстным менеджментом. Доля продукции госсектора в ВВП составляет 75 %, тогда как в России – около 30 %. Из этого следует авторский вывод: интегрирование столь разных народно-хозяйственных систем весьма затруднительно [94, с. 109, 111, 115].

В то же время *Ю. Ф. Годин* положительно оценивает белорусскую модель развития, считая ее приемлемой для переходного периода в большей степени, чем российская либеральная модель [94, с. 107, 114, 116]. По его логике, реальная интеграция двух государств возможна лишь при условии приспособления российской экономической модели к белорусской модели. Он призывает российскую власть отказаться от олигархического капитализма как опоры государства, отвергнуть либеральный принцип: «меньше государства в эко-

номике» и перейти к построению смешанной экономики на рыночных принципах [94, с. 174].

Автор книги небесспорно трактует объективные и субъективные факторы интеграции. Поэтому книга неоднозначно воспринята в научной среде. Методологические подходы исследователя дали повод для критики как противоречащие политическому анализу [552].

Некоторые статьи отличаются эмоционально-негативным стилем интерпретации отношений Беларуси и России. Так, один из авторов пытается убедить читателей в том, что реальной экономической интеграции между двумя ее субъектами – инициаторами Союзного государства – не существует по вине белорусской власти. Она не готова делегировать часть своих полномочий органам Союзного государства. Политический режим страны балансирует между Западом и Востоком. Ликвидация российских энергетических льгот неизбежно приведет к полной девальвации интеграционного проекта. Беларусь все в большей степени превращается в предмет торга между Россией, США и ЕС. Москва уже не рассматривает Минск в качестве приоритета первого уровня, нормальные отношения с которым нужно поддерживать субсидированием его экономики [485].

В свою очередь, здравомыслящие исследователи и политики считают неотложной задачей поиск и мобилизацию незадействованных инструментов углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Предлагается реализовать интересы России посредством «мягкой силы», основанной на всесторонне взвешенной стратегии, принципах партнерства и равноправия с союзниками, привлекательности культуры, ценностей, политических и социальных программ государства-интегратора [12; 25; 181; 304; 447; 558; 568].

В отличие от «жесткой силы», связанной с экономическим и политическим давлением на союзника, «мягкая сила», по их представлениям, является следствием привлекательного имиджа государства, гибкого и профессионального позиционирования его интересов, намерений, приоритетов, равноправного диалога и взаимовыгодного сотрудничества. Эта технология несовместима с силовыми методами, провоцированием сепаратизма, экстремизма, национализма, политиче-

ским манипулированием, вмешательством во внутреннюю жизнь суверенных государств.

Ученые *А.А. Казанцев* и *В.Н. Меркушев* выявили позитивные стереотипы относительно России в сознании граждан СНГ на основе анализа экспертных отчетов по итогам опросов общественного мнения и рейтингов [187].

Опросы проводились в 2004–2007 гг. в рамках Евразийской сети политических исследований (ЕСПИ), ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центром», отделениями Института Гэллапа, фондом «Украина-2000», исследовательским центром «Имидж-Контроль», Украинским центром экономических и политических исследований, Независимым армянским социологическим центром «Социомер». Были проведены экспертные интервью и контент-анализ высказываний представителей политического класса России и стран СНГ, политической, экономической и научно-экспертной элиты Европейского Союза и США. Осуществлен контент-анализ мнений о России в СМИ.

В процессе исследования выявлены неудовлетворительно используемые Россией ресурсы «мягкой силы» на постсоветском пространстве в форме положительных стереотипов ее восприятия. Их потенциал значителен и может послужить укреплению интеграции СНГ. Основные характеристики устойчивого образа России в массовом сознании сводятся к следующему:

- самая большая в мире по территории и очень богатая природными ресурсами страна;
- мощное государство, оказывающее активное влияние на мировую политику;
- страна высокой культуры, науки, искусства;
- русский народ обладает высокой религиозно-культурной толерантностью;
- гарант стабильности, развития, естественный центр интеграции на постсоветском пространстве;
- противовес полному господству США и Запада;
- наследница всего прогрессивного, что было в прошлой совместной жизни постсоветских народов;
- намного ближе (не только территориально, но и по культуре, экономическим, политическим и социальным институтам) к постсоветским государствам, чем другие великие мировые державы.

Исследователи обнаружили и стереотипы восприятия России западными экспертами:

- безосновательно отрицательные оценки преобразований в стране;
- неадекватное восприятие традиционной русской культуры;
- суждения об изменениях в государстве, обусловленные логикой «двойственного стандарта»;
- негативные представления о России как геополитическом конкуренте;
- односторонние трактовки сущности и влияния национализма на общественные процессы [187, с. 126–131].

Лейтмотив публикаций и диссертаций политологов – принципы стратегического взаимодействия России с СНГ должны предусматривать изменение векторов ее политического, военно-стратегического, торгово-экономического, гуманитарного сотрудничества на основе учета национальных интересов каждого партнера.

Насущной задачей властных институтов России рационально мыслящие аналитики считают воссоздание единого экономического, оборонного и гуманитарного пространства на новой институциональной и правовой основе, отражающей глубокую взаимозависимость и заинтересованность стран СНГ в устойчивом развитии, преодолении негативных последствий глобализации, достижении прогресса.

К чести политической элиты, мнение ученых о насущной необходимости укрепления механизмов и потенциала интеграции СНГ не только услышано, но и трансформировано в конкретные инициативы. 1 января 2012 г. стартовал интеграционный проект – Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана. Он явился исторической вехой для всех государств на постсоветском пространстве, открыл благоприятные перспективы для их консолидации, равноправного взаимодействия и сотрудничества [263; 409].

Методологические проблемы познания международных отношений разрабатывают ученые Беларуси: *В. В. Агеев, А. А. Розанов, Ю. А. Малевич, Е. А. Достанко, В. А. Сакович*. Некоторые аспекты внешней политики республики исследуются в публикациях и кандидатской диссертации, защищенной в Москве историком *К. В. Виноградовой*.

Вместе с тем историография пока не располагает монографиями и диссертациями политологов, посвященными *сис-*

темному анализу геополитических векторов Беларуси и воздействия международных факторов на ее имидж и демократическую трансформацию. Предметом творческого интереса еще не стали ключевые направления и проблемы внешнеполитической деятельности национального государства:

- взаимоотношения с общеевропейскими структурами и европейскими странами;
- экономическое и политическое сотрудничество со странами Азии, Африки, Латинской Америки;
- динамика интеграционных процессов на постсоветском пространстве;
- влияние иностранных кредитов и инвестиций, наднациональных структур на укрепление суверенитета и социально-экономический потенциал страны;
- реальное состояние, противоречия и перспективы Союзного государства России и Беларуси;
- эффективность участия в интеграционных проектах на пространстве СНГ, в рамках Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана;
- воздействие внешней политики государства и белорусской модели развития на демократические изменения в политической системе.

Наш общий вывод заключается в том, что потенциал исследований демократического транзита в контексте международных отношений проявляется во все более зрелых формах. Ученые пополняют теоретический арсенал оригинальными, отражающими национальные условия модернизации концептами и разработками. Изучаются опыт и проблемы реформаторской деятельности постсоветских государств, ее зависимость от глобальных процессов. Расширяется предметное поле познания. Переосмысливаются стереотипы и устаревшие теоретические подходы. Творчество отечественных ученых – интегрированный показатель позитивной динамики их профессионализма, ценностно-мировоззренческих и технологических возможностей.

Необходимость творческого развития методологии познания модернизации в глобальном контексте обусловлена возрастающей взаимозависимостью поведения и отношений ми-

ровых субъектов, усиливающейся экономической и политической конкуренцией, трансформирующимися национально-государственными интересами, инновационными и интеграционными вызовами цивилизации.

Современная эпоха располагает не только примерами поступательно-восходящего развития. Многие страны не стабильны, не восприимчивы к нововведениям, не конкурентоспособны. В условиях глобализации наращивают свой экономический и духовный потенциал, имеют перспективы демократичные, технологичные общества, приспособленные к императивам времени и запросам своих граждан. Консервативно-традиционные, не адаптивные к реальности общества деградируют и обречены на не ограниченное во времени «догоняющее» развитие.

Цикличность, многомерность и противоречивость мировых процессов диктуют потребность в обновлении концептов их познания. Некогда доминирующие в науке гносеологические идеи и стандарты не удовлетворяют запросов времени. Поиск учеными более эффективных парадигм выявления и объяснения закономерностей мирового развития является ответом на потребности национальной и международной безопасности, угрозы конфликтов и кризисов, терроризма и организованной преступности, соперничества влиятельных государств за властное господство. Наука призвана удовлетворять человечество в качественной аналитике – разрабатывать и предлагать жизнеспособные модели справедливого миропорядка, конструктивные механизмы разрешения глобальных проблем, гуманные технологии взаимовыгодного сотрудничества народов, государств и регионов планеты.

Мир XXI в. взаимозависим, но не стабилен, не гарантирован от диктата, насилия и экспансии со стороны мощных в экономическом и военном отношении стран, конфронтационных действий, способных обернуться разрушительными последствиями для развивающихся государств, их системной модернизации. Сохраняется доминирующее влияние США и блока НАТО на геополитические процессы, что не отвечает интересам России, Китая, Индии, Евросоюза, других субъектов мировой политики. Обостряются социально-экономические, экологические и ресурсные проблемы цивилизации. Непрерывно вспыхивают конфессиональные и этнические

конфликты. Огромные средства направляются на совершенствование оружия и укрепление военного превосходства. Отсутствие гарантий безопасности толкает страны к обладанию ракетно-ядерным потенциалом.

Глобализация неоднозначно влияет на эволюцию государственности в регионах мира. Открытость стран, единое информационное пространство, экономическая интеграция открывают благоприятные возможности для каждого государства. Но глобализация не устраняет условий «догоняющего», зависимого развития, не гарантирует суверенные права слабых, неконкурентоспособных государств. Они вытесняются на «периферию» ведущими игроками мировой политической системы или становятся ресурсно-сырьевым «придатком» развитых в экономическом и военном отношении стран.

Сказанное подтверждает актуальность ревизии и обновления методологических подходов к познанию демократических преобразований на постсоветском пространстве в международном контексте – реального состояния, проблем и противоречий, демократизации и гуманизации мировой политики во благо цивилизации. Творческий поиск приемлемых для молодых политий внешнеполитических моделей поведения, обоснование альтернативных идей, укрепляющих их независимость, имидж, внешнеполитические возможности для устойчивого развития – веление времени, постиндустриальной эпохи.

Глава 9

Идеология государства: контуры парадигмы

В условиях демократического транзита ощущается насущная потребность в государственной идеологии как инструменте духовно-ценностного влияния на общественное сознание и поведение, последовательной реализации национальных интересов.

Расплывчатость парадигмы идеологии государства в постсоветском обществе негативно отражается на концептуально-технологической обоснованности политики, приоритетах, методах и результатах управленческих действий властных институтов. Нарушается принцип системности реформ. Мировосприятие граждан дезориентируется мистификациями,

суррогатами массовой культуры. Вектор идеалов и принципов бытия смещается в неопределенность, что препятствует стабильному цивилизованному развитию.

В начале 1990-х гг. в постсоветских обществах проходили острые научные дискуссии о смысле и цене капиталистического выбора, влиянии политических идеологий на социально-экономическое развитие, гарантии прав и свобод личности, неоднозначно или ошибочно истолковывались взаимосвязи демократизации и идеологии [114; 326].

Отрицание значения идеологии, основывающееся на советском негативном опыте, не благоприятствовало политической культуре и гражданскому согласию, инициативам и компетентности власти, теоретическому обоснованию и осуществлению социальных проектов и программ. Свидетельство тому – закрепленная в Конституции Российской Федерации норма: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [216].

Недооценка государственной идеологии, ошибочное понимание ее взаимосвязей с демократизацией обернулись нежелательными и противоречивыми последствиями: новая, научно аргументированная идеология демократического транзита не разработана; ощущаются симптомы кризиса в идейно-ценностной мотивации поведения и отношений социальных субъектов, стратегии и тактике модернизации. В общественном сознании глубоко укоренилось ошибочное представление о несовместимости с прогрессивными переменами любой политической идеологии, их ценности противопоставляются правовой государственности и гражданскому обществу. Возрастают масштабы манипулирования в политике, разрушительного влияния на духовный мир личности интуитивизма, «нашизма», религиозного фанатизма, популизма и волюнтаризма [321; 460; 501; 523].

Сегодня отчетливо проявляется парадоксальное несоответствие. С одной стороны, постсоветские государства, апробируя национальные модели развития, объективно заинтересованы в их всестороннем идеологическом обосновании в интересах достижения стабильности, адаптивности, демократичности и эффективности политических систем. С другой – политические институты и интеллектуалы не проявляют

должной настойчивости в удовлетворении этого императива времени и переходного периода.

Спустя десятилетие после распада СССР отношение к идеологическим основам государственности и радикально-либеральным моделям стало меняться. Оказавшись в идейном вакууме и преодолевая кризисные тенденции, властные структуры озаботились поиском концепции идеологии, обосновывающей политический выбор, смысл и механизмы социальных преобразований.

В Беларуси и России издано значительное количество научных работ, по-разному объясняющих содержание и предназначение идеологии государства. Однако наблюдается консенсус в главном – в том, что идеология государства – субстрат государственной политики, выражающий интересы, консолидирующие ценности и нормы общества, представления его субъектов о действительности, рациональных целях, средствах и методах качественных изменений в переходный период.

Сегодня концепт идеологии является предметом активного творческого поиска, заинтересованной полемики ученых и профессиональных политиков. Он находится в стадии формирования, кристаллизации объединяющих государственную власть и граждан интеллектуальных, инновационных идей, моделей и проектов.

Политическая идеология как феномен осмысливается в публикациях и диссертациях исследователей, является предметом их дискурса [21; 112; 114; 170; 290; 299; 321; 449; 460; 551; 571]. Она исследуется в кандидатских диссертациях *В. Б. Пастухова, А. Д. Никитина, В. М. Юрченко, П. Г. Лоцилова, Е. А. Шестовой, В. А. Сергеевой, В. Б. Исхакова, В. Н. Усовой, С. В. Куньщикова*. По этой проблематике защитили докторские диссертации *В. А. Мельник, Э. П. Теплов, М. В. Петрова, С. А. Шестаков, В. А. Гусев, К. Ф. Завершинский, Н. М. Великая*.

Ученые анализируют феномен идеологии, проблемы и тенденции формирования политических ценностей транзитного социума, геополитические аспекты национальной идеологии, модели партийных идеологий и их влияние на постсоветскую модернизацию.

В монографиях академика *Е. М. Бабосова*, профессоров *В. А. Мельника, В. В. Шинкарева, О. Г. Слуки* обоснована клю-

чевая теоретическая идея: идеология постсоветского транзита – объективная потребность переходного периода. Это несущая конструкция общественного здания наряду с экономикой и институтами власти. Если государство игнорирует или некачественно осуществляет идеологическую функцию, неизбежно деградирует его политика модернизации. Оно обязано формировать ценностные ориентации, политическую компетентность граждан, совершенствовать способы организации социальной жизни и критерии измерения ее качества на основе общественных идеалов, стратегии укрепления основ государственности [21; 289; 449; 551].

В 1997 г. российские профессора *Т. А. Алексеева*, *Б. Г. Капустин*, *И. К. Пантин* опубликовали в журнале «Полис» (№ 3) тезисы «Перспективы интегрированной идеологии» для обсуждения на политологической секции Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ. Документ не претендовал на решение идеологических проблем общества, но вызвал заинтересованный и плодотворный обмен мнениями гуманитарной элиты [326].

Положительный резонанс в научном сообществе вызвала научная конференция в Национальной академии наук Беларуси [170]. С докладами и сообщениями выступили 36 ее участников – философы, историки, политологи, экономисты, юристы. В центре полемики оказались концептуальные основы идеологии национального государства, фундаментально-прикладная проблематика исследований, неразрывно связанная с модернизацией экономической, политической, социальной и духовной сфер транзитного общества, вызовами глобализации. Особо подчеркивалось, что идеология не может не опираться на науку, современный методологический инструментарий, знание реальных запросов практики.

11 ноября 2003 г. в Москве состоялся методологический семинар РАПН, посвященный современным тенденциям развития символического пространства политики [463]. С основными докладами выступили профессор МГУ имени М. В. Ломоносова *А. И. Соловьев* и доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН *О. Ю. Малинова*. В дискуссии приняли участие ученые вузов столицы.

В центре диалога оказались гносеологические подходы к анализу идеологии как духовно-психологического явления

и функционального инструмента в символическом пространстве политики, полезного средства мировоззренческой, нормативно-ценностной ориентации социальных субъектов в условиях демократического транзита.

Концептуальный лейтмотив семинара – плюралистические методы осмысления и интерпретации символических форм порождают трудно разрешимые онтологические проблемы. Многозначность смыслов понятия «идеология» в коммуникации политологов, произвольность выбора исследовательских парадигм, нечеткость авторских методологических установок – принципиальные когнитивные барьеры. Поэтому первостепенная задача научного сообщества – концептуализация политики, ее причинно-следственных взаимосвязей с идеологией и другими сферами духовной жизни [460, с. 29, 42].

На семинаре высказывались и не бесспорные «постмодернистские» суждения о том, что идеология как способ продуцирования ценностных ориентаций политических субъектов в настоящее время разрушается. Информационное общество, по мнению некоторых ученых, нивелирует и девальвирует общенациональный интерес, уменьшая значение групповых приоритетов и «замешанной» на идеологических фреймах идентификации. Понижение статуса идеологии есть выражение тенденции к вытеснению «общего интереса» из зоны ответственности постиндустриальных государств, утверждения персонифицированных и индивидуализированных идеалов [460, с. 36].

Дискуссии белорусских и российских ученых выявили факторы, актуализирующие разработку концепта идеологии в переходном социуме: перманентная трансформация символического пространства политики, технологий его форматирования; неопределенность ценностных векторов демократического транзита; расширение возможностей политического просвещения граждан; плюрализм трактовок и методов анализа идеологий; реальная угроза манипуляции в условиях развитых аудиовизуальных коммуникаций; увеличение числа производителей символического продукта; размывание идеологических традиций; распространение и «искажающая оптика» влиятельных идеологий современности [170; 326; 460].

Идеи и ценности становятся идеологией государства лишь тогда, когда становятся нормативно-регулятивной матрицей

политики в информационном обществе, инструментом коммуникации и интеграции ее субъектов, артикуляции, агрегирования и удовлетворения социальных интересов. В этом контексте вызывают интерес концептуальные суждения доктора политических наук *И.С. Семененко* о взаимосвязи идеологии и культуры в информационно-коммуникационном пространстве. Исследователь трактует идеологию как культурный институт и канал общения, образующий общее для групповых субъектов политическое мировоззрение, которое служит средством самоидентификации, взаимного «узнавания», позиционирования общественных предпочтений, достижения гражданского согласия [460, с. 45, 46].

Профессор *М. В. Ильин* подверг критике концептуальный тезис, что внутри государств значение идеологии падает, а в международных отношениях – возрастает. Идеология, как он ее определяет, – «редукция мировоззрения», облегчающая понимание и оценку реальной политики, необходимая для достижения консенсуса ее субъектов. Благодаря идеологии «мы не должны каждый раз, встречаясь с оппонентом или союзником, подробно разьяснять им свое мировоззрение. Нам достаточно предъявить некую редуцированную схему, по которой мы будем узнаны, которая представит наш словарь, коды и прагматику взаимодействия. В результате мы сможем вступить в диалог» [460, с. 49].

Изучение публикаций, диссертаций и содержания дискурса политологов свидетельствует, что идеология демократически ориентированного государства выполняет объективно обусловленные, полезные обществу и личности функции – нормативно-ценностную, коммуникативную, интегрирующую, мобилизационно-преобразующую, познавательную, культурно-воспитательную, прогностическую. Сердцевину ее составляют национально-государственные интересы, которые служат центрирующим звеном политического, социально-экономического и духовного развития общества. Вектор влияния идеологии нацелен на духовно-психологическое стимулирование массового сознания и мотивацию поведения субъектов политики.

В свою очередь, оппоненты государственной идеологии постсоветских обществ высказывают диаметрально противоположные оценки идеологии. Подвергают ее остракизму, ис-

толкуют как универсальный инструмент манипуляции массовым сознанием и поведением. Никакая идеология, по их мнению, не может устанавливаться в качестве доминирующей, ибо это противоречит демократии. В этой концептуальной позиции отражен эвристический тезис *К. Мангейма* об идеологии как «ложном сознании».

Сказанное актуализирует проблему разработки концепта идеологической детерминации в политико-властном механизме постиндустриальных и переходных обществ [21; 289].

Нынешние способы интерпретации идеологии, как отмечает уважаемый российский профессор, не в состоянии сформулировать убедительные онтологические аргументы, дать ответы на специфические вопросы эпохи Модерна. Между тем только преодоление разночтений в понимании статуса, содержания и познавательно-преобразующего потенциала идеологии государства, не подчиненной исключительно интересам и амбициям «верхов», стремящихся к сохранению и укреплению власти, открывает возможности для обобщенного видения и рационального конструирования нормативно-символической сферы политики [170; 460].

Исследователь *А. Е. Щербаков* видит специфику политической идеологии в ее двойственности. Феномен представляет собой, с одной стороны, рациональное средство нормативно-ценностной ориентации и консолидации граждан, коммуникации власти с обществом. С другой стороны, как в прошлом, так и сегодня идеология содержит мифические, сказочные, утопические и фантастические элементы, что является патологией, разрушающей нравственные и политические основы социума. «Мифологическое сознание не воспринимает прямой путь, ускоряющий движение, ведущий напролом к намеченной цели. Ускорение времени губительно для мифа и его субъектов-носителей, оно способно вызвать катастрофические последствия в политической системе... Задача мифа – предварять и замыкать процесс социальных инноваций, сначала нащупывая почву для назревших изменений, а после появления новых форм – наполняя их образно-символическим содержанием в массовом и индивидуальном сознании» [560, с. 179].

Теоретико-методологические проблемы политической мифологии исследуют в докторских диссертациях *Н. Э. Гронская*, *А. Н. Савельев*. Ссылаясь на учения мыслителей раз-

личных эпох и практику модернизации транзитных обществ, эти ученые обосновали концептуальный вывод, что мифы заявляют о себе в критических ситуациях политического действия: когда политиками не выполняются обязательства и не удовлетворяются ожидания граждан.

В политике мифы не возникают спонтанно. Они, как писал Э. Кассирер, – искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Миф сам по себе неуязвим, нечувствителен к рациональным аргументам. Магические слова и фразы, ритуалы, нагнетание атмосферы страха, вражды, ненависти, иные продуманные и взвешенные политиками средства манипуляции способны парализовать общественное сознание, альтернативные суждения и критическую принципиальность политических оппонентов, индивидуальную ответственность, подавлять мысли и чувства, санкционировать и запрещать нежелательные власти действия, регулировать и контролировать массовое поведение [199].

Размышляя об идеологических факторах модернизации и дееспособности государственной власти в переходный период, доктор политических наук В. Б. Пастухов уместно замечает, что идеологию нельзя придумать или угадать. Она развивается по своим законам, не ориентируясь на потребности властвующей элиты. Ее параметры определяются историей конкретной страны, традициями, культурой народа, запросами практики, а не административными указаниями. Идеология – посредник между реальной политикой и культурой. Русская идеология имеет свои духовно-психологические предпосылки, которые определяют ее уникальность и внутреннюю логику содержания. Перспективы ее разработки и творческого развития находятся в пределах, очерченных этой логикой [346].

Нетрадиционно подошел к анализу взаимосвязи «русской идеи», национальной идентичности россиян и политических технологий исследователь А. А. Казанцев [186]. Он обращает внимание на различные, нередко спекулятивные трактовки русской идеи в исторической ретроспективе, которые используют отечественные политтехнологи в целях манипуляции общественным сознанием и поведением.

Доктор философских наук О.Ю. Малинова аргументирует свои сомнения относительно становления в стране демокра-

тической публичной сферы, благоприятствующей свободно-му выражению и обсуждению альтернативных идей и проектов общественного развития, стимулирующих теоретическую разработку базовых ценностей государства. Публичная сфера в России, как она считает, все больше превращается в «официальную». Проявляются авторитарные тенденции в информационно-коммуникационном пространстве, взаимоотношениях властных институтов с политическими конкурентами. Альтернативные суждения официально не запрещаются, а скорее вытесняются на периферию. Роль «идей» в политическом процессе сводится к легитимации официального курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиционности. Исследовательский интерес к политической идеологии заметно угасает. Опыт России показывает, что сами по себе свобода слова, независимость СМИ и формальная многопартийность отнюдь не гарантируют продвижения к эффективному плюрализму [273; 274].

О. Ю. Малинова обосновывает идею о перспективности объединения усилий обществоведов в концептуализации факторов практической политики (ценностных ориентаций, принципов, когнитивных установок, политических представлений, убеждений, норм, программ, доктрин, концепций). Интеграция научного поиска в рамках общих исследовательских программ обеспечит, по ее мнению, комплексное осмысление циркулирующих в социуме идей и механизмов их влияния во взаимосвязи с институциональными условиями политической коммуникации, изменениями бытия, субъективной позицией их носителей и интерпретаторов.

Неблагополучие в идеологической сфере России – предмет книги политолога *А. А. Зиновьева*. В реформируемое общество, пишет он, через СМИ и культуру «устремилась потоки западной идеологии, началась реанимация феодальной идеологии дореволюционной России (особенно православия), усиленно поддерживаемой новой властью, стали появляться и распространяться всяческие учения и всех сортов идеологическое шарлатанство (включая астрологию, магию, “ясновидение” и т.п.)» [163].

Обоснованную озабоченность выразил в статье доктор политических наук, профессор *В. А. Ковалев* (см. «Полис». 2008. № 3). Он отмечает, что нередко ученые выступают в роли

идеологических агентов, обслуживающих власть, интересы коррумпированной бюрократической «вертикали». Их публикации – открыто апологетические по содержанию и направленности – стимулируют свертывание диалога власти и общества, усиление цензуры, «затыкание рта» критикам и оппонентам политического режима, воспроизводство мифов и фантастических сценариев будущего. Автор сформулировал концептуальный вывод: независимой и полезной социуму политической науке необходима демократизация реальной политики и духовно-идеологической сферы, атмосфера всеобщего уважения институтов государства и гражданского общества к закону, принципам политического плюрализма, консенсуса и компромисса.

Большинство ученых, судя по диссертациям, публикациям и дискуссиям, оценивает государственную идеологию как продукт переходной эпохи, когда формируется новый политический порядок, основанный на нетрадиционных ценностях и правовых установлениях. Государство, а не партии, является, по их мнению, генерирующим центром стратегических установок, политических идеалов, норм, приоритетов и принципов. Методологический фундамент идеологии постсоветских государств – конституции, законы, доктрины национальной безопасности, программы социально-экономического развития, политические решения властных институтов, регулирующие общественную жизнь.

В этих документах отражены субстанциональные стратегические ориентиры и принципы, составляющие идеологический фундамент политики модернизации постсоветского общества: строительство правового, социального, конкурентоспособного государства; развитие гражданского общества; равноправие форм собственности, укрепление суверенитета и национальной независимости; гарантии прав и свобод личности; демократизация политико-властных отношений и избирательного законодательства; поддержание баланса интересов личности, общества и государства; устранение причин конфликтов и нестабильности; реализация национальных интересов в мировой политике [215; 216].

Однако не все исследователи разделяют мнение, что Конституция РФ – концептуально-ценностный базис идеологии государства. По их убеждению, в Основном Законе страны

отражено упрощенное, опровергнутое общественной практикой постсоветской трансформации представление о государственной идеологии. К тому же в документе воспроизводятся ключевые установки идеологии либерализма «почти в классическом варианте», которые не стали «национальной идеей», дискредитировали себя в общественном сознании [501, с. 54–57].

Белорусские ученые, так же как и российские, переосмысливают значение идеологии для практической политики и социального управления. Почти полное отрицание идеологии, характерное для первой половины 1990-х гг., сменилось настойчивыми попытками обоснования концепта государственной идеологии.

В монографиях академика НАН Беларуси *Е. М. Бабосова*, доктора политических наук, профессора *В. А. Мельника*, доктора исторических наук, профессора *О. Г. Слуки*, доктора исторических наук, профессора *В. В. Шинкарева* и кандидата философских наук, доцента *Л. В. Вартановой* обобщены и представлены идеи гносеологического значения. Их содержание в нашем теоретическом обобщении заключается в следующем:

- государственная идеология – концептуально-технологический инструмент обеспечения стабильности политической системы, устойчивого социально-экономического развития;
- доминирующая в транзитном обществе идеология основного политического института является духовно-ценностным фундаментом строительства демократического, правового, социального государства;
- сердцевину идеологии государства составляет идея самобытности народа как принцип организации жизнедеятельности общества, теоретического обоснования национальной модели развития;
- идеология государства концептуально отражает национальные интересы, способствует их последовательной реализации, указывает средства укрепления суверенитета, привлекательного имиджа и безопасности государства в условиях глобализации.

Анализ содержания публикаций белорусских обществоведов позволяет сформулировать *концептуально-интегрированные выводы* относительно направленности, приоритетов и характера их творческого поиска.

Спектр познавательных интересов ученых, изучающих культурно-идеологические проблемы белорусского общества, заметно расширился за последнее десятилетие. Эта тематика в 2000-е гг. стала приоритетной, а изыскания приобрели планомерный характер.

Предметное поле исследований отличается многоплановостью: исторические этапы становления национальной государственности и эволюции политико-философской мысли Беларуси; сущность национальной идеи; приоритеты национальной модели развития; особенности архитектоники идеологии, ее взаимодействия с политикой; структура идеологии государства, технологии идеологического обеспечения социально-экономического развития и гражданско-патриотического воспитания.

Авторы трактуют идеологию как духовно-ценностный компонент механизма государства, обеспечивающий познание и рациональное переустройство общества, консолидацию граждан, совершенствование управления транзитными процессами. Обстоятельно истолковываются ее функции, мировоззренческие аспекты, практическое значение. Приводятся аргументы в пользу предлагаемых критериев прогрессивности идеологических приоритетов государства.

Суждения и выводы авторов не претендуют на завершенность, но могут послужить *концептуальным базисом* для комплексного обоснования духовно-идеологических факторов постсоветской модернизации.

В фокусе внимания исследователей – методологические, мировоззренческие, конституционно-правовые основы идеологии национального государства. В научной среде утвердилось общее мнение: концептуальный фундамент формирующейся идеологии и белорусской модели развития должны составить прогрессивное историко-культурное наследие народа, стратегия и тактика демократического транзита [21; 289; 551].

Идеология государства истолковывается и как система знаний о политике преобразований в социуме, и как своеобразная «матрица» ценностей (идеалов, интересов, норм, верований, приоритетов, мотивов социального действия), и как теоретический проект государственного строительства, достижения консенсуса между влиятельными институциональными субъектами. Идеология предназначена для регулирования

общественных отношений, призвана служить «программно-теоретическим компасом» государственной политики, средством защиты и реализации национальных интересов, мотивации социально-политических действий и предупреждать национальный эгоизм [21; 22; 170; 289; 551].

Произведенные учеными знания углубляют представления об идеологических процессах в транзитных обществах: их содержании, методах, особенностях, условиях, результатах, проблемах.

Вместе с тем деятельность институтов власти по идеологическому обеспечению модернизации остается недостаточно изведанной областью. В публикациях и диссертациях преобладает нормативный анализ, не подкрепленный полноценным эмпирическим базисом, отражающим динамику, проблемы и противоречия транзитных процессов. По этой причине возникают сомнения в верифицируемой достоверности авторских аналитических обобщений и концептуальных идей.

В частности, фактически не изучены *идеологические условия* реформ: состояние политической и экономической демократии; качество идеологического обоснования государственной политики; степень усвоения гражданами политических ценностей государства, мотивирующих их поведение и отношения; утверждение в обществе принципов плюрализма, консенсуса, компромисса, справедливости; уровень авторитета и влияния политических институтов и лидеров; эффективность идейно-воспитательной работы.

Необходимость познания условий общественных преобразований обусловлена причинно-следственной связью между реформационной политикой и идеологией государства. Не может быть эффективной политики социальных изменений без ее идеологического основания. В свою очередь, идеология детерминирована практикой демократического транзита, результатами перемен во всех сферах общественного бытия.

Поверхностно исследована политика постсоветских государств в идеологической сфере. Между тем она включает важные для теории и практики компоненты: деятельность идеологических институтов; характер и потенциал идеологического обоснования политического курса; демократичность норм отношений в идеологической, воспитательной сфере; плюрализм в разработке и обсуждении политико-управлен-

ческих решений; стиль и плодотворность регулирования идеологических процессов; влияние идеологии государства на социально-экономическую практику.

Целесообразно внести коррективы в направления *теоретической разработки* идеологических функций государства в переходном обществе. Дополнить их неудовлетворительно изученными темами: обоснование идей и ценностей транзитного общества в контексте условий глобализации, ее вызовов и угроз; комплексная интерпретация и экспертиза политики социальной трансформации; влияние идеологии на общественное сознание; тенденции и проблемы духовной жизни транзитных обществ.

Важное условие успешных реформ в переходном социуме – познание динамики практической реализации идеологии государства. В национальной историографии России и Беларуси нет исследований, посвященных *системному анализу* реального идеологического процесса: состояния теоретической разработки идеологии государства научными учреждениями; содержания идейно-воспитательной работы в учебных заведениях и трудовых коллективах; демократичности политической коммуникации власти с гражданами; эффективности влияния идеологических структур на политическую культуру граждан.

Из приведенных фактов и суждений следует, что эмпирический анализ идеологических механизмов и функций постсоветских государств пока не занимает доминирующее положение в предметном спектре политических исследований.

Акцентируем внимание и еще на одном характерном недостатке публикаций. Методы и формы управленческого воздействия на духовную сферу и массовое сознание зачастую трактуются вне связи с ценностными приоритетами и спецификой переходного периода, перспективами утверждения в Беларуси и России норм демократического, правового, социального государства и гражданского общества. В научных публикациях и учебных изданиях, адресуемых политикам и управленцам, студенческой молодежи, мы не находим ответов на вопросы, волнующие критически мыслящего и социально активного гражданина. Каковы дилеммы национального политического выбора, достижения, проблемы и противоречия транзитного общества? Каковы результа-

ты идеологического обоснования политики модернизации страны? Как обеспечить равноправный и конструктивный идеологический диалог влиятельных институциональных субъектов политики?

В статьях, брошюрах, монографиях, изданных в последние годы, недостает инновационных предложений и рекомендаций властным институтам. Ощущается «несоразмерность» абстрактного теоретизирования и эмпирических данных, отражающих тенденции, закономерности и противоречия духовно-идеологической сферы на постсоветском пространстве.

Именно этот негатив дает повод для справедливой критики аналитических поисков теоретиков.

В 2000 г. Президент Республики Беларусь публично заявил, что разработка идеологии государства осуществляется неудовлетворительно. Были на этот счет официальные поручения. Состоялись научно-практические конференции. Появились отдельные публикации. Однако до сих пор нет *системных исследований*, «которые можно было бы взять на вооружение». Это же суждение выражено и в Послании парламенту 20 апреля 2010 г.

Наш главный экспертно-концептуальный вывод заключается в том, что идеологические механизмы переходных обществ, их структурные компоненты, содержание, методы, формы, эффективность влияния на массовое сознание и поведение институтов государства и гражданского общества, политическую коммуникацию еще не стали предметом систематизированного научного описания, объяснения и интерпретации.

В отношении перспектив теоретического и эмпирического анализа, идеологического обеспечения премлемых моделей модернизации постсоветских обществ мы разделяем мнение российского профессора *А. И. Соловьева*. Первоочередной задачей политической науки он считает концептуализацию всех духовных проявлений политики в реформируемом социуме [460, с. 29]. Это, как полагает политолог, позволит выявить рациональность различных плюралистических трактовок и ускорит поиск интегрированных инструментов познания и конструирования идеологии государства, призванной выполнять ценностно-ориентационные функции в условиях демократического транзита.

Идеология – духовный «реактор» механизма государства, технологический инструмент регулирования общественных отношений, сознательного переустройства жизни. Это обстоятельство актуализирует задачу политической науки – комплексного исследования культурно-идеологических факторов влияния на демократизацию транзитных обществ, ценностные векторы, авторитет, стабильность и эффективность национальной государственности.

Поиск и обоснование концепта идеологии государства в постсоветских обществах – приоритетное направление политологических исследований. Свидетельство тому – публикации и защищенные диссертации в России и Беларуси. Идеология рассматривается учеными как неотъемлемый духовно-ценностный компонент политики модернизации и демократической консолидации.

Ученые достигли консенсуса в том, что реформационные процессы протекают во многом хаотично и неэффективно. Сказывается неопределенность идеологических ориентиров в управлении, теоретически и эмпирически выверенных представлений о национально-государственных интересах и приоритетах в переходный период, механизмах и методах их реализации. Негармоничность взаимосвязей между государственной политикой и идеологией негативно сказывается на динамике транзитных процессов, коммуникации, нормативно-ценностных императивах и поведении субъектов. Жизнь диктует объективную необходимость в государственной идеологии как средстве познания действительности, устойчивого социально-экономического и политического развития, адаптивности транзитных обществ к мировым процессам.

В научных трактатах акцентируется внимание на противоречиях духовно-идеологической сферы, проявляющихся в ее размытости, благоприятности для манипулирования массовым сознанием и поведением, волюнтаризма в политике, ущербности для социализации и гражданско-патриотического воспитания личности. Стала доминирующей мысль о заинтересованности общественности в демократической по характеру идеологии.

Наряду с этим мнением высказываются и диаметрально противоположные суждения. Идеология отождествляется

с практикой авторитарных режимов, не допускающих общественного контроля правительства, нарушающих права и свободы человека. Она истолковывается как система манипуляции, включающая в себя мифологические, утопические и фантастические элементы, популизм, лицемерие, «лакировку» действительности, монопольное влияние властвующей элиты на СМИ. Такая «идеология», по справедливому мнению ученых, разрушает здоровый общественный организм, дискредитирует демократические нормы. Ее феномены целесообразно исследовать и научными средствами способствовать «очищению» политической сферы в интересах усиления авторитета и влияния национальной государственности переходного периода.

Анализ публикаций и диссертаций российских и белорусских исследователей свидетельствует, что в теоретической разработке идеологии государства происходят качественные перемены. Вместе с тем ощущается дефицит концептуальных идей, верифицированных опытом демократического транзита, отличающихся эмпирической доказательностью. Проверенные практикой концепты – насущная потребность постсоветской трансформации. Они способны обогатить политическую науку новым знанием, стимулировать гносеологический ресурс государственного управления и динамичного развития постсоветских обществ.

Кризисные тенденции в ценностных ориентациях субъектов политики детерминирует необходимость новых проектов, обогащающих практику реформации и духовную жизнь социума инновационными идеями. Полученные учеными результаты обогатят познание субстанциональной сущности феномена идеологии государства, методы анализа воспитательно-мотивационных механизмов преобразования переходной действительности.

Целесообразно направить вектор творческого поиска на достижение актуальных, научно-прикладных результатов, соответствующих запросам жизни. Верифицированные практикой аналитические обобщения и рекомендации внесут ясность в представления о структуре и имманентной сути идеологии государства, методах и формах ее влияния на духовную сферу, демократизацию политической системы, сознание, поведение и политическое участие граждан.

Дальнейший творческий поиск полезно сосредоточить на приоритетных направлениях исследований: реальных идеологических процессов; экспертной оценке проблем и противоречий в экономической, социальной, политической и духовной жизни; подготовке качественных, интересных по содержанию, эмпирическому базису, методике изложения научно-популярных пособий для учащейся молодежи; экспериментальной проверке моделей, концепций и парадигм демократического транзита.

Какой должна быть идеология государства в переходный период? Этот ключевой вопрос остается открытым.

По нашему убеждению, концептуальная схема государственной идеологии могла бы быть представлена в виде *условной формулы*: правовая государственность = абсолютный приоритет прав и интересов человека + адаптивное, конкурентоспособное, социальное государство + последовательная демократизация институтов власти и общества + динамичная, технологичная экономика + национальная идентичность.

Приведенная формула (при всей ее условности), отражает принципы преемственности в развитии и преимущества влиятельных политических идеологий современности, предполагает сохранение, обогащение национальных духовных традиций. Идеалом транзитных обществ уже сегодня является правовое государство как воплощение высших достижений демократической культуры, как самый надежный инструмент созидания гуманных отношений между властью и гражданами, устойчивого поступательно-восходящего развития государственности. К тому же этот идеал глубоко укоренился в цивилизованном мире. Идеология правовой государственности должна опираться на науку, впитать в себя ценности современной цивилизации, национальные традиции и позитивные элементы советского опыта, содержать объективный анализ успехов и недостатков социально-политических преобразований.

Процесс успешной разработки и реализации идеологии постсоветского государства предполагает не форсированные, но последовательные политические изменения. Только демократические перемены способны обеспечить надежный духовно-идеологический фундамент политической системы транзитного общества – открытость для диалога и соревнова-

тельности, прозрачность, адаптивность, стабильность, эффективность, привлекательность для инициативных граждан. Политическая модернизация ускорит прогрессивные изменения во всех сферах общества, послужит консолидации субъектов, благополучию государства, укреплению его позитивного имиджа в мировом сообществе.

Нельзя не согласиться с мнением академика НАН Республики Беларусь *А. Н. Рубинова*. Суть его в том, что для постиндустриальных (информационных) обществ идеология не является предметом приоритетного внимания: она вошла в традиции, законы и практику. Для молодых постсоветских государств, трансформирующихся в новое качество на основе демократических норм, формирование, творческое развитие и рациональное применение политической идеологии является делом первостепенной важности [435].

Глава 10

Динамика политической культуры

Политическая культура — эволюционирующий духовно-психологический феномен, непосредственно влияющий на ритмы демократизации социума, стабильность и благополучие государства. В ней воплощаются историко-культурные традиции народа, политический опыт, особенности национального менталитета, нормы сотрудничества и взаимопонимания субъектов политики.

Согласно утвердившейся в науке концепции, содержание политической культуры составляют эмпирически измеряемые ценностно-психологические личностные ориентации — идеалы, принципы, убеждения, предпочтения, ожидания, символы государства, оценочные суждения, образцы поступков. Усвоенные ценности определяют гражданскую позицию человека, отражают ее сущностные характеристики: отношение к «своей» политической системе, мировому политическому процессу, мотивацию и характер личного политического участия.

Ценностно-мировоззренческие ориентации индивидуальных субъектов материализуются в политической компетентности, культуре политико-властных отношений и политических действий, стимулируют динамичные политические изменения или тормозят модернизацию общества и государства.

Политическая культура выполняет функцию «духовно-ориентационного барометра» политической жизни социума. Наука выявила и обосновала субстанциональную зависимость демократичности, адаптивности, стабильности и эффективности современных политических систем от уровня зрелости политической культуры граждан [4].

В 1990-е гг. духовные ценности постсоветских государств оказались размытыми. Кардинально изменился вектор общественного развития. Культурно-идеологическое пространство было дезинтегрировано. Проявлялись деструктивные явления в экономике и политико-властных отношениях, не благоприятствующие оздоровлению морально-психологической атмосферы. Углубляющаяся социальная дифференциация разрушала коллективистские нормы жизни и стимулировала индивидуализм.

В этих неблагоприятных для развития науки условиях формировались приоритетные направления исследований в России и Беларуси:

- концептуальные аспекты политической культуры [24; 136; 153; 234; 275; 349; 444; 445; 468; 483; 541];
- традиционализм и преемственность в политической культуре [111; 128; 166; 169; 234; 237; 253; 264; 362; 378–380; 562];
- либеральные ценности в сознании граждан [195; 242];
- политическая культура власти [129; 313; 316; 322; 323; 465; 545; 548];
- изменения в индивидуальных ценностных ориентациях [6; 98; 104; 119; 160; 197; 252; 310; 360; 376; 377; 415; 428–430; 526; 570];
- политическая социализация личности [61; 113; 149; 321; 395–397; 404; 406; 413; 437; 448; 458; 481; 494; 502; 523; 547; 556; 561].

Политологическая корпорация России и Беларуси смогла мобилизовать аналитические ресурсы на указанных направлениях и достигла определенных успехов. Двадцатилетие эволюции науки увенчалось значительными достижениями.

Сегодня очевидны качественные перемены в разработке концептуальных аспектов политической культуры в контексте преемственности исторических эпох и целей переходных обществ.

В центре внимания аналитиков – государственная политика в области культуры, духовно-идеологические традиции и факторы перемен в политической и социально-экономической сферах.

Теоретически осмысливается воздействие реформ, западных ценностей, институтов государства на политическую социализацию личности, мировоззрение и психологические установки граждан, ритмы демократических изменений. В фокусе научного интереса – проблемы концептуально-методического обеспечения политического образования в вузах, повышение его роли в личностно-профессиональном становлении студентов вузов.

Научными критериями измеряются культура институтов власти, влияние трансформационной реальности на сознание и поведение личности.

Концептуальные подходы ученых к объяснению политической культуры переходного социума являются обобщенным отражением опыта политических преобразований, результатов исследований зарубежных коллег, конкретно-исторического, социально-психологического, нормативного и эмпирического анализа ценностных ориентаций граждан, позитивных и негативных тенденций в коммуникации и деятельности участников политического процесса.

Применяя поведенческий подход, который впервые апробировали *Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай*, ученые выявили недостатки в зарубежных и отечественных исследованиях политико-культурных феноменов и стремятся к их устранению.

Сложившуюся ситуацию в области методологии познания политической культуры на рубеже XXI в. проанализировал кандидат философских наук *К. Ф. Завершинский* [153].

По его мнению, методы познания политической культуры переходного социума, позаимствованные из когнитивного банка мировой политологии, не вполне соответствуют критериям продуктивного творчества. После появления работ *Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая* нет значительных подвижек в обновлении методологического инструментария. Поисковые стратегии не привели западных исследователей к приращению нового знания о дискурсивном пространстве политической культуры. Очевиден «концептуальный вакуум» и в постсоветских обществах. К примеру, анализ национальной поли-

тической культуры зачастую подменяется либо публицистическими рассуждениями о специфике политических традиций России, несовместимости политики реформ и менталитета граждан, либо поверхностным комментированием социологических данных о состоянии общественного мнения и содержании социально-политических ориентаций. Абстрактные, эмпирически не подкрепленные трактовки политической культуры затрудняют оценку состояния политической действительности, восприятие ее ценностного содержания [153; 325, с. 164, 165].

Доктор философских наук *О. Ю. Малинова* также отмечает, что в изучении актуальной проблемы в англо-американской политической науке наблюдается заметный спад, несмотря на благоприятные условия для верификации потенциала психологической концепции *Г. Алмонда, С. Вербы* и *Л. Пая* в условиях глобальной модернизации [275]. Это сдерживает поиск общепризнанной стратегии познания культуры в странах демократического транзита, синтез и ревизию известных методологических подходов. Необходимы обновленные гипотезы и идеи, альтернативные, проверенные практикой онтологические конструкты для объяснения эволюции современной политической культуры.

Взыскательно оценивая отечественный академический курс, *О. Ю. Малинова* замечает его особенности: дефицит оригинальных интерпретаций; склонность к теоретизированию, не подкрепленному эмпирическими данными; некритическое дублирование дефиниций из англоязычной литературы; противоречивые расхождения в интерпретации типов, содержания, тенденций и факторов эволюции групповых субкультур и национальной политической культуры; неопределенность стандартов научного поиска; истолкование феномена в русле традиций русской общественной мысли с присущей ей умозрительностью, неориентированностью на процедуры верификации [277].

Профессор *А. И. Соловьев* предложил систематизировать концептуальные инновации в изучении политической культуры, обосновал преимущества методологии, основанной на принципах общетеоретического и предметно-содержательного анализа. Он характеризует политическую культуру России как смешанную, фрагментарную, включающую элементы соперничающих субкультур и советского традиционализма.

Исследователь сформулировал культурные условия демократизации государственности и гражданского общества: оздоровление политико-властных отношений; укрепление гарантий духовной свободы и использования альтернативных источников информации; создание общефедеральной системы политического образования; реорганизация социального представительства для обеспечения «мирного» сосуществования групп с полярными интересами; пресечение политического радикализма [467; 468].

Концептуальные суждения российских ученых представляются своевременными и упреждающими. Непоследовательность в методологии познания и отвлеченно-абстрактная интерпретация политической культуры неизбежно оборачиваются исследовательской некорректностью или несостоятельностью.

Американский профессор *Н. Н. Петро* убедительно вскрыл фундаментальные причины ошибочного объяснения западной наукой советской политической культуры как монолитной и неизменной, обусловившего непредсказуемость распада СССР и поражения коммунизма. Подъем гражданской активности после 1987 г. абсолютно не соответствовал распространённому на Западе образу русских как политически пассивного народа. Советологи не смогли определить своеобразную «ахиллесову пяту» в политической системе из-за одностороннего представления о феномене национальной политической культуры, категорического отказа признать, что демократия имеет глубокие корни в русской истории [358, с. 36, 37].

В 1990-х гг. на первый план выдвинулись проблемы идентификации и адаптации личности в реформируемом социуме, познание ценностных мотиваций общественного поведения, культурной специфики переходных обществ. Предметом творчества ученых стал поиск оптимальной модели культурной идентичности транзитных обществ.

Удачную попытку исследования воздействия трансформационных процессов в российском обществе на сознание и поведение граждан осуществили аналитики РАН в 1998, 2004, 2007 гг. [428].

Цель исследования состояла в выявлении определенных типов восприятия исторических, социально-экономических, политических явлений и процессов модернизации представителями различных поколений россиян – возрастными груп-

пами от 16 до 65 лет. Было опрошено 3000 респондентов. Опрос проводился по двум моделям квотной выборки. Первая позволила провести сопоставительный анализ эмпирических данных, отражающих ориентации «поколенческих» групп. Вторая модель являлась территориальной, многоступенчатой, с отбором респондентов на последнем этапе опроса.

Исследование по неизменной методике 1998, 2004, 2007 гг. обеспечило достоверность его результатов.

Основные выводы ученых сводятся к следующему.

1. В процессе радикальных реформ структура транзитного социума обеспечивает ретрансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности. Несмотря на революционно-взрывной характер смены политического строя, форсированные рыночные реформы, ликвидацию «железного занавеса», традиционалистские культурные стереотипы и установки сохраняют устойчивость. Ценностного раскола общества не обнаружено. Не существует коренных разногласий между различными поколениями по поводу восприятия действительности, политического выбора типа общества. Этому способствуют свойства менталитета россиян – приспособляемость к рыночной реальности, смелость, изобретательность, терпеливость, сбалансированное отношение к отечественной истории.

2. Смена политического лидера страны и существенная корректировка политического курса государства положительно сказались на динамике социального самочувствия. Бесспорная доминанта массового сознания – оптимистичные представления о роли и функциях государственного управления.

Большинство граждан отдает предпочтение модели общества равных возможностей над обществом равных доходов. Равенство возможностей они ценят выше индивидуальной свободы, которая таким равенством не подкреплена. Треть предпочитает общество реальных возможностей как цель модернизации страны, принципиально против «уравниловки» в распределении материальных благ.

Степень глубины и темпы изменения национального самосознания под воздействием трансформации социума, перипетий политической жизни не столь контрастны. Традиции советской эпохи все еще демонстрируют устойчивость, но выявлен консенсусный характер ее восприятия старшим и мо-

лодым поколениями. Основная масса сограждан считает предметом общенациональной гордости события и достижения советской истории. Вместе с тем только 26 % респондентов представляется нормальной для жизни человека «брежневская эпоха». В сталинские годы хотели бы жить 3 %. Неприятие вызывает «горбачевская перестройка». «Ельцинское правление» кажется привлекательным 1 % респондентов. Не ассоциируют себя с общностью «советский народ» 42 %.

3. Сохраняя приверженность сильному национальному государству, граждане тем не менее свою жизненную энергию направляют в сферы, далекие от политики. С 2001 г. снижается доля активно интересующихся политикой – с 32 % до 17 % в 2007 г. Лишь каждый третий опрошенный (28 %) ощущает свою общность с людьми, близкими ему по политическим взглядам, каждый второй (52 %) эту общность ощущает от случая к случаю. Выявлен самый низкий уровень политической активности граждан по сравнению с европейскими странами, где реализуется модель государства «всеобщего благоденствия».

57 % граждан признают политическое участие абсолютно необходимым для нормального функционирования переходного общества, но 71 % не участвует в политике по разным причинам: недостатка свободного времени; озабоченности выживанием; некомпетентности; неуверенности в реальном политическом влиянии; «олигархизации» власти и усиления авторитарных тенденций; неудовлетворенности публичной политикой. Только 28 % признают себя сторонниками каких-либо партий. Основным мотивом голосования на парламентских выборах служит поддержка высшего лица государства или протест против проводимой в стране политики.

4. Уже к середине 1990-х гг. в массовом сознании утвердилось мнение, что западный путь развития не подходит для России. Культурно-историческая самобытность социума интерпретировалась как непреходящая базовая ценность. В этом контексте оценивались внешнеполитические задачи государства. Уровень симпатий к США и ведущим странам Западной Европы оставался высоким – превышал уровень антипатий в семь-девять раз. Однако неуклонно осуществляемое расширение НАТО на Восток, бомбардировки Сербии, появление американских военных баз в Центральной Азии, планы раз-

вертывания элементов ПРО, настойчивые попытки выстраивать систему глобальных коммуникаций в обход России изменили толерантные ориентации россиян. Ситуация в мировой политике убеждала их, что западный мир в целом занимает недружественную по отношению к их стране позицию. В 2000 г. слово «Запад» вызывало негативные ассоциации у 54% граждан, а положительные – у 47 %. В 2008 г. это соотношение выровнялось и стало паритетным [428, № 1, с. 67–90].

5. Ученые не обнаружили устойчивых представлений о национальной идентичности – «особом характере» России, «особом пути» ее развития, которые бы расширяли социальный базис реформ, стимулировали политические изменения, нейтрализовали националистические настроения и ксенофобию.

Исследование сотрудников РАН свидетельствует о кризисе ценностей в транзитном социуме. Он проявляется в распадающейся советской идентичности и пока еще не состоявшейся новой национально-государственной идентичности [428, № 3, с. 12, 38].

Сегодня в фонде политической науки постсоветских обществ имеются диссертации, книги и статьи о социокультурных факторах цивилизации и модернизации переходных обществ [6; 18; 234; 237; 349; 360; 483; 570]. Они различаются качественными показателями – методологическими подходами, репрезентативностью, уровнем анализа и интерпретации фактов политической действительности. Однако исследователей объединяют концептуальные идеи: в политической культуре переходного социума ощущаются симптомы кризиса; под влиянием реформ и глобализации процессы ценностной идентификации постепенно корректируются, но не характеризуются ускоренной динамикой; перемены в социокультурном базисе реформ неустойчивы и противоречивы.

Ученые активизируют поиск инновационных концептов познания политической культуры транзитных обществ. Исследуются духовно-психологические условия реформаторской политики, особенности ценностных ориентаций граждан, социализации человека.

К таким исследованиям относятся, в частности, результаты, полученные научными сотрудниками российского Центра политических технологий [160].

Ученые применили метод фокус-групп для анализа политических субкультур, позволивший рассмотреть структуру и

характер общественно-политических установок и мотивацию поведения респондентов – сторонников партийных объединений (либералов, патриотов, патерналистов, лоялистов, традиционалистов). В процессе исследования выявлены некоторые характерные черты политической культуры России.

Культура характеризуется «патерналистской» направленностью. Большинство верят в благодетельность государства, связывает с его политикой надежды на будущее. Пожелания, ожидания и требования этих граждан – национализация экономических активов, являющихся общенародным достоянием, укрепление гарантий независимости и безопасности страны, противодействие коррупции, стимулирование бизнеса, преодоление бюрократизма, последовательная реализация политических решений, ограничение материальных благ олигархов, депутатов и госслужащих, бесплатное образование, здравоохранение, доступность жилья, разрешение обостряющейся демографической ситуации.

Пожелания, ожидания и требования граждан, участвующих в деятельности политических партий, соответствуют критериям гражданской культуры. Они осознали достоинства и блага рынка, но при этом доверяют государству, разделяют его ценности, проявляют неудовлетворенность результатами практической политики. Убеждены в возможности позитивных перемен в социуме, усовершенствования рыночных взаимосвязей регулятивными инструментами основного института политической системы. Связывают прогресс общества с сильным, адаптивным государством, ответственной и эффективной властью. В сознании респондентов преобладают установки на удовлетворение национальных интересов, инновационную экономическую модернизацию, политическое развитие, демократичное государственное устройство.

Это обстоятельство знаменует обозначившийся переход от «подданнической культуры» к «активистской», гражданской (по классификации американских ученых).

В политических установках сторонников партий наблюдается качественный сдвиг в понимании принципа социальной справедливости. Он воспринимается не как «уровнировка» советской эпохи, а как равенство возможностей и правовая защищенность. Однако большинство граждан сомневается в равенстве возможностей, предлагая борьбу не только с бед-

ностью, но и с богатством олигархов, «реквизиторские» меры. В их ценностно-мировоззренческих ориентациях «присутствуют» установки советского прошлого как рудименты реформируемого общества.

Как установили ученые, в ценностных ориентациях граждан проявляется приверженность нормам постиндустриального, демократического общества. В их коммуникации просматриваются зоны консенсуса, плюрализма, компромисса: неприятие радикальной «ломки» уклада бытия; поддержка предпринимательства; отторжение глубокого социального расслоения, неудовлетворительного качества жизни; одобрение внешней и оборонной политики государства; прагматично-критический подход к Западу и его ценностям; равноправное международное сотрудничество; нетерпимость к конфронтации в стране и глобальном мире; укрепление семьи.

Основной вывод исследователей заключается в том, что в транзитном обществе доминирует «подданническая» культура, слишком слабы элементы «активистской»; многие граждане отчуждены от политики. Политическая культура постсоветского общества находится сегодня в переходном состоянии. Она еще не освободилась от стереотипов прошлого, «водоразделов» между субкультурами, но постепенно видоизменяется под влиянием объективной реальности преобразований [160, с. 122, 127].

Проблематика исследований непрерывно расширяется. Политическая культура трактуется как инструмент регулирования политических отношений и действий по переустройству жизни. Фонд науки пополняется монографиями, научными сборниками и диссертациями, базирующимися на достоверном эмпирическом материале о национальной идентичности, механизмах восприятия модернизации, западных институтов и ценностей. Они вносят существенные коррективы в концепции, получившие признание в науке, углубляют понимание ценностных ориентаций личности, индикаторов зрелости общественного сознания и поведения в странах демократического транзита.

Политическую культуру переходных обществ углубленно исследуют российские и белорусские ученые *А. С. Ахиезер, Е. Б. Шестопал, Ю. С. Пивоваров, Н. П. Левадный и А. М. Ушаков, О. Ю. Малинова, А. А. Жарикова, М. М. Назаров, В. Ф. Пень-*

ков, Е. В. Скакун, Е. Н. Савинова, О. В. Суворова, И. Г. Яковенко, Д. В. Белявцева, И. А. Кузнецова.

Ученые выявили доминирующую тенденцию: политическая культура реформируемого общества эволюционирует. Массовое сознание медленно и противоречиво трансформируется под влиянием условий демократического транзита и глобализации. Оно все более критично воспринимает явления действительности, поведение власти и личностные качества политиков, результативность государственного управления.

Авторы анализируют влияние социально-политической ситуации в постсоветском обществе на ценностные ориентации граждан, восприятие ими политики реформ и власти, излагают свое видение реальных проблем в духовной сфере и их влияние на модернизацию социума. Национальные модели политической культуры на постсоветском пространстве и в мире рассматриваются как качественно равноценные, но отличающиеся своеобразием ценностных ориентаций, символов и атрибутов государственности, механизмов гражданской идентификации, отношений между политической системой, личностью и обществом.

Содержащиеся в научных сборниках, монографиях, диссертациях эмпирические данные отражают характер и изменения в ценностно-психологических установках граждан, их отношение к «своей» политической системе и мировым процессам, уровень заинтересованности в политическом участии.

Достоверная эмпирическая информация о динамике политической культуры обществ демократического транзита представлена в цикле статей, опубликованных в специализированных журналах. Их авторы – *И. И. Глебова, П. К. Гончаров, Э. Я. Баталов, Л. А. Гордон, М. Г. Делягин, А. И. Демидов, А. И. Джунусов, Д. В. Гудименко, Г. Г. Дилигенский, А. Ю. Зудин, Б. Г. Капустин, Н. Д. Козлов, В. В. Лапкин, В. И. Пантин, А. В. Лукин, А. И. Соловьев.*

В статьях обоснованы суждения и выводы о содержании и тенденциях политической культуры реформируемого общества. Осмысленная реальность, наблюдения ученых послужили базисом альтернативных или конкретизирующих идей о специфике политико-ценностных ориентаций граждан, трансформации их установок по отношению к национальной поли-

тической системе, результатам стратегического курса и действий правительства.

Культурные факторы и механизмы формирования российской национальной идентичности исследуются в статьях доктора политических наук *И. С. Семененко* [444; 445]. Используя социологические источники, она выявила в ценностных ориентациях граждан высокий уровень ожиданий, связанных с государством, убежденность в необходимости расширения обязанностей властных структур по социальной защищенности личности. Глубоко укоренились в общественном сознании идеи государственности, уравнительности, коллективизма, особого исторического пути России. В среде старшего поколения доминируют мифологемы «сверхдержавы», «справедливого советского строя». С прошлым связываются представления о национальном достоинстве, в то время как проводимые правительством реформы нередко ассоциируются с неблагоприятными последствиями. Отсутствует консенсус по вопросу о модели общественного развития. Большинство населения негативно относится к миграции и инокультурным влияниям. Углубляющаяся социальная дифференциация ведет к снижению толерантности в публичной сфере. В массовом восприятии политический лидер предстает главным объектом патерналистских надежд, что становится решающим условием его электоральной поддержки.

Научные сотрудники ИМЭМО РАН *В. В. Лапкин* и *В. И. Пантин* провели сравнительный анализ восприятия гражданами России и Украины западных институтов и ценностей [242]. Они выявили эклектичное смешение в массовом сознании противоречивых по своей природе ценностей – транснациональных, национально-государственных и имперских. Для российской политической элиты демократические нормы еще не стали внутренним регулятором согласования и принятия решений. Несмотря на позитивное отношение общества к демократии как основе политической системы, элита сменила господствовавшую прежде либеральную риторику на «консервативно-государственническую». Для граждан ценности стабильности и компромисса между старым и новым становятся все более привлекательными. Большинство хотело бы вернуться к модели единого государства. Союз с Россией и Беларусью привлекает жителей Украины больше союза с

Европой. Но при этом самой популярной политической стратегией выступает одновременное сближение и с Россией, и с Западом. Предпочтительной формой устройства демократической власти массовое сознание признает президентскую республику. С понятием «демократия» граждане России и Украины связывают политические свободы и права человека, участие в государственном управлении, достойные условия жизни, социальное равенство, развитие местного самоуправления, сокращение масштабов коррупции и теневых отношений. Доминирует устойчивое убеждение, что преобразования в переходных обществах будут сопровождаться серьезными трудностями, проблемами и нестабильностью. Жители обеих стран недовольны качеством реформ, обернувшихся падением уровня жизни. Они не удовлетворены функционированием властных институтов и политических партий. Примерно половина опрошенных не отрицает прогрессивной значимости советских ценностей. Вместе с тем не вызывают отторжения и институты современной демократии. Большинство россиян и украинцев не сомневаются, что свободные выборы – лучший способ формирования политического руководства. Однако лишь 9,5% россиян и 8,4% украинцев убеждены, что происходящие социально-экономические перемены отвечают интересам большинства.

Исследователь *М. А. Фадеичева* проанализировала малоизученную проблему – идеологию и дискурсивные практики «нашизма» в России. Она доказывает, что «нацистский» национализм глубоко укоренился в общественном сознании. Он носит отчетливо выраженный агрессивный характер. Согласно данным опроса, проводившегося ВЦИОМ в 2005 г. в 46 регионах России (выборка – 1600 чел.), 42 % респондентов вообще не находят у западноевропейцев положительных черт. 25 % полагают, что жителей Европы интересуют только деньги, их типичные качества – высокомерие, расчетливость, эгоистичность, бессердечие и распущенность [501, с. 57].

Политическая культура как система нормативных ценностей, воспринимаемых и разделяемых большинством граждан, проявляется в соблюдении или нарушении законов государства. Политическая и правовая культуры органично взаимозависимы. Недоверие и оппозиционность к официальной

политике нередко являются источником неправомерного поведения и многочисленных социальных девиаций.

Доктор социологических наук, профессор *М. Б. Смоленский* считает одной из наиболее острых проблем, препятствующих становлению культуры правовой государственности в России, – незащищенность населения от неправомерных действий представителей власти, которые подменяют закон целесообразностью, причем так, как они ее понимают. «Инерция авторитарности и администрирования оказалась чрезмерно устойчивой, особенно в небольших городах и в национальных республиках». По его убеждению, в стране не создана реальная система общественного контроля власти. Политические партии, кроме «Единой России», не имеют достаточного политического веса. Государственная власть фактически неподконтрольна гражданам, и ее эффективность «всецело зависит от личности, стоящей на вершине пирамиды» [451, с. 19].

Концептуальную идею о взаимосвязи правовой и политической культур развивает доктор юридических наук, профессор *Л.С. Момут*. Он обоснованно полагает, что потенциал демократического транзита зависит от социальных качеств народа как верховного суверена, его политической и правовой культуры. «Каков уровень его цивилизационной зрелости, таково в действительности общее состояние государства. По-другому не бывает и просто быть не может», – утверждает ученый [303, с. 11].

Многочисленные статьи, монографии, сборники научных трудов, диссертации по содержанию эмпирического базиса представляют собой добротный источник для теоретических обобщений и выводов о характере политической культуры России и других переходных обществ, концептуализации ее познания.

Исследователи Беларуси в меньшей степени, нежели российские ученые, проявляют интерес к проблематике политической культуры.

Их диссертации, а также публикации, посвященные мониторингу политической ситуации в стране, не выявляют тенденций и закономерностей эволюции ценностных ориентаций граждан по отношению к «своей» политической системе, политическим процессам в стране и мире, результатам дея-

тельности правительства, личному политическому участию. Содержащаяся в них информация недостаточна для теоретических обобщений о качественных показателях трансформации национальной политической культуры.

В творческом фонде политологии и социологии Беларуси перспективными представляются исследования динамики ценностных ориентаций, гражданско-патриотических качеств молодежи в трансформирующемся обществе [119; 141; 301; 444; 526]. Полезны кандидатские диссертации, в которых освещаются некоторые аспекты актуальной научной проблемы. *Е. В. Скакун* и *А. А. Жарикова* исследовали особенности политического сознания студенческой молодежи в условиях переходного периода. *И. А. Кузнецова* осуществила сравнительный анализ электорального поведения в политической системе общества. *Д. В. Белянцева* теоретически истолковала региональные особенности политического сознания белорусов.

Отмечая позитивные сдвиги в изучении политической культуры постсоветских государств, следует обратить внимание и на недостатки познания. Главный из них – отсутствие в фондах российской и белорусской историографии фундаментально-прикладных и сравнительных исследований политической культуры транзитных обществ. Перспективными и адаптивными к демократическому транзиту представляются комплексные разработки и проекты, обосновывающие: механизмы формирования и содержание ценностных ориентаций индивидуальных субъектов политики; тенденции и закономерности перемен в политическом сознании и поведении; причинно-следственные взаимосвязи между результативностью государственного управления и политической культурой; средства и методы активизации политического участия; технологическое обеспечение политической социализации молодого поколения.

Демократический транзит диктует необходимость корректировки научных приоритетов в пользу концептуально-прикладных аспектов. Ученым предстоит четче определиться в проблемно-тематическом выборе, углубленном познании динамики и особенностей национальной политической культуры.

Исследование учеными России и Беларуси духовно-психологических факторов реформаторской политики расширяет научное познание особенностей национальной политической культуры, противоречивой социализации личности в переходных обществах.

Проблематика исследований обогащается новыми темами и сюжетами. Политическая культура анализируется как ничем не заменимый инструмент регулирования политических отношений и качественных демократических изменений. Увеличивается количество публикаций и диссертаций, базирующихся на достоверном эмпирическом материале о национальной идентичности, механизмах восприятия политической модернизации, западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве, переменах в духовно-психологических ориентациях граждан. Они вносят существенные коррективы в концепции, получившие признание в науке, углубляют понимание культурно-идеологических условий успешных преобразований в социуме, конкретных показателей зрелости общественного сознания и поведения.

Ученые выявили доминирующую тенденцию: в политической культуре происходят качественные перемены. Массовое сознание медленно, но неуклонно видоизменяется, обретает новые черты под влиянием реформ и глобализации. Граждане все более критично оценивают «свои» политические системы, действия власти, негативно воспринимают неадекватную их ожиданиям результативность государственного управления. Развивая традиции мировой науки, ученые исследуют политические идеалы, нормы, принципы, предпочтения, мотивы поведения, потребности и ожидания граждан через призму ценностных императивов, целей и результатов модернизации переходных обществ, возрастающего влияния средств массовой коммуникации.

Ценностные ориентации граждан по отношению к «своей» политической системе, ее демократичности, адаптивности, стабильности и социальной эффективности – главный индикатор их национальной идентичности.

Полученные учеными результаты свидетельствуют о кризисных явлениях в политической культуре транзитных об-

ществ. Это тормозит демократизацию институтов государства и гражданского общества, снижает результативность осуществляемых преобразований.

Ориентации по отношению к политическому процессу отражают представления граждан о нормах взаимоотношений, политических событиях и изменениях, символах государственности, обязанностях, полномочиях и ответственности политиков, политическом участии. Сравнительно низкий уровень персональной политической активности обнаруживают их неуверенность в необходимости и возможности воздействия на политику, неустойчивое доверие к государственной власти, неудовлетворенность ходом и результатами модернизации.

В ориентациях по отношению к государству как основному институту политической системы воплощаются личностные ожидания, «патерналистские» надежды на улучшение личностного благополучия.

Доверяя институтам власти и следуя их установлениям, люди надеются на гарантированное будущее, реализацию принципов социально справедливой политики, рациональное государственное регулирование экономики и других сфер жизни, надежное обеспечение прав и свобод личности.

Переходные общества России и Беларуси находятся на переломном этапе критического пересмотра традиционно-советских идеалов, символов, образцов и стереотипов поведения. Граждане постепенно усваивают ценности, гармоничные национальным интересам и целям качественного совершенствования уклада жизни. Сегодня закладывается фундамент политической культуры постиндустриального, информационного, демократического общества.

Раздел IV

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ – УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Глава 11 Легитимация политологии в высшей школе

Теоретико-прикладное значение для постсоветских государств имеет исследование эволюции политологии – учебной дисциплины в высшей школе. Критически-творческий анализ ее легитимации, реального состояния отражает степень плодотворности инициатив, средств и методов влияния институтов власти и кадров науки на политическую социализацию учащейся молодежи, диалектику взаимосвязей профессиональной и демократической культуры.

Усвоение знаний о политике – неперемное условие устойчивых ценностных ориентаций, сознательного и активного участия выпускника вуза в жизни государства. Уровень его политической культуры является следствием социализации – интегрированным итогом влияния общественной среды, целенаправленных усилий коллектива, руководящих и научно-методических структур конкретного учебного заведения.

Результаты политико-образовательного процесса материализуются в гражданских качествах, социально-профессиональной компетентности специалиста, соответствующих вызовам информационной эпохи и целям демократического транзита [319; 348].

Политическое образование стимулирует гармоничные взаимоотношения студентов с государством и обществом, корректирует и обогащает их духовный мир, мотивацию поступков и отношений. Концептуально и методически обоснованное преподавание политологии формирует научное мировоззрение и личностно-профессиональные качества специалиста, предупреждает отчуждение от политики и идеологии государства, развивает потребность в самостоятельном, компе-

тентном и ответственном политическом участии [395; 403; 405; 564].

В этом контексте суждений методологически и технологически обеспеченное преподавание политологии и других социально-гуманитарных дисциплин в вузах уместно рассматривать как инструмент систематического влияния на духовно-нравственный потенциал, политическую культуру, созидательно-творческие возможности учащихся. Недооценка познавательно-мировоззренческой и регулятивной функций политологии, отрыв ее преподавания от практики чреват нежелательными для общества и государства последствиями. Этот порок не менее ущербен, чем игнорирование агентами образовательно-воспитательного процесса индивидуальных особенностей человека, факторов негативного воздействия среды на его убеждения и поведение. Эти аксиоматичные суждения не девальвируются временем, актуальны как для переходных, так и постиндустриальных обществ [74; 133; 151; 413].

Научно-педагогическая общественность была озабочена в 1990-е гг. сущностными проблемами: нестабильным статусом политологии в условиях транзита постсоветских государств; разработкой и апробацией современных технологий политического образования; подготовкой содержательной учебной литературы; внедрением стандартов и критериев качественного приобщения личности специалиста к демократической культуре [32; 135; 149; 325].

Среди профессионалов господствовало мнение, что грамотно организованное, инновационное по содержанию и методам политическое образование учащейся молодежи ускоряет ее социализацию, способствует успешному решению стратегических задач постсоветских обществ – предупреждению и нейтрализации деформаций массового сознания, негативных явлений в духовно-идеологической сфере и политическом участии. В центре творческого внимания находились первоочередные задачи – углубленный анализ, регулирование и контроль, концептуально-методическое совершенствование и обновление образовательного процесса [149; 420; 421].

Заинтересованно обсуждая состояние и исследуя опыт политического образования студентов, ученые и политики проявляли единодушие в том, что качественные показатели политической социализации личности специалиста детерми-

нированы не только влиянием общественных преобразований. Они в определяющей степени обусловлены подготовкой квалифицированных кадров, содержанием и методикой преподавания общественных наук, воспитательным ресурсом специальных дисциплин [32; 227; 499].

В начале 1990-х гг. не было ясности в преподавании политологии. Советская эпоха оставила в наследство рудименты негативного отношения к политическому просвещению как средству манипулирования массовым сознанием и поведением. Она выработала у многих граждан иммунитет к политике и идеологии, инициативам ученых-обществоведов, государственному регулированию духовно-нравственной сферы. Как следствие, значение политологии после распада СССР недооценивалось управленцами, включая и руководителей учебных заведений, что тормозило ее становление и легитимацию [54; 77; 78].

Несмотря на то, что советская система преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузах себя дискредитировала и была разрушена, новая создавалась медленно и неумело, в острых дискуссиях, атмосфере пассивно-пессимистического отношения интеллектуалов к культурным факторам политической модернизации [320; 325; 561].

Политология как автономная отрасль утверждалась в вузах противоречиво. Ее статус был неопределенным. Концептуально-методический базис политического образования студентов отсутствовал. Радикальной «смены парадигм» в приобщении студентов к политике по сравнению с советской эпохой не наблюдалось. Интерактивные методы не применялись. В одних вузах дисциплина изучалась как обязательная, в других – как факультативная. Существенно различались предметное поле, структура и содержание программ. Недоставало учебной литературы. Не было ясности в методике образования и воспитания личности в условиях перехода к рыночным отношениям, радикального переустройства общественно-политической действительности.

По этой причине становление политологии в вузах Беларуси и России происходило нединамично, было сопряжено с разрешением дилеммы статусного положения. В некоторых университетах (академиях) создавались автономные кафедры политологии, а в большинстве вузов – интегрированные. Не-

однородностью отличался состав преподавателей политологии, ядро которого составляли «переквалифицированные» советские обществоведы. Уточнялись роль и функции новой дисциплины в системе социально-гуманитарных знаний. Отсутствовала определенная система коммуникации политологов, методического и информационно-аналитического обеспечения учебного процесса. Педагоги самоопределялись в содержании и технологиях политического образования и гражданского воспитания молодежи. Не было ясности в стандартах и процессуальных нормах исследовательской деятельности, экспертно-аналитическом содействии государственной власти [135; 389; 422].

Проблемы начального периода оборачивались упрощенчеством, мировоззренческой размытостью политического образования, советскими рецидивами и стереотипами в методологии. Обществоведы нередко выступали носителями и пропагандистами знаний, не свободных от политико-идеологического наследия прошлого.

Можно усилить оценки реальной ситуации в России и Беларуси в 1990-е гг. Преподавание социально-гуманитарных наук в вузах находилось в состоянии кризиса. Обществознание «лихорадили» метаморфозы: искусственные видоизменения учебных курсов; заимствование западных образовательных стандартов и методик; несовершенство плюралистических образовательных программ; поспешное издание учебных пособий; недоверие к гуманитариям со стороны представителей естественных и технических наук; произвольное сокращение руководством вузов и факультетов объема часов на изучение наук об обществе и человеке [398; 406].

Кризисная ситуация усугублялась коммерциализацией науки, дефицитом ресурсов на политические исследования и издание учебной литературы.

Внимание преподавателей политологии и руководства вузов фокусировалось на укреплении статуса дисциплины в постсоветском обществе: разработке и внесении в повестку дня властных институтов образовательных стандартов; легитимации учебных программ; подготовке учебных пособий, созвучных достижениям политической науки, запросам демократического транзита; разработке и апробации инновационных методов политической социализации личности специалиста.

Эмпирическим базисом авторского исследования предпринятых мер по преодолению проблем начального периода становления политологии в вузах послужили государственные образовательные стандарты, научные публикации и дискуссии, учебные программы вузов. Осуществлен контент-анализ более 300 учебных пособий, тематических сборников, журнальных статей и полемических материалов. Осмыслены направления деятельности специализированных и интегрированных кафедр белорусских и российских вузов (по выступлениям их представителей на конференциях, совещаниях, конгрессах, в периодических изданиях). Изучена практика (по публикациям и посредством личных наблюдений) подготовки профессиональных политологов на отделении юридического факультета БГУ, факультетах политологии МГИМО (У) МИД России, МГУ им. М. В. Ломоносова, РАГС при Президенте РФ и других вузов. Исследована деятельность институтов политической науки.

Проблемы и противоречия в гуманитарном образовании и гражданском воспитании студентов побудили государственную власть постсоветских обществ к мерам, способствующим повышению роли общественных наук в условиях социально-политической модернизации.

Состояние обществознания в Беларуси обсуждалось 20 ноября 1998 г. на республиканском совещании ведущих ученых и преподавателей с участием Президента Республики Беларусь [319].

Совещание ускорило разработку государственных стандартов по гуманитарным дисциплинам. Республиканский институт высшей школы подготовил проектную версию и осуществил ее экспертную апробацию. Педагогические коллективы внесли предложения по совершенствованию нормативных идей и положений. Доработанный документ с учетом замечаний, предложений и пожеланий был утвержден и введен в действие 6 июля 1999 г. [80].

Стандарт устанавливал правила в преподавании гуманитарных дисциплин (обязательных для изучения и факультативных), регламентировал их структуру и содержание, требования к знаниям и умениям студентов.

Политическое образование «лимитировалось» верифицированными индикаторами стандарта – дидактическими еди-

ницами: ключевыми разделами, темами, понятиями, теоретическими и прикладными проблемами науки. В нормативном документе они сгруппированы в концептуально-логические модули, взаимосвязанные и не исключающие возможность свободной корректировки преподавателями образовательного процесса при условии, если не нарушается ценностно-содержательный алгоритм, предусмотренный для специальности соответствующего профиля.

Преподавание политологии предписывалось в рамках пяти концептуально-логических блоков-разделов: политология как наука и учебная дисциплина; политическая система и институты власти; политические процессы; политическая культура и идеология; международные отношения и внешняя политика.

Политология была включена в перечень гуманитарных дисциплин, обязательных для изучения студентами всех вузов страны. Устанавливалось ее преподавание в объеме 70 аудиторных часов

Стандарт отвечал на принципиально важные вопросы: Каким объемом знаний необходимо студенту овладеть? Какие явления и процессы он должен компетентно (на основе познания политики) анализировать и оценивать? Какие навыки надлежит приобрести выпускнику вуза, независимо от профиля его специальности?

Введение в действие стандарта явилось конструктивным актом государственной власти, благоприятствующим политической социализации студентов, становлению и развитию политологии в высшей школе республики.

На основе концептуально-методических критериев стандарта Министерство образования Республики Беларусь утвердило базовую учебную программу по политологии для вузов. Она существенно отличалась от программы 1995 г., явилась итогом дискуссий творческой группы преподавателей-политологов.

Введение в действие учебной программы, разработанной в соответствии с государственным стандартом, способствовало преодолению кризисных тенденций в становлении политологии как учебной дисциплины.

Программа побудила преподавателей-политологов к переосмыслению и обновлению структуры и содержания лекций и семинаров, способов образовательно-воспитательного процесса.

Задача государственной стандартизации гуманитарного и политического образования в 1990-е гг. была актуальной и для вузов России [102; 182; 325]. Между тем идея стандартов воспринималась в среде ученых-гуманитариев неоднозначно. Одни идентифицировали ее с идеологическими перекосами коммунистической эпохи, авторитарным управлением образованием. Другие – ратовали за компромиссные ценностные критерии относительно структуры, содержания, проблематики, методики преподавания политологии, общих требований к знаниям, умениям и практическим навыкам студентов.

Зарождающиеся структуры гражданского общества своевременно обнаружили негативные тенденции и предприняли полезные инициативы по их нейтрализации и преодолению, сплочению корпорации политологов.

В этом смысле показательны действия редакции «Полиса». На страницах журнала регулярно стали помещаться публикации, адресованные профессионалам [32; 38; 59; 186; 307; 315; 375; 384; 406; 458; 470; 475; 498; 544].

Редакцией был создан общественный «Центр содействия развитию политической науки». Вошли в практику заочные «круглые столы», анкетирование гуманитариев, конференции, дискуссии, семинары по конкретным методологическим вопросам. Редакция организовала выпуск альманаха «Космополис». В 1999 г. выпустила тематический сборник «Университетская политология России» [499].

Неудовлетворительное качество, аморфность методологического инструментария в преподавании общественных наук, отождествляемые интеллектуалами-пессимистами с «катастрофой» для социализации студентов, вызвали потребность в коллективном обсуждении необходимости государственного образовательного стандарта по гуманитарным дисциплинам [182].

Государственный стандарт начал поэтапно вводиться в России в начале 1990-х гг. Предусматривалось обязательное изучение политологии в комплексе с другими социально-гуманитарными дисциплинами. Минимум содержания программы регламентировался ключевыми разделами, темами, проблемами, категориями. Но эти «дидактические единицы» не были объединены в концептуально-логические, взаимосвязанные модули.

По мере накопления опыта осуществлялась корректировка стандарта по политологии. В 2000 г. по инициативе Мини-

стерства образования Российской Федерации принята к руководству его обновленная версия. Преподаватели выявили существенную негативную сторону обновленного документа. Суть ее в том, что стандарт рекомендовал изучение в университетах и институтах лишь четырех общественных дисциплин, а остальные, в том числе и политология, переведены в разряд предметов факультативных. Новая версия стандарта, как показало изучение мнения российских политологов, не разрешила «старых» проблем: дискомфорта и скепсиса в преподавательской среде. Политология попала в перечень гуманитарных дисциплин «по выбору» со всеми вытекающими последствиями [458, с. 127, 134–140].

Государственная стандартизация политического образования в вузах стимулировала подготовку и издание учебных пособий «новой волны». Претворение в жизнь ее преимуществ развертывалось в условиях неудовлетворенного спроса на качественную учебную литературу. Ощущался дефицит изданий, отвечающих запросам студентов своей структурой, содержанием, методологией, доступностью изложения.

Этот нелюбимый вывод озвучивали участники дискуссий и семинаров по проблемам преподавания политических наук в России [405; 406]. Их мнение о неадекватном теоретико-методологическом уровне учебной литературы «первой волны» (1990-е гг.) не вызывает сомнений. Отмеченные недостатки явились неизбежными на исходном рубеже противоречивого процесса легитимации политологии.

На начальном этапе становления политологии издательствами России было выпущено 50 учебников и сотни учебных пособий [500, с. 172–178], не отличающихся профессионально выверенной рефлексией по вопросам структуризации и методологии политологического знания, критическим отношением к пропагандируемым и комментируемым в отечественной учебной литературе западным концепциям, теориям, парадигмам и методикам.

К 1997 г. положение с учебной литературой несколько изменилось, но по-прежнему ей был свойствен невысокий профессиональный уровень. С учетом этого обстоятельства редакция журнала «Полис» по заказу Института «Открытое общество» провела социологическое исследование теоретических и методических проблем преподавания политологии, политической социализации студентов.

В анкетном опросе участвовало 157 преподавателей и научных руководителей аспирантов. Им было предложено оценить популярность 16 учебных изданий по трем сравнительным критериям: соответствие проблематики достижениям мировой науки; продуктивность авторской методологии интерпретации явлений и процессов; полезность для студентов и преподавателей. Обработку эмпирических данных осуществили социологи МГУ им. М.В. Ломоносова [500, с. 168].

Пособие *В. П. Пугачева* и *А. И. Соловьева* заняло первое место [500, с. 178]. Книга выдержала к тому времени два издания. Ее охотно использовали и преподаватели Беларуси. Однако в целом учебная литература 1990-х гг. не отличалась желаемыми теоретико-методологическими достоинствами. Обнаружив это явление, редакция журнала «Полис» создала группу библиографических обзоров. В нее вошли ученые *М. В. Ильин*, *А. И. Соловьев*, *А. Ю. Мельвиль*, *М. М. Лебедева*, *А. А. Дегтярев*, шеф-редактор «Полиса» *Т. В. Шмачкова* [500, с. 168]. Эксперты пришли к выводу, что становление отечественной политологии сдерживается изданиями низкого качества, а литература достойного уровня нередко «дискриминируется» мизерными тиражами и неумелой рекламой.

Эксперты указали на типичные недостатки учебной литературы, включая и завоевавшую стабильную нишу на читательском рынке. Особо подчеркивалась мысль: пособия не отличаются тонкой рефлексией в вопросах структуризации и интерпретации политологического знания, методологических подходах к истолкованию специфики политической науки в контексте дисциплин общественного цикла [500, с. 169].

Мнение экспертов о качестве литературы «первой волны» (1990-е гг.) не вызывает сомнений. Отмеченные недостатки явились закономерными на исходном рубеже противоречивого самоутверждения политологии в переходных обществах. Авторы изданий ускоренными темпами осмысливали опыт мировой политической науки и стремились донести его студенческой молодежи. Это был этап интенсивного освоения достижений мирового политического знания и профессионального самоопределения.

Аномалии исходного этапа институционализации политологии – нетворческое заимствование западных концепций, теорий и методов; однозначно положительные оценки сочи-

нений европейских и американских политологов и представление их идей в качестве образцовых; «наследственная» зависимость от коммунистических догм и стереотипов. Стратегия политологического сообщества состояла в форсированном овладении достижениями мировой политической теории и практики, решении просветительских задач, направленных на усвоение студентами знаний о политике.

Свой вклад в удовлетворение спроса студентов на учебную литературу по политологии внесли преподаватели Беларуси. В 1995 г. был издан курс лекций, подготовленный коллективом обществоведов Белорусского государственного экономического университета. Его авторы предприняли первую попытку изложения некоторых разделов, тем и проблем политологии.

В 1996 г. опубликован учебник профессора *В. А. Мельника*, удостоенный государственного грифа. Он выдержал несколько изданий и побудил преподавателей политологии к подготовке учебной литературы «новой волны».

В 1990-е гг. в вузах Беларуси издано (минимальными тиражами) более 120 индивидуальных и коллективных учебно-методических пособий для студентов (подсчет автора). В условиях неудовлетворенного спроса на политическую литературу они явились подспорьем в приобщении студенческой молодежи к демократической культуре, хотя и несли на себе печать неуверенного профессионального становления. Структура и содержание этих разработок отражает переходное состояние преподавания учебной дисциплины, его познавательный и воспитательный потенциал.

Примерно с 2000 г. студенты России и Беларуси получили литературу, отличающуюся более глубоким проникновением в структуру и содержание, фундаментальные и прикладные аспекты науки о политике.

В ее массиве выделяются коллективные учебники под редакцией *А. Ю. Мельвиля, М. А. Василика, А. А. Радугина, А. М. Марченко, В. Н. Лавриненко, В. И. Буренко* и *В. В. Журавлева, С. Г. Киселева, В. Д. Перевалова, Б. И. Кретьова, Б. И. Краснова, Н. И. Матузова* и *А. В. Малько, В. А. Ачкасова* и *В. А. Гурторова, В. К. Мокшина, Г. В. Полуниной, А. Г. Грязновой*.

Библиотечные фонды пополнились также учебными изданиями индивидуальных авторов: *В. П. Пугачева* и *А. С. Со-*

ловьева, А. С. Панарина, К. С. Гаджиева, Р. Т. Мухаева, Д. П. Зеркина, М. А. Мунтяна, А. И. Демидова, Г. Т. Тавадова, Г. А. Белова, В. В. Валовой, А. И. Кравченко, М. М. Лебедевой, Г. И. Козырева, Ю. Г. Чумакова, С. А. Ланцова, И. А. Василенко.

В этой литературе выделяются издания, адресованные студентам всех вузов, а также юридических, экономических, технических и обучающихся по специальности «Политология». Они существенно различаются как структурой, так и содержанием, видением и интерпретацией актуальных политологических проблем, междисциплинарных взаимосвязей в гуманитарных науках. Их анализ свидетельствует о том, что политологическое сообщество все еще не самоопределилось в структуре и содержании программ, вопросах «чему учить?» и «как обучать?», неоднозначно реализует требования государственного образовательного стандарта.

Из предисловий большинства учебников и учебных пособий неясно, в каком объеме и где преподается курс политологии, какой учебной программой руководствуются авторы и насколько она отвечает концептуально-дидактическим единицам государственного стандарта, какая методология применяется на занятиях и как контролируется самостоятельное политическое образование студентов.

К литературе «второй волны» в Беларуси следует отнести учебники и учебные пособия с государственным грифом. Коллективный учебник под редакцией профессора *С.В. Решетникова*, индивидуальные издания профессора *В.А. Мельника*, а также профессора *П.И. Бондаря* и доцента *Ю.П. Бондаря*.

Более десяти лет используется студентами коллективный учебник по политологии под редакцией профессора *С. В. Решетникова*. Отличие его последней версии от предыдущих изданий в том, что авторы, следуя измененному в 2008 г. государственному стандарту, четче структурировали лекционный курс, дополнили его новыми темами и разделами, эмпирической информацией о политической жизни Беларуси.

К литературе нового поколения, бесспорно, относятся учебно-методические комплексы по политологии, содержащие не только лекции, но и необходимые студенту системные по характеру и структуре методические разработки. Экспериментальный опыт позволяет утверждать, что инновационный ресурс, материализованный в УМК, стимулирует про-

цесс политической социализации студентов, формирует творческую, благоприятную для диалога и коллективного поиска истины образовательную среду, обогащает ценностное содержание усваиваемых студентами политических знаний и навыков, указывает перспективы концептуально-методического обеспечения функций политологии [23; 70; 417]. Профессионально разработанный комплекс представляет собой интерактивный механизм политической социализации личности специалиста, качественной диагностики знаний, умений и навыков.

Концептуально-методическое значение для политической социализации студентов имеет учебная литература по *сравнительной политологии*. В настоящее время учебные курсы по этой дисциплине преподаются на политологических факультетах российских вузов. Первая кафедра сравнительной политологии возникла в МГИМО-Университете МИД России в 1998 г.

В конце 1990-х гг. в вузах России введен обязательный для студентов, обучающихся по специальности «Политология», курс политической психологии. Изданы учебные пособия, адресованные студентам. Их авторы – *Е. Б. Шестопал, Г. Г. Дилигенский, Д. Я. Райгородский, А. М. Юрьев, Л. Я. Гозман*.

В некоторых вузах России студенты изучают курс политического менеджмента. Учебные пособия, подготовленные с учетом опыта преподавания, пока не отличаются должной теоретической и методической обстоятельностью, лаконичностью и академической ясностью изложения материала.

Оценивая содержание учебной литературы по политологии, следует подчеркнуть, что проблема обогащения методологического ресурса, информационно-познавательного и идейно-воспитательного содержания учебников и различных по тематике пособий остается актуальной.

Контент-анализ более 150 учебников и учебных пособий, поступивших в Национальную библиотеку Беларуси в 1991–2010 гг., а также материалов дискурса политологов [136; 307; 325; 384; 404; 406; 475; 476], дает основание сформулировать *обобщающие выводы* концептуально-методического характера.

Стиль изложения материала (логика, язык, аргументация, композиция) некоторых учебных изданий не отвечает запросам студентов. Им свойствен эклектизм, противоречивость

и фрагментарность оценок действительности, расплывчатость трактовок теорий, концепций, парадигм, методов, закономерностей, категорий науки. Превалирует увлеченность авторов воспроизведением плюралистических идей и подходов западных исследователей, которые затрудняют усвоение политологии как профессиональной, творческой, интегрированной науки о политике. Не освещаются прикладные политологические проблемы, специфика демократического транзита постсоветских обществ, стратегия и тактика политических институтов России и Беларуси.

Выявлены и иные недостатки учебной литературы, снижающие ее познавательный и воспитательный потенциал: традиционализм методов изложения материала; неубедительность трактовок достоинств и недостатков методологии науки; отсутствие методического инструментария для организации самостоятельной познавательной деятельности студентов; дефицит информации и теоретических обобщений о тенденциях, динамике и эффективности политических изменений в Беларуси, России и других государствах.

Содержание и структура многих учебных изданий произвольно определяются авторами. В них не освещаются (или комментируются) тенденции, закономерности и национальные особенности демократического транзита, что нарушает целостность изданий и подрывает интерес к ним студентов.

Методическое наполнение таких учебников и пособий, как правило, ограничено изложением вопросов и заданий для самоконтроля, тематики рефератов и непосильного для студента списка рекомендуемой литературы.

Слабое методологическое звено – категории науки. Их предметное поле, как правило, размыто или не «вписывается» в контекст изучаемых разделов, тем и проблем. Фундаментальные свойства политологических феноменов не разъясняются или истолковываются неполно, противоречиво. В одних изданиях приводится краткий политологический словарь, в других – его нет. Нетщательность в использовании категориального языка науки – нонсенс политического образования студентов, резко снижающий его научно-познавательный и воспитательный потенциал.

Не принято сопровождать лекции краткими вставками о генезисе категорий политической истории, сведениями об

известных зарубежных и отечественных политологах, их вкладе в развитие теоретических и прикладных знаний о политике.

Исключение составляет коллективное издание МГИМО (У) МИД России «*Мир политической науки*» [294]. В тексте лекций содержатся интересные для студентов информационно-аналитические вставки-дополнения к основному тексту. Они объясняют смысл категорий, их происхождение, интерпретируют и комментируют сложные для понимания положения и выводы политической теории. Этот инновационный опыт заслуживает популяризации и применения.

В учебной литературе редко используются преимущества наглядно-графического структурирования сегментов курса, а представленные в «автономных» изданиях логические схемы, графики и диаграммы не отличаются должным качеством или слабо адаптированы к проблемно-тематическому содержанию лекций и семинаров, концептуально-дидактическим требованиям государственных стандартов.

Не все опубликованные тексты лекций отличаются творческой скрупулезностью отбора, систематизации и интерпретации эмпирической информации. Как правило, они не содержат авторских оценок условий и результатов демократического транзита постсоветских обществ. Это не укрепляет доверие студентов к политической науке как инструменту познания и преобразования действительности.

В практике преподавания редко используются *тесты* различных уровней сложности, отражающие динамизм теоретических положений и выводов политологии, ее достижений и перспектив. Их разработка по темам дисциплины – задача приоритетная: отраженный в тестах плюрализм мнений о политике, предлагаемые студентам варианты ответов на сложные и дискуссионные вопросы науки побуждают к размышлениям, корректировке политических убеждений и представлений.

Особый интерес вызывает учебная литература по основам идеологии белорусского государства, предназначенная студенческой молодежи. Ее подготовка требует от авторов профессионализма и методического творчества. В изданных пособиях нет верифицированных практикой ответов на вопросы, волнующие сознательного и социально активного гражданина: дилеммы и альтернативы политического выбора, ха-

рактельные свойства и противоречия модернизации транзитных обществ; ценностное содержание государственной идеологии как инструмента переустройства общественных отношений в переходный период; особенности либерализации и демократизации политической системы; средства и методы идеологической, воспитательной работы.

Наши суждения свидетельствуют о том, что проблемы в формировании фонда учебной литературы для вузов России и Беларуси еще не преодолены. Ощущается насущная потребность в учебной литературе, адаптивной к запросам постсоветских обществ и вызовам глобализации.

Отмеченные недостатки предполагают концентрацию творческих усилий политологического сообщества на инновационных методах политической социализации учащейся молодежи. Новые подходы обеспечат повышение статуса и имиджа политической науки в условиях демократического транзита.

За два десятилетия в вузах Беларуси и России политология утвердилась как автономная, профессиональная отрасль общественности.

Теоретически обобщенный опыт становления и развития политической науки в высшей школе свидетельствует о позитивной тенденции – постепенном укреплении ее методологического, мировоззренческого, воспитательного, регулятивного потенциала. Ее преподавание является ценностным фундаментом образовательного процесса в учебном заведении, стимулирует политическую социализацию личности дипломированного специалиста. Усвоение политических знаний является определяющим условием формирования социально-профессиональной компетентности студентов, соответствующей национальным интересам.

Регулируемое государственными стандартами политическое образование в постсоветском обществе способствует решению комплекса задач: укрепляет ценностно-мировоззренческий потенциал гуманитарных и специальных дисциплин; удовлетворяет духовные и профессиональные потребности студентов; стимулирует внедрение инноваций в образовательную систему; повышает авторитет практической политики в студенческой и преподавательской среде.

Регулятивное влияние государства на преподавание политологии упорядочивает образовательный процесс, его ценностно-ориентационную направленность. В переходный период такое воздействие необходимо и плодотворно – содействует корректировке векторов, целей, задач, принципов и приоритетов формирования политической культуры, гражданских качеств личности.

Государственное регулирование процесса политической социализации – определяющий фактор его эффективности, концептуально-технологического обеспечения, повышения политической и профессиональной компетентности личности специалиста – выпускника высшей школы.

Эмпирический и нормативный анализ динамики и легитимации политологии в вузах Беларуси и России свидетельствует о происходящих качественных изменениях, отвечающих потребностям личности, общества и государства.

Политология стала неотъемлемым, относительно автономным элементом структуры общественных наук, изучаемых студентами гуманитарных, естественно-научных и технических вузов. Функционируют политологические институты, ответственные за политическую социализацию. На основе государственных стандартов разработаны учебные планы и программы, задающие алгоритм целенаправленных действий по формированию политической культуры личности.

За два десятилетия подготовлены сотни учебников и учебно-методических пособий, отражающих прогрессирующую профессиональную компетентность научно-педагогического сообщества. Происходят перемены в методическом обеспечении преподавания политологии. Укрепляется привлекательный имидж политологии как научной и учебной дисциплины в студенческой среде.

Негативные явления в легитимации политологии как учебной дисциплины проявляются в несовершенстве организационных форм, информационно-аналитического и методического базиса, дефиците кадров – преподавателей с политологическим образованием, учеными степенями и званиями, финансовых ресурсов для качественной подготовки и издания учебной литературы, современного концептуально-технологического обеспечения функций национальной политологии.

Этот вывод уместно дополнить выявленными противоречиями между:

– объективной потребностью транзитных обществ в демократической культуре и обозначившейся недооценкой роли политологии как учебной дисциплины политическими институтами;

– бесспорной заинтересованностью научно-педагогического сообщества в повышении статуса дисциплины, профессиональной идентичности и достигнутым уровнем концептуально-методического обеспечения политико-образовательного процесса;

– возрастающими запросами студентов в инновационном обеспечении преподавания политологии и реальными достижениями в производстве уникальных учебников, применении новых методов политической социализации личности.

Однако, несмотря на указанные несоответствия, национальная политология снискала имидж незаменимого аналитико-технологического средства формирования демократической культуры специалиста с высшим образованием. В Беларуси и России успешно преодолены неурядицы и проблемы начального этапа ее становления. Постепенно расширяются и обогащаются теоретико-методологические, информационные, технологические и воспитательно-мировоззренческие возможности.

Глава 12

Модель политической социализации студентов

Интерес студентов к науке о политике обусловил неотложность инновационного обеспечения их политической социализации, качественной реализации ключевых функций политологии как учебной дисциплины – воспитательно-мировоззренческой, методологической, познавательной, оценочной, информационно-коммуникативной, регулятивной, прогностической.

Творческий поиск преподавателями современной концептуально-технологической модели осуществлялся на основе изучения мирового опыта, критического переосмысления традиционных методов и форм политического образования личности специалиста. Корректировались и актуализировались учебные программы, средства информационно-коммуникационного влияния на мировоззрение, политическую ком-

петентность, ценностные ориентации и мотивацию учащихся. Налаживались каналы профессионального сотрудничества с институтами государственной власти, американскими и европейскими университетами.

Содержание перемен в политической социализации личности специалиста диктовала практика – цели и ценности демократического транзита, запросы и пожелания студентов. Коллективный обмен мнениями выявлял проблемы, которые требовали оперативного реагирования, внедрения эффективных идей и инициатив.

Внимание политологических институтов концентрировалось на первоочередных задачах: качественном усвоении студентами фундаментальных основ курса политологии; методическом стимулировании индивидуальных потребностей в самостоятельном анализе и доказательном объяснении социальных явлений и процессов; формировании развитых способностей свободно-творческой ориентации в мире политического.

Надлежало определиться в способах и процедурах реализации функций политологии в системе социально-гуманитарных наук: отразить в учебных программах и планах достижения науки, опыт транзитных обществ; соотнести предметно-ценностный компонент дисциплины с национально-государственными интересами; обеспечить апробацию и применение современных методик политического образования; учесть влияние глобализации на мировоззрение и поведение молодежи [32; 319; 321; 325; 406; 422; 461].

Существенный урон статусу политологии как учебной дисциплины наносили рецидивы «советского традиционализма» и некритического подхода к концептам, теориям, парадигмам и методам западной политической науки. В преподавательской среде проявлялись упрощенчество и гносеологический провинциализм в восприятии и интерпретации процессов на постсоветском пространстве, что негативно сказывалось на имидже и качестве политической социализации студентов [146; 385; 386; 389].

Осуществление задач ценностно-ориентационного, концептуального и технологического характера было осложнено в России и Беларуси тем, что институционализация политологии в столичных и региональных вузах, как отмечалось

в предыдущем разделе, протекала неравномерно и противоречиво. Преподаватели-политологи перманентно сталкивались с технократическими и управленческими препонами: ограничением аудиторных часов, непризнанием политологии автономной и профессиональной наукой, попытками «исключения» ее из учебных планов.

Исследуя содержание и методики политической социализации личности в вузах Беларуси и России, автор систематизировал, обобщил и критически осмыслил опыт реализации ключевых функций политологии. Эмпирические данные способствовали выявлению проблем в программах дисциплины и учебной литературе, теоретическом обосновании, описании и верификации технологий образования [578; 580; 595].

Требования государственных стандартов, научные труды и дискуссии профессионалов, изданная массовым тиражом литература сфокусировали исследовательский поиск на инновационных аспектах политической социализации личности в высшей школе, принципах влияния на этот процесс, оценке результатов [113; 149; 178; 325; 329; 397; 404; 406; 448; 458; 464; 493; 500; 544; 548].

Особо перспективными представляются инициативы и направления концептуально-методической деятельности факультета политологии МГИМО (У) МИД России. Изданный авторским коллективом во главе с профессором *А.Ю. Мельвилем* учебник «Мир политической науки» является образцовым проектом инновационной литературы многофункционального использования широким кругом потребителей – от студента и аспиранта до профессора и действующего политика [294].

Теоретическое обобщение опыта вузовских коллективов, совпадающих и противоположных суждений ученых, достоинств и недостатков учебных пособий и программ открыло возможности углубленного познания механизмов политической социализации личности в высшей школе. На эмпирическом базисе формировалась *парадигма* целенаправленного влияния на политическую культуру студентов в условиях демократической трансформации постсоветских государств: внедрение новых методов преподавания общественных наук и специальных дисциплин; укрепление междисциплинарных взаимосвязей; обогащение содержания политико-образова-

тельного процесса в соответствии с потребностями общества и вызовами времени; новаторское обеспечение реализации ключевых функций политологии как учебной дисциплины; предупреждение в образовательно-воспитательной практике рецидивов консервативного традиционализма.

На основе парадигмы разрабатывалась и экспериментально апробировалась *модель* концептуально-технологического обеспечения функций политологии в вузах (приложение 1).

Модель представляет собой экспериментально апробированную версию. Ее фундаментальная основа – инновационное концептуально-технологическое обеспечение процесса политического образования и воспитания студентов, стимулирующее их духовное развитие и профессионально-творческие способности.

Значение модели актуализирует внедрение в систему высшего образования интегрированных «модулей» социально-гуманитарных дисциплин [74; 133; 151]. Эта реформаторская инициатива требует новых инструментально-аналитических возможностей и условий социализации личности в вузах, потому как предполагает «наполнение» предметных модулей «отфильтрованным», рационально-прагматическим содержанием сообразно национальным интересам и профилю подготовки кадров в высшей школе.

Суть верифицированной опытом модели заключена в системности идейно-воспитательного влияния на личностно-профессиональное становление специалиста, ориентации на запросы практики модернизируемого общества и вызовы времени.

Ценностные индикаторы модели: принципы, критерии, методы, результаты эксперимента, предположения, рекомендации. Фокусируется внимание на жизненно необходимых для специалиста параметрах политических знаний. Стратегическая цель модели – формирование демократической культуры, включающей основополагающие личностные качества:

- профессионализм, адекватный потребностям практики;
- целостное, научно мотивированное восприятие мира;
- гражданственность и патриотизм;
- политическая компетентность;
- активное политическое участие;
- политическая толерантность.

Социально-прикладное значение модели заключается в том, что выпускники высшей школы оказывают непосредственное и значительное влияние на претворение в жизнь государственной политики и идеологии. Их мировоззрение, духовно-нравственные качества и социально-компетентные навыки – одно из определяющих условий демократизации, стабильности и динамичности прогресса общества.

Методологический, инструментально-прикладной потенциал модели нацелен на плодотворное изучение студентами цикла общественных наук, а также учитывает перспективу интеграции национальных систем образования постсоветских обществ в Европейское пространство, Болонский процесс.

Новизна модели заключается в том, что она способствует решению комплекса *концептуально-технологических задач*:

- фундаментализация содержания социально-гуманитарных дисциплин;
- обновление учебного процесса с ориентацией на запросы транзитного общества;
- методическое, информационно-аналитическое обеспечение общественных наук;
- развитие системного мышления студентов;
- применение гибких и объективных критериев оценки политических знаний, навыков и умений;
- либерализация и деbüroкратизация управления образовательно-воспитательным процессом.

Модель базируется на *фундаментальных принципах политической социализации личности специалиста*: единство образовательных и воспитательных задач; организация учебного процесса с ориентацией на идеи и ценности, составляющие содержание идеологии и политики национального государства; формирование объективно-компетентного, позитивно-оптимистичного отношения к «своей» политической системе, результатам и следствиям государственной политики, политическим процессам; целенаправленное приобщение студентов к историко-культурному наследию, прогрессивным традициям страны; стимулирование заинтересованного и активного участия в общественно-политической жизни; уважение человеческого достоинства, прав и свобод человека; демократичность взаимодействия преподавателей и студентов, выражающаяся в доверии, взаимопомощи, партнер-

стве, консенсусе, плюрализме мнений и убеждений; удовлетворение политико-образовательных интересов студентов с учетом их индивидуальных особенностей и возможностей; творчески-инновационный подход к политическому образованию; укрепление междисциплинарных взаимосвязей, повышающих качество и эффективность влияния на духовно-нравственные и профессиональные качества специалиста-выпускника высшей школы (см. приложение 1).

Модель определяет *субстанциональные звенья* процесса целенаправленного формирования политической культуры личности в высшей школе: непрерывное обновление содержания лекций, семинаров, коллоквиумов, консультаций по темам и разделам курса политологии; применение в преподавании науки о политике современных коммуникационных технологий, логически взаимосвязанной лекционной, печатной, аудиовизуальной и наглядно-графической информации; разъяснение теоретико-прикладного значения концепций, теорий, парадигм, методов, закономерностей политологии; усвоение категорий (понятий) по каждой теме дисциплины; разработка тестовых задач для закрепления и контроля качества усвоения учебного курса; использование возможностей тренинга (системы упражнений) для проверки качества знаний, навыков и умений студентов; составление индивидуальных контрольных заданий для оценки политической компетентности; приобщение обучаемых к научному творчеству, консультационно-методическое содействие их исследовательской деятельности; побуждение студентов к критически-творческому осмыслению классических произведений, политических документов, научных публикаций в периодических изданиях; конвертирование творческих результатов преподавателя в учебный процесс; помощь студентам в овладении методами самостоятельной политико-познавательной деятельности (см. приложение 1).

Модель предусматривает применение *интерактивных методов* политической социализации в свободное от аудиторных занятий время при непосредственном участии политологов: привлечение наиболее подготовленных студентов к информированию учебных групп о политической ситуации в стране и мире; дискуссии с участием известных политиков по проблемам разработки и реализации политического курса

государства; обсуждение за «круглым столом» управленческих мер и конкретных политических решений властных институтов; тематические диалоги с членами правительства, депутатами, видными учеными, руководителями производства, деятелями культуры; торжественные мероприятия по поводу национальных и профессиональных праздников, знаменательных событий в жизни страны и вуза; организацию мастер-классов по интересам: «Политическое лидерство: искусство влияния на общественное сознание и поведение», «Методика убеждающей коммуникации»; научных семинаров (по выбору) «Мировая политическая наука: тенденции и проблемы развития», «Эволюционные изменения на постсоветском пространстве», «Социально-политические последствия мирового экономического кризиса», «Политические системы мира: сравнительный анализ»; проведение ситуационных игр «Если бы я был премьер-министром», «Мажоритарная партия в парламенте: влияние на практическую политику», «Партийная система: условия и практика коалиционной политики» (см. приложение 1).

Как показал эксперимент, модель способствует качественной реализации функций политологии в высшей школе. Ее цели и принципы адаптивны национально-государственным и личным интересам, запросам социально-политической модернизации, вызовам эпохи информатизации и демократических перемен в современном мире.

Принципы модели отражены в авторской экспериментальной версии учебной программы дисциплины «Политология» для гуманитарных специальностей.

Проект программы составлен с учетом методических императивов, диктуемых логикой интеграции социально-гуманитарных дисциплин, необходимостью целенаправленной подготовки личности к самостоятельной жизни, плодотворному трудовому и политическому участию в модернизации Республики Беларусь [348].

Тематическая структура и содержание программы способствуют поддержанию должной согласованности процесса изучения студентами политологии с другими общественными науками.

Особенности программы:

– фундаментализация и актуализация тематики лекций и семинаров;

- усиление практической направленности политического образования;
- мировоззренческая ориентация на национальные интересы и ценности;
- побуждение студентов к плодотворному самообразованию и духовно-нравственному совершенствованию;
- фокусирование внимания на особенностях белорусской модели развития, идеологии и политике государства;
- формирование критически-творческого отношения к политическим процессам в глобальном мире;
- применение демократических технологий политической социализации человека.

Программа состоит из двух *органично взаимосвязанных сегментов*: фундаментально-мировоззренческого и ориентационно-практического. Приоритет первого – обеспечение качественного усвоения теории, методологии, воспитательно-мировоззренческого потенциала политической науки. основополагающая задача второго сегмента детерминирована национальными условиями профессиональной деятельности. Его приоритет – на основе инновационных технологий осуществлять целенаправленное развитие системного мышления и навыков личности специалиста, адаптивного к социально-экономическим условиям и потребностям страны.

Цель программы – комплексное научно-методическое, информационно-аналитическое, наглядно-графическое и диагностическое обеспечение усвоения студентами:

- систематизированных знаний о политике как общественном явлении, ее причинно-следственных взаимосвязей с экономикой, правом, моралью, наукой;
- характерных свойств и результатов политических изменений в Беларуси и других постсоветских обществах;
- ключевых концептов, понятий (категорий) политологии, открытых ею закономерностей;
- способов рационального самообразования, обогащающего личностно-профессиональные возможности;
- демократических норм политических отношений.

Структура и содержание программы подчинены личностно-профессиональному становлению посредством формирования аналитико-творческих способностей студентов в осмыслении, аргументации и объяснении действительности:

- геополитических процессов, проблем и противоречий современного мира;
- политических интересов, технологий и результатов действий субъектов политики традиционных, переходных (транзитных) и постиндустриальных (информационных) обществ;
- тенденций, закономерностей, проблем и перспектив социально-политических изменений на постсоветском пространстве.

Ценностный вектор учебной программы – формирование демократической культуры, включающей основополагающие качества:

- компетентность в профессии;
- научно мотивированное восприятие мира;
- гражданственность и патриотизм;
- политическая ответственность;
- активное политическое участие;
- политическая толерантность (приложение 2).

Технологический инструмент реализации модели политической социализации студентов в постсоветских государствах – *индивидуальные учебно-методические комплексы (УМК)* [578; 579; 595].

Результаты экспериментальной апробации позволяют охарактеризовать УМК как инновационную учебную литературу, обеспечивающую целенаправленное формирование социально-профессиональной компетентности специалиста в высшем учебном заведении [23; 70; 417].

Бесспорное преимущество УМК – инновационный ресурс. Его применение создает благоприятную для диалога и коллективного поиска истины культурно-познавательную среду. Технологические возможности этого типа учебной литературы определяют ценностно-ориентационную и воспитательно-мировоззренческую направленность лекций, семинаров, самообразования. В результате процесс приобщения студентов к демократической политической культуре приобретает целеполагающий, методологически обоснованный характер.

Имманентный потенциал УМК заключен в рациональном сочетании и взаимодействии в учебно-воспитательном процессе традиционных и инновационных методов, гарантирующих мобильные и устойчивые «обратные связи» между преподавателями и студентами. По своей структуре и содержанию он является альтернативой методикам, которые при-

менялись на начальном этапе становления политологии в вузах транзитных обществ.

Каким должен быть инновационный учебник по политологии? На этот вопрос нет однозначного ответа в среде политологов Беларуси и России. Мы не располагаем и научными публикациями, материалами дискуссий, которые были бы посвящены новому типу учебной литературы. Дефицит эмпирической информации вынуждает опираться на личный опыт [578; 579; 585; 587; 595; 599; 600]. По этой причине концептуальные идеи автора не претендуют на завершенность.

УМК представляет собой системный, универсальный организационно-методический инструмент. Он соответствует академическим критериям: фундаментальности, информативности, социально-практической направленности. Его методический и информационно-аналитический потенциал способствует раскрытию и обогащению творческих возможностей студентов, реализации функций политологии как учебной дисциплины.

УМК отличается от традиционной учебной литературы (курсов лекций, пособий к экзаменам и др.) *качественными параметрами*: соответствием структуры и содержания требованиям государственного образовательного стандарта; новизной предлагаемых методов обучения; демократическим ценностно-мировоззренческим потенциалом; наличием совокупности методических материалов, необходимых студенту: авторских лекций в лаконичной, доступной для восприятия форме; рекомендаций и советов, информационно-аналитических, справочных, наглядно-графических, диагностических разработок; соответствием содержания достижениям мировой науки; информативностью, неразрывно связанной с проблематикой общественно-политической жизни транзитных обществ; направленностью на использование в учебном процессе современных информационно-коммуникационных технологий.

УМК предполагает творческий подход преподавателя к структурированию лекционного курса, выбору проблем для дискуссий, тематики студенческих микроисследований, наглядно-графическому, хрестоматийному компоненту, информационно-аналитическим «вставкам», интерпретациям, афо-

ризмам и крылатым изречениям, терминологическому словарю, тренингу, контрольным вопросам к экзамену.

Концептуально-базовый сегмент УМК – содержание адресованных студенческой аудитории лекций, отвечающих критериям междисциплинарной интеграции и новой информационной парадигмы обществознания. Интерес и доверие к политической науке вызывают лекции, свободные от «дублирования» содержания социально-гуманитарных дисциплин, любых манипуляций с информацией, почерпнутой из глобального или национального пространства. Активизируют мышление студентов правдивые сведения о ситуации в транзитных обществах, реальных проблемах, «неудобных», дискуссионных темах, непосредственно связанных с политическими изменениями.

Научно-педагогическая и гражданская позиция преподавателя проявляется в способности учитывать перемены в структуре информационных потоков в обществе, системе политической коммуникации власти с гражданами. Вызовы информационной революции требуют особого отношения к национальным ценностям и интересам, идеологии постсоветских государств. Органичность взаимосвязей политической науки и практической политики обуславливает потребность в обстоятельной эмпирической аргументации характера и результатов преобразований в транзитных обществах. Новые возможности политической власти в информационном обществе уместно характеризовать в разделах, посвященных государственному строительству, деятельности субъектов политики, избирательному процессу, средствам массовой коммуникации, политическим изменениям, социализации и культуре личности, политическим идеологиям, приоритетам внешней политики.

Инновационный потенциал УМК обусловлен гармоничным взаимодействием составляющих его компонентов: научно-методического, идейно-воспитательного, научно-исследовательского, организационно-методического [599; 600].

Научно-методический компонент составляют органично взаимосвязанные элементы: лекции преподавателя; программа семинарских занятий; тренинг по каждому разделу дисциплины; теоретические и прикладные проблемы для дискуссии; тесты различных уровней сложности; словарь; интер-

претации и комментарии; информация о персоналиях науки; наглядно-графическое структурирование; индивидуальные задания для промежуточного зачета; контрольные вопросы к экзамену; наиболее значимые фрагменты текстов источников; методические советы студенту и преподавателю [600].

Комплекс качественно отличается своей архитектурой (структурой, стилем объяснения теории и практики, научно-методическим обеспечением) от традиционной литературы – курсов лекций, пособий к семинарам и экзаменам.

На статус УМК могут претендовать издания, включающие полный и гармоничный учебно-методический «пакет», необходимый студентам для успешного изучения политической науки. Они должны тщательно разрабатываться, апробироваться, верифицироваться, непременно рецензироваться на предмет присвоения государственного грифа и финансироваться государством, а не частными структурами.

Предназначение учебно-методического комплекса по политологии – в ориентации студентов на использование в образовательном процессе *системы интерактивных методов*, развивающих критически-творческое мышление, укрепляющих инновационный потенциал лекций и семинарских занятий, самостоятельной учебно-познавательной деятельности. Эта система включает совокупность компонентов: политологический тренинг по каждому разделу учебного курса; тестирование по темам; диалог с мыслителями прошлого и современными учеными; самостоятельный исследовательский поиск – выполнение микроисследований к семинарам; овладение навыками публичного выступления и политического лидерства; решение ситуационных задач; углубленное изучение дисциплины с использованием классических произведений, политических документов, научных периодических изданий. Эти методы привлекают внимание у студентов, побуждают их к заинтересованному усвоению фундаментально-прикладных основ политической науки.

Особое значение имеет политологический тренинг, включающий: осмысление и истолкование политических изменений; интерпретацию суждений политологов; анализ политических решений и документов; обзоры политических публикаций; закрепление категорий науки по темам курса; объяснение концептуальных идей, событий и процессов; виртуаль-

ный (возможный) диалог с персоналиями науки; овладение искусством публичного выступления.

Плодотворно тестирование как органичный элемент тренинга. Тесты предоставляют возможность студенту проявить свой интеллектуальный потенциал и гражданскую позицию, свободно и критически мыслить, объективно оценивать качество усвоенных знаний, навыков и умений.

Тесты должны соответствовать ключевым критериям: отражать современный уровень развития науки, ее тенденции и закономерности; включать плюралистический спектр концептуальных идей и подходов политологов к демократизации транзитных обществ; развивать способности критически оценивать действительность, применять политологические знания, навыки и умения в конкретных жизненных условиях и ситуациях.

Качество обучения с помощью тестов целесообразно оценивать на *трех уровнях*: запоминание и воспроизведение политической информации; интерпретация, систематизация и анализ политических фактов, концептуальных идей, событий и процессов; практическое применение, творческое использование знаний о политике в профессиональной деятельности [600, с. 389–472].

Контрольные задачи, апробированные в ходе эксперимента, подразделяются на шесть видов.

Тест «*идентификация*» предполагает интуитивное, без предварительного рассуждения, узнавание и истолкование объектов изучения – сущностных характеристик политики, методов властвования, форм и моделей демократии, функционально-структурной специфики политических систем и государственного управления, категорий науки, тенденций политических изменений, методов анализа явлений и процессов.

Тест «*воспроизведение*» предусматривает систематизацию и интерпретацию – возможно, с подсказкой – фундаментальных свойств политических феноменов в соответствии с достижениями научного знания, творческими подходами мыслителей прошлого и современных политологов.

Тест «*классификация*» – это сознательный выбор и аргументация правильного ответа на проблемные вопросы, связанные с типологией институтов, партий, режимов, избирательных и партийных систем, политических культур, идеологий, политического участия.

Тест «*типовая задача*» – оценка содержания и качества знаний по ключевым вопросам и проблемам курса политологии, умение истолковывать их и трансформировать в новую информацию, самостоятельные выводы.

Тест «*нетиповая задача*» направлен на выявление способностей студента к применению нестандартных способов решения контрольных заданий, связанных с оценкой сущности политических процессов в Беларуси и глобальном мире.

Тест «*политическое творчество*» позволяет оценить умение творчески использовать потенциал политической компетентности в сфере профессиональной деятельности, готовность к выполнению определенных ролевых функций в общественной жизни, реализации прав и обязанностей гражданина [600, с. 10, 11].

Комплекс не может быть полноценным без рекомендаций студентам по организации самостоятельного познания политики. Как слушать и записывать лекции, подготовиться к семинарам, зачету и экзамену? Каковы критерии политической дискуссии и как овладеть этим видом искусства? Как рационально организовать самообразование, составить конспект политической книги или реферат (комментарий) по политологии? Эти вопросы требуют разъяснения и отражения в УМК. Опыт убеждает, что студенты нуждаются в постоянном методическом содействии преподавателя и с благодарностью его воспринимают [600, с. 241–252].

Воспитательно-мировоззренческий потенциал УМК основывается на интерактивной парадигме преподавания гуманитарных наук, укрепляющей статус общественного, гражданского воспитания в вузе. Она нацелена на системную организацию политико-образовательного влияния, преследующего гуманные цели: направленность на формирование демократической культуры личности; обогащение мировоззренческого потенциала, социально-психологических ориентаций личности посредством применения инновационных методов; совершенствование управления учебно-воспитательным процессом; поддержание здоровой морально-психологической атмосферы в вузовском коллективе; повышение персональной ответственности студентов и педагогов за качественные результаты образовательной деятельности.

Выступая на семинаре по вопросам идеологической работы в 2003 г., Президент Республики Беларусь справедливо

оценил сложившуюся ситуацию: «Во всем мире система образования формирует не только специалиста, но и гражданина с определенными моральными устоями. И если с формированием специалиста мы еще как-то справляемся, то с воспитанием гражданина дело обстоит из рук вон плохо» [321].

Профессиональное использование потенциала комплекса позволяет повысить качество политической социализации студентов.

Научно-исследовательский вектор УМК устремлен на новейшие достижения мировой науки. Он отражает степень критически-творческого отношения преподавателя к содержанию и методологии преподавания дисциплины, его профессионального мастерства, аналитических возможностей как вдумчивого, скрупулезного, неангажированного исследователя.

Преподаватель призван выражать на лекциях и семинарах рационально-объективные суждения о политической действительности, недостаточно изученных или дискуссионных проблемах науки. Это побуждает его к активной творческой деятельности, постоянному участию в международных конференциях и симпозиумах, подготовке монографий, учебников и статей, конкретизирующих, углубляющих или опровергающих те или иные положения науки и социальной практики.

Результаты самостоятельного познания преподавателем социально-политических проблем непременно должны материализоваться в монографиях, статьях и докладах, учебниках и научно-методических пособиях.

Непременная задача преподавателя – вовлечение студентов в научно-исследовательский процесс посредством апробации новых методов.

В процессе эксперимента выявлена плодотворность студенческого научного семинара *«Политическая наука XXI века: методология и тенденции развития»*.

В рамках семинара функционировало девять предметно-тематических секций. Его участники – студенты, изучающие учебные курсы «Политология» и «Основы идеологии белорусского государства». Им предоставлялась возможность овладевать методикой политического анализа, обсуждать самостоятельно выполненные микроисследования, свободно оценивать степень соответствия полученных результатов запросам политической жизни и научным критериям.

Эксперимент показал, что любознательных и инициативных студентов привлекает проблематика *секций*: «Демократия: политико-правовые аспекты»; «Политическая наука: методы анализа демократического транзита»; «Гражданское общество как феномен науки и практики»; «Белорусская модель социально-экономического развития: особенности и опыт реализации»; «Идеология белорусского государства как инструмент познания и преобразования общества»; «Эволюция политической системы Республики Беларусь»; «Политическая культура: теория и национальная специфика»; «Динамика идеологического процесса в Республике Беларусь»; «Глобализация: международная безопасность и национальные интересы» [600, с. 256].

Тематику микроисследований в рамках проблематики секций предлагали слушатели семинара. После ее коллективного обсуждения, доработки в соответствии с замечаниями и предложениями каждый студент самостоятельно: формировал банк источников и литературы; формулировал научную проблему; определял, консультируясь с преподавателем, методы, приемы и процедуры политического анализа; обобщал результаты политической аналитики в форме краткого реферата книги, статьи или научного доклада.

Верификация полученных результатов осуществлялась на семинарских занятиях по дисциплинам «Политология» и «Основы идеологии белорусского государства», межвузовских конференциях.

Подготовленные участниками проблемного семинара рефераты оценивались по качественным показателям: актуальность темы исследования; обстоятельность усвоения научных концепций и теорий; способность критически осмысливать, синтезировать и самостоятельно интерпретировать политологические идеи и выводы; уровень анализа использованных источников эмпирической информации; достоверность и доказательность авторских суждений [600, с. 256, 257].

Результаты эксперимента акцентировали внимание на насущной необходимости использования инновационных и оправдавших себя традиционных методологических подходов, которые развивают творческое мышление студентов, укрепляют информационно-аналитический и технологический потенциал лекций и семинарских занятий, самообразования, зачетов и экзаменов.

Организационно-методические возможности УМК нуждаются в тщательном изучении. Однако уже сегодня не вызывает сомнений, что их внедрение в педагогическую практику способствует преодолению традиционного консерватизма. Каким должен быть УМК по структуре и содержанию, какого государственного грифа заслуживает, кто должен финансировать интеллектуально и методически емкую работу по подготовке инновационной литературы и нести издательские расходы? Эти вопросы остаются открытыми. Их кулуарное обсуждение не приводит к динамичным переменам, что побуждает к постановке проблем, связанных с созданием условий использования инноваций в процессе формирования демократической культуры студентов.

Подготовка индивидуальных комплексов невозможна без качественных учебных программ, разработанных в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных дисциплин. Необходима их тщательная и объективная экспертиза. Она обусловлена целесообразностью научно обоснованной унификации и «междисциплинарного согласования» изучаемых студентами тем и проблем, феноменов и категорий, закономерностей политического мира в его целостности и специфических проявлениях.

Внедрение УМК предполагает модернизацию управления политико-образовательным и воспитательным процессами в вузе. «Интегрированные» (включающие всех обществоведов) кафедры – наследие прошлого, от которого надлежит решительно отказаться. Опыт убеждает, что эти структуры неспособны удовлетворять запросы транзитных обществ, не соответствуют по кадровому потенциалу мировым тенденциям дифференциации и специализации общественных наук. Необходимы автономные, укомплектованные выпускниками факультетов и отделений политологии университетов, докторами и кандидатами политических наук специализированные кафедры.

Опыт свидетельствует, что кафедры социально-гуманитарных наук с «тонкой прослойкой» авторитетных ученых-политологов не в состоянии осуществлять качественное политическое образование и научно-методическое обеспечение идеологической, воспитательной работы в студенческой среде.

Не последнюю роль в новаторских поисках играет атмосфера, в которой реализуется инновационный проект. Ее нездоровое состояние может быть обусловлено дефицитом творчества в педагогическом коллективе и отсутствием надлежащего контроля качества преподавания.

В управлении научно-методическим обеспечением учебно-воспитательного процесса не искоренены такие явления, как непрофессионализм, групповой монополизм, показушное благополучие, нетерпимость к справедливой критике, безучастное отношение к новаторским инициативам.

К организационно-методическому компоненту УМК по политологии следует отнести и реальные возможности осуществления инновационных идей и экспериментов с помощью современных информационно-коммуникационных технологий.

Сегодня такие технологии в сфере социально-гуманитарных наук используются неудовлетворительно. Недостаточно оснащенных компьютерами аудиторий; лишь только планируется создание в каждом вузе системных информационно-аналитических и методических банков по преподаваемым дисциплинам.

Речь идет о повсеместном внедрении в практику электронных учебников, компьютерных систем для дистанционного обучения, консультационных, диагностических и справочных материалов, наглядно-графических пособий, специальных программ для политического самообразования. Предлагаемая сегодня студентам информация бедна и малопродуктивна. По ее содержанию невозможно оценить профессиональный уровень научно-методической работы *каждого преподавателя*, специфику его инновационных подходов к обучению и воспитанию студентов [600, с. 259].

Стремительное развитие и внедрение в учебно-воспитательный процесс компьютерной техники видоизменяет роль преподавателя, обязывает его гибко адаптироваться к вызовам технологической революции XXI в. Студенты активно используют Интернет как новое средство коммуникации и авторитетный источник информации о мировой политике, социально-политической ситуации и изменениях в различных странах. И преподаватели социально-гуманитарных дисциплин обязаны учитывать влияние электронно-информационных технологий на мировоззрение студентов.

Глобальное информационное пространство, безусловно, открывает благодатную перспективу для ускорения политической социализации личности. Но оно может оказывать и противоречивое, деструктивное влияние на сознание и поведение человека. Из этого следует неотложная задача обществоведов – исследовать интернет-процессы, овладеть методологией анализа виртуальной среды и практического использования информационно-коммуникационных технологий в педагогической и научно-исследовательской практике.

Актуальна для преподавателей политологии вуза подготовка индивидуальных УМК и на их основе – *персональных веб-сайтов*, доступных студентам. Электронные сайты должны представлять собой системный банк тезисов лекций, информационно-аналитических, методических, наглядно-графических, справочных и диагностических материалов по учебной дисциплине [600, с. 261, 262].

Авторские суждения о значении, структуре и содержании УМК по политологии, персонального веб-сайта в полной мере относятся и к преподаваемому студентам новому, недостаточно разработанному и сложному для восприятия курсу «*Основы идеологии белорусского государства*». Академией управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусским государственным педагогическим университетом имени М. Танка, Белорусским государственным университетом культуры и искусств, другими вузами изданы пособия, содержащие теоретические и методические рекомендации по изучению дисциплины. Прделанная творческая работа открывает перспективы для подготовки УМК и по этой мировоззренческой дисциплине.

Предложенная модель политической социализации личности специалиста в высшей школе является концептуально-технологическим инструментом, полезным для экспериментальной апробации и успешного освоения интегрированных («модульных») курсов социально-гуманитарного цикла. Вместе с тем рациональное применение ее методологического и технологического потенциала модели предполагает учет условий, профиля и кадрового потенциала учебного заведения.

Исходная ступень применения модели – качественное обновление, согласование и гармонизация учебных программ по социально-гуманитарным дисциплинам. Неотложная за-

дача – подготовка качественно обновленной учебной литературы (включая и электронные пособия) по циклу социально-гуманитарных дисциплин. Предлагаемые студентам пособия надлежит фундаментализировать, сделать доступнее для восприятия, критически ревизовать их содержание, очистить от дублирования, «избытка» эмпирии, «нудного академизма», «теоретического эклектизма», толкования устаревших, неприемлемых для модернизации постсоветских обществ концептов.

Верифицированный, эффективный механизм реализации модели – персонифицированные, разработанные каждым преподавателем учебно-методические комплексы по социально-гуманитарным наукам. Их подготовка, легитимация и внедрение не терпят отлагательства на необозримую перспективу. В них должна получить закрепление предпочтительная для профильного вуза система информационно-аналитического, диагностического, организационно-методического и материально-технического обеспечения познавательно-образовательного процесса.

Динамичные изменения в политической жизни, информационная революция диктуют необходимость инновационных подходов к политической социализации студентов. Новые методы концептуально-технологического обеспечения функций социально-гуманитарных дисциплин в национальной высшей школе открывают незадействованные возможности формирования политической культуры личности специалиста, адекватной запросам практики демократического транзита, мирового политического развития.

На основе изучения опыта политической социализации личности в высшей школе и результатов эксперимента сформулируем итоговые выводы.

Эффективное познание студентами демократического транзита постсоветских обществ и современной политики невозможно в рамках традиционной парадигмы преподавания политологии. Информационная революция радикально видоизменяет гносеологический и технологический базис политической социализации человека, методы и формы влияния на его сознание и поведение.

Производство новых парадигм политической социализации студентов – приоритетная задача научного сообщества, настоятельное веление времени.

Экспериментально апробированная версия модели представляет собой концептуально-технологическое объяснение, описание и прогнозирование (на основе эмпирических данных, личного опыта, предположений) отличительных свойств и взаимосвязей средств, методов и процедур целесообразной и качественной политической социализации специалиста с высшим образованием. Главное условие ее реализации – профессиональное мастерство преподавателей-политологов высших учебных заведений транзитных обществ.

Современным инструментом политической социализации специалиста с высшим образованием, индикатором и мерой оценки методической состоятельности и творческого потенциала преподавателей-обществоведов могут служить индивидуальные учебно-методические комплексы. Их структура и содержание опираются на нетрадиционную концептуально-технологическую основу.

Организационно-управленческий механизм реализации ключевых функций политологии и других социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе транзитных обществ – учебная программа. Ее структура, содержание, предлагаемые составителями базовые технологии определяют качественные показатели познания студентами сущности и закономерностей мира политического. Ценностный вектор учебной программы должен быть нацелен на формирование у студентов демократической культуры, включающей совокупность базовых качеств: гражданственности и патриотизма, общественно-полезного политического участия, социально-профессиональной компетентности и ответственности, политической толерантности.

Профессионально выверенная программа позволяет реализовать ключевые функции политологии как учебной дисциплины: корректировать и обновлять тематику и содержание лекций и семинаров; оперативно вносить изменения в методику организации управляемой познавательной деятельности; фокусировать внимание в преподавании дисциплины на социально-политических изменениях и государственной политике в России, Беларуси и других переходных социумах;

применять обоснованную систему упражнений, обеспечивающую закрепление политических знаний и навыков; внедрять современные коммуникационные технологии, стимулирующие свободные, мобильные и устойчивые «обратные связи» между преподавателями и студентами; непрерывно диагностировать процесс формирования политической компетентности и демократической культуры будущих специалистов.

Без тщательно выверенных опытом программ по политологии невозможно комплексное концептуально-технологическое обеспечение процесса усвоения политической теории и прикладной политологии, приоритетов государственной политики и социального управления в условиях демократического транзита.

Бесспорное преимущество инновационных технологий – ориентация студентов на овладение средствами и методами непрерывного, рационально организованного политического самообразования, которое развивает критически-творческое мышление, мировоззренческий потенциал личности, ее потребности в заинтересованном участии в общественно-политической жизни.

Политическая социализация закономерно предполагает непрерывное обновление, апробацию и внедрение инновационных концепций и технологий учебно-воспитательного процесса в каждом вузе транзитного общества, а также мониторинг их результативности.

Особую актуальность приобретают разработка, углубленное исследование и экспериментальная проверка:

- *методов* анализа качества преподавания социально-гуманитарных наук;
- *методов* создания дифференцированных политико-образовательных программ для вузов;
- *методов* упорядочения междисциплинарных взаимосвязей, позволяющих студентам последовательно наращивать и синтезировать знания, развивать критическое мышление и исследовательские навыки, свободно аргументировать и компетентно защищать свои взгляды и убеждения;
- *методов* системного применения в учебно-воспитательном процессе обязательных и «вариативных» курсов, современных информационно-коммуникативных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Изученный массив эмпирических источников свидетельствует, что курс постсоветских государств на качественное переустройство бытия предполагает непрерывное воспроизводство, использование и обновление эвристического и инструментально-технологического потенциала науки о политике.

Гносеологический вектор национальной политологии нацелен на познание и преобразование политической действительности. Она диагностирует, объясняет, констатирует, оценивает, интерпретирует, прогнозирует позитивные и негативные явления политики, руководствуясь академическими критериями. Творчество ученых обогащает культуру государственного управления, теорию и методологию общественно-знания систематизированными знаниями о политических процессах и изменениях в постсоветском социуме.

Цель политологического сообщества – генерирование верифицированных знаний об организации политической жизни и государственного управления, образцах и аномалиях политико-властных отношений. В этих знаниях материализуются общечеловеческие ценности, достижения цивилизации, аргументированные суждения аналитиков о мире политического, его причинно-следственных и функциональных связях с экономикой, культурой и другими сферами реформируемого общества. Исследования политологов отражают характерные свойства и проблемы реальности, специфику и эффективность используемых механизмов управления социумом.

Политология транзитного общества выполняет *инструментально-технологическую функцию*. Овладевая политическими знаниями и технологиями, субъекты политики совершенствуют навыки цивилизованного влияния на переходные процессы: взаимодействия на основе плюрализма, консенсуса и компромисса; целесообразного принятия и претворения в жизнь управленческих решений; рационального использования, приумножения и распределения ресурсов общества; конструктивного разрешения социально-политических конфликтов и укрепления гражданского согласия. Наука предла-

гает институтам инновационные технологии, включающие: средства, методы, приемы и процедуры достижения гуманитарных целей; альтернативные версии стратегии и тактики поведения; испытанные человечеством демократические ценности; модели достойного жизнеустройства, ответственного исполнения функций и обязательств.

Прогностическая функция политологии переходного общества заключена в расширяющихся возможностях диагностики и предвидения социальных изменений. Ее выводы и предположения базируются на познанных закономерностях и законах политической сферы, верифицированных способах ее теоретического осмысления и объяснения.

Плодотворна и *воспитательно-мировоззренческая функция науки*. Предлагая обществу и государству испытанные временем и практикой знания, она стимулирует процесс политической социализации личности – осознанное и ответственное поведение, формирование прогрессивных ценностно-мировоззренческих ориентаций, солидарность и толерантное коллективное сотрудничество. Политология исследует и накапливает в своем эвристическом банке демократический опыт человечества, образцы для подражания, поучительные примеры использования полномочий и ресурсов политической власти.

Механизм эволюции политологии в постсоветских обществах включает взаимозависимые структурные компоненты, определяющие характер тенденций, закономерностей и национальные особенности ее развития: профессиональные институты; организацию подготовки специалистов-политологов; стандарты, нормы и критерии научного творчества; аналитико-технологические возможности ученых; приоритеты и адаптивность исследований к практике; методы анализа переходных процессов и генерируемых политических знаний; влияние на динамику науки политических, социально-экономических и духовно-идеологических факторов.

Между инфраструктурой, функционально-динамическими показателями эволюции политологии существует причинно-следственная зависимость от условий и практики демократического транзита.

Тенденции и закономерности эволюции отражают реальное состояние и статус политологии в обществе, степень ее соот-

ветствия интересам, целям и ценностям национальной государственности. Они являются также ключевым критерием заинтересованности политических институтов в фундаментально-прикладных проектах.

Доминирующая тенденция в развитии политической науки постсоветских государств – динамичные перемены в инфраструктуре, проблематике и методологии исследований, эмпирическом базисе, влиянии на сознание и поведение личности, политико-властные отношения.

2. Основным показателем гносеологической зрелости политологии России и Беларуси является способность гибкого реагирования на изменяющиеся внутренние и внешние условия демократического транзита, потребности национальной государственности. Адаптивность производимых политических знаний и технологий – универсальная мера оценки качественных изменений в политической науке переходного периода.

Если в течение первого десятилетия политологи посвящали свои труды традиционно-теоретическим проблемам и плюралистическим концептам, которые составляют фонд европейской и американской науки, то последние десять лет отличаются устойчивым интересом к изучению опыта, механизмов и динамики социально-политических изменений на постсоветском пространстве.

Выявлена стабильная тенденция – авторы публикаций и диссертаций стремятся комплексно анализировать динамику и результативность модернизации, политических решений и действий государственной власти с учетом культурно-национальных особенностей и интересов.

Приоритетные *направления* изучения действительности – теоретическое обобщение опыта и концептуализация политики реформ; поиск инновационных парадигм истолкования национальных особенностей транзита; отношения власти с гражданами; теоретико-прикладной анализ стратегии и тактики, условий и перспектив политических изменений; глобальные факторы модернизации; интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Углубленно исследуются перемены в политических системах постсоветских обществ. На основе теоретически обобщенного опыта ученые обосновали *национальные особенности* демократизации: несовпадение парадигмы, траекторий

и результатов политических изменений; противоречивость процессов перехода от авторитаризма к демократическим формам правления; недостаточный эвристический и инструментально-технологический потенциал политики реформации; массовое недоверие к либеральной демократии «западного образца», обусловленное изъянами ее реализации, культурно-историческими различиями и своеобразием бытия народов, стран и регионов мира; конфликтное взаимодействие политических субъектов; нединамичность политической трансформации и не отвечающая ожиданиям граждан эффективность политических изменений; несоответствие потребностям демократических перемен реального уровня политической культуры граждан и институтов; неблагоприятный международный контекст демократизации.

Приоритетны для политологов диагностика, объяснение и прогнозирование динамики национальной государственности. Устоявшиеся представления о функциях и суверенитете государства корректируются, приводятся в соответствие с реальностями модернизации, вызовами, кризисными явлениями и противоречиями глобализации.

Ученые ведут поиск парадигмы идеологии государства. Этот феномен интерпретируется как базовый духовно-ценностный компонент политики модернизации, полезный инструмент демократической консолидации граждан, политической социализации личности. Установлено, что негармоничность взаимосвязей между государственной политикой и идеологией негативно сказывается на динамике транзитных процессов, легитимности и имидже государственной власти, предупреждении и преодолении негативных явлений в социально-экономической и духовной сфере.

Политологи изучают динамику политической культуры, противоречия духовно-идеологической сферы, проявляющиеся в ее размытости, благоприятности для манипулирования общественным сознанием, ущербности для социализации человека. Акцентируется внимание на концептуально-технологическом обеспечении познавательной, методологической, воспитательно-мировоззренческой и регулятивной функций политологии в высшей школе. На ее решение направлено эксплицитное научно-технологическое знание, достоверность которого проверяется и подкрепляется опытом, эмпирическим путем.

3. Характерная *тенденция* эволюции политологии России и Беларуси – творческая разработка методологии познания демократического транзита. Эвристический банк науки устойчиво пополняется инновационными концептуальными идеями и подходами. Если в начале постсоветской трансформации ученые недооценивали культурно-национальную и историческую специфику модернизации, ориентируясь на заимствование западных концептов о линейной направленности траекторий преобразований в традиционных обществах, то сегодня наблюдается иная ситуация. Происходят позитивные перемены в проблематике диссертаций и публикаций, уровне объяснения действительности, обоснованности иницилируемых идей и парадигм, эмпирической верификации методов познания политики. В профессиональной среде стала господствующей аксиома: предлагаемые способы теоретико-прикладного анализа полезны, если они измеряемы эмпирически, валидны, удовлетворяют запросы жизни и исследовательского процесса.

Наблюдаются перемены в тематике и содержании диссертаций – расширяется спектр изучаемых методологических проблем. Преодолеваются такие явления 1990-х гг., как некритическое или не подкрепленное эмпирическими данными измерение специфики переходных процессов, политических систем, политического участия, имиджа институтов государства и гражданского общества.

Методология познания политики в постсоветском социуме представляет собой развивающуюся теорию рационализации индивидуальной и коллективной исследовательской деятельности. Это совокупность концептуальных идей, подходов и моделей, принципов, способов анализа и теоретической интерпретации общественных явлений, стратегии и тактики политических институтов, тенденций трансформации России, Беларуси и других стран СНГ. Нормы и процедуры логической организации исследований, средства и методы достижения научных целей разрабатываются политологами при активном участии историков, юристов, философов, экономистов. Укореняется в теоретико-познавательной деятельности междисциплинарный подход, стимулирующий производство знаний и технологий, востребованных практикой демократического транзита.

Общепризнанным *критерием* корректировки, актуализации, обогащения теории и методологии науки становится принцип «свободы критики». Переосмысливаются западная либеральная модель модернизации, категориально-концептуальный инструментарий американских и европейских аналитиков. В зоне пристального внимания находится постмодернистский мозаичный плюрализм и эклектизм в эпистемологии науки, абстрактно-теоретические концепты демократизации.

Качественные изменения в методологии национальной политической науки символизируют успешное накопление опыта концептуально-аналитического объяснения, описания, диагностики и прогнозирования переходных процессов. Эти перемены – показатель уверенного *гносеологического самоопределения* отечественных ученых в профессиональных задачах и приоритетах. Арсенал эпистемологии национальной политологии пополнился за последнее десятилетие обобщающими монографиями, докторскими и кандидатскими диссертациями, статьями, обогатившими познание политики реформируемого социума.

4. Главный теоретический вывод исследования: в национальной политологии происходят динамичные изменения. За сравнительно короткий отрезок времени (двадцатилетие) она получила общественное признание, поднялась на качественно новую ступень в создании собственного – непозаимствованного или скопированного из арсенала мировой науки – эвристического потенциала, отражающего специфику процессов демократического транзита.

Ученые все более чутко воспринимают требования времени и среды. Наблюдаются прогрессивные перемены в проблематике и содержании фундаментально-практических исследований, качестве диагностики, объяснении, описании и прогнозировании политической реальности.

Закономерности эволюции политологии проявляются в устойчивой зависимости между явлениями, обстоятельствами, переменными, причинами и следствиями, функционально-динамическими характеристиками, качественно-количественными показателями изменений в ее состоянии, приоритетах и влиянии на практику.

Установлено, что статус молодой науки, авторитет и прогрессивное развитие немислимы без активной поддержки го-

сударственной власти и гражданского общества. Проблематика и содержание исследований непосредственно зависят от динамики социальных преобразований, норм и конструктивности взаимоотношений профессиональной корпорации с политической системой. Основное условие общественного признания и имиджа науки о политике – адаптивность генерируемых знаний и технологий к национально-государственным интересам.

5. Эволюционные изменения в политологии транзитных обществ не свободны от *негативных явлений и тенденций*. Они отражаются в совокупности индикаторов: неупорядоченности координирующего влияния политологических институтов; неопределенности в государственной кадровой политике функциональной роли и статуса профессиональных политологов; неактуальности проблематики части диссертаций и публикаций для национальных политических систем; отсутствии механизмов непрерывной коммуникации ученых с властью; дефиците материальных и финансовых ресурсов для реализации актуальных проектов, издания недорогой и качественно оформленной политологической литературы.

Еще не решены теоретико-прикладные задачи в области разработки идеологии государства переходного периода. Предметом приоритетного познания должны стать: стратегия, тактика и социальная эффективность реформ; характер назревших политических решений по идеологическим вопросам; методы управления духовно-идеологическими процессами; влияние идеологии на отношения власти и общества; методы управления конфликтами и кризисными процессами; адаптивность политических интересов и норм государства к вызовам и угрозам глобализации; воздействие идеологии на экономику, право, социальную и духовно-нравственную сферы.

Индикаторы неблагополучия в эпистемологии науки: мозаичность методов исследования транзитных процессов; фрагментарность сравнительного анализа стран демократического транзита; неопределенность критериев оценки политических режимов и государственного управления.

Требует углубленного исследования и проверки опытом демократического транзита инструментально-технологического базиса мировой науки.

Негативные явления в легитимации политологии как учебной дисциплины проявляются в несовершенстве организаци-

онных форм, информационно-аналитического и методического базиса, дефиците кадров – преподавателей с политологическим образованием, учеными степенями и званиями, финансовых ресурсов для качественной подготовки и издания учебной литературы, современного концептуально-технологического обеспечения ключевых функций науки о политике в высшей школе.

В постсоветском социуме не искоренены явления, подрывающие статус и имидж политологии: «экспертная ортодоксия» или навязывание политикам-управленцам псевдонаучных идей; «политическая инертность» – невосприимчивость институциональных субъектов к инновационным идеям и предложениям, экспертно-аналитическим продуктам творчества политологов; «политический ангажемент» – обращение бюрократии с наукой как «служанкой» властных структур.

В среде политологов ощущаются такие антиподы научного творчества, как претензии на абсолютную истину, групповой монополизм, увлеченность сомнительными идеями, парадигмами и темами. Нередко популяризируются методологические конструкты, не подкрепленные практикой демократического транзита.

Нынешней стадии эволюции политологии Беларуси и России свойственны *сущие проблемы*, требующие неотложного разрешения. Они коренятся в деятельности политологического сообщества, а также порождены недостаточным вниманием к молодой науке институтов государства и гражданского общества.

Первоочередные *задачи* в повестке дня национальной политологии: укрепление кадрового потенциала; создание эффективной системы повышения квалификации политологов; совершенствование методов и форм организационно-творческой деятельности политологических институтов; повышение адаптивности исследований к практике; академический контроль качества фундаментальных и прикладных разработок; планомерное информационно-аналитическое, методологическое, экспертно-технологическое содействие политическим институтам.

Корни проблем политологического сообщества Беларуси – в недостаточной эффективности его институциональных структур и неустойчивости коммуникации. Учрежденные ин-

ституты еще не в полной мере раскрыли свой организационно-творческий потенциал. Слабы их взаимосвязи с властью. Узок спектр направлений, форм и методов деятельности учрежденных профессиональных структур.

Требующие разрешения *проблемы властно-регулятивного характера* заключаются в нестабильности взаимодействия, обратных связей институтов государства с политологическими структурами, несовершенстве стимулирования творчества политологов, издающих монографии, учебную литературу для студентов вузов.

Прогресс политической науки невозможен без поддержки социальных институтов в различных формах, неущемляющей академической демократии, суверенитета творческого процесса: свободы выбора учеными проблематики исследований с ориентацией на национально-государственные интересы; приоритетного инвестирования инновационных разработок; нормативного закрепления стандартов и критериев качества фундаментально-прикладных проектов ученых-обществоведов; принятия управленческих решений, благоприятствующих внедрению инновационных политических знаний и технологий в практику.

Изложенные *проблемы* политологии отражают диалектические противоположности (несоответствия) в ее становлении и развитии как автономной, профессиональной отрасли обществознания.

Главное противоречие эволюции политологии проявляется в возрастающих потребностях практики в достоверных политических знаниях, инновационных технологиях и неполном их удовлетворении исследовательскими структурами.

В интересах разрешения проблем и противоречий политологии транзитных обществ Беларуси и России целесообразно осуществить первоочередные *организационно-практические меры*, способствующие:

- укреплению партнерских отношений политологических и политических структур;
- непрерывному использованию политическими системами кадрового и аналитического потенциала политологического сообщества;
- разработке целевых, финансируемых государством, общественными центрами и фондами практико-ориентированных научных программ;

- улучшению координации исследований и междисциплинарного взаимодействия ученых-обществоведов;
- актуализации содержания и повышения прикладного потенциала политологических диссертаций и публикаций;
- планомерному концептуально-методическому и экспертно-консалтинговому обеспечению модернизации, политической социализации молодежи.

6. Закономерные стадии (этапы) эволюции науки в условиях демократического транзита различаются функционально-динамическими характеристиками и интегральными показателями качественных перемен.

На стадии *легализации и становления политологии* (конец 1980-х – 1990-е гг.) в постсоветских обществах учреждались профессиональные институты, апробировался механизм их деятельности. Решались первоочередные задачи легитимации, кадрового и информационно-аналитического обеспечения исследовательских структур и обществоведческих кафедр. Осваивались достижения отечественной политической мысли, западной политической науки в области теории и методологии. Изучался опыт организации исследований, преподавания политологии в зарубежных университетах и колледжах. Ученые самоопределялись в направлениях, приоритетах и эпистемологии исследований. Зарождались научные центры и школы. Апробировались нормы отношений с политическими институтами, формы самоуправления, интеграции политологического сообщества, стандарты научного творчества и преподавания науки в высшей школе. Политические специальности были включены в номенклатуру научных специальностей. Создана сеть диссертационных советов по политологии.

Вторая стадия эволюции – адаптация политологического сообщества к условиям демократического транзита постсоветского социума, фокусирование творчества на «строительстве» национально-специфичного теоретико-методологического базиса исследований (2000–2010 гг.).

Контрастно обозначились преобладающие тенденции в проблематике публикаций и диссертаций. Если для начального этапа становления науки характерен конгломерат тем и направлений преимущественно общетеоретического содержания, традиционно разрабатываемых на Западе, то очередная

стадия отличается дифференциацией и специализацией в познании практики демократического транзита, активизацией методологической рефлексии политологов, кристаллизацией предметного поля исследований социально-политических преобразований в России, Беларуси и других переходных обществах.

Вектор интересов политологов устойчиво смещался на теоретико-прикладные проблемы политической модернизации. Заметно снизился удельный вес «заимствования» концептуальных идей и подходов у европейских и американских коллег. Интенсифицировалась разработка гносеологического инструментария, позволяющего познавать переходные процессы в контексте мирового развития, динамику демократизации национальной государственности, изменения в политико-властных отношениях, деятельности общественных объединений, ценностных ориентациях и поведении граждан.

На третьей стадии эволюции (примерно с 2010 г.) национальная политология функционирует на собственном институциональном, кадровом, теоретико-методологическом и эмпирическом базисе.

Особенности нынешнего этапа: обогащение форм и методов деятельности политологических институтов; углубление практико-ориентированной подготовки специалистов-политологов на факультетах и отделениях вузов; предметно-тематическая нацеленность научного поиска на объяснение, истолкование и интерпретацию национальной специфики демократического транзита.

Эвристический банк науки пополняется верифицированными концептуальными идеями, методологическими подходами, адаптивными к запросам постсоветского социума и вызовам глобализации. Неформальной нормой становятся интерактивные методы реализации социально полезных функций политологии в высшей школе.

Проявляются доминирующие тенденции в мотивации, содержании, качественных параметрах творчества аналитиков и преподавателей политологии. Когнитивный банк политологии России и Беларуси укрепляют монографии, учебники, диссертации, статьи и доклады, отвечающие академическим стандартам и критериям. Ядро профессиональных дискуссий составляет заинтересованное обсуждение проблем молодой науки, политической социализации, фундаментальных и при-

кладных исследований модернизации России и Беларуси, методологии познания динамики национальных политических систем и процессов, концептуально-технологического обеспечения функций политологии в высшей школе.

Третий этап эволюции символизирует прогрессирующую динамику национальной политической науки, наличие необходимых условий для достижения зрелого состояния в обозримом будущем. Успешно формируется теоретический, методологический и эмпирический базис познания транзитных процессов. Конкретизируется и актуализируется проблематика исследований. Углубляется познание специфики политических изменений в транзитных обществах. Укрепляется имидж науки о политике как профессиональной, автономной отрасли общественнознания транзитного социума.

Можно предположить, что *очередная (четвертая) стадия* эволюции политологии хронологически совпадет с завершением переходного периода трансформации в Беларуси и России. Она будет качественно отличаться от предыдущих стадий степенью зрелости науки.

Признаки академической зрелости проявляются уже сегодня в предпочтениях, приоритетах, ценностях, стандартах и нормах творчества ученых, эффективном, полезном обществу и государству использовании потенциала политической науки.

Можно прогнозировать, что в ближайшее десятилетие существенно обогатится проблемно-тематический спектр познания транзитных процессов. Национальный фонд пополнится качественной научной и учебной литературой, актуальными диссертационными исследованиями, отвечающими насущным и перспективным запросам и интересам постсоветского транзита, отличающимися инновационными подходами к диагностике, описанию, объяснению и прогнозированию политической действительности. Завершится формирование плодотворных, с мировым имиджем научных школ. При заинтересованном содействии институтов государства и гражданского общества станут академической нормой масштабные фундаментально-прикладные проекты. Интенсифицируется производство теоретико-методологических знаний, воплощающих общезначимые (транснациональные) и специфические (национальные) черты.

В результате устойчиво-динамичной трансформации гносеологический, технологический, прогностический, воспитательно-мировоззренческий потенциал политологии России и Беларуси обретет свойства, аутентичные запросам постиндустриального (информационного) общества. Качественные изменения в институциональном механизме науки, стандартах, направлениях, приоритетах и социальной эффективности фундаментальных и прикладных исследований укрепят ее статус ничем не заменимого инструмента познания и совершенствования действительности, формирования демократической культуры личности и общества.

Стадия профессиональной зрелости науки о политике неразрывно связана с необратимостью демократических преобразований в постсоветских обществах, преодолением негативного наследия прошлого в отношениях обществознания с институтами власти.

Прогнозируемые функционально-динамические характеристики и тенденции стадии зрелости науки – развитая способность к перманентному воспроизводству инновационных знаний; возрастающий спрос государства на политические идеи и технологии; прогрессирующая адаптивность исследований к интересам постиндустриального, информационного общества и изменениям в мире.

Прогноз автора оптимистичен: востребованные временем и практикой фундаментально-прикладные разработки станут неформальной нормой политологического сообщества и политических институтов. Обоюдная заинтересованность политиков и ученых в приумножении, рациональном использовании интеллектуальных и информационных ресурсов науки станет ключевым показателем завершения институционализации политологии на постсоветском пространстве.

Предположительно, на четвертой стадии эволюции науки укоренятся новые парадигмы и теоретические модели познания закономерностей и законов политической жизни мирового сообщества. В профессиональной среде будут доминировать такие критерии социальной полезности исследований, как научная и практическая значимость, новизна, эмпирическая и методологическая достоверность генерируемого знания, свободная и конструктивная критика недостатков в обществе и творчестве, векторная ориентация на удовлетворе-

ние национально-государственных интересов. В совокупности указанные переменные обеспечат органичную интеграцию политологии постсоветских обществ в мировую политическую науку.

Стадии трансформации науки о политике в Беларуси и России – свидетельство ее устойчивого развития, возрастающей профессиональной заинтересованности ученых в верифицируемой достоверности изучения закономерностей и специфики радикального переустройства государственности и общественной жизни. Алгоритм эволюции, векторы и приоритеты национальной политической науки – основной качественный показатель ее функционально-динамических свойств как феномена духовной культуры транзитного общества, автономной отрасли общественознания.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Актуальные проблемы политики и политологии в России : сб. науч. ст. / [Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; под общ. ред. О. Ф. Шаброва]. – М. : Изд-во РАГС, 2007. – 324 с.

2. Актуальные проблемы региональных политических исследований : материалы «круглого стола» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2008. – № 4. – С. 93–119.

3. *Алексеева, Т. А.* Политическая философия: от концепций к теориям / Т. А. Алексеева. – М. : РОССПЭН, 2007. – 397 с.

4. *Алмонд, Г.* Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

5. *Алмонд, Г.* Политическая наука: история дисциплины / Г. Алмонд // Полис. – 1997. – № 6. – С. 174–183.

6. Аналитический доклад ИС РАН. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) // Полис. – 2011. – № 6. – С. 109–119.

7. *Антанович, Н. А.* Методология и методы политического анализа / Н. А. Антанович. – Минск : БГУ, 2007. – 178 с.

8. *Антанович, Н. А.* Политическая наука и политологическое образование в Республике Беларусь / Н. А. Антанович // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах : сб. науч. ст. по итогам Третьей Междунар. конф. / отв. ред. К. В. Киселев. – Екатеринбург, 2005. – С. 184–203.

9. *Антанович, Н. А.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы / Н. А. Антанович // Социология. – 2007. – № 2. – С. 23–32.

10. *Антанович, Н. А.* Политическое управление: теоретические подходы и модели / Н. А. Антанович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. – Минск, 2009. – Вып. 9 (14). – С. 3–9.

11. Антология мировой политической мысли : в 5 т. / [Нац.-обществ. науч. фонд., Акад. полит. науки]. – М. : Мысль, 1997. – 5 т.

12. Антонович, И. И. Россия в постсоветском пространстве: диалектика притяжения и отталкивания / И. И. Антонович // Общество, государство, политика. – 2011. – С. 9–16.

13. Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель. – М. : Мысль, 1997. – 460 с.

14. Артемов, Г. П. Контуры новой политической культуры России / Г. П. Артемов // Политэкс. – 2008. – № 2. – С. 44–62.

15. Асимметрия мировой системы суверенитета : зоны проблемной государственности / под. ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. – М. : МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.

16. Астахова, С. В. В Белоруссии начинается подготовка к президентским выборам / С. В. Астахова // Россия и новые государства Евразии. – 2009. – № 4. – С. 35–47.

17. Афанасьев, М. Качество государства – главная проблема России / М. Афанасьев // Прогнозис. – 2008. – № 1. – С. 220–232.

18. Ахиезер, А. С. Социально-культурные проблемы развития России / А. С. Ахиезер. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – 62 с.

19. Ахременко, А. С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности / А. С. Ахременко // Полис. – 2009. – № 3. – С. 105–112.

20. Ачкасов, В. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В. А. Ачкасов, С. М. Елисеев, С. А. Ланцов. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 125 с.

21. Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2009. – 488 с.

22. Бабосов, Е. М. Социологические очерки устойчивого развития современной Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2011. – 248 с.

23. Бадулин, А. Н. Первый учебно-методический комплекс по политологии / А. Н. Бадулин, Б. Д. Шеленговский // Высшая школа. – 2004. – № 1. – С. 79–80. – Рец. на кн.: Бондарь, П. И. Политология : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. – Минск : Аверсэв, 2003. – 463 с.

24. Баталов, Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Баталов // Pro et contra. – 2002. – № 3. – С. 7–22.

25. Бахлова, О. В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции : автореф. дис. ... д-ра

полит. наук : 23.00.02 / О. В. Бахлова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 41 с.

26. Беларусь в интеграционных проектах / А. К. Акулик [и др.] ; науч. ред. В. А. Бобков ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 322 с.

27. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 27–28 мая 2004 г. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 230 с.

28. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 25–26 мая 2006 г. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 400 с.

29. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 мая 2008 г. : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 2 ч.

30. Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 мая 2010 г. : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ, 2010. – Ч. 2. – 239 с.

31. Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс : послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // Беларусь сегодня. – 2012. – 10 мая. – С. 3–8.

32. Беседа в редколлегии «Полиса» о политологии в вузах // Полис. – 1996. – № 4. – С. 137–156.

33. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 256 с.

34. *Бирюков, Н. И.* Парламентская деятельность и политическая культура / Н. И. Бирюков, В. М. Сергеев // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 66–75.

35. *Бирюкова, О.* Содружество независимых государств: поиск оптимальной модели интеграции / О. Бирюкова // Власть. – 2008. – № 8. – С. 89–92.

36. *Блинов В. В.* Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России / В. В. Блинов // Полис. – 2008. – № 5. – С. 153–159.

37. *Бляхер, Л. Е.* Нестабильные социальные состояния / Л. Е. Бляхер. – М. : РОССПЭН, 2005. – 207 с.

38. *Бляхер, Л. Е.* Парадоксы региональной политологии (Записки провинциала) / Л. Е. Бляхер // Полис. – 2001. – № 6. – С. 18–28.

39. Бляхер, Л. Е. Российский политический дискурс и концептуализация становящегося политического пространства / Л. Е. Бляхер // Полис. – 2002. – № 3. – С. 31–40.

40. Бобков, В. А. Политическая наука в Беларуси: состояние и перспективы / В. А. Бобков, В. А. Мельник, В. А. Божанов // Современные социально-политические процессы и политическая наука : материалы Междунар. науч. конф. – Минск, 2004. – С. 3–25.

41. Богатуров, А. Д. Десять лет парадигмы освоения / А. Д. Богатуров // Pro et contra. – 2000. – Т.5, № 1. – С. 195–201.

42. Богатуров, А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России / А. Д. Богатуров // Полис. – 2011. – № 4. – С. 8–19.

43. Божанов, В. Политика: сущность и современные тенденции / В. Божанов // Беларуская думка. – 2008. – № 9. – С. 32–39.

44. Бойко, Ю. П. Основы нацио-государственного строительства : мировой опыт и российские реалии : в 2 т. / Ю. П. Бойко. – М. : Компания Спутник+, 2008. – 2 т.

45. Бойцова, О. Ю. Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления / О. Ю. Бойцова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2001. – № 1. – С. 5–18.

46. Бондарь, П. И. Государственность Беларуси в условиях глобализации / П. И. Бондарь // Беларусь на пути прогресса: инновационная экономика, управление, право : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2009 г. / Частн. ин-т упр. и предпринимательства ; редкол.: В. Г. Янчевский [и др.]. – Минск, 2009. – С. 281–286.

47. Бондарь, П. И. Изменения в политической системе: концептуальные аспекты / П. И. Бондарь // Беларусь на пути прогресса: экономика, управление, право : материалы XV межвуз. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2011 г. / Частн. ин-т упр. и предпринимательства ; редкол.: В. Г. Янчевский [и др.]. – Минск, 2011. – С. 393–397.

48. Бондарь, П. И. Мир после «холодной войны»: характер и тенденции геополитических изменений / П. И. Бондарь // Беларуская думка. – 1996. – № 2. – С. 97–105.

49. Бондарь, П. И. Политическая система белорусского общества: вектор трансформации / П. И. Бондарь // Беларусь

на пути преобразований: экономика, управление, право, образование : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2007 г. / Частн. ин-т упр. и предпринимательства ; редкол.: В. Г. Янчевский [и др.]. – Минск, 2007. – С. 51–53.

50. *Бондарь, П. И.* Политические системы переходных обществ и государственное управление / П. И. Бондарь // Управление в социальных и экономических системах : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 дек. 2004 г. – Минск, 2004. – С. 316–318.

51. *Бродовская, Е. В.* Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Е. В. Бродовская ; Тул. гос. ун-т. – Тула, 2008. – 62 с.

52. *Бурковская, В. А.* Парламентаризм как фактор разделения власти в РФ / В. А. Бурковская // Социально-политическое измерение современных мирополитических процессов : материалы Междунар. конф. молодых ученых (17 апр. 2008 г.) / [под общ. ред. В. В. Огневой]. – Орел, 2008. – С. 39–43.

53. *Бурлаков, В. А.* Геополитика в системе современной российской политической науки: поиск новой парадигмы / В. А. Бурлаков // Россия и АТР. – 2008. – № 4. – С. 134–148.

54. *Бурлацкий, Ф. М.* Политическая наука и реальная политика : в 2 кн. / Ф. М. Бурлацкий ; Рос. гос. торг.-экон. ун-т. – М., 2008. – Кн. 2. – 293 с.

55. *Бурлацкий, Ф. М.* Реформы и реформаторы: надежды и иллюзии / Ф. М. Бурлацкий. – М. : Собрание, 2008. – 319 с.

56. *Бухарин, Н. И.* Строительство гражданского общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 90-е годы XX века–начало XXI века / Н. И. Бухарин // Трансформации на постсоциалистическом пространстве : [сб. публ. из журн. «Новая и новейшая история»] / Рос. акад. наук, Ин-т экономики, Отд-ние междунар. эконом. и полит. исслед. ; [сост. И. И. Орлик] ; отв. ред. С. П. Глинкина. – СПб., 2009. – С. 94–119.

57. *Бущик, В. В.* Социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период: социолого-политологический анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / В. В. Бущик ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 34 с.

58. *Бущик, В. В.* Человек и общество в условиях социально-политических преобразований / В. В. Бущик. – Минск : Перспектива, 1999. – 279 с.

59. В поисках новых русских стилей (15 лет «Полиса» и отечественной политической науки) // Полис. – 2006. – № 1. – С. 5–11.

60. *Вайнштейн, Г. И.* К вопросу о политических последствиях кризиса / Г. И. Вайнштейн // Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия : материалы конф. в ИМЭМО РАН, 20–21 апр. 2009 г. / РАН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М., 2009. – С. 44–50.

61. *Вархотова, В. А.* Политическая наука и политическое образование в России / В. А. Вархотова, О. О. Пертель // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2009. – № 6. – С. 58–66.

62. *Василевич, Г. А.* Белорусское государство на рубеже веков / Г. А. Василевич. – Минск : Экономика и право, 2008. – 468 с.

63. *Василенко, А. В.* Современное российское государство (начало XXI в.): контуры идеологии / А. В. Василенко // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 12–19.

64. *Василенко, И. А.* Геополитика современного мира / И. А. Василенко. – М. : Юрайт, 2010. – 421 с.

65. *Васильева, Н. А.* Политическая наука: проблемы теории и практики / Н. А. Васильева. – СПб. : СПХФИ, 1994. – 265 с.

66. *Васович, В.* Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) / В. Васович // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Политология и социология. – 1998. – № 2. – С. 19–49.

67. *Ватыль, В. Н.* Авторитаризм развития как способ структурной адаптации к процессам глобализации / В. Н. Ватыль // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2007. – № 3. – С. 115–118.

68. *Ватыль, В. Н.* Государство как гарант человеческой свободы (интерпретация русской формы раннего политического либерализма) / В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2001. – 302 с.

69. *Ватыль, В. Н.* Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 279 с.

70. *Величко, В.* Искусство возможного / В. Величко // Беларусь сегодня. – 2009. – 10 февр. – С. 17. – Рец. на кн.: Бондарь, П. И. Политология: наука о политике : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. – Минск : БелЭн, 2008. – 528 с.

71. *Веруш, И. А.* Специфика модели политического лидерства в Республике Беларусь / И. А. Веруш // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. – Минск, 2008. – Вып. 5 (10). – С. 57–62.

72. Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Е. М. Бабосов (науч. ред.) [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2009. – 459 с.

73. *Виноградова, К. В.* Приоритеты внешней политики Республики Беларусь 1991–2009 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00.15 / К. В. Виноградова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2010. – 27 с.

74. *Вішнеўскі, М.* Пытанні аптымізацыі сацыяльна-гуманітарнай адукацыі ў ВНУ / М. Вішнеўскі // Вышэйшая школа. – 2011. – № 6. – С. 19–22.

75. *Вожгурова, О. В.* Партии Беларуси в борьбе за политическое лидерство на современном этапе: социально-политический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / О. В. Вожгурова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 19 с.

76. *Володин, А. Г.* Современные теории модернизации: кризис парадигмы / А. Г. Володин // Политическая наука в России. – 2003. – № 2. – С.8–29.

77. *Воробьев, Д. М.* Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества во второй половине XX в. : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Д. М. Воробьев ; ИСПИ РАН. – М., 2008. – 27 с.

78. *Воробьев, Д. М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества / Д. М. Воробьев // Полис. – 2004. – № 4. – С. 169–178.

79. *Востряков, Л. Е.* Государственная культурная политика современной России : региональное измерение : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Л. Е. Востряков ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 47 с.

80. Высшее образование. Цикл социально-гуманитарных дисциплин = Вышэйшая адукацыя. Цыкл сацыяльна-гуманітарных дысцыплін : РД РБ 02100.5.227-99 : утв. М-вом образования Респ. Беларусь 30.12.98 : введ. впервые : введ. 01.09.99. – Минск, 1999. – 28 с. – (Образовательный стандарт = Адукацыйны стандарт).

81. *Гаджиев, К. С.* Вестернизация или особый путь модернизации? / К. С. Гаджиев // Полис. – 2008. – № 4. – С. 148–162.

82. *Галкина, Е. В.* Становление гражданского общества в современной России: политологический анализ / Е. В. Галкина. – Ставрополь : Мир данных, 2008. – 262 с.

83. *Гафуров, З. Ш.* Социально-правовое государство: причины возникновения, объективные основы, противоречивая сущность / З. Ш. Гафуров // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 5–14.

84. *Гельман, В. Я.* Динамика субнационального авторитаризма: (Россия в сравнительной перспективе) / В. Я. Гельман // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 50–63.

85. *Гельман, В. Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной России / В. Я. Гельман // Полис. – 2003. – № 4. – С. 6–25.

86. *Гельман, В. Я.* Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии / В. Я. Гельман // Полис – 2008. – № 5. – С. 135–152.

87. *Гельман, В. Я.* Постсоветские политические трансформации: (наброски к теории) / В. Я. Гельман // Полис. – 2001. – № 1. – С. 15–29.

88. *Гельман, В. Я.* «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики / В. Я. Гельман // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–17.

89. *Гельман, В. Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция / В. Я. Гельман. – М. : МОНФ, 1999. – 210 с.

90. *Герасимова, Р.* Страны постсоветского пространства: 20 лет по пути трансформации (некоторые итоги) / Р. Герасимова // Современная Европа. – 2011. – № 1. – С. 47–56.

91. *Герменчук, В. В.* Пространство власти и управления / В. В. Герменчук. – Минск : Право и экономика, 2010. – 320 с.

92. *Главачек, П.* Политические партии и общество в современной Беларуси / П. Главачек // Полис. – 2010. – № 2. – С. 64–74.

93. *Годин, Ю.* Россия и СНГ: восемь лет «стратегического партнерства» / Ю. Годин // Мир перемен. – 2008. – № 3. – С. 72–81.

94. *Годин, Ю. Ф.* Белоруссия – это «Брестская крепость» современной России / Ю. Ф. Годин. – М. : ИТРК, 2008. – 183 с.

95. Головин, Ю. А. Развитие политологических исследований в современной России: региональный аспект / Ю. А. Головин // Вестн. Ярослав. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2007. – № 4. – С. 65–70.

96. Голосов, Г. Сравнительная политология / Г. Голосов. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. – 368 с.

97. Гончаров, П. К. Политическая система российского общества: теория и практика постсоветского транзита / П. К. Гончаров. – М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 662 с.

98. Гончаров, П. К. Политические ценности в структуре массового политического сознания современного российского общества / П. К. Гончаров // Социология власти. – 2009. – № 1. – С. 67–75.

99. Горшков, М. К. Российское общество в условиях трансформации / М. К. Горшков. – М. : РОССПЭН, 2000. – 384 с.

100. «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» : круглый стол // Полис. – 2009. – № 3. – С. 9–33.

101. Государственное управление: от философских оснований до созидания сильного и процветающего государства / Н. С. Березина [и др.] ; под ред. С. Н. Князева. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 461 с.

102. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования : специальность 020200 – Политология / Мин-во образования РФ. – М., 2000. – 52 с.

103. Готово ли российское общество к модернизации? / ИС РАН ; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крума, Н. Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2010. – 344 с.

104. Гражданская культура в современной России : сб. науч. работ / отв. ред. Е. Б. Шестопап. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – 194 с.

105. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / ИМЭМО РАН. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 312 с.

106. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / [М. С. Горбачев, А. Г. Арбатов, О. Т. Богомолов и др.] ; с предисл. и послесл. М. С. Горбачева ; Междунар. обществ. фонд соц.-экон. и полит. исслед. (Горбачев-фонд). – М. : Альпина паблишер, 2003. – 589 с.

107. Грачев, Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития / Н. И. Грачев. – М. : Книгодел, 2009. – 467 с.

108. Гребениченко, С. Ф. Трансформация содружества независимых государств в начале XXI века / С. Ф. Гребениченко // СНГ: проблемы, поиски, решения : ежегодник. – М., 2009. – С. 24–47.

109. Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому / Л. Е. Гринин. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 363 с.

110. Гринин, Л. Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации / Л. Е. Гринин // Полис. – 2008. – № 1. – С. 123–132.

111. Гудименко, Д. В. Политическая культура России: преемственность эпох / Д. В. Гудименко // Полис. – 1994. – № 2. – С. 156–164.

112. Гусев, В. А. Русская форма политической идеологии консерватизма : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.03 / В. А. Гусев ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 33 с.

113. Гуторов, В. А. Политическое образование, демократизация и роль университетов в современной России / В. А. Гуторов // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / отв. ред. Г. А. Ключарев. – М., 2008. – С. 162–181.

114. Гуторов, В. А. Современная российская идеология как система и политическая реальность (методологические аспекты) / В. А. Гуторов // Полис. – 2001. – № 3. – С. 72–82.

115. Дайнеко, А. Е. Геоэкономические приоритеты Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко. – Минск : Белорус. наука, 2011. – 364 с.

116. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 203 с.

117. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск : Універсітэцкае, 1997. – 431 с.

118. Данилов, А. Н. Процессы социальной трансформации постсоветских обществ: опыт России, Беларуси, Казахстана / А. Н. Данилов, О. В. Нечипоренко // Социология. – 2008. – № 1. – С. 85–98.

119. Данилов, А. Н. Составляющие стабильности: динамика перемен и эволюция ценностей в обществе / А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман // Беларуская думка. – 2010. – № 11. – С. 69–75.

120. Дегтярев, А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений /

А. А. Дегтярев // Полис. – 2003. – № 1. – С. 159–170 ; № 2. – С. 164–173 ; № 3. – С. 152–163.

121. Дегтярев, А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития / А. А. Дегтярев // Полис. – 2004. – № 1. – С. 154–168.

122. Дегтярев, А. А. Принятие политических решений / А. А. Дегтярев. – М. : Университет, 2004. – 414 с.

123. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А. А. Дегтярев // Полис. – 2004. – № 4. – С. 158–168.

124. Дегтярев, А. А. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин / А. А. Дегтярев // Полис. – 2002. – № 2. – С. 113–125.

125. Делягин, М. Г. Государство между народом и бизнесом / М. Г. Делягин // Полис. – 2008. – № 3. – С. 134–147.

126. Делягин, М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – М. : Инфра-М, 2003. – 766 с.

127. Делягин, М. Г. Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса / М. Г. Делягин // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 33–44.

128. Делягин, М. Г. Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает / М. Г. Делягин // Полис. – 2008. – № 1. – С. 109–122.

129. Демидов, А. И. Ценностные измерения власти / А. И. Демидов // Полис. – 1996. – № 3. – С. 121–128.

130. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов : круглый стол // Полис. – 1999. – № 3. – С. 30–51.

131. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта : круглый стол // Полис. – 2008. – № 5. – С. 55–73.

132. Демократия и демократизация на рубеже веков / [отв. ред. К. Г. Холодковский]. – М. : Дубна : ООО «Феникс +», 2000. – 356 с.

133. Демчук, М. И. Высшая школа Республики Беларусь в Европейском пространстве высшего образования / М. И. Демчук // Высшая школа. – 2011. – № 6. – С. 6–9.

134. Денисюк, Н. П. Позитивный имидж Беларуси как ресурс национального развития / Н. П. Денисюк // Научные

труды Республиканского института высшей школы. Фило-софско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. – Минск, 2009. – Вып. 7 (12). – С. 39–44.

135. 10 лет Белорусской ассоциации политических наук (1993–2003) / [Белорус. ассоц. полит. наук ; под ред. В. А. Мельника]. – Минск : Право и экономика, 2003. – 227 с.

136. Джунусов, А. И. Политическая культура: концептуальные аспекты / А. И. Джунусов // Социально-политический журнал. – 1994. – № 11/12. – С. 81–94.

137. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 50–66.

138. Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси: по материалам социологического мониторинга : сб. науч. тр. / [под общ. ред. М. Н. Хурса]. – Минск : ИСПИ, 2003. – 287 с.

139. Динамика социально-политической ситуации Беларуси: (по материалам социологического мониторинга) : сб. науч. тр. / [под ред. М. Н. Хурса]. – Минск : ИСПИ, 1999. – 240 с.

140. Динамика социальных процессов Республики Беларусь за 10 лет (1990–1999 гг.) / [А. Б. Чещевик, Е. В. Матусевич, И. В. Ролевич и др.]. – Минск : ИСПИ, 2001. – 241 с.

141. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов [и др.] ; под. ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Современное слово, 2001. – 160 с.

142. Долгов, В. М. Политическая наука в Саратовском регионе / В. М. Долгов // Известия Саратов. ун-та. Сер. : Социология. Политология. – 2005. – Вып. 1/2. – С. 55–59.

143. Дробязко, С. Г. Социальное правовое государство и государство вообще (к вопросу об определении) / С. Г. Дробязко // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1996. – № 2. – С. 45–48.

144. Дугин, А. Г. Трансформация политических институтов и структур в процессе модернизации традиционных обществ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Г. Дугин ; Ростов. ЮИ МВД России. – Ростов н/Д, 2004. – 33 с.

145. Егоров, А. Н. Многопартийная система Республики Беларусь: проблемы формирования и развития / А. Н. Егоров // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 115–119 ; № 2. – С. 96–104.

146. *Егоров, В. К.* Всероссийская политологическая конференция / В. К. Егоров // Полис. – 1994. – № 6. – С. 186–187.

147. *Екадумова, И. И.* Социально-демографические аспекты реализации государственной молодежной политики в Республике Беларусь / И. И. Екадумова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. – Минск, 2009. – Вып. 7 (12). – С. 45–50.

148. *Елисеев, С. М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций / С. М. Елисеев // Полис. – 2002. – № 6. – С. 71–82.

149. *Жарикова, А. А.* Формирование политической культуры студенческой молодежи в современных условиях : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 23.00.03 / А. А. Жарикова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1992. – 16 с.

150. *Жеребцов, М. В.* Качественные методы в прикладном политологическом исследовании / М. В. Жеребцов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2005. – № 3. – С. 19–34.

151. *Жук, А. И.* Новое качество социально-гуманитарной подготовки выпускников высших учебных заведений / А. И. Жук // Высшая школа. – 2011. – № 9. – С. 12–17.

152. *Заболотная, А. С.* Политическая наука в России начала XIX в. : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / А. С. Заболотная ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д, 2010. – 28 с.

153. *Завершинский, К. Ф.* Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии / К. Ф. Завершинский // Полис. – 2002. – № 3. – С. 19–30.

154. *Завершинский, К. Ф.* Методологическая комплиментарность в исследовании символических матриц динамики политических институтов / К. Ф. Завершинский // Полис. – 2003. – № 1. – С. 39–49.

155. *Загладин, Н. В.* Глобальный кризис: причины, последствия и Россия / Н. В. Загладин, А. А. Кучеренко // Полис. – 2009. – № 3. – С. 177–183.

156. *Загородников, А.* Современная теория и практика либеральной демократии / А. Загородников // Обозреватель. – 2009. – № 9. – С. 54–62.

157. *Задохин, А. Г.* Национальная стратегия России: глобальная миссия и интересы / А. Г. Задохин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2009. – № 3. – С. 12–17.

158. Зазнаев, О. И. Дефекты форм правления стран СНГ / О. И. Зазнаев // Политэкс. – 2009. – № 1. – С. 143–157.

159. Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.

160. Зевина, О. Г. Об особенностях политической культуры современной России / О. Г. Зевина, Б. И. Макаренко // Полис. – 2010. – № 3. – С. 114–131.

161. Земляков, Л. Е. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Л. Е. Земляков ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 39 с.

162. Земляков, Л. Е. Религиозные процессы в Республике Беларусь. Проблемы государственно-правового регулирования / Л. Е. Земляков. – Минск : РИВШ, 2001. – 207 с.

163. Зиновьев, А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, 2007. – 508 с.

164. Золотарева, Е. В. Политическая социология: к проблеме дисциплинарного статуса / Е. В. Золотарева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2004. – № 4. – С. 88–104.

165. Зубов, А. Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России / А. Б. Зубов // Полис. – 2000. – № 5. – С. 32–54.

166. Зудин, А. Ю. Культура советского общества : логика политической трансформации / А. Ю. Зудин // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 59–72.

167. Зудин, А. Ю. «Олигархия» как политическая проблема российского посткоммунизма / А. Ю. Зудин // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 88–104.

168. Иванов, В. К. К критике современной теории государства / В. К. Иванов. – М. : Территория будущего, 2008. – 156 с.

169. Иванчук, Н. В. Либеральный консерватизм : политические ценности, дискурс, ресурс российской модернизации / Н. В. Иванчук // Современные реформы в России: проблемы модернизации : сб. науч. ст. / под общ. ред. Ю. Г. Ершова, В. В. Скоробогачко. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 2. – С. 80–103.

170. Идеология белорусской государственности : проблемы теории и практики : материалы науч. конф., 12 нояб. 1998 г. – Минск : ИСПИ, 1998. – 132 с.

171. Ильин, М. В. Возможна ли универсальная типология государств? / М. В. Ильин // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8–41.

172. Ильин, М. В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания / М. В. Ильин // Полис. – 1999. – № 6. – С. 135–178.

173. Ильин, М. В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М. В. Ильин. – М. : МГИМО (У) МИД России, 2001. – С. 220 с.

174. Ильин, М. В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии / М. В. Ильин // Полис. – 2001. – № 6. – С. 140–155.

175. Ильин, М. В. Существуют ли общие принципы эволюции / М. В. Ильин // Полис. – 2009. – № 2. – С. 186–189.

176. Ильин, М. В. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации / М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина, А. Ю. Мельвиль // Полис. – 2010. – № 3. – С. 26–39.

177. Ильина, Е. М. На пути к информационному обществу: государственная политика информатизации в Республике Беларусь / Е. М. Ильина. – Минск : РИВШ, 2010. – 182 с.

178. Ильинская, С. Г. Опыт преподавания политологии: научный потенциал ИФ РАН как стратегический резерв развития политической науки / С. Г. Ильинская // Политико-философский ежегодник. – 2009. – Вып. 2. – С. 141–152.

179. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.

180. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация в России / [под ред. С. В. Патрушева]. – М. : ИСПИ РАН, 2006. – 590 с.

181. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве / Е. В. Вавилова, Е. Д. Халевинская, А. Г. Пузановский, С. А. Бондарев ; Рос. гос. торгово-экон. ун-т. – М. : Изд-во Рос. гос. торгово-экон. ун-та, 2008. – 235 с.

182. Ирхин Ю. В. Роль и место образовательных стандартов в совершенствовании преподавания политологии в современной России / Ю. В. Ирхин // Полис. – 2001. – № 5. – С. 138–140.

183. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М. : Мысль, 1997. – Т. 2. – С. 630–642.

184. *Истон, Д.* Новая революция в политической науке / Д. Истон // Социально-политический журнал. – 1993. – № 8. – С. 115–128.

185. *Кабаченко, А. П.* История мировой политики: систематизация политических учений и доктрин / А. П. Кабаченко. – М. : МГУ, 2009. – 250 с.

186. *Казанцев, А. А.* Политическая наука: проблема методологической рефлексии : (обзор круглого стола) / А. А. Казанцев // Полис. – 2001. – № 6. – С. 51–63.

187. *Казанцев, А. А.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев // Полис. – 2008. – № 2. – С. 122–135.

188. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? : (по материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина [и др.]. – М. : МГИМО, 2008. – 135 с.

189. Как менять конфигурацию власти в России : круглый стол // Полис. – 1999. – № 4. – С. 70–92.

190. *Калинин, А. А.* Система политического управления в трансформирующейся России: теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. А. Калинин ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2007. – 58 с.

191. *Капошка, У.* Основные проблемы белорусско-украинских межгосударственных отношений в политической сфере / У. Капошка // Россия в глобальном мире : соц.-теорет. альм. – 2009. – № 16. – С. 55–61.

192. *Капустин, Б. Г.* Выйти из «бермудского треугольника» : о методологии исследования посткоммунистических трансформаций / Б. Г. Капустин // Полис. – 2002. – № 6. – С. 71–82.

193. *Капустин, Б. Г.* Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б. Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.

194. *Капустин, Б. Г.* Критика политической философии : избр. эссе / Б. Г. Капустин. – М. : Территория будущего, 2010. – 423 с.

195. *Капустин, Б. Г.* Либеральные ценности в сознании россиян / Б. Г. Капустин, И. М. Клямкин // Полис. – 1994. – № 1/2. – С. 39–75.

196. *Карл, Т. Л.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4. – С. 6–27.

197. *Карпова, Н. В.* Особенности формирования политической культуры в условиях российской трансформации / Н. В. Карпова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2007. – № 4. – С. 57–71.

198. *Карпухина, И. А.* Избирательный процесс в политической системе Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И. А. Карпухина ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 21 с.

199. *Кассирер, Э.* Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65.

200. *Кизима, С. А.* Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство / С. А. Кизима. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 266 с.

201. *Климин, И. И.* Содружество независимых государств: прошлое, настоящее, будущее / И. И. Климин. – СПб. : Акад. исслед. культуры, 2009. – 344 с.

202. *Клингеманн, Х.-Д.* Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе / Х.-Д. Клингеманн // Полис. – 2008. – № 3. – С. 97–117.

203. *Князев, С. Н.* Особенности государственного управления в условиях переходного периода / С. Н. Князев // Проблемы управления. – 2003. – № 4. – С. 9–12.

204. *Князев, С. Н.* «Электронная демократия» и «Электронное правительство»: политико-правовые аспекты / С. Н. Князев, М. В. Ильин, Е. О. Аркадьев // Проблемы управления. – 2006. – № 1. – С. 4–11.

205. *Ковалева, И. В.* Национальные меньшинства как объект государственной политики Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И. В. Ковалева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

206. *Козлова, С. А.* Проблемное поле политической науки в Республике Беларусь / С. А. Козлова // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2010. – № 3. – С. 126–130.

207. *Кокошин, А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные аспекты / А. А. Кокошин. – М. : Красанд, 2009. – 208 с.

208. *Кокошин, А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе / А. А. Кокошин. – М. : Европа, 2006. – 173 с.

209. *Коктыш, К. Е.* Постсоветская трансформация Белоруссии / К. Е. Коктыш // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2004. – № 2. – С. 72–79.

210. *Коктыш, К. Е.* Симметрии и асимметрии онтологий власти в Беларуси и России / К. Е. Коктыш // *Полития.* – 2008. – № 3. – С. 125–137.

211. *Коктыш, К. Е.* Трансформация политического режима в Республике Беларусь, 1990–1999 / К. Е. Коктыш. – М. : МОНФ, 2000. – 188 с.

212. *Колесников, В. Н.* Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития переходных обществ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / В. Н. Колесников ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 52 с.

213. *Комаров, С. М.* Методология и механизм формирования политической стабильности России в системе факторов обеспечения национальной безопасности : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / С. М. Комаров ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2000. – 60 с.

214. *Коноплин, Ю. С.* Политическое в теории и истории политической науки (антропологический подход) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Ю. С. Коноплин ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1997. – 41 с.

215. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / [Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь]. – Минск, 2008. – 64 с.

216. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : [офиц. текст]. – М. : Изд. группа Инфра-М-Норма, 1996. – 77 с.

217. Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования / [под ред. Е. И. Степанова]. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 344 с.

218. Концептуализация политики : сб. науч. ст. / [Моск. обществ. науч. фонд ; под ред. М. В. Ильина]. – М. : МОНФ, 2001. – 314 с.

219. *Коргунюк, Ю.* Становление партийной системы в современной России / Ю. Коргунюк. – М. : МГПУ, 2007. – 544 с.

220. *Кортунов, С.* Внешнеполитическая концепция Российской Федерации / С. Кортунов // Вестн. аналитики. – 2008. – № 4. – С. 7–31.

221. *Кортунов, С. В.* Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы / С. В. Кортунов // Полис. – 2009. – № 1. – С. 7–28.

222. *Косикова, Л. С.* Проблемы консолидации стран содружества вокруг России в условиях неоднородности региона СНГ / Л. С. Косикова // Избранные статьи. 2005–2009 гг. : [сб. ст. сотрудников Ин-та экономики РАН после его об-ния с Ин-том междунар. эконом. и полит. исслед. РАН] / Рос. акад. наук, Ин-т экономики РАН ; под общ. ред. Р. С. Гринберга. – М., 2010. – С. 734–755.

223. *Котляров, И. В.* Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск : ФУ Аинформ, 2008. – 320 с.

224. *Красильникова, О. В.* Поведенческие модели на выборах в Государственную Думу РФ. 1993–2007 гг.: региональный срез / О. В. Красильникова // Проблемы социально-политической теории и практики в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 5–6 дек. 2008 г. / [под науч. ред. В. З. Барышникова]. – М. ; Чебоксары, 2009. – С. 103–106.

225. *Красин, Ю. А.* Гражданское общество и государство: оппоненты – партнеры / Ю. А. Красин // Вестн. РГГУ. – 2009. – № 14. – С. 244–252.

226. *Красин, Ю. А.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю. А. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 127–137.

227. *Краснов, Б. И.* Политология как наука и учебная дисциплина / Б. И. Краснов // Социально-политический журнал. – 1995. – № 1. – С. 52–71.

228. *Красотенко, Ю. М.* Военно-политическое обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в условиях расширения НАТО на Восток : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Ю. М. Красотенко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 19 с.

229. *Криштапович, Л. Е.* Геополитический выбор Беларуси / Л. Е. Криштапович // Политическое просвещение. – 2009. – № 2. – С. 154–158.

230. *Крутов, А. В.* Политический прогресс: концепция и актуальные проблемы / А. В. Крутов. – М. : МАИ-Принт, 2009. – 252 с.

231. *Крухмалев, А. Е.* Плутократия как феномен трансформирующейся России / А. Е. Крухмалев // Социологические исследования. – 2010. – № 2. – С. 56–66.

232. *Крылов, А.* Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год / А. Крылов, Д. Малышева // Россия и новые государства Евразии. – 2011. – № 1 (X). – С. 44–58.

233. *Кулинченко, А. В.* Политические партии и развитие демократии: опыт России и Германии / А. В. Кулинченко // Полис. – 2004. – № 2. – С. 156–169.

234. *Кулинченко, В. А.* О духовно-культурных основаниях модернизации России / В. А. Кулинченко // Полис. – 2003. – № 2. – С. 150–156.

235. *Кульпин, Э. С.* Альтернативы Российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски / Э. С. Кульпин // Полис. – 2009. – № 5. – С. 158–169.

236. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу : сб. ст. / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона ; [пер. с англ. А. Захарова]. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 315 с.

237. Культурная политика России. История и современность / [отв. ред. К. Е. Разлогов, И. А. Бутенко]. – М. : ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996. – 218 с.

238. *Куриц, С. Я.* Болезни государства: диагностика патологий системы государственного управления и конституционного права / С. Я. Куриц, В. П. Воробьев. – М. : Национальное обозрение, 2010. – 502 с.

239. *Курскова, Г. Ю.* Политический режим Российской Федерации: теоретико-правовой аспект / Г. Ю. Курскова. – М. : ЮНИТИ-Дана, 2008. – 295 с.

240. *Лапина, Н. Ю.* Российский политический режим: оценки и интерпретации / Н. Ю. Лапина // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 6. – С. 17–30.

241. *Лапина, Н. Ю.* Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода) / Н. Ю. Лапина. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – 60 с.

242. *Лапкин, В. В.* Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // *Полис*. – 2004. – № 1. – С. 74–88.

243. *Лапкин, В. В.* Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы (Взгляд из России) / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // *Полис*. – 2006. – № 1. – С. 157–174.

244. *Лапкин, В. В.* Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В. В. Лапкин // *Полис*. – 2008. – № 3. – С. 50–58.

245. *Лебедев, С.* СНГ – территория реального сотрудничества / С. Лебедев // *Международная жизнь*. – 2009. – № 2-3. – С. 13–19.

246. *Лебедева, М. М.* «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов / М. М. Лебедева // *Полис*. – 2002. – № 5. – С. 60–63.

247. *Лебедева, М. М.* Мировая политика: тенденции развития / М. М. Лебедева // *Полис*. – 2009. – № 4. – С. 72–83.

248. *Лебедева, М. М.* Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира / М. М. Лебедева // *Космополис*. – 2003. – № 3. – С. 28–38.

249. *Лебедева, М. М.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие проблемных областей / М. М. Лебедева, А. Ю. Мельвиль // *Полис*. – 1999. – № 4. – С. 130–140.

250. *Лебедева, М. М.* Формирование новой политической структуры мира и место в ней России / М. М. Лебедева // *Полис*. – 2000. – № 6. – С. 40–49.

251. *Лебедева, Т. П.* Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований / Т. П. Лебедева // *Полис*. – 2004. – № 2. – С. 76–84.

252. *Левада, Ю.* Ищем человека: социологические очерки 2000–2005 / Ю. Левада. – М. : Новое издательство, 2006. – 384 с.

253. *Левадный, Н. П.* Политические культуры Запада, Востока и России в историческом сопоставлении / Н. П. Левадный, А. М. Ушаков. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – 147 с.

254. *Леванов, В. К.* Гражданское общество и демократическое государство в России / В. К. Леванов // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 6–20.

255. *Левин, И. Б.* Гражданское общество на Западе и в России / И. Б. Левин // Полис. – 1996. – № 5. – С. 107–119.

256. *Лейпхарт, А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 286 с.

257. *Ленин, В. И.* О смешении политики с педагогикой / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1972. – Т. 10. – С. 355–358.

258. *Леонова, О. Г.* Стратегия государственно-политического строительства в условиях глобализации / О. Г. Леонова, М. А. Сотников // Глобалистика как область научных исследований в сфере преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. – М., 2009. – Вып. 2. – С. 205–220.

259. *Лесников, Г. П.* Трансформация социально-политических отношений современного российского общества: системно-функциональный анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Г. П. Лесников ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 39 с.

260. *Линецкий, А. В.* Международный контекст демократизации в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе / А. В. Линецкий // Политэкс. – 2008. – Т. 4, № 1. – С. 198–205.

261. *Липсет, С.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии / С. Липсет, К.-Р. Сен, Дж. Торрес // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 3. – С. 28–40.

262. *Лугвин, С. В.* Социальные трансформации на постсоветском пространстве: изменение подходов / С. В. Лугвин // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2008. – № 1. – С. 111–116.

263. *Лукашенко, А. Г.* О судьбах нашей интеграции / А. Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 15 окт. – С. 1, 5.

264. *Лукин, А. В.* Мифы о российской политической культуре и российская история / А. В. Лукин, П. В. Лукин // Полис. – 2009. – № 1. – С. 56–70 ; № 2. – С. 147–162.

265. *Ляхович-Петракова, Н. В.* Трансформация политической элиты в постсоциалистических странах : автореф.

дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н. В. Ляхович-Петракова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 18 с.

266. *Мадатов, А. С.* Проблемы политического участия в демократическом процессе / А. С. Мадатов // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 228–248.

267. *Макаренко, Б.* Возможна ли в России модернизация? / Б. Макаренко // Pro et contra. – 2008. – № 5-6. – С. 33–47.

268. *Макаренко, Б. И.* Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств / Б. И. Макаренко // Политика. – 2002/2003. – № 4. – С. 5–18.

269. *Макаренко, Б.* Партийная система России: стагнация или новая надежда? / Б. Макаренко // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития : сб. ст. / под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. – М., 2010. – С. 96–120.

270. *Макаренко, Б. И.* Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б. И. Макаренко // Политика. – 2008. – № 3. – С. 105–124.

271. *Макаренко, В. П.* Измерения и следствия в политике. К анализу когнитивных элементов демократии / В. П. Макаренко // Полис. – 2002. – № 4. – С. 86–98.

272. *Макарычев, А. С.* Ученые и власть / А. С. Макарычев // Полис. – 1997. – № 3. – С. 89–101.

273. *Малинова, О. Ю.* Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии / О. Ю. Малинова // Полис. – 2010. – № 3. – С. 90–99.

274. *Малинова, О. Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – 2007. – № 1. – С. 6–21.

275. *Малинова, О. Ю.* Исследования политической культуры / О. Ю. Малинова. – М. : МИЭТ, 2002. – 76 с.

276. *Малинова, О. Ю.* Либерализм и концепт нации / О. Ю. Малинова // Полис. – 2003. – № 2. – С. 96–111.

277. *Малинова, О. Ю.* «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О. Ю. Малинова // Полис. – 2010. – № 5. – С. 106–127.

278. *Мангейм, Дж. Б.* Политология. Методы исследования / Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич. – М. : Весь мир, 1997. – 544 с.

279. *Мансурова, Г. П.* Русский «транзит»: в поисках конечной остановки / Г. П. Мансурова, Д. И. Люкшин // Политэкс. – 2010. – Т. 6, № 2. – С. 28–40.

280. *Марков, С. А.* Политические профессии / С. А. Марков // Полития. – 1999. – № 2. – С. 8–19.

281. *Матвеев, Р. Ф.* Теоретическая и практическая политология / Р. Ф. Матвеев. – М. : РОССПЭН, 1993. – 239 с.

282. *Матвеевко, Ю. И.* Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Ю. И. Матвеевко ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2002. – 53 с.

283. *Медведев, Д. А.* Россия, вперед! / Д. А. Медведев // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/news/5413>.

284. *Медведев, Д. А.* Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности : выступление на пленарном заседании мирового политического форума / Д. А. Медведев. // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/transcripts/8887>.

285. *Мелешкина, Е. Ю.* «Воронка причинности» в электро-ральных исследованиях / Е. Ю. Мелешкина // Полис. – 2002. – № 5. – С. 47–53.

286. *Мельвиль, А. Ю.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А. Ю. Мельвиль. – М. : МОНФ, 1999. – 105 с.

287. *Мельвиль, А. Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике / А. Ю. Мельвиль // Полис. – 2004. – № 5. – С. 114–119.

288. *Мельвиль, А. Ю.* Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа / А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал // Полис. – 2011. – № 3. – С. 164–183.

289. *Мельник, В. А.* Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник. – Минск : Тесей, 2007. – 280 с.

290. *Мельник, В. А.* Государственная идеология Республики Беларусь: теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / В. А. Мельник ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 32 с.

291. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск : Кн. Дом, 2004. – 638 с.

292. Место и роль государства в процессе развития : («круглый стол») // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1998. – № 12. – С. 59–93.

293. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / под ред. Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2007. – 137 с.

294. Мир политической науки : учебник : в 2 кн. / А. Ю. Мельвиль [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Мельвиль ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (МГИМО-Университет) МИД России. – М. : Просвещение, 2004. – Кн. 1 : Категории. – 796 с.

295. Мировая политическая мысль от античности до современности : словарь-справочник выдающихся мыслителей и политиков / Фин. акад. при Правительстве Рос. Федерации ; под ред. Я. А. Пляйса, Г. В. Полуниной. – М. : РОССПЭН, 2011. – 485 с.

296. Миронюк, М. Г. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) / М. Г. Миронюк, И. Н. Тимофеев, Я. И. Ваславский // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 39–57.

297. Митрохина, Т. Н. Методология сравнительного изучения политики : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Т. Н. Митрохина ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 46 с.

298. Михайленко, А. Н. Союз России и Белоруссии: приоритеты и перспективы / А. Н. Михайленко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 11. – С. 104–110.

299. Мишанова, Е. В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях / Е. В. Мишанова // *Полис*. – 2010. – № 3. – С. 4–8.

300. Модестов, С. А. Формирование геополитического пространства России: теоретические основы и методология исследования : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.05 / С. А. Модестов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 1998. – 45 с.

301. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения / [под ред. С. Д. Лаптенка]. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ИСПИ, 2004. – 341 с.

302. Моммзен, М. Исполнительная власть в системе российского государства и тандем Путин/Медведев / М. Мом-

мзен // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития : сб. ст. / под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. – М., 2010. – С. 33–66.

303. Момут, Л. С. Современная российская государственность и культура демократии / Л. С. Момут // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 5–14.

304. Москвин, Л. Б. СНГ: тенденции и итоги интеграции / Л. Б. Москвин // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 49–59.

305. Мусихин, Г. И. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации / Г. И. Мусихин // Полития. – 2008. – № 2. – С. 31–45.

306. Муштук, О. Генезис российской многопартийности / О. Муштук // Обозреватель. – 2010. – № 2. – С. 42–52.

307. «Мы в мире – мир в нас»: 50 лет интеграции отечественной политологии в мировую политическую науку : виртуальный «круглый стол» // Полис. – 2005. – № 6. – С. 5–30.

308. Мысліцелі і асветнікі Беларусі, X–XIX ст. : энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл. ; [склад. Г. А. Маслыка ; маст. Э. Э. Жакевіч]. – Минск : БелЭн, 1995. – 671 с.

309. Мясникович, М. В. Структурная политика и модернизация экономики Республики Беларусь : сб. науч. тр. / М. В. Мясникович. – Минск : Беларус. наука, 2011. – 356 с.

310. Назаров, М. М. Политическая культура российского общества, 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования / М. М. Назаров. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 172 с.

311. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол. Я. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 202 с.

312. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь : доклад Президента А. Г. Лукашенко на IV Всебелорусском народном собрании // Беларусь сегодня. – 2010. – 7 дек.

313. Нестерова, С. В. Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян / С. В. Нестерова, В. Г. Сибирко // Полис. – 1997. – № 6. – С. 73–79.

314. *Никитенко, П. Г.* Конкуренентоспособность Беларуси, России и Украины в мировом сообществе / П. Г. Никитенко, Л. А. Платонова. – Минск : Право и экономика, 2011. – 295 с.

315. *Никитина, А. Г.* О том, «как возможна» наука политология: становление и основные методологические проблемы / А. Г. Никитина // *Полис*. – 1998. – № 3. – С. 147–156.

316. *Никовская, Л. И.* Публичная политика в России как индикатор качества власти / Л. И. Никовская // *Политико-административные отношения: концепты, практика и качество управления : сб. ст. / [редкол.: Л. В. Сморгун (отв. ред.) и др.]*. – СПб., 2010. – С. 193–210.

317. Новые демократии и/или новые автократии : материалы «круглого стола» // *Полис*. – 2004. – № 1. – С. 169–177.

318. *Нуссбергер, А.* Перемены в России / А. Нуссбергер // *Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития : сб. ст. / под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма*. – М., 2010. – С. 121–144.

319. О развитии гуманитарных наук и повышении их роли в государственном строительстве : материалы совещ. в НАН Беларуси с ведущими учеными и преподавателями-обществоведами респ., 20 нояб. 1998 г. / ред. Э. М. Скобелев. – Минск, 1999. – 173 с.

320. О реформе преподавания политических наук в системе высшего образования Российской Федерации : круглый стол // *Полис*. – 2001. – № 1. – С. 117–137.

321. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара рук. работников респ. и мест. гос. органов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.

322. *Образы власти в политической культуре России / [под ред. Е. Б. Шестопал]*. – М. : РОССПЭН, 2000. – 242 с.

323. *Образы Российской власти. От Ельцина до Путина / [под ред. Е. Б. Шестопал]*. – М. : РОССПЭН, 2009. – 415 с.

324. Обращение Второго Всероссийского конгресса политологов // *Полис*. – 2000. – № 3. – С. 181–182.

325. Обсуждение проблем и достижений отечественной и мировой политической науки : круглый стол // *Полис*. – 1999. – № 6. – С. 164–178.

326. Обсуждение тезисов «Перспективы интегративной идеологии» : круглый стол // *Полис*. – 1997. – № 3. – С. 22–52.

327. *Общественные науки и власть : интеллектуальные трансформации* / [редкол.: В. Н. Руденко и др.]. – Екатеринбург : ИФП УрО РАН, 2008. – 477 с.

328. *Олейнов, А. Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход* / А. Г. Олейнов // Полис. – 2009. – № 4. – С. 53–71.

329. *Олех, Л. Г. Кадры для системы политического образования (Новосибирский опыт)* / Л. Г. Олех // Полис. – 1992. – № 5-6. – С. 28–37.

330. *Опыт классификации стран* / А. Ю. Мельвиль [и др.] // Полис. – 2006. – № 5. – С. 15–38.

331. *Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве : материалы «круглого стола»* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2005. – № 2. – С. 3–110.

332. *Ордешук, П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна* / П. Ордешук // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 24–36.

333. *Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]* / Пресс-служба Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2001. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by>.

334. *Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]* / Адм. Президента РФ. – М., 2001. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru>.

335. *Павленко, Э. В. Российское политологическое сообщество: проблемы становления и развития отечественной науки* / Э. В. Павленко // *Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 11–12 марта 2009 г.* / [науч. ред. В. В. Рудой]. – Ростов н/Д, 2009. – Вып. 2. – С. 263–269.

336. *Павроз, А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России* / А. В. Павроз. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 359 с.

337. *Павроз, А. В. Плюрализм и критерии современной демократии* / А. В. Павроз // *Право и политика.* – 2010. – № 3. – С. 518–523.

338. *Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры* / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 316 с.

339. Паликова, А. М. Особенности кризиса партийной системы в России / А. М. Паликова // Политэкс. – 2008. – Т. 4, № 4. – С. 278–287.

340. Панарин, А. С. Политология: западная и восточная традиции / А. С. Панарин. – М. : Гардарики, 2004. – 479 с.

341. Панкратов, С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: (теоретический аспект) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / С. А. Панкратов ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 48 с.

342. Пантин, В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы / В. И. Пантин. – Дубна : Феникс +, 2009. – 432 с.

343. Пантин, В. И. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Полис. – 2002. – № 2. – С. 6–19.

344. Пантин, И. К. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? / И. К. Пантин // Политико-философский ежегодник. – 2010. – Вып. 3. – С. 119–144.

345. Паречина, С. Г. Институт президентства в контексте времени / С. Г. Паречина // Беларуская думка. – 2002. – № 10. – С. 22–28.

346. Пастухов, В. Б. Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве / В. Б. Пастухов // Полис. – 2005. – № 6. – С. 66–91.

347. Пастухова, Н. Б. Государственный суверенитет и современные федеративные отношения / Н. Б. Пастухова // Государство и право. – 2009. – № 11. – С. 11–17.

348. Педагогический корпус страны – оплот стабильности, наш главный государственный ресурс : выступление Президента Респ. Беларусь А. Г. Лукашенко на совещании педагогического актива // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2011. – № 9. – С. 6–18.

349. Пеньков, В. Ф. Политический процесс и политическая культура: к вопросу о методологии и практике политологических исследований в современной России / В. Ф. Пеньков. – М. : Изд. Дом «NOTA VENE», 2000. – 168 с.

350. Первый съезд ученых Республики Беларусь : сб. материалов, Минск, 1–2 нояб. 2007 г. / [редкол.: А. Н. Косинец и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2007. – 704 с.

351. Перегудов, С. П. Группы интересов и российское государство / С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семененко. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 350 с.

352. *Перегудов, С. П.* Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? / С. П. Перегудов // Полис. – 2008. – № 1. – С. 91–108.

353. *Перегудов, С. П.* Корпоративный капитал в мировой и российской политике / С. П. Перегудов. – М. : ИМЭМО РАН, 2005. – 155 с.

354. *Перегудов, С. П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства / С. П. Перегудов // Полис. – 2011. – № 3. – С. 141–163.

355. *Перегудов, С. П.* Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства / С. П. Перегудов // Полис. – 1998. – № 1. – С. 137–148.

356. *Перегудов, С. П.* Политическая система России: опыт коллективного проектирования / С. П. Перегудов // Полис. – 2009. – № 6. – С. 33–47.

357. Переосмысляя современность : (материалы Междунар. конф.) // Полис. – 2003. – № 2. – С. 12–33 ; № 3. – С. 14–32.

358. *Петро, Н.* О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии / Н. Петро // Полис. – 1998. – № 1. – С. 36–51.

359. *Петров, М. А.* Сравнительный анализ демократического транзита Испании и России / М. А. Петров // Политэкс. – 2008. – Т. 4, № 1. – С. 206 – 214 ; Т. 4, № 2. – С. 101–110.

360. *Петрушин, И. В.* Политическая культура населения в контексте современных проблем построения гражданского общества в России / И. В. Петрушин // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 1. – С. 31–36.

361. *Пивоваров, Ю. С.* Об «истоках» и «смысле» политической науки в России / Ю. С. Пивоваров // Альманах «Форум 2000»: На рубеже веков / [отв. ред. Т. Т. Тимофеев]. – М., 2000. – С. 36–48.

362. *Пивоваров, Ю. С.* Русская политическая традиция и современность России / Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 255 с.

363. *Пирогов, А. И.* Актуальные проблемы политологии / А. И. Пирогов, О. А. Рыжов. – М. : МПУ «Народный учитель», 2000. – 316 с.

364. *Пищева, Т. Н.* Политические образы: проблемы исследования и интерпретации / Т. Н. Пищева // Полис. – 2011. – № 2. – С. 47–52.

365. Пляйс, Я. Проблема политической модернизации, социальной революции и народовластия в России / Я. Пляйс // *Обозреватель*. – 2009. – № 5. – С. 18–28.

366. Пляйс, Я. Российская государственность между прошлым и будущим / Я. Пляйс // *Обозреватель*. – 2009, – № 6. – С. 35–43.

367. Пляйс, Я. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России / Я. Пляйс // *Власть*. – 2009. – № 8. – С. 3–10.

368. Пляйс, Я. А. Актуальные проблемы отечественной политологии / Я. А. Пляйс // *Полис*. – 2008. – № 2. – С. 182–189.

369. Пляйс, Я. А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России / Я. А. Пляйс // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки*. – 2005. – № 1. – С. 9–32.

370. Пляйс Я. А. От политической мысли к политической науке / Я. А. Пляйс. – М. : Изд-во МГУП, 1999. – 320 с.

371. Пляйс, Я. А. Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Я. А. Пляйс ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 61 с.

372. Пляйс, Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России / Я. А. Пляйс. – М. : РОССПЭН, 2010. – 447 с.

373. Пляйс, Я. А. Политология и актуальные проблемы политической жизни современной России / Я. А. Пляйс. – М. : Город, 2002. – 191 с.

374. Пляйс, Я. А. Российская политология: перед новыми вызовами / Я. А. Пляйс // *Полис*. – 2009. – № 4. – С. 156–162.

375. Пляйс, Я. А. Творческий потенциал российского политологического сообщества: основные направления исследований / Я. А. Пляйс // *Полис*. – 1999. – № 6. – С. 144–178.

376. Поливаева, Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Н. П. Поливаева ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2008. – 54 с.

377. Политическая и социокультурная трансформация в белорусском обществе : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 нояб. 2006 г. / отв. ред.: В. А. Божанов, А. В. Горелик. – Минск : Ин-т парламентаризма и предпринимательства : Иппокрена, 2006. – 125 с.

378. Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы / [науч. ред. И. Б. Орлов]. – СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. – Вып. 7. – 218 с.

379. Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы / [науч. ред. И. Б. Орлов]. – СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2008. – Вып. 8. – 201 с.

380. Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации : материалы «круглого стола» / [под ред. Н. С. Федоркина, Н. В. Карповой]. – М. : КДУ, 2009. – 167 с.

381. Политическая наука: новые направления : [сборник / пер. М. М. Гурвица и др.] ; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна ; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М. : Вече, 1999. – 816 с.

382. Политическая наука. Политология в постсоветских государствах : сб. науч. тр. / [РАН ИНИОН ; отв. ред. и сост. Е. Ю. Мелешкина, В. В. Смирнов]. – М. : ИНИОН РАН, 2004. – 320 с.

383. Политическая наука в Западной Европе / [пер. М. М. Гурвица ; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна ; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал]. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 487 с.

384. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра : материалы науч. семинара // Полис. – 2006. – № 1. – С. 141–156.

385. Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / [отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский]. – М. : МОНФ, 2000. – 683 с.

386. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) : сборник / [отв. ред. О. Ю. Малинова и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 463 с.

387. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Ростов на Дону, 11–12 марта 2009 г. / [науч. ред.: В. В. Рудой и др.]. – Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2009. – Вып. 1. – 360 с.

388. Политическая наука современной России: время поиска и контуры эволюции : сб. ст. / [отв. ред. А. И. Соловьев]. – М. : ИНИОН РАН, 2004. – 456 с.

389. Политическая наука современной России: тенденции развития : сб. ст. – М. : ИНИОН РАН, 1999. – 319 с.

390. Политическая Россия: предмет и методы изучения : материалы Междунар. интернет-конф., 20 марта–14 мая 2001 г. / под общ. ред. М. В. Ильина. – М. : МОНФ, 2001. – 245 с.

391. Политические институты на рубеже тысячелетий / [отв. ред. К. Г. Холодковский]. – Дубна : ООО «Феникс +», 2001. – 480 с.

392. Политический анализ: современное состояние и направления развития // Полис. – 2004. – № 3. – С. 182–185.

393. Политический атлас – 2: мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / [А. Ю. Мельвиль и др.] // Полис. – 2009. – № 3. – С. 98–104.

394. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / [отв. ред. А. Ю. Мельвиль]. – М. : МГИМО, 2007. – 271 с.

395. Политическое образование как способ социализации личности // Политическая наука и современное общество : [сб. науч. тр. по материалам межвуз. науч.-теорет. конф. «Политическое образование как способ социализации личности и приобщения к демократическим ценностям», 22 апр. 2009 г. / отв. ред. А. В. Абрамов]. – М., 2009. – Вып. 1. – С. 5–66.

396. Политологические журналы в виртуальном пространстве. Презентация нового Интернет-портала журнала, www.polisportal.ru : круглый стол // Полис. – 2010. – № 1. – С. 135–146.

397. Политологическое образование в России: традиции и инновационный поиск : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1–2 апр. 2004 г. – М. : Унив. гуманит. лицей, 2004. – 387 с.

398. Политология в российских регионах, 1991–2000 : сб. материалов / Рос. ассоц. полит. науки ; [сост. М. В. Ильин, О. А. Малаканова]. – М. : РОССПЭН, 2001. – 238 с.

399. Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://vak.org.by/index.php?go=Pages&in=view&id=62>.

400. Поляков, Л. В. Методология исследования российской модернизации / Л. В. Поляков // Полис. – 1997. – № 3. – С. 5–15.

401. Пономарева, Е. Г. Суверенитет в условиях глобализации / Е. Г. Пономарева // Свободная мысль. – 2007. – № 11. – С. 95–109.

402. Попова, О. В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах / О. В. Попова // Политэкс. – 2009. – Т. 5, № 1. – С. 271–291.

403. Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны : послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // Беларусь сегодня. – 2011. – 22 апр.

404. Преподавание политологии в российских университетах : материалы всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 25–27 мая 2000 г. / [науч. ред. М. В. Ильин, В. М. Юрченко]. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2000. – 328 с.

405. Принципы и направления политических исследований : сб. материалов конф. и мероприятий, провед. РАПН в 2001 г. / Рос. ассоц. полит. науки ; [сост. М. В. Ильин]. – М. : РОССПЭН, 2002. – 318 с.

406. Проблемы преподавания политических наук : материалы «круглого стола» // Полис. – 1997. – № 6. – С. 115–142.

407. *Проскурин, С. А.* Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России / С. А. Проскурин // Власть. – 2000. – № 5. – С. 70–76.

408. Противоречия российского политического процесса // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.: Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2008. – Вып. 4. – С. 3–153.

409. *Путин, В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. В. Путин // Известия. – 2011. – 5 окт. – С. 1, 5.

410. *Путин, В. В.* Россия и меняющийся мир / В. В. Путин // Московские новости. – 2012. – 27 февр.

411. *Пушкарева, Г. В.* Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели / Г. В. Пушкарева // Полис. – 2003. – № 3. – С. 120–130.

412. *Пшизова, С. Н.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе / С. Н. Пшизова // Полис. – 2000. – № 2. – С. 19–29 ; № 3. – С. 6–17.

413. *Радьков, А. М.* Проблемы преподавания обществоведческих дисциплин в вузах Беларуси: кадры, эффективность, проблемы / А. М. Радьков // Информационный бюллетень Администрации Президента Респ. Беларусь. – 2007. – № 8. – С. 48–56.

414. *Растоу, Д. А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. А. Растоу // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5–15.

415. Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России : материалы семинара,

Тверь, 5–7 марта 1999 г. / [под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной]. – М. : МОНФ : ИЦНиУП, 1999. – 240 с.

416. Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди / [О. В. Пролесковский, Н. С. Шпак, Е. П. Колос и др.]. – Минск : ИАЦ, 2008. – 431 с.

417. Решетников, С. В. Аналитикам, магистрам, пропагандистам / С. В. Решетников // Беларуская думка. – 2004. – № 4. – С. 167–169. – Рец. на кн.: Бондарь, П. И. Политология : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. – Минск : Аверсэв, 2003. – 463 с.

418. Решетников, С. В. Концептуальные аспекты развития белорусской политологии в структуре социально-гуманитарных наук / С. В. Решетников // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2009. – № 2. – С. 147–153.

419. Решетников, С. В. Методологические предпосылки анализа политических процессов / С. В. Решетников // Проблемы управления. – 2005. – № 4. – С. 39–46.

420. Решетников, С. В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты / С. В. Решетников. – Минск : БГУ, 2009. – 175 с.

421. Решетников, С. В. Политическая наука в Республике Беларусь: проблемы и перспективы / С. В. Решетников, Н. А. Антанович, Н. В. Ляхович-Петракова // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 1. – С. 49–57.

422. Решетников, С. В. Политология в Республике Беларусь: теоретико-методологические и прикладные аспекты / С. В. Решетников. – Минск : ИСПИ, 1999. – 173 с.

423. Решетников, С. В. Предметное поле анализа государственной политики и управления / С. В. Решетников, Н. А. Антанович // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2001. – № 3. – С. 58–62.

424. Решетников, С. В. Теория процесса принятия управленческих решений / С. В. Решетников. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 150 с.

425. Роговцов, Д. А. Политическая символика как способ организации политического пространства переходного обще-

ства : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Д. А. Роговцов ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

426. Романов, Р. М. Российский парламентаризм: истоки, современные проблемы, перспективы : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 22.00.05 / Р. М. Романов ; ИСПИ РАН. – М., 2000. – 46 с.

427. Российская ассоциация политической науки [Электронный ресурс] / РАПН. – М., 2010. – Режим доступа : [http : // www.rapn.ru/](http://www.rapn.ru/).

428. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад // Полис. – 2008. – № 1. – С. 67–90 ; № 2. – С. 81–104 ; № 3. – С. 8–39.

429. Российская повседневность в условиях кризиса // Полис. – 2009. – № 5. – С. 84–98.

430. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления / [З. А. Грунт и др.] // Полис. – 1996. – № 4. – С. 56–72.

431. Российская политика XXI века: неополитический потенциал политического : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 апр. 2009 г. : в 2 ч. / [редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др.]. – М. : Изд. центр РГГУ, 2009. – Ч. 2. – 320 с.

432. Российская политическая наука : в 5 т. / [под. ред. А. И. Соловьева]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 5 т.

433. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / [под общ. ред. А. В. Иванченко]. – М. : Новое издательство, 2005. – 365 с.

434. Ротман, Д. Г. Использование аналитических моделей в электоральных исследованиях / Д. Г. Ротман, А. А. Тарнавский // Социология. – 2001. – № 2. – С. 60–63.

435. Рубинов, А. Н. Еще раз об идеологии / А. Рубинов // Беларусь сегодня. – 2006. – 28 июля. – С. 4–5.

436. Рубинов, А. Н. Общество. Власть. Время / А. Н. Рубинов // Беларусь сегодня. – 2012. – 29 февр., 1, 2, 7 марта.

437. Савинова, Е. Н. Политическая социализация личности: региональный опыт России / Е. Н. Савинова. – Орел : Изд-во ОРАГС, 2009. – 212 с.

438. Саква, Р. Дуалистическое государство в России: параконституционализм и парapolитика / Р. Саква // Полис. – 2010. – № 1. – С. 8–26.

439. Сакович, В. А. Влияние интеграции и глобализации на социально-политический выбор трансформирующихся госу-

дарств. На примере Республики Беларусь и Республики Молдова : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / В. А. Сакович ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 21 с.

440. *Салмин, А. М.* Современная демократия: очерки становления и развития / А. М. Салмин. – М. : Форум, 1997. – 383 с.

441. *Сапелкин, Е. П.* Молодежная политика в Республике Беларусь: системный анализ / Е. П. Сапелкин. – Минск : Технопринт, 2004. – 286 с.

442. *Сартори, Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии / Дж. Сартори // Полис. – 2003. – № 3. – С. 67–77 ; № 4. – С. 152–160 ; № 5. – С. 65–75.

443. *Светлов, В. А.* Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов / В. А. Светлов. – М. : URSS, 2009. – 303 с.

444. *Семененко, И. С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура / И. С. Семененко // Полис. – 2003. – № 1. – С. 5–20.

445. *Семененко, И. С.* Культурные факторы и механизмы формирования национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. / И. С. Семененко // Полис. – 2004. – № 1. – С. 101–113.

446. *Семеренко, Л. М.* Формирование, эволюция и институционализация западной политической науки : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Л. М. Семеренко ; Ин-т междунар. бизнеса. – Саратов, 2002. – 50 с.

447. *Симония, Н. А.* Россия и СНГ: тенденции интеграции / Н. А. Симония // Современный российский реализм: теория и практика. : антология в 10 т. / Клуб «Реалисты», регион. обществ. орг. – М., 2007. – Т. 3. – С. 75–87.

448. *Скакун, Е. В.* Политическое сознание студенческой молодежи в условиях переходного общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Е. В. Скакун ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

449. *Слука, О. Г.* Идеологические процессы в Беларуси / О. Г. Слука. – Минск : РИВШ, 2010. – 220 с.

450. *Смирнов, М. М.* Системные политические теории: генезис, методология, практическое применение в современных исследованиях / М. М. Смирнов. – М. : Nota bene, 2009. – 201 с.

451. *Смоленский, М. Б.* Правовая культура и идея государственности / М. Б. Смоленский // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15–21.

452. *Сморгунов, Л.* Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии / Л. Сморгунув. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 376 с.

453. *Сморгунов, Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгунув // *Полис.* – 2001. – № 3. – С. 103–112.

454. *Сморгунов, Л. В.* Соотношение политики и политологии в период российских политических трансформаций / Л. В. Сморгунув // *Полис.* – 2009. – № 4. – С. 163–166.

455. *Сморгунов, Л. В.* Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? / Л. В. Сморгунув // *Полис.* – 2009. – № 1. – С. 118–129.

456. Современная мировая политика. Прикладной анализ / [под ред. А. Д. Богатурова]. – М. : Аспект-пресс, 2010. – 592 с.

457. Современная Россия: особенности политики и политического процесса / под ред. Д. Е. Слизовского. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2008. – 232 с.

458. Современные проблемы преподавания политической науки в высшей школе : материалы Междунар. конф. // *Полис.* – 2001. – № 5. – С. 123–153.

459. Современные проблемы развития концепции суверенной демократии : сб. науч. ст. / [под ред. В. А. Лебедева, В. В. Киреева]. – Челябинск : Образование, 2009. – 184 с.

460. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепции идеологии : материалы дискуссии // *Полис.* – 2004. – № 4. – С. 28–51.

461. *Соколов, В. А.* Трансформация партийно-политической системы России в 1993–2007 гг. и ее роль в изменении электорального предложения на парламентских выборах в России / В. А. Соколов // *Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования : материалы конф. «Чтения Ушинского».* – Ярославль, 2009. – С. 248–254.

462. *Соколова, Г. Н.* Реплика о положении в Беларуси / Г. Н. Соколова // *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации* / [под общ. ред Т. И. Заславской]. – М., 2003. – С. 98–101.

463. *Соловей, Т. Г.* Проблемы структурирования партийного спектра Республики Беларусь / Т. Г. Соловей // *Научные труды Республиканского института высшей школы.* Фило-

софско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1. – Минск, 2010. – Вып. 9 (14). – С. 207–213.

464. Соловьев, А. И. Исторические судьбы и перспективы российской политической науки / А. И. Соловьев // Российская политическая наука : в 5 т. / [под. ред. А. И. Соловьева]. – М., 2008. – Т. 1. – С. 5–28.

465. Соловьев, А. И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом / А. И. Соловьев // Полис. – 1999. – № 2. – С. 65–80.

466. Соловьев, А. И. Мозаичная парадигма российской политологии / А. И. Соловьев // Полис. – 1998. – № 4. – С. 5–20.

467. Соловьев, А. И. От трансформации стандартов политической культуры к реформе институтов власти / А. И. Соловьев // Власть. – 1999. – № 11. – С. 33–37.

468. Соловьев, А. И. Политическая культура: проблемное поле метатеории / А. И. Соловьев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 1995. – № 2. – С. 31–41 ; № 3. – С. 3–14.

469. Соловьев, А. И. Политическая наука на факультете государственного управления / А. И. Соловьев, Т. П. Лебедева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2005. – № 1. – С. 131–139.

470. Соловьев, А. И. Теоретические приоритеты российской политической науки в преподавании / А. И. Соловьев // Полис. – 2001. – № 5. – С. 128–133.

471. Соловьев, А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6. – С. 29–38.

472. Соловьев, В. Н. Условия формирования гражданского общества в России / В. Н. Соловьев. – М. : Макс Пресс, 2008. – 128 с.

473. Сони́на, Е. О. Российская политическая система: типологический аспект / Е. О. Сони́на // Социум и власть. – 2009. – № 2. – С. 42–46.

474. Состояние и вызовы современной демократии : материалы «круглого стола» в Институте демократии и сотрудничества (Нью-Йорк) // Политический класс. – 2009. – № 5. – С. 48–56.

475. Состояние и перспективы развития политологии в России : опрос журнала «Полис» среди политологов: первые ответы // Полис. – 2000. – № 1. – С. 142–160.

476. Состояние отечественной политологии: материалы дискуссии // Полис. – 1997. – № 6. – С. 129–142.

477. Социально-политическая ситуация Беларуси: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. / [под общ. ред. М. Н. Хурса]. – Минск : ИСПИ, 2000. – 330 с.

478. Социально-политическая ситуация Республики Беларусь : сб. науч. тр. / [под общ. ред. М. Н. Хурса]. – Минск : ИСПИ, 1998. – 194 с.

479. Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования : материалы «круглого стола» // Полис. – 2010. – № 1. – С. 108–134.

480. Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран / [редкол.: В. В. Лапкин отв. ред. и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 287 с.

481. *Стативка, А. К.* Политическое образование в современном мире: традиции и перспективы / А. К. Стативка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2009. – № 6. – С. 67–75.

482. Статус России в меняющемся миропорядке: влияние глобального экономического кризиса : материалы научного семинара // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2009. – № 3. – С. 5–60.

483. *Степин, В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПб ГУП, 2011. – 408 с.

484. *Стур, Дж.* Открывая демократию заново / Дж. Стур // Полис. – 2003. – № 5. – С. 12–24 ; № 6. – С. 39–49.

485. *Суздальцев, А. И.* Формирование российской политики в отношении Белоруссии (2005–2008 гг.) / А. И. Суздальцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 3. – С. 64–74.

486. *Суслов, М. Г.* Проблемы деформации политических систем / М. Г. Суслов // Науч. вест. урал. акад. гос. службы. – 2008. – № 2. – С. 13–18.

487. *Сытин, А. Г.* Эволюция представлений о существовании демократии в западной политической мысли / А. Г. Сытин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2007. – № 6. – С. 10–26.

488. Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза : пер. с англ. / [под ред. С. У. Ларсена]. – М. : РОССПЭН, 2009. – 751 с.

489. Теория и политика инновационного развития и инновации в политике : материалы «круглого стола» // Полис. – 2010. – № 2. – С. 128–145.

490. *Тихиня, В. Г.* Правовое государство как основа преобразований общества и экономики в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня, Н. Л. Бондаренко, В. А. Кадавбович. – Минск : МИУ, 2006. – 236 с.

491. *Токвиль, А.* Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Весь мир, 2000. – 560 с.

492. Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., 22–23 нояб. 2007 г. / Рос. ассоц. полит. науки ; ред.-сост.: О. Ю. Малинова [и др.]. – М., 2007. – 346 с.

493. *Тренин, Д.* Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния / Д. Тренин // Pro et contra. – 2009. – Т. 13, № 5/6. – С. 82–97.

494. *Туманов, С. В.* Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение : (опыт интегративного анализа) / С. В. Туманов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 192 с.

495. *Туровский, Р. Ф.* Основы и перспективы региональных политических исследований / Р. Ф. Туровский // Полис. – 2001. – № 1. – С. 138–156.

496. *Туровский, Р. Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Ф. Туровский // Полис. – 2009. – № 2. – С. 77–95.

497. *Туровский, Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений / Р. Ф. Туровский. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 398 с.

498. *Уальке, Дж.* Гуманитарное воспитание и специализация в области политических наук / Дж. Уальке // Полис. – 1996. – № 4. – С. 141–156.

499. Университетская политология России / [отв. ред. Л. А. Галкина, Т. В. Шмачкова]. – М. : Полис, 1999. – 215 с.

500. Учебники по политологии – старые недуги // Полис. – 1999. – № 2. – С. 168–178.

501. *Фадеичева, М. А.* Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М. А. Фадеичева // Полис. – 2006. – № 4. – С. 53–60.

502. *Фаркушин, М. Х.* Федерализм. Теоретические и прикладные аспекты / М. Х. Фаркушин. – М. : Юристъ, 2004. – 527 с.

503. *Федоринов, В. Е.* Политические партии России в условиях становления и развития плюрализма : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / В. Е. Федоринов ; ИСПИ РАН. – М., 2002. – 39 с.

504. Федоркин, Н. С. Кафедра политологии и социологии политических процессов / Н. С. Федоркин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2009. – № 2. – С. 102–114.

505. Федотова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 608 с.

506. Федотова, В. Г. Неклассические модернизации / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3–22.

507. Федотова, В. Г. Социологи о российской модернизации / В. Г. Федотова, Н. Н. Федотова // Полис. – 2011. – № 5. – С. 179–185.

508. Федякин, А. В. Образ государства как исследовательская задача современной политологии / А. В. Федякин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2005. – № 3. – С. 3–18.

509. Фельдман, Д. М. Современное государство в системе мировой политики / Д. М. Фельдман // Мир и политика. – 2011. – № 1. – С. 38–46.

510. Филиппова, Н. А. Прямая демократия в политико-правовой системе современной России / Н. А. Филиппова // Полис. – 2006. – № 4. – С. 177–179.

511. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / под ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Белорус. наука, 2009. – 621 с.

512. Фишман, Л. Г. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? / Л. Г. Фишман // Полис. – 2006. – № 4. – С. 74–86.

513. Фурман, Д. Е. Движение по спирали: политическая система России в ряду других систем / Д. Е. Фурман. – М. : Весь Мир, 2010. – 165 с.

514. Хабермас, Ю. Политические работы : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2005. – Т. 2. – 361 с.

515. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-традиция, 2004. – 480 с.

516. Хантингтон, С. Третья волна : Демократизация на исходе XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003. – 365 с.

517. Харитонова, О. Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) / О. Г. Харитонова // Полис. – 1996. – № 5. – С. 70–79.

518. *Хвощев, В. Е.* Изменяющаяся Россия: обновление приоритетов политической науки / В. Е. Хвощев // Вест. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социал.-гуманит. науки. – 2006. – Вып. 17. – С. 156–160.

519. *Хинтба, И. Р.* Три этапа эволюции транзитологии: на пути к четвертому? / И. Р. Хинтба // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Политология. – 2008. – С. 20–34.

520. *Ховард, М. М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. М. Ховард. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 191 с.

521. *Хотькова, Е. С.* Эволюция отношений США со странами Центральной и Восточной Европы / Е. С. Хотькова // Проблемы национальной стратегии. – 2009. – № 1. – С. 9–24.

522. *Храмцов, А. Ф.* Социальное государство: Россия и европейский опыт : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Ф. Храмцов. – М., 2007. – 47 с.

523. *Храпов, С. А.* Кризисные тенденции общественного сознания современной России / С. А. Храпов. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2009. – 142 с.

524. *Хрустов, Г. Ф.* Судьбы демократии в России / Г. Ф. Хрустов // Полис. – 2008. – № 1. – С. 183–187.

525. *Цедилина, Е.* Белоруссия после президентских выборов – между Россией и Западом / Е. Цедилина // Россия и новые государства Евразии. – 2011. – № 1 (X). – С. 5–18.

526. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.] ; под. ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2009. – 231 с.

527. *Цыганков, А.* Отношения США с Россией в современной американской политологии / А. Цыганков // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 42–52.

528. *Чаевич, А. В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: (политологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. В. Чаевич ; Воен. ун-т МО РФ. – М., 2006. – 43 с.

529. *Чекмарев, Э.* Теории модернизации и современная Россия: историография проблемы / Э. Чекмарев // Обозреватель. – 2009. – № 9. – С. 16–22.

530. *Чернякин, В. Г.* Политические институты: методология исследования / В. Г. Чернякин. – М. : АЭБ МВД России, 2006. – 154 с.

531. *Чижев, Д. В.* Российские политические партии / Д. В. Чижев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 222 с.

532. *Чилкот, Р. Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Р. Х. Чилкот. – М. : Весь Мир, 2001. – 560 с.

533. *Чиркин, В. Е.* Современное государство / В. Е. Чиркин. – М. : Междунар. отношения, 2001. – 411 с.

534. *Чихарев, И. А.* Масштабы и ритмы демократизации / И. А. Чихарев // Полис. – 2009. – № 3. – С. 54–64.

535. *Чудаков, М. Ф.* Баланс властей и другие принципы организации и деятельности государства: принцип сдержек и противовесов в Конституции Республики Беларусь / М. Ф. Чудаков // Проблемы управления. – 2008. – № 1. – С. 102–105.

536. *Чуфрин, Г.* ОДКБ сегодня и завтра / Г. Чуфрин // Север – Юг – Россия. 2008 : ежегодник. – М., 2009. – С. 19–29.

537. *Шабаев, Ю. П.* Региональные этноэлиты в политическом процессе : (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры) / Ю. П. Шабаев, А. М. Чарина. – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2008. – 258 с.

538. *Шавель, С. А.* Социальный порядок как объект социологического исследования / С. А. Шавель // Социология. – 2007. – № 1. – С. 55–69.

539. *Шапиро, И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики / И. Шапиро // Полис. – 2001. – № 3. – С. 6–15 ; № 4. – С. 27–36 ; № 5. – С. 54–64.

540. *Шапталов, Б. Н.* Выбор России через призму «классической демократии» / Б. Н. Шапталов // Полис. – 2004. – № 1. – С. 139–149.

541. *Шатилов, А. Б.* Постсоветские подходы к изучению политической культуры / А. Б. Шатилов // Pro et contra. – 2002. – Т. 7, № 3. – С. 183–194.

542. *Шевцов, Ю.* Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю. Шевцов. – М. : Европа, 2005. – 256 с.

543. *Шейнис, В. Л.* Национальная безопасность России. Испытание на прочность / В. Л. Шейнис // Полис. – 2009. – № 5. – С. 141–148 ; 2010. – № 1. – С. 35–53.

544. *Шестопал, Е. Б.* Некоторые проблемы политологического образования в высшей школе России / Е. Б. Шестопал, И. А. Климов, С. В. Нестерова // Полис. – 1997. – № 1. – С. 167–181.

545. *Шестопа́л, Е. Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами / Е. Б. Шестопа́л // Полис. – 2011. – № 2. – С. 7–24.

546. *Шестопа́л, Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии / Е. Б. Шестопа́л. – М. : РОССПЭН, 2000. – 430 с.

547. *Шестопа́л, Е. Б.* Российская политология в европейском контексте / Е. Б. Шестопа́л // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2005. – № 1. – С. 49–58.

548. *Шестопа́л, Е. Б.* Становление факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в контексте развития российской и мировой политической науки / Е. Б. Шестопа́л // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2009. – № 1. – С. 10–19.

549. *Шестопа́л, Е. Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России / Е. Б. Шестопа́л // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 1999. – № 1. – С. 23–39.

550. *Шимов, В. Н.* Мировой финансово-экономический кризис: негативные последствия для Беларуси и пути их преодоления / В. Н. Шимов // Белорусский экономический журнал. – 2009. – № 2. – С. 4–12.

551. *Шинкарев, В. В.* Идеология государственности и общественного развития Республики Беларусь / В. В. Шинкарев, Л. В. Вартанова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 235 с.

552. *Шишков, Ю.* Союзное государство в коме: поиск причин / Ю. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 7. – С. 102–107.

553. *Шишков, Ю. В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков. – М. : НП «III тысячелетие», 2001. – 479 с.

554. *Шмиттер, Ф.* Процесс демократического транзита и консолидация демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1999. – № 5. – С. 32–55.

555. *Шумпетер, Й.* Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер ; [пер. с англ., общ. ред., предисл. В. С. Автономова]. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.

556. *Шумская, Л. И.* Личностно-профессиональное становление студентов в процессе социализации / Л. И. Шумская. – Минск : РИВШ, 2005. – 271 с.

557. *Шурубович, А. В.* Роль экономических и политических факторов в развитии российско-белорусской интеграции / А. В. Шурубович // Постсоветское пространство: реалии и перспективы : сб. ст. / под общ. ред. Б. А. Шмелева. – М., 2009. – С. 57–63.

558. *Шурубович, А. В.* Россия в экономическом пространстве СНГ: проблемы взаимодействия и сотрудничества / А. В. Шурубович // Россия и новые государства Евразии. – 2010. – № 1. – С. 5–21.

559. *Шюттемайер, С. С.* Политическая наука в Германии: современное положение дел / С. С. Шюттемайер // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 2008. – № 1. – С. 42–70.

560. *Щербаков, А. Е.* Место мифа в политической идеологии / А. Е. Щербаков // Полис. – 2003. – № 4. – С. 175–180.

561. *Щербинин, А. И.* Политическое образование как фактор политического процесса : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. И. Щербинин ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2000. – 52 с.

562. *Щербинина, Н. Г.* Архаика в российской политической культуре / Н. Г. Щербинина // Полис. – 1997. – № 5. – С. 127–139.

563. Эволюция российского федерализма : круглый стол // Полис. – 2002. – № 3. – С. 96–127.

564. *Эйзенштадт, Ш. Н.* Парадоксы демократических режимов: хрупкость и изменчивость / Ш. Н. Эйзенштадт // Полис. – 2002. – № 2. – С. 67–81 ; № 3. – С. 81–95.

565. Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М. : РОССПЭН, 2011. – 430 с.

566. *Эндрейн, Ч.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальных преобразований / Ч. Эндрейн. – М. : Весь мир, 2000. – 320 с.

567. *Юревич, А. В.* Ученые в политике / А. В. Юревич // Полис. – 1999. – № 2. – С. 81–97.

568. *Яжборовская, И.* Постсоциалистические страны Европы: проблемы политической трансформации / И. Яжборовская // Власть. – 2011. – № 1. – С. 4–7.

569. *Яжборовская, И. С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / И. С. Яжборовская. – М. : Academia, 2008. – 378 с.

570. Яковенко, И. Г. Политическая субъективность масс: культурологический аспект политической жизни в России / И. Г. Яковенко. – М. : Новый хронограф, 2009. – 176 с.

571. Якунин, В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В. И. Якунин // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 5–12.

572. Якунин, В. И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / В. И. Якунин ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 37 с.

573. Яницкий, О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции / О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 5–15.

574. Ярулин, И. Ф. Политическая наука на Дальнем Востоке России: состояние и перспективы / И. Ф. Ярулин // Полис. – 2004. – № 5. – С. 53–61.

575. Яскевич, Я. С. Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2011. – 298 с.

576. International political science association [Electronic resource]. – Mode of access : [http :// www.ipso.org](http://www.ipso.org).

АВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Статьи в рецензируемых журналах

577. *Бондарь, Ю. П.* Политическая культура как социально-психологический феномен: концептуальные аспекты / Ю. П. Бондарь // Психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 12–18.

578. *Бондарь, Ю. П.* Преподавание политологии в вузах: опыт и инновации / Ю. П. Бондарь // Высшая школа. – 2005. – № 3. – С. 31–35.

579. *Бондарь, Ю. П.* Политическое образование студентов: поиск инновационных подходов / Ю. П. Бондарь // Адукацыя і выхаванне. – 2005. – № 7. – С. 28–36.

580. *Бондарь, Ю. П.* Становление и развитие политической науки в белорусском переходном обществе / Ю. П. Бондарь // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. – 2006. – № 1. – С. 63–70.

581. *Бондарь, Ю. П.* Политический анализ: проблемы методологии: (опыт Беларуси и России) / Ю. П. Бондарь // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 1. – С. 63–68.

582. *Бондар, Ю. П.* Палітычная даследаванні ў Беларусі і Расіі: параўнальны аналіз прыярытэтных напрамкаў / Ю. П. Бондар // Весн. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2006. – № 1. – С. 85–89.

583. *Земляков, Л. Е.* Политическая наука и образование в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков, Ю. П. Бондарь // Проблемы управления. – 2008. – № 3. – С. 129–135.

584. *Решетников, С. В.* Теоретические аспекты функционального анализа структур принятия политических решений в классической политической науке / С. В. Решетников, Ю. П. Бондарь // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. – Минск, 2010. – Вып. 9 (14). – С. 181–189.

585. Решетников, С. В. Концептуально-методическое обеспечение политической социализации студентов вузов / С. В. Решетников, Ю. П. Бондарь // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2010. – № 2. – С. 63–81.

586. Решетников, С. В. Развитие политической науки в переходном обществе / С. В. Решетников, Ю. П. Бондарь // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. – 2011. – № 1. – С. 128–134.

Статьи в энциклопедических изданиях

587. Бондар, Ю. П. Паліталогія / Ю. П. Бондар // Беларуская энцыклапедыя : [у 18 т.]. – Мінск, 2004. – Т. 18, кн. 2. – С. 462–463.

588. Бондарь, Ю. П. Политология / Ю. П. Бондарь // Республика Беларусь : энциклопедия : [в 6 т.]. – Минск, 2005. – Т. 1. – С. 611–613.

589. Бондарь, Ю. П. Политология / Ю. П. Бондарь // Республика Беларусь : энциклопедия : [в 6 т.]. – Минск, 2008. – Т. 6. – С. 515–517.

Материалы научных конференций

590. Бондарь, Ю. П. Идеология белорусского государства в механизме социального управления: концептуальные подходы / Ю. П. Бондарь // Управление в социальных и экономических системах : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 дек. 2004 г. – Минск, 2004. – С. 320–322.

591. Бондарь, Ю. П. Политическая наука и практическая политика: взаимодействие в управлении обществом / Ю. П. Бондарь // Управление в социальных и экономических системах : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2005 г. – Минск, 2005. – С. 314–317.

592. Бондарь, Ю. П. Идеология государства и социальное управление / Ю. П. Бондарь // Белорусская политология: многообразие в единстве – III : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 мая 2008 г. : в 2 ч. – Гродно, 2008. – Ч. 1. – С. 47–50.

593. Бондарь, Ю. П. Основные тенденции культурной политики Беларуси: правовые и экономические аспекты /

Ю. П. Бондарь // Человек, культура и общество в контексте глобализации : материалы VI Междунар. науч. конф., Москва, 29 окт.–1 нояб. – М., 2008. – С. 43–47.

594. Бондарь, Ю. П. Политическая наука в Республике Беларусь: тенденции развития / Ю. П. Бондарь // Беларусь: этапы становления государственности (к 90-летию образования БССР) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 дек. 2008 г. – Минск, 2008. – С. 83–89.

595. Бондарь, Ю. П. Гуманитарное образование студентов: тенденции и инновации / Ю. П. Бондарь // Культура. Наука. Творчество : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апр. 2009 г.) / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2009. – С. 42–50.

596. Бондарь, Ю. П. Духовные славянские традиции и ценности в становлении белорусской государственности / Ю. П. Бондарь // Культурное наследие в диалоге традиций : материалы форума писателей и культурологов Казахстана и Беларуси, Минск, 2 окт. 2008 г. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2009. – С. 123–134.

597. Бондарь, Ю. П. Политическая культура и глобализация: тенденции трансформации / Ю. П. Бондарь // Культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф. (25–26 лістап. 2009 г.) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2010. – С. 15–19.

598. Бондарь, Ю. П. Трансформация постсоветских обществ: методы политического анализа / Ю. П. Бондарь // Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 мая 2010 г. : в 2 ч. – Гродно, 2010. – Ч. 2. – С. 26–28.

Учебные пособия

599. Бондарь, П. И. Политология : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. – Минск : Аверсэв, 2003. – 463 с.

600. Бондарь, П. И. Политология: наука о политике : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. – Минск : БелЭн, 2008. – 528 с.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Адаптивность политической науки – гибкое приспособление политологии к изменяющимся внутренним и внешним условиям, способность качественно удовлетворять запросы личности, общества и государства.

Антропологический подход к познанию политики – методологическая позиция, ориентирующая на приоритетное изучение не социальных факторов детерминации политических явлений и процессов, а родовых качеств, прав и свобод личности.

Аргументация политическая – доказательность и убедительность публичных выступлений политика, способность применять методы демократической коммуникации для обоснования или опровержения политических идей, решений, целей, мотивации действий.

Бихевиористская концепция познания политики – изучение политики через призму наблюдаемого индивидуального, межличностного и группового поведения, его эмпирического измерения.

Бюрократизм – иерархически организованная, оторванная от народа и чуждая его интересам система управления обществом.

Валидность политологического исследования – степень обоснованности теоретических положений и выводов о свойствах и закономерностях познаваемого объекта.

Веберовская концепция политики – трактовка политики как общественного «предприятия», особого вида профессиональной деятельности и аппарата легитимного господства.

Верификация в политической науке – проверка истинности теорий, концепций, моделей, парадигм, гипотез, методов познания политической действительности.

Вестернизация – теоретическое обоснование западных либерально-демократических ценностей как универсальных, доминирующих в глобальном мире.

Влияние политическое – мотивированное политическими интересами, ценностями и целями воздействие индивидуальных, групповых и институциональных субъектов на общественное сознание и поведение.

Внешняя политика государства – деятельность государства в системе мировых отношений, направленная на реализацию национальных интересов и укрепление международной безопасности.

Внешнеполитические приоритеты – цели, задачи и проблемы, требующие концентрации усилий и первостепенного внимания государства к внешней политике.

Внутренняя политика государства – деятельность субъектов политики, направленная на укрепление государственности, развитие и совершенствование общественной системы.

«Волны демократизации» – концепция политических изменений в традиционных обществах, измеряющая их направления, стадии и результаты опытом западной демократии.

Выбор политический – самоопределение институциональных субъектов в политических ценностях, интересах, целях, приоритетах, средствах и методах.

Вызовы политические – непрерывно изменяющаяся ситуация в социуме и мире, внутренние и внешние факторы, требующие адекватного реагирования субъектов политики.

Глобализация – объективный процесс взаимозависимости и взаимодействия между государствами, народами и регионами мира.

Глобальные проблемы современности – комплекс политических, экономических, социальных, экологических проблем, от решения которых зависит сохранение и развитие человеческой цивилизации.

Государственная власть – доминирующая власть в обществе, правовые акты и решения которой обязательны для исполнения всеми субъектами политики.

Государственная политика – система общественных отношений по поводу формирования, легитимации и реализации конституционных норм и политического курса государства.

Государственное управление – универсальный, доминирующий тип социального управления, обеспечивающий стабильность, социальную эффективность и модернизацию политической системы посредством установленных законом властных полномочий и исполнительно-распорядительных функций.

Государственное устройство – закрепленные в законах структура органов власти, порядок их формирования, права, обязанности, ответственность, методы деятельности и нормы взаимоотношений с гражданами.

Государственность – показатель развитости национального государства, его политической, экономической, социальной, духовно-нравственной сфер жизнедеятельности.

Государственно-центристский подход к познанию политики – объяснение политики как инструмента упорядочения жизни государства, поддержания согласия между властными институтами и гражданами.

Государственные интересы – совокупные интересы (потребности) общества, представляемые и удовлетворяемые государством как верховным политическим институтом.

Государство – основной институт политической системы, обладающий верховной властью на определенной территории и осуществляющий управление обществом посредством специального механизма – государственного аппарата.

Гражданская культура – тип культуры, характерный для европейских стран и США, основу которой составляют демократические ценностные ориентации.

Гражданское общество – совокупность межличностных отношений и самоуправляемых общественных ассоциаций, функционирующих в рамках конституционно-правового поля государства без его непосредственного вмешательства и финансирования.

Гуманистические основы политики – материализованные в политической практике идеи, взгляды и убеждения, проникнутые уважением к достоинству человека, его естественному стремлению к свободе, справедливости, равенству, благополучию, реализации способностей и дарований.

Деидеологизация – отрицание социальной значимости политической идеологии как средства познания и преобразования действительности.

Демократизация – преобразование традиционных и внедрение новых политических институтов, их отношений с гражданским обществом на основе принципов, норм и процедур современной демократии.

Демократический транзит – процесс политической модернизации социума – постепенного, отличающегося многообразием траекторий и результатов, преимущественно нестабильного перехода от традиционного, автократического состояния к демократическому укладу бытия.

Демократия – принцип народовластия, закрепленные в конституции государства гарантии реализации прав и свобод человека, норм и процедур формирования представительных институтов правления, функций, полномочий и ограничений в действиях правительства.

Динамичное политическое развитие – качественные (прогрессивные) изменения в политической системе, отражающие ее демократичность, адаптивность, стабильность и социальную эффективность.

Доверие политическое – взаимная уверенность субъектов политики в искренности отношений, намерений, обязательств и ответственности за результаты совместных действий.

Закономерности политической сферы – объективные причинно-следственные взаимосвязи между политическими явлениями, политикой и обществом.

Закономерности эволюции политологии – устойчивые зависимости между явлениями, обстоятельствами, переменными, причинами и следствиями, функционально-динамическими стадиями, качественно-количественными показателями изменений в состоянии науки, ее приоритетах и влиянии на практику.

Законы политической сферы – общезначимые, верифицированные практикой теоретические положения, отражающие объективные взаимосвязи между политическими явлениями, обществом и политикой.

Застой в политической сфере – доминирующие в менталитете граждан и деятельности политической элиты консервативные традиции и стереотипы, препятствующие прогрессивному развитию общества.

Идеология государства – система политических идей и ценностей институтов государства и граждан, отражающих национальные интересы и представления о социальной действительности, целях, задачах, средствах и методах ее преобразования.

Имманентная сущность процесса эволюции политологии – причинно-следственная зависимость инфраструктуры, функционально-динамических характеристик и статуса науки о политике от целей, ценностей, условий и результатов демократического транзита.

Инновации в политике – способность субъектов политики адекватно понимать тенденции, закономерности и актуальные проблемы действительности, удовлетворять запросы практики, инициировать и внедрять прогрессивные идеи и технологии.

Институционализация политологии – учреждение и легитимация профессиональных институтов науки, характер перемен в ее кадровом и методологическом базисе, нормах, стандартах, приоритетах, инновационном потенциале, социальной эффективности.

Институциональный базис политологии – профессиональные институты (структуры); организация подготовки кадров науки; нормы и формы сотрудничества политологов с государственной властью и гражданским обществом; стандарты исследовательской и преподавательской деятельности.

Институциональный метод познания эволюции политологии – изучение динамики политической науки через призму поведения ее профессиональных институтов – их организационных принципов и нормативно-ценностных императивов, творческих возможностей и результатов.

Инструментарий исследования эволюции политологии – операциональные средства, методы и процедуры познания сущностных свойств, тенденций, закономерностей, национальных особенностей становления и развития науки о политике.

Интерактивные методы преподавания политологии – гармоничное сочетание в политическом образовании традиционных и инновационных методов, обеспечивающих свободные, мобильные и устойчиво-эффективные «обратные связи» между преподавателями и студентами.

Интерпретация категорий эволюции политологии – концептуальное истолкование понятий, отражающих фундаментальные свойства и специфические признаки процесса эволюции политической науки.

История политических учений – отрасль научного знания об исторической эволюции и особенностях политических идей и представлений различных стран, народов, регионов мира.

Качественный метод исследования эволюции политологии – способ теоретического обоснования сущностных показателей изменений в политической науке – ее статусе в обществе, методологическом инструментарии, проблематике исследований, достоверности произведенного научного знания.

Качественный метод политического анализа – способ познания неизведанных свойств и взаимосвязей исследуемого объекта, нормативно-ценностного своеобразия интересов, целей, мотивов, функциональных отношений, технологий, условий и результатов деятельности политических субъектов.

Квантификация в исследовании эволюции политологии – количественное измерение и выражение на основе единиц анализа и переменных качественных показателей динамики политической науки.

Количественный метод в исследовании эволюции политологии – способ познания, предполагающий выявление и анализ количественных (статистических) параметров развития политической науки.

Конкретно-исторический метод познания эволюции политологии – способ исследования отечественной и мировой политической мысли в исторической ретроспективе, преемственности производимых знаний, особенностей развития эвристического потенциала науки о политике.

Коммуникативные концепции политики – объяснение политики как системы общения индивидов, социальных групп и институтов, информационных потоков, методов и средств массовой коммуникации.

Консерватизм в политике – политическая деятельность, ориентированная на сохранение и защиту исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, критически-негативное отношение к политическим реформам и инновациям.

Консерватизм как идеология – социально-политическая доктрина, обосновывающая безусловный приоритет традиционных ценностей общества, выдержавших испытание временем и практикой.

Консолидация демократии – завершающая стадия демократизации, политических изменений в переходных (транзитных) обществах; противоречивый, нединамичный процесс «экспансии», утверждения демократии в национальном и глобальном политическом пространстве.

Конституционализм – государственное правление, ограниченное конституционными принципами, нормами и методами.

Концептуализация процесса эволюции политологии – теоретическое обоснование системы идей, гипотез, категорий, методов диагностики, описания, объяснения, прогнозирования тенденций и закономерностей эволюции политологии.

Концептуально-технологическое обеспечение политической социализации – экспериментально проверенное применение в высшей школе инновационных концепций, средств и методов (технологий) реализации ключевых функций политологии – мировоззренческой, методологической, познавательной, информационно-коммуникативной, аксиологической, регулятивной.

Концепции модернизации транзитных обществ – плюралистические идеи и концептуальные версии, объясняющие цели, условия, ритмы динамики, ценностное содержание и результаты социальных преобразований в переходный период.

Культура политического поведения – характеристика политического развития личности: степени воплощения в ее поступках демократических норм и мотиваций.

Культура политического сознания – характеристика политического развития личности: компетентности в политике, демократичности убеждений, интересов, ценностных ориентаций, представлений, чувств, мотивов и навыков поведения.

Культура политических институтов – характеристика потенциала демократичности политико-властных отношений, качества и эффективности функционирования политической системы общества.

Либерализация – изменения в политической и социально-экономической сферах, взаимоотношениях государства и гражданского общества: конституционное закрепление прав и свобод личности; ослабление цензуры в СМИ; лояльное отношение вла-

сти к оппозиции; терпимость к инакомыслию; ограничение государственного регулирования, стимулирование частного предпринимательства.

Либеральная демократия – форма (модель) демократического правления, основанная на приверженности принципам свободы личности, общественной толерантности и согласия, ограничения всевластия государства, добровольного и равноправного участия граждан в политике.

Легитимация политологии – закрепление статуса и функций политологии в нормативных правовых актах государства, ее общественное признание как автономной, профессиональной отрасли социально-гуманитарных наук.

Марксистская концепция политики – объяснение политики как сферы классового противоборства, революционного завоевания и радикального изменения государственной власти в интересах трудящихся, созидания справедливого общества.

Метод прогнозирования эволюции политологии – научное предположение относительно перспектив развития политологии в транзитном обществе, ее интеграции в мировую политическую науку.

Метод «рационального выбора» в познании эволюции политологии – способ изучения состояния и динамики политологии, социально-практической обусловленности предметного поля исследований и политической социализации личности в контексте национально-государственных интересов.

Методика «ивент-анализа» в познании эволюции политологии – способы исследования событий и процессов в институтах политологического сообщества.

Методика «когнитивного картирования» – методы, приемы и процедуры поиска, накопления, кодирования, систематизации и классификации эмпирической информации о политической социализации личности, реализации функций политологии в высшей школе.

Методика «контент-анализа» в познании эволюции политологии – способы классификации, структуризации, комплексного анализа и интерпретации эмпирических источников в зависимости от их формы и предметно-тематического содержания.

Методологические подходы в политической науке – относительно устоявшиеся способы, приемы и процедуры исследования политических явлений, событий и процессов.

Методология исследования процесса эволюции политологии – комплекс специфических методов, технологических приемов и процедур познания количественных и качественных изменений в мировой и национальной политической науке.

Методология политического анализа – систематическая теория рационализации индивидуальной и коллективной исследовательской деятельности.

Методология политической науки – 1) учение о структуре, принципах, процедурах, средствах, способах анализа политики, критериях обоснованности, теоретической и практической полезности исследований;

2) система общих гносеологических ориентаций, определяющих выбор объекта, предмета и методики объяснения и описания целей, задач, направлений и результатов творческого процесса.

Методы политологии – способы познания политических явлений и процессов.

Механизм государственного управления – система легитимных институтов, конституционно-правовых норм, полномочий и функций, технологий управленческих действий, обеспечивающих регулирование общественных отношений, разработку, легитимацию и реализацию политического курса государства.

Механизм эволюции политологии – взаимозависимые структурные компоненты, определяющие характер тенденций и закономерностей изменений в науке о политике: профессиональные институты; организация подготовки специалистов-политологов; академические стандарты, нормы и критерии научного творчества; аналитико-технологические возможности ученых; приоритеты и адаптивность исследований к практике; методы анализа переходных процессов и генерируемых политических знаний; влияние на динамику науки политических, социально-экономических и духовно-идеологических факторов.

Мир политического – политическая сфера общества или политика во всех ее формах и проявлениях, область отношений и коммуникативных действий социальных субъектов по поводу целесообразной организации коллективного существования посредством распределения, осуществления, модернизации и ограничения государственной власти.

Мировая политика – сфера отношений между государствами, международными организациями и союзами государств; процесс выработки, принятия и реализации политических решений, выражающих интересы мирового сообщества.

Мировая политическая система – совокупность интересов, целей, ресурсов, парадигм, норм и форм коммуникации, регулирующих совместные действия государств, межправительственных организаций и общественных ассоциаций по обеспечению международной стабильности и безопасности.

Модели демократии – разнообразные и противоречивые трактовки демократии: плюралистические, элитарные, коммунисти-

ческие, анархистские, либеральные, консервативные, охранительные, популистские и др. Они являются предметом дискуссий в политической науке, что стимулирует разработку общих принципов демократии как универсального средства качественного переустройства современных обществ.

«Мягкий авторитаризм» – концентрация властных полномочий узкой группой правящей элиты в сочетании с относительной свободой политического участия граждан и общественных объединений, не посягающих на монополию власти в принятии политических решений.

Насилие в политике – методы властного влияния на сознание и поведение граждан с целью принудить их к повиновению.

Проявляется в двух формах: открытое и скрытое. Открытое насилие связано с угрозой применения силы, физическим уничтожением политических конкурентов, лишением благ, ущемлением прав и свобод личности, жестким политическим контролем, подавлением протестных действий. Скрытое насилие выражается в использовании технологий «промывания мозгов» – политического манипулирования.

Национальная политология – неотъемлемая часть мировой политической науки, система знаний о политике и идеологии национального государства, закономерностях, опыте и уроках качественного преобразования политической жизни общества на основе демократических принципов, норм и процедур.

Национальные интересы – осознанные субъектами политики объективные потребности национальной государственности, побуждающие к ее защите, укреплению и совершенствованию, обеспечению благосостояния и безопасности граждан.

Новый мировой порядок – идеальная модель справедливых и гуманных международных отношений будущего.

Нормативно-ценностный метод познания политики – исследование политической сферы с позиций воплощенных в ней или желаемых ценностей: принципов демократии, норм правового государства и гражданского общества, теоретических моделей гармоничного жизнеустройства, идеалов личностного и общественного благополучия.

Нормативно-ценностный метод познания эволюции политологии – анализ изменений в политологии, их истолкование через призму верифицированных критериев, стандартов и достижений политического знания, запросов общества и времени.

Объект политологии – изучаемая наукой политическая сфера общества или политика во всех ее проявлениях как инструмент (средство) социального управления.

Партийная система – институт гражданского общества. Отличается степенью устойчивости отношений между партиями, активностью политической деятельности, конструктивностью влияния в парламенте страны, характером коммуникации с электоратом, обществом и правительством.

Партиципаторная модель демократии – концепция прямого участия политически активных граждан в обсуждении и принятии государственных решений по ключевым вопросам социально-экономического развития. Механизмы модели демократии – всеобщие выборы, референдум, инициативность, общественный контроль власти.

Переходное общество – трансформирующееся в новое качество традиционное (транзитное) общество под влиянием радикальных преобразований в экономической, политической, социальной и духовно-идеологической сферах его жизнедеятельности. Вектор изменений направлен на демократизацию институтов и общественных отношений, механизмов властвования, повышающих адаптивность, стабильность и социальную эффективность политической системы.

Показатели эволюции политологии – доступные наблюдению, эмпирическому измерению и анализу количественные и качественные индикаторы развития политологии: функционально-динамические характеристики трансформации политического знания; поведение и отношения политологических структур; кадровый, эвристический и инструментально-технологический базис науки; актуальность, новизна и практическое значение фундаментально-прикладных исследований; влияние науки на модернизацию бытия, политическую социализацию личности.

Полиархия – тип государственного правления, основывающийся на фундаментально-институциональных принципах и процедурах современной демократии.

Политическая идеология – теоретически обоснованные идеи и ценности, отражающие интересы субъектов политики, их представления о социальной действительности, целях, средствах и методах ее преобразования.

Политическая инертность – невосприимчивость субъектов политики к инновациям, приверженность консервативным нормам и стереотипам поведения, недоверие к экспертно-аналитическим продуктам научного творчества.

Политическая культура – ценностные ориентации личности по отношению к «своей» политической системе, результатам политического курса государства, мировым политическим процессам, собственному политическому участию.

Политическая модернизация – преобразование традиционных политических систем на основе демократических ценностей.

Политическая система – совокупность институтов государственной власти и общественных объединений, политических отношений и действий, ценностей, функций, полномочий и ресурсов, обеспечивающих управление обществом.

Политическая социализация – усвоение личностью политических знаний, ценностей, традиций, образцов, норм поведения, определяющих и стимулирующих сознательное, добровольное и компетентное политическое участие.

Политическая стабильность – состояние, отражающее устойчивость политической системы, гражданское согласие по ключевым вопросам общественного развития.

Политическая теория – раздел политологии, включающий ценностно-мировоззренческие интерпретации политики и методологию ее познания – методы, средства, концептуальные идеи, парадигмы, категории, закономерности и законы.

Политическая трансформация – категория, обозначающая векторы и отличительные свойства преобразований в политической сфере общества.

Политические изменения – перемены в политической системе, повышающие (или снижающие) ее адаптивность к требованиям общества и глобальным вызовам.

Политические технологии – совокупность средств, методов и процедур, используемых субъектами политики для достижения стратегических целей и решения практических задач в изменяющейся политической ситуации в обществе и мире.

Политические ценности – идеалы, традиции, нормы, принципы, образцы и символы, мотивирующие и регулирующие поведение и отношения социальных субъектов.

Политический анализ – систематическое, опирающееся на методологический, эмпирический и нормативно-ценностный базис исследование политической действительности.

Политический ангажемент – обращение с политической наукой как «служанкой» власти, стремление бюрократии к своекорыстному, конъюнктурному использованию авторитета ученых в «политических играх».

Политический дискурс – форма коммуникативного взаимодействия социальных субъектов, профессионального обсуждения дискуссионных общественно-политических проблем, средств и методов их решения.

Политический маркетинг – комплекс мероприятий по формированию в общественном сознании привлекательного имиджа политических институтов, лидеров, идей, программ и концепций.

Политический менеджмент – внесение в сознание граждан методами и средствами убеждающей коммуникации идей и представлений, корректирующих или изменяющих их предпочтения, ценностные ориентации и мотивы поведения.

Политический нигилизм – критически-недоверчивое отношение к политике и ее субъектам, отрицание социальной полезности политического управления обществом.

Политический прогресс – стабильное и эффективное развитие политической системы, достижение обществом нового качественного состояния, более зрелых демократических форм.

Политический процесс – политическая жизнь в динамике; воспроизводство политической системы: изменения в ее адаптивности, стабильности, механизмах управления обществом.

Политический режим – средства и методы осуществления государственной власти, характер и нормы отношений ее институтов с личностью и обществом.

Политический статус – признанное общественностью или закрепленное в законах государства реальное положение индивидуальных, групповых и институциональных субъектов в политической системе – функции, полномочия, обязанности и ответственность.

Политическое воспитание – систематическое и целенаправленное влияние на сознание и поведение личности в интересах ее политической социализации, приобщения к ценностям демократической культуры.

Политическое господство – верховенство в политической системе общества государственной власти.

Политическое образование – целенаправленная деятельность социальных институтов по удовлетворению потребностей граждан в политических знаниях, умениях и навыках.

Политическое ораторство – качество политика, не обладающего даром убеждающей коммуникации, склонного к популистской «говорильне», сумбурному изложению фактов и суждений с претензией на красноречие.

Политическое поведение – совокупность поступков личности, мотивированных политическими целями и интересами.

Политическое прогнозирование – научное предвидение политического развития – объяснение и эмпирически аргументированное обоснование возможных состояний, изменений политической системы, общественных явлений, событий, процессов.

Политическое пространство – сфера действия политики, взаимоотношений, влияния ее субъектов на общественные явления и процессы.

Политическое развитие – эволюционные процессы в политической системе, определяющие устойчивые тенденции изменений в ее управленческой способности, соответствии (или несоответствии) потребностям общества и глобальным вызовам.

Политическое решение – сознательный выбор субъектами оптимальной модели политических действий, стратегии и тактики ее реализации.

Политическое сознание – свойственная человеку форма отражения политической действительности; совокупность политических идей, принципов, взглядов, представлений, убеждений, чувств, образцов и мотивов поведения.

Политическое управление – выбор институтами политической системы ценностных ориентиров, национальной модели и стратегии развития общества, их властно-управленческая деятельность по осуществлению политического курса и законов государства.

Политическое участие – средство взаимодействия граждан с политической системой, их добровольное, относительно устойчивое участие в управлении государством и обществом.

Полития – конституционное государственное устройство, сочетающее демократически ориентированные институты правления и формы народного представительства, политического участия граждан.

Политологические категории – понятия (термины), выражающие фундаментальные свойства политических феноменов.

Политологические концепции – логически взаимосвязанные идеи, отражающие новое знание о политике, определенные способы ее диагностики, объяснения, описания и прогнозирования.

Политологические модели – концептуально-аналитическое объяснение, описание и прогнозирование на основе эмпирических данных, результатов эксперимента, предположений о свойствах и взаимосвязях политических явлений и процессов.

Политологические парадигмы – доминирующие в определенный исторический период традиции, идеи, принципы, концепции, методы, подходы, понятия в исследовании политической действительности.

Политологические теории – творчески развиваемая, верифицированная система идей (положений) о субстанциональном содержании и закономерностях практической политики, достижениях и проблемах методологии ее познания.

Политология – комплексная (интегральная) наука о политике во всех проявлениях, закономерностях ее функционирования как универсального средства управления обществом.

Политология как научная дисциплина – относительно автономная отрасль политологии, ориентированная на производство, непрерывное обновление и обогащение фундаментальных и прикладных (технологических) знаний о политике.

Политология как учебная дисциплина – относительно автономная отрасль политологии, обеспечивающая политическое образование и воспитание личности, усвоение обществом принципов и норм демократической культуры.

Постиндустриальное (информационное) общество – тип современного общества, развивающегося на основе производства и рационального использования научных знаний и новейших технологий как определяющих факторов прогресса, повышения качества жизни граждан.

Правовое государство – тип государства, последовательно воплощающего принцип верховенства права, демократические нормы взаимоотношений с личностью и гражданским обществом.

Предмет политологии – исследуемые наукой феномены политической сферы: принципы, закономерности и законы политической жизни; интересы, ценности, деятельность и отношения субъектов политики; источники, характер, механизмы, способы ограничения государственной власти; процесс эволюции политических систем и др.

Прикладное политическое исследование – изучение реальных явлений и процессов с целью удовлетворения потребностей институтов государства и гражданского общества в современных технологиях решения конкретных политических задач и проблем.

Проблемы политологии – нерешенные задачи несоответствия науки запросам общества и глобальным вызовам, недостатки управления ее развитием.

Противоречия политологии – негативные тенденции в политической науке, требующие целенаправленных действий политических институтов и научной корпорации по их преодолению.

Профессиональная инфраструктура политологии – комплекс институциональных форм и норм, объединяющих политологическое сообщество, обеспечивающих его упорядоченную творческую деятельность и реализацию социальных функций.

Психологический метод познания политики – исследование психологических механизмов индивидуального политического поведения.

Радикализм в политике – решительные, теоретически и идеологически обоснованные действия субъектов политики по преодолению проблем и противоречий общественного развития.

Рационализм в изучении политики – познание политики на основе современных достижений теории и практики, профессиональной компетентности, академических норм и национально-государственных интересов.

Реализм политический – политика, соответствующая условиям и запросам общества, правдиво отражающая действительность, несовместимая с утопическими проектами и программами, управленческой некомпетентностью и волюнтаризмом.

Ревизия конституции государства – пересмотр (изменение) основного закона государства с целью стимулирования демократической модернизации общества или «консервирования», ужесточения рудиментарной политической системы.

Регресс политической системы – неспособность политической системы к самообновлению, гибкому приспособлению к изменяющимся условиям, потребностям внутренней и внешней среды.

Реформы политические – преобразование (модернизация, совершенствование, обновление) общества или какой-либо сферы его жизни.

Сетевой подход к изучению политики – метод, применяемый в исследовании взаимодействия институтов государства и гражданского общества в процессе согласования интересов, выработки и реализации политических решений.

Системный метод познания политики – исследование политики как целостности взаимосвязанных элементов, составляющих ее содержание и непрерывно трансформирующихся в новое качество.

Системный метод познания эволюции политологии – исследование динамики политологии и влияющих на нее социальных факторов с устойчивыми причинно-следственными взаимосвязями, обуславливающими воспроизводство политических знаний и технологий.

Социальное государство – демократическое государство, осуществляющее эффективную социальную политику, гарантирующее достойные условия жизни и свободное развитие личности.

Социокультурный подход к познанию эволюции политологии – объяснение изменений в науке через призму национальных традиций и условий, влияния ее функций на политическую социализацию личности, ценностные ориентации политических акторов.

Социологический метод познания эволюции политологии – способ выявления, измерения и объяснения социальных предпосылок становления, развития, легитимации и эффективности политологии как науки и учебной дисциплины.

Социоцентристский подход к познанию политики – научное объяснение политики с позиции идей плюрализма, согласования интересов и политического участия граждан.

Сравнительная политология – отрасль политической науки, изучающая политические явления и процессы в различных странах и регионах мира посредством сравнения, выявляя их внутреннюю логику, общее и особенное.

Сравнительный метод познания политики – способ исследования политических систем, институтов, режимов, процессов, культур различных стран с целью обоснования их «родственных» и специфических свойств.

Сравнительный подход к изучению эволюции политологии предполагает сопоставление процессов развития политологии в странах и регионах мира, выявление их сходства и различия, тенденций и закономерностей.

Стадии эволюции политологии – временные фазы изменений в политической науке, отличающиеся функционально-динамическими характеристиками – качественным состоянием, восходящим (или неустойчивым) развитием, степенью профессиональной зрелости.

Структурно-функциональный метод познания эволюции политологии – способ изучения процесса эволюции политической науки как феномена со специфической структурой, элементы которой взаимодействуют, выполняют определенные функции и реализуют дифференцированные организационно-аналитические задачи.

Тенденции эволюции политологии – измеряемые эмпирически доминирующие направления (векторы, траектории) изменений в политической науке: в институциональных формах; профессионально-кадровом потенциале; методологии и приоритетах исследований; адаптивности производимых знаний и технологий к модернизации социума; влиянию науки на политическую культуру общества и социализацию личности.

Теоретический анализ эволюции политологии – фундаментальное исследование имманентных свойств эволюции политологии; применение средств, методов, приемов и процедур анализа, отвечающих критериям эксплицитного (доказательно-достоверного) и верифицируемого (проверяемого) научного знания.

Теория политической культуры – незавершенное, творчески развивающееся учение о политической культуре как устойчивых ценностных ориентациях личности по отношению к «своей» политической системе, мировому политическому процессу, собственному политическому участию.

Теория политической системы – окончательно не сформировавшееся учение о политике как системе, институционально-властном механизме управления обществом.

Транзитология – концепции политического развития, обосновывающие цели, стадии, ритмику и динамику модернизации традиционных обществ, ее закономерности, критерии и результаты с позиций западного опыта демократизации.

Транзитные процессы – эволюционные изменения в традиционных (переходных) обществах в условиях их модернизации на основе демократических принципов, норм и процедур.

Условия эволюции политологии – социально-политические факторы, детерминирующие стабильное, динамичное и общественно-полезное развитие политической науки.

Учебно-методический комплекс по политологии – тип учебной литературы для вузов, предполагающий применение инновационной концептуально-технологической модели политической социализации личности специалиста.

Фундаментальные исследования в политологии – изучение политики с целью творческого развития теории и методологии познания политической действительности.

Функции политологии – социальная роль политологии как науки и учебной дисциплины.

Функциональная модель эволюции политологии – творческая деятельность политологической корпорации, методы и формы сотрудничества ее институтов с политической системой, адаптивность производимых учеными знаний к запросам общества, внутренней и внешней политике государства.

Функциональный подход в политической науке – исследование механизмов и социальной эффективности практической политики через призму функциональных, причинно-следственных взаимосвязей между базовыми элементами ее структуры – целями, институтами, приоритетами, технологиями, реальными возможностями, результатами и следствиями.

Эволюция политологии – объективный процесс качественных и количественных перемен в ее динамике: легитимации, теоретико-методологическом и прикладном потенциале, адаптивности исследований к социально-политической практике, имидже и влиянии как профессиональной отрасли гуманитарных наук.

Экспериментальный метод в политическом образовании – получение научных результатов посредством эксперимента, наблюдения, контроля содержания и качества политических знаний, навыков и умений обучаемых.

Экспертная ортодоксия в общественном знании – навязывание политикам-управленцам псевдонаучных идей как инновационных, фундаментальных, имеющих теоретико-прикладное значение.

Эмпирические источники политического исследования – публикации, диссертации, документы, статистические и социологические данные, результаты наблюдений, содержащие достоверные сведения о политической реальности, составляющие основу теоретического объяснения явлений и процессов, проверки истинности научных идей и гипотез.

Эмпирический анализ в политологии – 1) объяснение, описание и прогнозирование политики на основе эмпирической информации, отражающей состояние, проблемы, противоречия и перспективы политической практики;

2) обоснование и проверка истинности теоретических представлений о политике, сущности научных категорий и гипотез конкретным опытом постижения действительности (наблюдением, экспериментом, статистическими показателями).

Эмпирический базис политологического исследования – система достоверных фактографических данных, почерпнутых из эмпирических источников, политического опыта, авторского наблюдения социальных явлений в естественных условиях.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Адаптивность политической науки 5, 17–19, 72, 87
Адаптивность политической системы 129, 359
Антропологический подход к познанию политики 305
Аргументация политическая 305, 360

Б

Бихевиористская концепция познания политики 305
Бюрократизм 41, 89, 110, 140, 142, 143, 157, 194, 305
Бюрократия 110, 355

В

Валидность политологического исследования 305, 354
Веберовская концепция политики 305
Верификация в политической науке 16, 234, 305, 354
Вестернизация 305, 359
Влияние политическое 305, 358
Внешняя политика государства 305
Внешнеполитические приоритеты 306
Внутренняя политика государства 306
«Волны демократизации» 101, 306
Волюнтаризм в политике 169, 183, 319
Всеобщее избирательное право 360
Выбор политический 306
Выборы 52, 97, 99, 109, 113, 198, 314, 353, 359, 360, 365
Вызовы политические 306

Г

Гипотеза-основание 17
Гипотезы-следствия 17
Глобализация 117, 126, 148, 168, 234, 304, 306, 360, 364
Глобальные проблемы современности 306, 364
Государственная власть 110, 132, 199, 306, 355
Государственная политика 187, 306
Государственное управление 35, 64, 143, 306, 353, 359, 365
Государственное устройство 41, 67, 194, 306, 317
Государственность 134, 136, 142, 185, 306, 356

324

Государственно-центристский подход к познанию политики 306
Государственные интересы 160, 173, 249, 307, 356
Государство 58, 61, 85, 110, 119–125, 128, 129, 131, 133, 138,
140, 142, 143, 154, 156, 164, 171, 177, 185, 194, 197, 203, 230,
249, 307, 317–319, 347, 353, 356, 357, 365
Гражданская культура 307, 361
Гражданское общество 85, 102, 110, 119, 234, 307, 357
Гуманистические основы политики 307

Д

Деидеологизация 307
Демократизация 99, 101, 117, 118, 123, 137, 142, 151, 177, 185,
307, 358, 359, 367
Демократический транзит 76, 96, 97, 144, 149, 200, 307, 359
Демократия 52, 97, 98–99, 102, 108, 112, 190, 198, 234, 307, 311,
353, 356, 360, 364
Динамичное политическое развитие 8, 307
Доверие политическое 307

З

Закономерности политической сферы 308, 354
Закономерности эволюции политологии 18, 246, 308
Законы политической сферы 308, 354
Застой в политической сфере 308

И

Идеология государства 168, 170, 178, 179, 185, 308, 362, 363, 366
Имманентная сущность процесса эволюции политологии 18, 308
Инновации в политике 62, 92, 139, 189, 308
Инновации в политологии 75, 79, 81, 105, 115
Инновационная парадигма политической социализации 229
Институционализация политологии 18, 24, 59, 220, 308, 354
Институциональный базис политологии 308
Институциональный метод познания эволюции политологии 308
Инструментарий исследования эволюции политологии 18, 309
Интерактивные методы преподавания политологии 309
Интерпретация категорий эволюции политологии 18, 309
История политических учений 67, 309

К

Качественный метод исследования эволюции политологии 13, 309
Качественный метод политического анализа 13, 309

Квантификация в исследовании эволюции политологии 309
Количественный метод в исследовании эволюции политологии 13, 309
Конкретно-исторический метод познания эволюции политологии 13, 309
Концепции модернизации переходных обществ 83, 84
Коммуникативные концепции политики 309
Консерватизм в политике 129, 143, 235, 310
Консерватизм как идеология 310, 362
Консолидация демократии 310, 359
Конституционализм 23, 27, 128, 139, 310, 355, 356
Концептуализация познания эволюции политологии 18
Концептуально-технологическое обеспечение политической социализации 17, 46, 222, 240, 310
Концепции в политологии 29, 31
Концепции модернизации транзитных обществ 310
Культура политических институтов 310, 361
Культура политического поведения 310, 361
Культура политического сознания 310, 361

Л

Легитимация политологии 27, 203, 311, 354
Либерализация 48, 62, 88, 99, 101, 126, 130, 141, 142, 151, 223, 310, 345, 359
Либеральная демократия 311

М

Марксистская концепция политики 311
Междисциплинарность в политических исследованиях 141, 156
Метод прогнозирования эволюции политологии 311
Метод «рационального выбора» в познании эволюции политологии 311
Методика «ивент-анализа» в познании эволюции политологии 14, 311, 354
Методика «когнитивного картирования» 15, 311
Методика «контент-анализа» в познании эволюции политологии 14, 311, 354
Методологическая рефлексия ученых 96, 144
Методологические подходы в политической науке 20, 90, 311, 354
Методология политического анализа транзитных процессов 80, 83, 84, 95, 96, 312
Методология политической науки 65, 70, 312, 352, 354, 364

326

Методология исследования процесса эволюции политологии 311

Методы политологии 312, 354

Механизм государственного управления 312, 359

Механизм эволюции политологии 18, 242, 312

Мир политического 35, 312

Мировая политика 66, 67, 158, 312, 353, 363, 364, 366

Мировая политическая система 312, 364

Модели демократии 100, 108, 312, 314, 356

«Мягкий» авторитаризм 356

Н

Насилие в политике 313

Национальная политология 18, 219, 251, 313

Национальные интересы 141, 178, 226, 234, 308, 313, 351, 363, 364

Новый мировой порядок 313, 364

Нормативно-ценностный метод познания политики 313

Нормативно-ценностный метод познания эволюции политологии 313

О

Объект политологии 35, 313

П

Партийная система 225, 314, 350, 357

Партиципаторная модель демократии 314, 360

Переходное общество 314, 359

Показатели эволюции политологии 8, 18, 314

Полиархия 314, 356

Политическая идеология 65, 170, 314, 361, 362

Политическая инертность 248, 314

Политическая культура 40, 42, 65, 70, 109, 186, 187, 195, 196, 198, 201, 208, 234, 314, 353, 361, 365

Политическая модернизация 86, 186, 315, 358, 359, 366

Политическая система 67, 208, 312, 315, 353, 355, 364, 366

Политическая социализация 59, 187, 240, 315, 345, 347, 349, 361, 365

Политическая стабильность 315, 359

Политическая теория 36, 64, 315

Политическая трансформация 315, 359

Политические изменения 13, 50, 104, 105, 185, 186, 193, 315, 353, 358, 359, 365, 366

Политические технологии 92, 315, 358

Политические ценности 315, 362

- Политический анализ 67, 72, 77–80, 315, 354
Политический ангажемент 248, 315
Политический дискурс 40, 315, 361
Политический маркетинг 315, 361
Политический менеджмент 36, 67, 316, 360
Политический нигилизм 316, 361
Политический прогресс 316
Политический процесс 316, 353, 357, 358, 365
Политический режим 107, 163, 316, 356, 366
Политический статус 316
Политическое воспитание 316, 361
Политическое господство 316, 355
Политическое образование 203, 204, 207, 213, 217, 235, 316, 318, 361
Политическое общественное объединение 357
Политическое ораторство 316, 361
Политическое поведение 316, 361
Политическое прогнозирование 316
Политическое пространство 102, 316
Политическое развитие 194, 307, 317, 358, 359
Политическое решение 317, 359
Политическое сознание 317, 360, 361
Политическое управление 143, 317, 359
Политическое участие 41, 108, 117, 184, 192, 222, 227, 315, 317, 344, 352, 358, 365
Полития 55, 135, 317
Политологические категории 317
Политологические концепции 317, 354
Политологические модели 317, 354
Политологические парадигмы 29, 317
Политологические теории 317, 354
Политология 6, 18, 22, 28, 30, 34–36, 51, 63, 64, 66, 67, 86, 205, 208–210, 213, 214, 217–219, 225, 233, 234, 241, 242, 251, 313, 317, 320, 351–354, 364
Политология как научная дисциплина 318
Политология как учебная дисциплина 318, 354
Постиндустриальное (информационное) общество 318
Правовое государство 85, 122, 185, 318, 356
Предмет политологии 35, 318
Прикладное политическое исследование 318
Проблемы политологии 19, 45, 92, 249, 318
Противоречия политологии 19, 318

Профессиональная инфраструктура политологии 19, 318
Психологический метод познания политики 318

Р

Радикализм в политике 190, 318
Рационализм в изучении политики 319
Реализм политический 319
Ревизия конституции государства 319
Регресс политической системы 319
Реформы политические 26, 109, 110, 162, 197, 319, 359

С

Сетевой подход к изучению политики 12, 319
Системный метод познания политики 319
Системный метод познания эволюции политологии 319
Социальное государство 123, 124, 185, 319, 356
Социокультурный подход к познанию эволюции политологии 319
Социологический метод познания эволюции политологии 12, 319
Социоцентристский подход к познанию политики 320
Сравнительная политология 36, 66, 67, 320
Сравнительный метод познания политики 12, 320
Сравнительный подход к изучению эволюции политологии 319
Стадии эволюции политологии 19, 248, 320
Структурно-функциональный метод познания эволюции политологии 320

Т

Теоретический анализ эволюции политологии 18, 320
Теория политической культуры 320
Теория политической системы 321, 355
Транзитология 99, 321, 359
Транзитные процессы 38, 39, 63, 321
Тренды эволюции политологии 45, 150

У

Условия эволюции политологии 19, 321
Учебно-методический комплекс по политологии 321, 348

Ф

Фундаментальные исследования в политологии 78, 115, 321
Функции политологии 239, 321, 354, 364

Функциональная модель эволюции политологии 321

Функциональный подход в политической науке 321

Э

Эволюция политологии 203, 321, 354

Экспериментальный метод в политическом образовании 321

Экспертная ортодоксия в обществознании 322

Электорат 24, 154, 314, 360

Эмпирические источники политического исследования 10, 21, 33, 44, 46, 104, 115, 322

Эмпирический анализ в политологии 20, 82, 181, 322

Эмпирический базис политологического исследования 8, 252, 322

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов А.В. 287
Агеев В.В. 9, 38, 165
Аквинский Ф. 22
Аксельрод Р. 150
Алексеева Т.А. 37, 43, 159, 171, 255
Алмонд Г. 24, 42, 99, 188, 189, 255
Антанович Н.А. 37, 43, 81, 90, 255
Антонович И.И. 37, 256
Аптер Д. 99
Арбатов А. 48
Арбатова Н.К. 160
Арендт Х. 32
Аринин А.Н. 41
Аристотель 22
Аркадьев Е.О. 271
Арон Р. 32
Артемов Г.П. 256
Астахова С.В. 256
Афонцев С.А. 158
Ахиезер А.С. 195
Ачкасов В.А. 104, 212, 256

Б

Бабосов Е.М. 9, 37, 39, 81, 88, 115, 170, 178, 256, 261, 266
Бадулин А.Н. 23, 256
Барабанов О.Н. 158
Басюк И.А. 136
Баталов Э. Я. 196, 256
Бахлов И.В. 41
Бахлова О.В. 38, 41, 137, 256
Белов Г.А. 213
Белявцева Д.В. 38, 196, 200
Белякович Н.Н. 137
Бентам И. 23
Бердяев Н.А. 27
Берк Э. 23
Бжезинский З. 145, 146, 257
Бирюков Н.И. 152, 257
Бирюкова О. 257

Блаженный А. 22
Блинов В.В. 257
Бляхер Л.Е. 43, 104, 257
Бобков В.А. 257, 258
Бовин А. 48
Богатуров А.Д. 112, 158, 160, 258
Богданович М. 28
Богушевич Ф. 28
Боден Ж. 22
Божанов В.А. 258, 285
Бойко Ю.П. 258
Бойцова О.Ю. 35
Бональд Л. 23
Бондарев С.А. 269
Бондаренко Н.Л. 137, 295
Бондарь П.И. 81, 137, 213, 256, 258–260, 289
Бондарь Ю.П. 213, 256, 260, 289, 302–304
Боришполец К.П. 158
Бреслауэр Дж. 151
Бригадин П.И. 136
Бродель Ф. 147
Бродовская Е.В. 259
Будный С. 28
Булышко Д.М. 297
Буренко В.И. 212
Бурковская В.А. 259
Бурлаков В.А. 259
Бурлацкий Ф.М. 48, 259
Бусыгина И.М. 289
Бутенко И.А. 274
Бухарин Н.И. 259
Бущик В.В. 9, 39, 81, 104, 115, 137, 259

В

Вавилова Е.В. 269
Вайнштейн Г.И. 155, 260
Валлерстайн И. 147
Валлеш Ж. 32
Валовая В.В. 213
Вартанова Л.В. 39, 115, 178, 299
Василевич Г.А. 38, 115, 137, 139, 260
Василенко А.В. 260
Василенко И.А. 87, 213
Василик М.А. 212
Васильева Н.А. 260

Ваславский Я.И. 279
Васович В. 260
Ватыль В.Н. 37, 81, 104, 106, 114, 137, 260
Великая Н.М. 170
Величко В. 137, 260
Верба С. 42, 188
Веруш И.А. 261
Виноградова К.В. 165, 261
Вишневский М. 261
Вожгурова О.В. 38, 261
Володин А.Г. 261
Воробьев В.П. 274
Воробьев Д.М. 43, 261
Воскресенский А.Д. 55, 286
Востряков Л.А. 261
Вятр Е. 32

Г

Гаджиев К.С. 213, 262
Гайдук В.В. 41
Галкин А.А. 53
Галкина Е.В. 262
Гаман-Голутвина О.В. 300
Гафуров З.Ш. 123, 262
Гельман В.Я. 37, 63, 81, 104, 262
Герасимова Р. 262
Герменчук В.В. 90, 115, 262
Гершенкрон А. 99
Главачек П. 262
Глебова И.И. 196
Глинкина С.П. 259
Гоббс Т. 23
Годин Ю.Ф. 38, 137, 162, 262
Гозман Л.Я. 214
Головин Ю.А. 263
Голосов Г.В. 87, 263
Гончаров П.К. 170, 196, 263
Гоптарева И.Б. 41
Гордон Л.А. 196
Горелик А.В. 285
Горшков М.К. 263
Грачев Н.И. 263
Гребениченко С.Ф. 264
Гринберг Р.С. 273
Гринин Л.Е. 37, 264

Гронская Н.Э. 174
Грязнова А.Г. 212
Гудименко Д.В. 196, 264
Гудин Р. 286
Гусев В.А. 170, 264
Гусовский М. 28
Гуторов В.А. 212, 264

Д

Давыденко С.С. 38
Даймонд Л. 99
Дайнеко А.Е. 38, 264
Даль Р. 32, 98, 99, 264
Данилов А.Н. 37, 39, 81, 88, 264, 297
Дегтярев А.А. 37, 43, 78, 81, 88, 264
Десягин М.Г. 37, 196, 265
Демидов А.И. 196, 213, 265
Демчук М.И. 265
Денисюк Н.П. 265
Джунусов А.И. 196, 266
Дилигенский Г.Г. 54, 196, 214
Долгов В.М. 266
Достанко Е.А. 165
Дробязко С.Г. 137, 266
Дугин А.Г. 104, 266
Дунин-Марцинкевич В. 28

Е

Егоров А.Н. 266
Егоров В.К. 267
Екадумова И.И. 267
Елисеев С.М. 256, 267
Ершов Ю.Г. 268

Ж

Жарикова А.А. 38, 195, 200, 267
Жеребцов М.В. 267
Жук А.И. 267
Журавлев В.В. 212

З

Заболотная А.С. 267
Завершинский К.Ф. 170, 188, 267
Загладин Н.В. 155, 267
Загородников А. 267

334

Задохин А.Г. 267
Зазнаев О.И. 268
Заславская Т.И. 81, 104, 268
Здравомыслов Г.Г. 49
Зевина О.Г. 268
Земляков Л.Е. 9, 81, 104, 115, 137, 268, 302
Зеркин Д.П. 213
Зиновьев А.А. 124, 176, 268
Золотарева Е.В. 268
Зубов А.Б. 268
Зудин А.Ю. 196, 268

И

Иванов В.К. 268
Иванченко А.В. 290
Иванчук Н.В. 268
Ильин И.А. 27
Ильин М.В. 37, 43, 79–81, 87, 104, 105, 173, 211, 256, 269, 270, 273, 286–289, 296
Ильин М.В. 271
Ильина Е.М. 271
Ильинская С.Г. 269
Инглхарт Р. 269
Иноземцев Н.Н. 49
Ирхин Ю.В. 269
Истон Д. 99, 269, 270
Исхаков В.Б. 170

К

Кадавбович В.А. 137, 295
Кабаченко А.П. 270
Казанцев А.А. 164, 175, 270
Калашников С.В. 123
Калинин А.А. 104, 270
Калиновский К. 28
Каменская Г.В. 41
Кант Э. 23
Капошка У. 270
Капустин Б.Г. 37, 59, 81, 104, 171, 196, 270
Карл Т.Л. 271
Карпова Н.В. 271, 286
Карпухина И.А. 38, 271
Кассирер Э. 32, 175, 271
Кизима С. 112, 271
Киселев К.В. 255

Киселев С.Г. 212
Климин И.И. 271
Клингеманн Х.-Д. 20, 32, 271, 286
Клямкин И.М. 270
Князев С.Н. 90, 263, 271
Ковалев В.А. 176
Ковалева И. В. 38, 271
Ковалевский М.М. 27
Козлов Н.Д. 196
Козлова С.А. 43, 271
Козырев Г.И. 213
Кокошин А.А. 112, 125, 126, 157, 159, 272
Коктыш К.Е. 38, 81, 104, 115, 137, 272
Колас Я. 28
Колесникова В.Н. 272
Колпаков В.А. 296
Комаров С.М. 160, 272
Коноплин Ю.С. 43, 272
Констан Б. 23
Конт О. 23, 29
Коргунюк Ю. 273
Кортунов С.В. 157, 160, 273
Косикова Л.С. 273
Косинец А.Н. 283
Косолапов Н.А. 158
Котляр И.И. 137
Котляров И.В. 115, 137, 273
Кравченко А.И. 213
Крамер Дж. 32
Красильникова О.В. 273
Красин Ю.А. 89, 107, 273
Краснов Б.И. 212, 273
Красотенко Ю.М. 38, 273
Кретов Б.И. 212
Криштапович Л.Е. 274
Крум Р. 263
Крутов А.В. 274
Крухмалев А.Е. 274
Крылов А. 274
Кудрявцев В.Н. 49
Кудряшова И.В. 256
Кузнецова И.А. 196, 200
Кузьмин А.С. 91
Кузьмин Д.С. 160
Кулагин В.М. 158

336

Кулеши Е. 33
Кулинченко А.В. 274
Кулинченко В.А. 274
Кульпин Э.С. 274
Кун Т. 29, 31, 117
Куньшиков С.В. 170
Купала Я. 28
Куриц С.Я. 274
Курскова Г.Ю. 274
Кучеренко А.А. 267

Л

Лавриненко В.Н. 212
Ладысев В.Ф. 136
Ланцов С.А. 213, 256
Лапина Н.Ю. 274, 275, 283
Лапкин В.В. 196, 197, 274
Лаптенко С.Д. 279
Ларсен С.У. 294
Лебедев С. 275
Лебедева М.М. 37, 87, 157, 158, 211, 213, 275
Лебедева Т.П. 100, 275
Левада Ю. 275
Левадный Н.П. 195, 275
Леванов В.К. 276
Левин И.Б. 276
Легутке А. 33
Лейпхарт А. 276
Ленин В.И. 23, 276
Леонова О.Г. 276
Лернер Д. 99
Лесников Г.П. 104, 276
Линецкий А.В. 276
Липсет С. 99, 276
Логунов А.П. 290
Локк Дж. 23
Лоцилов П.Г. 170
Лугвин С.В. 276
Лукашенко А.Г. 182, 257, 276, 280
Лукин А.В. 109, 196, 276
Лучина Я. 28
Лысенко В.Н. 41
Люкшин Д.И. 277
Ляхович-Петракова Н.В. 38, 276

М

- Мадатов А.С. 277
Макаренко Б.И. 37, 38, 81, 89, 104, 137, 277
Макаренко В.П. 277
Макарычев А.С. 72, 277
Макиавелли Н. 22
Малаканова О.А. 287
Малевич Ю.А. 165
Малинова О.Ю. 37, 171, 175, 176, 189, 195, 277, 286, 295
Мальшева Д. 274
Малько А.В. 212
Мамсуров Т.Д. 41
Мангейм Дж. 32
Мангейм К. 32, 174
Мансурова Г.П. 277
Марков С.А. 278
Маркс К. 23
Марченко А.М. 212
Матвеев Р.Ф. 86, 278
Матвеев Ю.И. 104, 278
Матузов Н.И. 212
Матусевич Е.В. 38, 104
Медведев Д.А. 102, 278
Мелешкина Е.Ю. 270, 278, 286
Мельвиль А.Ю. 37, 43, 81, 87, 88, 104, 105, 158, 159, 211, 212, 221, 270, 279, 282, 287
Мельник В.А. 37, 39, 81, 104, 115, 137, 170, 178, 212, 213, 258, 266
Меркушев В.Н. 164
Мертон Р. 99
Мерриам Ч. 24
Милль Д.С. 23, 29
Мирзиханов Н.М. 49
Миронюк М.Г. 87, 279
Митрохина Т.Н. 87, 279
Михайленко А.Н. 38, 137, 160
Мишанова Е.В. 279
Модестов С.А. 104, 160, 279
Мокшин В.К. 212
Моммзен М. 279
Момут Л.С. 199, 280
Монтескье Ш. 23
Моска Г. 23
Москвин Л.Б. 280
Мунтян М.А. 213
Мусихин Г.И. 280

338

Мухаев Р.Т. 213
Мухаметшин Ф.Х. 41
Мясникович М.В. 280

Н

Назаров М.М. 195
Нестерова С.В. 280
Нечипоренко О.В. 264
Никитенко П.Г. 38, 281, 296
Никитин А.Д. 170
Никитин А.И. 71
Никитина А.Г. 281
Никовская Л.И. 281
Николаев И. 137
Новгородцев П.И. 27
Нойштадт Р. 32
Нуссбергер А. 281
Ньютон К. 32

О

Обама Б. 154
Огнева В.В. 259
Олейнов А.Г. 282
Олех Л.Г. 282
Ордешук П. 282
Орлов И.Б. 386
Острогорский М.Я. 27

П

Павленко С.З. 160
Павленко Э.В. 282
Павлова Н.В. 137
Павроз А.В. 282
Падокшин С. А. 282
Пай Л. 188
Паликова А.М. 282
Панарин А.С. 213, 283
Панкратов С.А. 104, 283
Пантин В.И. 81, 154, 197
Пантин И.К. 110, 171
Парето В. 23
Паречина С.Г. 115, 137, 283
Парсонс Т. 29, 99
Пастухов В.Б. 170, 175, 283
Пастухова Н.Б. 131, 283
Патрушев С.В. 269

Пеньков В.Ф. 195, 283
Перевалов В.Д. 212
Перегудов С.П. 81, 104, 109, 283
Пертель О.О. 260
Петр I 26
Петро Н.Н. 190, 284
Петров М.А. 87, 284
Петрова М.В. 170
Петровский В.Е. 160
Петрушин И.В. 284
Пивоваров Ю.С. 34, 43, 195, 284
Пилипенко М.Ф. 136
Пирогов А.И. 284
Пищева Т.Н. 284
Платон 22
Пляйс Я.А. 28, 41, 43, 69, 81, 111, 279, 285
Поливаева Н.П. 285
Полоцкая Е. 28
Полоцкий С. 28
Полунина Г.В. 212, 279
Поляков Л.В. 287
Пономарева Е.Г. 287
Попова О.В. 87, 287
Правдивец В.В. 279
Проскурин С.А. 160, 288
Пугачев В.П. 211, 212
Пузановский А.Г. 269
Путин В.В. 110, 112, 114, 161, 288
Пушкарева Г.В. 288
Пшизова С.Н. 116, 288
Пьер Дж. 121

Р

Радугин А.А. 212
Радьков А.М. 288
Разлогов К.Е. 274
Разуваева В.В. 160
Райгородский Д.Я. 214
Растоу Д. 99, 288
Решетников С.В. 9, 37, 43, 81, 90, 213, 289, 302, 303
Рич Р.К. 32
Роговцов Д.А. 38, 289
Розанов А.А. 165
Романов Р.М. 290
Ростоу У. 99

340

Ротман Д.Г. 81, 88, 264, 279, 290, 297
Рубинов А.Н. 112, 186, 290
Рудой В.В. 286
Руссо Ж.-Ж. 23
Рыжов О.А. 284

С

Савельев А.Н. 174
Савинова Е.Н. 196, 290
Саква Р. 290
Сакович В.А. 38, 165, 290
Салмин А.М. 291
Сапега Л. 28
Сапелкин Е.П. 291
Сартори Дж. 102, 291
Светлов В.А. 291
Семененко И.С. 173, 197, 283, 291
Семенов В.С. 49
Семеренко Л.А. 43, 291
Сергеев В.М. 151, 257
Сергеева В.А. 170
Сильченко Н.В. 136
Симония Н.А. 38, 137, 291
Скакун Е.В. 38, 196, 200, 291
Скобелев Э. М. 281
Скорина Ф. 28
Скоробогатский В.В. 268
Слука А.Г. 39, 115, 170, 178, 291
Смирнов В.В. 286
Смирнов М.М. 291
Смоленский М.Б. 124, 199, 291
Сморгунов Л.В. 43, 87, 281, 292
Смотрицкий М. 28
Соколов В.А. 292
Соколова Г.Н. 292
Соловей В.Д. 292
Соловьев А.И. 37, 43, 71, 91, 182, 189, 196, 211, 212, 286, 290, 293
Соловьев В.Н. 293
Соловьев В.С. 27
Сонина Е.О. 293
Спенсер Г. 29
Спиноза Б. 23
Стативка А.К. 294
Степанов Е. И. 272
Степин В.С. 294

Столяров М.В. 41
Стром А.В. 38, 137
Стур Дж. 294
Суворова О.В. 196
Суздальцев А. И. 294
Суслов М.Г. 294
Сытин А.Г. 294

Т

Тавадов Г.Т. 213
Таранова С.А. 38, 137
Тарнавский А.А. 290
Теплов Э.П. 170
Тимофеев И.Н. 279
Тимофеев Т.Т. 284
Тихиня В.Г. 137, 295
Тихомиров Ю.А. 160
Тихонова Н.Е. 263
Токвиль А. 23, 119, 295
Торкунов А.В. 158
Тренин Д. 295
Туманов С.В. 295
Туровский К. 28
Туровский Р.Ф. 295
Тяпинский В. 28

У

Усова В.Н. 170
Ушаков А.М. 195

Ф

Фадеичева М.А. 295
Фаркушин М.Х. 295
Федоринов В.Е. 295
Федоркин Н.С. 286, 296
Федосеев А.А. 50
Федосеев П.Н. 49
Федотова В.Г. 81, 296
Федотова Н.Н. 296
Федякин А.В. 296
Фельдман Д.М. 158, 296
Филиппова Н.А. 296
Филиппович А. 28
Фишман Л.Г. 296
Фурман Д.Е. 296

Х

Хабермас Ю. 296
Халевинская Е.Д. 269
Хантингтон С. 32, 99, 101, 274, 296
Харитонова О.Г. 296
Харрисон Л. 274
Хвощев В.Е. 297
Хейвуд Э. 30
Хинтба И.Р. 297
Ховард М.М. 297
Холодковский К.Г. 265, 287
Хотькова Е.С. 297
Храмцов А.Ф. 297
Храпов С.А. 297
Хрусталева М.А. 158
Хрустов Г.Ф. 297
Хурс М.Н. 266, 294

Ц

Цедиллина Е. 38, 137, 297
Цицерон М.Т. 22
Цыганков А. 158, 297

Ч

Чаевич А.В. 297
Чарина А.М. 298
Чекмарев Э. 297
Чернякин В.Г. 298
Чигринов П.Г. 136
Чижов Д.В. 298
Чилкот Р.Х. 32, 298
Чиркин В.Е. 298
Чихарев И.А. 298
Чичерин Б.Н. 27
Чудаков М.Ф. 137, 298
Чумаков Ю.Г. 213
Чуфрин Г. 298

Ш

Шабает Ю.П. 298
Шабайлов В.И. 137
Шабров О.Ф. 255
Шавель С.А. 88, 298
Шапиро И. 97, 298
Шапталов Б. Н. 298

Шатилов А.Б. 298
Шахназаров Г.Х. 48, 53
Шевцов Ю. 298
Шейнис В.Л. 127, 157, 160, 298
Шеленговский Б.Д. 23
Шестаков С.А. 170
Шестова Е.А. 170
Шестопал Е.Б. 37, 43, 81, 82, 195, 214, 263, 281, 286, 298, 299
Шимов В.Н. 38, 299
Шинкарев В.В. 39, 115, 137, 170, 178, 299
Шишков Ю.В. 299
Шмачкова Т.В. 211
Шмелев Б.А. 300
Шмиттер Ф. 299
Штирнер Ф. 99
Штомпка П. 99
Шумпетер Й. 99, 299
Шумская Л.И. 299
Шурубович А.В. 38, 137, 300
Шюттемайер С.С. 300

Щ

Щербаков А.Е. 174, 300
Щербинин А.И. 300
Щербинина Н.Г. 300

Э

Эйзенштадт Ш. 32, 99, 300
Эндрейн Ч. 32, 300

Ю

Юм Д. 29
Юревич А.В. 300
Юрченко В.М. 170, 288
Юрьев А.М. 214

Я

Яжборовская И.С. 300
Яковенко И.Г. 196, 301
Якунин В.И. 104, 301
Яницкий О.Н. 301
Ярулин И.Ф. 63, 301
Яскевич Я.Д. 38, 106, 301

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ВУЗЕ: концептуально-технологическая версия

Модель представляет собой экспериментально апробированную версию. Ее фундаментальная основа – инновационная парадигма концептуально-технологического обеспечения политической социализации студентов, стимулирующая их духовное развитие и профессионально-творческие способности.

Значение модели актуализирует внедрение в систему высшего образования интегрированных «модулей» социально-гуманитарных дисциплин. Эта реформаторская инициатива расширит «диапазон» инструментально-аналитических возможностей и условий социализации личности в вузах, так как предполагает «наполнение» предметных модулей «отфильтрованным», рационально-прагматическим содержанием согласно национальным интересам и профилю подготовки кадров в высшей школе.

Суть верифицированной опытом модели заключена в системности идейно-воспитательного влияния на личностно-профессиональное становление специалиста, ориентации на запросы практики модернизируемого общества и вызовы времени. Ценностные индикаторы модели: принципы, критерии, методы, результаты эксперимента, предположения, рекомендации. Фокусируется внимание на жизненно необходимых для специалиста параметрах политических знаний. Стратегическая цель модели – формирование демократической культуры, включающей основополагающие личностные качества:

- профессионализм, адекватный потребностям практики;
- целостное, научно мотивированное восприятие мира;
- гражданственность и патриотизм;
- политическая компетентность;
- активное политическое участие;
- политическая толерантность.

Социально-прикладное значение модели заключается в том, что выпускники высшей школы оказывают непосредственное и значительное влияние на претворение в жизнь государственной политики и идеологии. Их мировоззрение, духовно-нравственные ка-

чества и социально-компетентностные навыки – одно из определяющих условий демократизации, стабильности и динамичности прогресса общества.

Методологический, инструментально-прикладной потенциал модели нацелен на плодотворное изучение студентами цикла общественных наук, а также учитывает перспективу интеграции национальных систем образования постсоветских обществ в Европейское пространство, Болонский процесс,

Новизна модели заключается в том, что она способствует решению комплекса *концептуально-технологических задач*:

- фундаментализация содержания социально-гуманитарных дисциплин;
- обновление учебного процесса с ориентацией на запросы транзитного общества;
- методическое, информационно-аналитическое обеспечение общественных наук;
- развитие системного мышления студентов;
- применение гибких и объективных критериев оценки политических знаний, навыков и умений;
- либерализация и деbüroкратизация управления образовательно-воспитательным процессом.

Политическая социализация личности специалиста включает совокупность структурных компонентов: субъекты, объекты, политико-идеологические интересы и ценности национального государства, цели и приоритеты, поведение, отношения преподавателей и студентов, технологии воспитательного влияния, условия и результаты.

I. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

1.1. *Цель* политической социализации в вузе – формирование демократической культуры личности.

1.2. *Основополагающие задачи* вузовского коллектива:

- обеспечение качественного усвоения студентами систематизированных знаний о политике, роли государственной власти в регулировании общественной жизни;
- развитие методических навыков самостоятельно познавать и творчески оценивать политические процессы в глобальном мире;
- содействие студентам в овладении ценностями демократической культуры, нормами социального, правового государства;

– формирование навыков применения политических знаний в профессиональной деятельности, конструктивного взаимодействия с институтами политической системы;

– воспитание неприятия националистических, экстремистских, иных действий, подрывающих социальную стабильность, авторитет страны, наносящих ущерб интересам суверенной государственности.

II. ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

2.1. Единство образовательных и воспитательных задач.

2.2. Организация учебного процесса с ориентацией на идеи и ценности, составляющие содержание идеологии и политики национального государства.

2.3. Формирование объективно-компетентного, позитивно-оптимистичного отношения к «своей» политической системе, результатам и следствиям государственной политики, мировым политическим процессам.

2.4. Целенаправленное приобщение студентов к историко-культурному наследию, прогрессивным традициям страны.

2.5. Стимулирование заинтересованного и активного участия в общественно-политической жизни.

2.6. Уважение достоинства, прав и свобод человека.

2.7. Демократичность взаимодействия преподавателей и студентов, выражающаяся в доверии, взаимопомощи, партнерстве, консенсусе, плюрализме мнений и убеждений.

2.8. Удовлетворение политико-образовательных интересов студентов с учетом их индивидуальных особенностей и возможностей.

2.9. Творчески-инновационный подход к политическому образованию.

2.10. Укрепление междисциплинарных взаимосвязей, повышающих качество и эффективность целенаправленного влияния на духовно-нравственные и профессиональные качества личности специалиста – выпускника высшей школы.

III. СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

3.1. Имманентное содержание процесса политической социализации как целенаправленной деятельности ее субъектов:

– разъяснение студентам сути, особенностей и эффективности национальной модели социально-экономического и политического развития;

- стимулирование потребности содействовать благополучию государства достижениями в учебе, труде, спорте, общественной деятельности, соблюдением законов и норм нравственности;
- формирование устойчивых политических взглядов и убеждений, основанных на принципах социальной справедливости, уважения к легитимным политическим институтам, личной ответственности перед гражданским обществом и государством;
- информационно-методическая помощь в личностном осознании взаимосвязи идеологии и политики государства, его доминирующего влияния на общественную жизнь;
- поощрение общественно-политической активности, бережного отношения к имуществу вуза, творческих инициатив в подготовке и проведении культурно-воспитательных мероприятий;
- воспитание уважительного отношения к культурно-историческому наследию народа, национальным символам, ценностям и интересам;
- поощрение социально-личностной компетентности, основанной на фундаментальных знаниях и навыках, политической культуре, адекватной запросам модернизируемого общества.

IV. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

4.1. Политическая социализация студентов предполагает инновационную концептуально-технологическую парадигму преподавания цикла общественных наук, соответствующую интересам и приоритетам государства, статусу гражданского, патриотического воспитания личности в высшей школе.

Парадигма, как показал эксперимент, обеспечивает укрепление основ междисциплинарности и практико-ориентированности, улучшение условий реализации дифференцированной модели социально-гуманитарного образования. Она направлена на реализацию трех ключевых, социально-политических по характеру и значению задач:

- повышение качества и имиджа национального высшего образования, его гармонизация с международными стандартами;
- обогащение ценностных ориентаций студентов посредством использования интерактивных методов и современных информационно-коммуникационных технологий;
- внедрение гибких, объективных и прозрачных критериев оценки политической культуры обучаемых с учетом требований «компетентной» модели их подготовки.

4.2. Организация политико-образовательного процесса в соответствии с интересами личности, общества и государства, вызовами времени предполагает:

- перманентно-новаторское обеспечение реализации ключевых функций социально-гуманитарных дисциплин;

- качественное удовлетворение духовно-нравственных и профессиональных потребностей личности специалиста в гуманитарных знаниях с ориентацией на практику реформируемого социума;

- применение системы методов и процедур ценностно-мировоззренческого влияния на сознание и поведение студентов, укрепляющих воспитательный потенциал общественных и специальных дисциплин;

- предупреждение в образовательной деятельности рецидивов консервативного традиционализма и некомпетентности.

4.3. Концептуально-технологическая модель обеспечения функций «модульного» цикла социально-гуманитарных наук в высшей школе включает субстанциональные звенья:

- непрерывное обновление содержания лекций, семинаров, коллоквиумов, консультаций по темам и разделам курса в соответствии с новейшими достижениями политической науки, требованиями государственного стандарта и учебной программы;

- применение интерактивных коммуникационных технологий, логически взаимосвязанной лекционной, печатной, аудиовизуальной и наглядно-графической информации;

- разъяснение, подкрепленное эмпирическими данными, теоретико-прикладного значения концепций, теорий, парадигм, методов и закономерностей политологии;

- определение «категориального поля» по каждой теме дисциплины;

- использование потенциала тренинга для закрепления и диагностики качества усвоения политических знаний;

- составление индивидуальных контрольных заданий для оценки уровня политической культуры;

- приобщение студентов к научному творчеству, консультационно-методическое содействие их исследовательской деятельности;

- побуждение обучаемых к критически-творческому осмыслению классических произведений, документов политических институтов, научных публикаций о социальной действительности;

- конвертирование научных результатов преподавателей-политологов в образовательно-воспитательный процесс;

- методическое содействие студентам в овладении методикой самообразования.

4.4. Для реализации функций политологии как доминирующей дисциплины в системе политической социализации личности специалиста рекомендуется персонифицированный технологический инструмент – *учебно-методический комплекс преподавателя*.

Критерии полноценного комплекса:

- строгое соответствие структуры и содержания требованиям государственного образовательного стандарта;
- новизна и системная экспериментальная проверка предлагаемых методов образования;
- демократический ценностно-мировоззренческий потенциал;
- наличие совокупности методических материалов: авторских лекций в лаконичной, доступной для восприятия форме; рекомендаций и советов студентам, информационно-аналитических, справочных, наглядно-графических, диагностических разработок;
- соответствие содержания достижениям мировой науки;
- информативность, неразрывно связанная с реалиями общественно-политической жизни государств на постсоветском пространстве;
- векторная направленность на использование новых методов и подходов, обогащающих современные информационно-коммуникационные технологии.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ ВО ВНЕУЧЕБНОЕ ВРЕМЯ

5.1. Регулярное информирование о политической ситуации в стране и мире.

5.2. Дискуссии с участием известных политиков по проблемам разработки и реализации политического курса государства.

5.3. Обсуждение за «круглым столом» управленческих мер и конкретных политических решений властных институтов.

5.4. Тематические диалоги студентов с членами правительства, депутатами, видными учеными, руководителями производства, деятелями культуры.

5.5. Торжественные мероприятия по поводу национальных и профессиональных праздников, знаменательных событий в жизни страны и вуза.

5.6. Мастер-классы «Политическое лидерство: искусство влияния на общественное сознание и поведение», «Методика убеждающей коммуникации».

5.7. Научные семинары «Мировая политическая наука: тенденции и проблемы развития», «Эволюционные изменения на постсоветском пространстве», «Социально-политические последствия мирового экономического кризиса».

5.8. Виртуальный консалтинг «Политические системы мира: сравнительный анализ».

5.9. Ситуационные игры «Если бы я был премьер-министром», «Мажоритарная партия в парламенте: влияние на практическую политику», «Партийная система: условия и практика коалиционной политики».

VI. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ

6.1. Модель является концептуально-технологическим инструментом, полезным для экспериментальной апробации и успешного освоения интегрированных («модульных») курсов социально-гуманитарного цикла.

6.2. Рациональное применение методологического и технологического потенциала модели предполагает учет условий, профиля и кадрового потенциала учебного заведения.

6.3. Исходная ступень применения модели – качественное обновление, согласование и гармонизация учебных программ по социально-гуманитарным дисциплинам.

6.4. В повестке дня неотложная задача – подготовка качественно обновленной учебной литературы (включая и электронные пособия) по циклу социально-гуманитарных дисциплин. Ее надлежит фундаментализировать, сделать доступнее для студентов, что означает – критически ревизовать содержание, очистить его от дублирования, «избытка» эмпирии, «нудного академизма», «теоретического эклектизма», толкования устаревших, неприемлемых для модернизации постсоветских обществ концептов.

6.5. Верифицированный, эффективный механизм реализации модели – персонифицированные, разработанные каждым преподавателем учебно-методические комплексы по социально-гуманитарным наукам. Их подготовка, легитимация и внедрение не терпят отлагательства. В них должна получить закрепление предпочтительная для профильного вуза система информационно-аналитического, диагностического, организационно-методического и материально-технического обеспечения познавательно-образовательного процесса.

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «ПОЛИТОЛОГИЯ»: авторский экспериментальный проект

Проект программы составлен с учетом методических императивов, диктуемых логикой интеграции социально-гуманитарных дисциплин, необходимостью целенаправленной подготовки личности к самостоятельной жизни, плодотворному трудовому и политическому участию в модернизации Республики Беларусь.

Тематическая структура и содержание программы способствуют поддержанию должной согласованности процесса изучения студентами политологии с другими общественными науками.

Особенности программы:

- фундаментализация и актуализация тематики лекций и семинаров;
- усиление практической направленности политического образования;
- мировоззренческая ориентация на национальные интересы и ценности;
- побуждение студентов к плодотворному самообразованию и духовно-нравственному совершенствованию;
- фокусирование внимания на особенностях белорусской модели развития, идеологии и политике государства;
- формирование критически-творческого отношения к политическим процессам в глобальном мире;
- применение демократических технологий политической социализации человека.

Программа состоит из двух *органично взаимосвязанных сегментов*: фундаментально-мировоззренческого и ориентационно-практического. Приоритет первого – обеспечение качественного усвоения теории, методологии, воспитательно-мировоззренческого потенциала политической науки. Основополагающая задача второго сегмента детерминирована национальными условиями профессиональной деятельности. Его приоритет – на основе инновационных технологий осуществлять целенаправленное развитие системного мышления и навыков личности специалиста, адаптивного к социально-экономическим условиям и потребностям страны.

Цель программы – комплексное научно-методическое, информационно-аналитическое, наглядно-графическое и диагностическое обеспечение усвоения студентами:

- систематизированных знаний о политике как общественном явлении, ее причинно-следственных взаимосвязей с экономикой, правом, моралью, наукой;

- характерных свойств и результатов политических изменений в Беларуси и других постсоветских обществах;
- ключевых концептов, понятий (категорий) политологии, открытых ею закономерностей;
- способов рационального самообразования, обогащающего личностно-профессиональные возможности;
- демократических норм политических отношений.

Структура и содержание программы подчинены личностно-профессиональному становлению посредством формирования аналитико-творческих способностей студентов в осмыслении, аргументации и объяснении действительности:

- геополитических процессов, проблем и противоречий современного мира;
- политических интересов, технологий и результатов действий субъектов политики традиционных, переходных (транзитных) и постиндустриальных (информационных) обществ;
- тенденций, закономерностей, проблем и перспектив социально-политических изменений на постсоветском пространстве.

Ценностный вектор учебной программы – формирование демократической культуры, включающей основополагающие качества:

- компетентность в профессии;
- научно мотивированное восприятие мира;
- гражданственность и патриотизм;
- политическая ответственность;
- активное политическое участие;
- политическая толерантность.

**Проект учебно-тематического плана дисциплины
«Политология»
(для гуманитарных специальностей;
срок обучения 4 года)**

Наименование изучаемых разделов и тем	Лекции по обязат. модулю	Семинары по обязат. модулю	КСР	Самостоятельное изучение тем интегрирован. модуля
<i>Тема 1.</i> Политология в системе социально-гуманитарного знания	2			2
<i>Тема 2.</i> Методология политической науки			2	2
<i>Тема 3.</i> Политическая власть			2	2

<i>Тема 4. Политическая система общества</i>	2	2		2
<i>Тема 5. Демократия и политические режимы</i>				2
<i>Тема 6. Государство как политический институт</i>	2			2
<i>Тема 7. Политические партии и партийные системы</i>				2
<i>Тема 8. Политический процесс</i>				2
<i>Тема 9. Политические изменения</i>		2		2
<i>Тема 10. Государственное управление в Республике Беларусь</i>	2	2		2
<i>Тема 11. Представительство и выборы</i>				2
<i>Тема 12. Политическая коммуникация</i>				2
<i>Тема 13. Политическая культура и социализация</i>	2	2	2	2
<i>Тема 14. Современные политические идеологии</i>	2			2
<i>Тема 15. Идеология белорусского государства</i>	2	2		2
<i>Тема 16. Политические конфликты и кризисы</i>			2	2
<i>Тема 17. Мировая политика в условиях глобализации</i>	2			2
Всего аудиторных часов – 72, в т.ч. обязательный модуль – 34, специализированный – 34	16	10	8	34

Тема 1. Политология в системе социально-гуманитарного знания

Специфика политологии как интегрированной науки о политике и образовательной дисциплины. Ее структура, функции в обществе и системе социально-гуманитарного знания.

Объект и предмет политической науки.

Эволюция представлений о происхождении и сущности политики.

Структура, функции, свойства, уровни функционирования политики в обществе. Взаимодействие политики с экономикой, правом, моралью, наукой. Пределы и границы политики. Политика – искусство, наука, творчество.

Закономерности и законы политической сферы, познаваемые политологией. Категории (понятия) политической науки.

Основные этапы оформления политической науки в качестве автономной, профессиональной отрасли. Институционализация политической науки и тенденции ее развития в Беларуси. Характерные черты современной науки о политике. Ведущие политологические школы и центры.

Ключевые категории:

политология, политология как наука, политология как учебная дисциплина, фундаментальные политические исследования, прикладные политические исследования, функции политологии, методы политологии, закономерности политической сферы, эволюция политологии, институционализация политологии, легитимация политологии

Тема 2. Методология политической науки

Смысл и содержание понятия «методология политической науки». Стадии исследовательского процесса.

Преимущества апробированных методов познания политики: институционального; системного; социологического; сравнительного; поведенческого; психологического; нормативно-ценностного; исторического; количественного; качественного; ивент-анализа; контент-анализа; когнитивного картирования; прогнозирования.

Значение критерия валидности (достоверности), зависимых и независимых переменных в политическом анализе. Верификация (проверка истинности) научных результатов посредством эксперимента, наблюдения событий и явлений.

Современное состояние методологии политической науки.

Ключевые категории:

методология политической науки, политический анализ, методы политических исследований, верификация в политической науке, политологические концепции, политологические теории, политологические модели, методологические подходы в политической науке, валидность политологического исследования

Тема 3. Политическая власть

Природа, признаки и структура власти. Ее функции, типы и формы. Феномен политической власти: источники, субъекты, объекты, ресурсы. Измерения и идеальные типы политической власти. Средства и методы властвования. Демократический контроль политической власти. Взаимодействие политической власти и ответственности.

Причины верховенства государственной власти в обществе, ее характерные черты и механизм функционирования. Идеальные типы легитимности политической власти. Факторы и средства легитимации власти.

Актуальные проблемы политической власти в традиционном (переходном) и постиндустриальном (информационном) обществах.

Ключевые категории:

власть, структура власти, политическая власть, государственная власть, политическое господство, конституционализм, легитимность власти, ресурсы власти, эффективность власти, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, президент, парламент, правительство, разделение властей, бюрократия, политический авторитет, вотум доверия, эффективность государственной власти

Тема 4. Политическая система общества

Состояние теоретической разработки системного подхода к изучению политики. Сущность концептуальных идей о политической системе Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда.

Характеристика подсистем политической системы общества: институциональной, нормативно-регулятивной, функциональной, коммуникативной, культурно-идеологической.

Классификация функций политической системы.

Типы современных политических систем.

Критерии сравнения политических систем: демократичность, динамичность, стабильность.

Политическая система Республики Беларусь.

Ключевые категории:

политическая система, теория политической системы, функции политической системы, структура политической системы, типы политических систем, критерии сравнения политических систем

Тема 5. Демократия и политические режимы

Понятие «политический режим». Критерии типологии и оценки политических режимов. Политический плюрализм, степень политической свободы (демократичность) как основа организации власти. Конституционность политических режимов.

Демократический политический режим: характерные черты. Демократические принципы организации власти. Современные модели демократического устройства общества: общее и особенное. Понимание демократии как полиархии. Институциональные принципы полиархического правления.

Авторитарный политический режим: признаки, нормы взаимодействия с обществом. Социальный базис авторитарного властвования.

Тоталитарный политический режим, его проявления в политической, экономической, социальной и духовной сферах. Отличительные признаки тоталитаризма.

Ключевые категории:

политический режим, демократия, модели демократии, демократический политический режим, полиархия, авторитаризм, «мягкий» авторитаризм, тоталитаризм, диктатура

Тема 6. Государство как политический институт

Становление понятия политического института в теории. Признаки, структура и функции государства – основного института политической системы общества.

Формы правления: монархия и республика. Особенности парламентской, президентской и «смешанной» форм республиканского правления.

Типы административно-территориального устройства государства. Функциональные модели унитарного государства, федерации и конфедерации.

Правовое государство. Его основные принципы. Понятие социального государства.

Отношения государства и гражданского общества.

Белорусское государство, его политика и тенденции эволюции.

Ключевые категории:

государство, функции государства, государственные интересы, демократическое государство, социальное государство, правовое государство, государственность, суверенитет, конститу-

ционализм, парламентская республика, президентская республика, федерация, конфедерация, унитарное государство, гражданское общество

Тема 7. Политические партии и партийные системы

Роль общественных объединений в политической системе. Типы общественных объединений («групп интересов»). Формы участия общественных объединений в политике.

Партия как политический институт, ее характерные свойства и функции. Влияние партий на стабильность политических систем транзитных обществ.

Типы политических партий, критерии их классификации, политического влияния.

Классификация партийных систем. Особенности партийных систем: монопартийной, двухпартийной, многопартийной, умеренного и поляризованного плюрализма.

Политические партии Беларуси. Особенности эволюции национальной партийной системы.

Ключевые категории:

политическая партия, партийная система, общественные объединения, политическое общественное объединение, общественная организация, общественное движение, оппозиция политическая, группы интересов, группы «лобби», политический блок

Тема 8. Политический процесс

Политический процесс как динамическая характеристика политической сферы. Режимы и стадии политического процесса.

Структура политического процесса: субъекты и объекты; политические интересы, ценности и цели; политические отношения; технологии политических действий; условия и результаты политической деятельности.

Классификация субъектов политического процесса.

Политическое лидерство как призвание и профессия. Содержание теорий политического лидерства. Типы политического лидерства. Современные тенденции в развитии политического лидерства. Институт политического лидерства в условиях демократизации общества.

Понятие политической элиты. Ее роль в обществе, структура, типы и характерные черты. Механизмы формирования политиче-

ской элиты, проблемы ее ротации, взаимодействия с гражданами в переходных и постиндустриальных обществах.

Политическая деятельность: цели, мотивация, критерии. Типы и формы политических действий. Принципы взаимоотношений субъектов политического процесса: плюрализм, консенсус, компромисс.

Типы и формы политического участия. Кризисы политического участия и способы их разрешения.

Политический процесс в Республике Беларусь.

Ключевые категории:

политический процесс, структура политического процесса, политическая деятельность, политические интересы, политические цели, политические отношения, политические нормы, типы политических процессов, режимы политического процесса, политические технологии, политическое партнерство, политическая оппозиция, политическая ситуация, политическая толерантность, политическое влияние, политическое участие, политическая ответственность, политическая конкуренция, компромисс в политике, консенсус в политике, политический риск

Тема 9. Политические изменения

Общее и особенное в категориях политические изменения, политическое развитие, политическая модернизация, демократизация.

Концептуальные версии объяснения феномена политических изменений, их достоинства и недостатки.

Суть качественных перемен в политической сфере. Демократизация как средство поступательно-восходящего прогрессивного политического развития.

Индикаторы измерения политических изменений.

Типы политических изменений. Условия и закономерности динамичного политического развития. Показатели политического упадка (стагнации) общества. Критерии стабильности, адаптивности и эффективности политической системы.

Нелинейные векторы политической модернизации переходных обществ. Предпосылки, закономерности и национальные особенности политических изменений на постсоветском пространстве.

Политические изменения в Республике Беларусь. Концепция поступательного, устойчивого развития общества как практическая задача политических институтов. Специфика национальной модели развития.

Ключевые категории:

политические изменения, переходное общество, демократический транзит, политическое развитие, политическая модернизация, адаптивность политической системы, политические реформы, политическая трансформация, либерализация, демократизация, политическая стабильность, транзитология, вестернизация, консолидация демократии

Тема 10. Государственное управление в Республике Беларусь

Понятие «механизм государственного управления». Его структура, функции, принципы организации. Объекты и субъекты государственного управления.

Политические решения в механизме государственного управления. Участие граждан в принятии политических решений.

Планирование и прогнозирование социально-экономического развития. Регулирование ресурсов. Методы управления обществом как совокупность технологий, приемов и процедур.

Государственное управление в Республике Беларусь. Его институциональная структура. Конституционные полномочия и функции президента, законодательной, исполнительной и судебной власти, контрольно-надзорных органов. Местное управление и самоуправление.

Средства, методы и процедуры инициирования, формирования, реализации и оценки государственной политики.

Ключевые категории:

механизм государственного управления, институциональная структура государственного управления, функции государственного управления, технологии государственного управления, политическое решение, политическое управление, ресурсы государственного управления, приоритеты государственного управления

Тема 11. Представительство и выборы

Функции выборов в политической системе общества.

Избирательное право. Демократические принципы выборов. Показатели избирательной активности в США, Европе, переходных обществах. Факторы, влияющие на избирательную активность граждан.

Понятие и типы избирательных систем. Специфика, достоинства и недостатки мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательных систем.

Избирательная кампания, ее цели, структурные звенья и особенности организации. Избирательные технологии. Референдум как институт непосредственной демократии.

Избирательная система Республики Беларусь.

Ключевые категории:

избирательный процесс, демократия, выборы, партиципаторная модель демократии, представительная демократия, прямая демократия, всеобщее избирательное право, электорат, избирательная система, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, блок избирательный, избирательные технологии, избирательная кампания, абсентеизм

Тема 12. Политическая коммуникация

Понятие и значение политической коммуникации в современном обществе.

Сущность, функции и структура политической коммуникации. Уровни информационно-коммуникативных отношений: межличностный, групповой и массовый.

Технологии агитационно-пропагандистского и маркетингового типа. Понятие, функции и виды политического маркетинга. Роль рекламы в политическом маркетинге.

СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет) в системе массовой коммуникации. Их функции и виды. Влияние на политическую жизнь электронной коммуникации. Рациональные и иррациональные аспекты воздействия СМИ на массовое политическое сознание и поведение.

Проблема свободы СМИ в демократическом обществе. Коммуникационная (информационная) политика правового государства. Формы и характер связей политических институтов с общественностью.

Глобализация средств массовой информации. Характерные черты международной системы производства, распространения и потребления политической информации.

СМИ Беларуси в политическом процессе.

Ключевые категории:

политическая коммуникация, политическая информация, свобода печати, свобода информации, средства массовой информации, политическая аргументация, политическая риторика, политический плюрализм, общественное мнение, политический ме-

неджмент, политический маркетинг, политический дискурс, манипулирование в политике, политическая демагогия, популизм, политическое ораторство

Тема 13. Политическая культура и социализация

Понятие политической культуры, ее структура и функции. Носители политической культуры: личности, социальные общности, институциональные субъекты политики. Взаимодействие политической культуры и политической системы.

Критерии классификации политических культур. Особенности политических культур: демократической, авторитарной, тоталитарной, патриархальной, подданнической, западной, восточной. Сравнительная характеристика политических культур современных цивилизаций.

Политическая культура переходных (транзитных) обществ. Национально-государственные факторы, определяющие формирование политической культуры личности.

Политическая социализация как процесс усвоения человеком политического опыта, общественных идеалов, традиций, норм и образцов политического поведения. Условия политической социализации: влияние макросреды, микросреды, образования, воспитания и социально полезной деятельности. Этапы политической социализации. Типы политической социализации: гармоничный, гегемонистский, плюралистический, конфликтный.

Ключевые категории:

политическая культура, политическое сознание, политическое поведение, гражданская культура, политические качества, политическое воспитание, политическое образование, политические традиции, патриотизм, политический конформизм, культура политического сознания, культура политического поведения, культура политического участия, культура политических институтов, политический нигилизм.

Тема 14. Современные политические идеологии

Понятие и сущность политической идеологии. Уровни политической идеологии: теоретико-концептуальный, программно-политический, актуализированный. Функции идеологии: познавательная-воспитательная, нормативно-ценностная, интегрирующая, мобилизационная.

Типы современных идеологий, социально-экономические и теоретические предпосылки их возникновения.

Либерализм. Основоположники классического либерализма. Ключевые идеи либерализма об условиях самореализации индивида, государственном регулировании частнособственных отношений, нормах демократии. Кризис либерализма в XX в. Особенности политической доктрины неолиберализма.

Консерватизм – идеология и политика сохранения традиционных форм общественной жизни. Основоположники идеологии. Основные идеи классического консерватизма о значении традиционных ценностей, «элитарной демократии» и частной собственности, границах свободы личности и социальной роли государства. Эволюция консервативной идеологии во второй половине XX в.

Коммунистическая идеология. Социальные предпосылки формирования идеологии. Политические идеи коммунистической идеологии.

Социал-демократическая идеология как доктрина постепенного (мирного) преобразования, «социализации» капиталистического общества. Сущность политического идеала социал-демократии – «демократического социализма». Ключевые идеи социал-демократической идеологии.

Национализм как идеология и экстремистское политическое движение. Причины его возникновения. Реакционная сущность националистических идей и действий. Социальная база национализма.

Ключевые категории:

политическая идеология, политические ценности, политические идеалы, деидеологизация, либерализм, консерватизм как идеология, социал-демократическая идеология, коммунистическая идеология, национализм как идеология, фашизм

Тема 15. Идеология белорусского государства

Роль идеологии белорусского государства в управлении обществом. Идеологические условия социальных изменений. Политика государства в идеологической сфере.

Структура идеологии государства, направления ее теоретической разработки и практической реализации. Тенденции идеологического процесса в стране.

Идеология государства как предмет научного познания. Состояние, направления и проблематика исследований.

Ключевые категории:

идеология государства, структура идеологии государства, содержание идеологического процесса, политика государства в идеологической сфере, теоретическая разработка идеологии, практическая реализация идеологии, тенденции идеологического процесса, идеологические условия социальных изменений

Тема 16. Политические конфликты и кризисы

Политический конфликт как закономерное социальное явление. Природа политического конфликта. Признаки политического конфликта. Стадии развития политического конфликта. Типы политических конфликтов: интересов, ценностей, идентификации. Основные виды политических конфликтов: межличностные, групповые, институциональные, региональные, глобальные. Технологии управления политическими конфликтами. Условия и этапы разрешения конфликтов.

Политический кризис. Типы политических кризисов: правительственный, парламентский, конституционный, общенациональный, внешнеполитический. Формы политических кризисов: легитимности, участия, идентичности, распределения благ, проникновения. Пути и средства преодоления кризисов политического развития.

Ключевые категории:

политический конфликт, политический кризис, баланс политических сил, технологии управления конфликтами, политическая толерантность, политическая интрига.

Тема 17. Мировая политика в условиях глобализации

Субъекты и типы международных отношений.

Национальный суверенитет и национальные интересы как базис современного международного общения.

Характеристика Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской, Ялтинско-Потсдамской систем (моделей) международных отношений.

Влияние глобализации на мировую политику. Тенденции и противоречия глобализации.

Сущность и динамика глобальных проблем современности. Международное сотрудничество в их разрешении.

Перспективы формирования нового мирового порядка.

Теоретические школы международных исследований геополитики. Плюрализм концепций и теоретических подходов в изуче-

нии мировой политики: реализма, неореализма, идеализма, либерализма, неолиберализма, неомарксизма, постмодернизма.

Стратегические цели, принципы и приоритеты внешней политики Республики Беларусь.

Ключевые категории:

мировая политическая система, мировая политика, международные отношения, глобализация, глобальные проблемы современности, национальные интересы, национальная безопасность, новый мировой порядок, международные конфликты, международный терроризм, геополитика, международное сотрудничество

**ТЕМАТИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО
(ОБЯЗАТЕЛЬНОГО) МОДУЛЯ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Тема 1. Политология в системе социально-гуманитарного знания

1. Политология как интегрированная наука о политике.
2. Структура и функции политологии.
3. Этапы становления и развития политической науки.

Тема 2. Методология политической науки

1. Значение методологии политического анализа.
2. Методы фундаментальных и прикладных исследований.
3. Стадии исследовательского процесса.

Тема 3. Политическая власть

1. Природа власти.
2. Концепции политической власти.
3. Легитимность государственной власти.

Тема 4. Политическая система

1. Структура и функции политической системы.
2. Типы современных политических систем.
3. Эволюция политической системы Беларуси.

Тема 5. Демократия и политические режимы

1. Критерии классификации политических режимов.
2. Сущность демократического режима.
3. Свойства авторитаризма и тоталитаризма.

Тема 6. Государство как политический институт

1. Концепции происхождения государства.
2. Формы государственного правления и устройства.
3. Принципы правового государства.

Тема 7. Политические партии и партийные системы

1. Типы общественных объединений.
2. Классификация политических партий и партийных систем.
3. Политические партии Беларуси.

Тема 8. Политический процесс

1. Содержание, режимы и стадии политического процесса.
2. Характеристика субъектов политического процесса.
3. Политическая деятельность и политическое участие.

Тема 9. Политические изменения

1. Концепции политического развития.
2. Индикаторы и условия политических изменений.
3. Политические изменения в переходных обществах.

Тема 10. Государственное управление в Республике Беларусь

1. Субъекты государственного управления.
2. Технологии реализации управленческих решений.
3. Государственный контроль и арбитраж.

Тема 11. Представительство и выборы

1. Избирательные системы.
2. Избирательная кампания.
3. Избирательные технологии.

Тема 12. Политическая коммуникация

1. Понятие политической коммуникации.
2. СМИ в системе политической коммуникации.
3. Коммуникационная политика государства.

Тема 13. Политическая культура и социализация

1. Концепции политической культуры.
2. Типология политических культур.
3. Политическая социализация.

Тема 14. Современные политические идеологии

1. Плюралистические трактовки политической идеологии.
2. Характеристика влиятельных политических идеологий.

Тема 15. Идеология белорусского государства

1. Идеи и ценности идеологии государства.
2. Идеология государства и политическая модернизация.
3. Динамика идеологического процесса.

Тема 16. Политические конфликты и кризисы

1. Природа, признаки, стадии и типы политических конфликтов.
2. Технологии управления политическими конфликтами.
3. Политические кризисы, средства и методы их преодоления.

Тема 17. Мировая политика в условиях глобализации

1. Политические следствия и противоречия глобализации.
2. Тенденции мировой политики.
2. Глобальные проблемы и пути их решения.

ТЕМАТИКА И ПЛАНЫ СЕМИНАРОВ**Тема 1. Политическая система общества**

1. Структура и функции политической системы.
2. Типы современных политических систем.
3. Политический режим.

Тема 2. Политические изменения

1. Концепции политических изменений.
2. Тенденции модернизации постсоветских обществ.
3. Динамика политических изменений в Республике Беларусь.

Тема 3. Приоритеты государственной политики Республики Беларусь

1. Стратегия экономической политики.
2. Векторы социальной политики.
3. Внешняя политика.

Тема 4. Идеология белорусского государства

1. Идеи и ценности идеологии государства.
2. Идеология государства и политическая модернизация.
3. Динамика идеологического процесса.

Тема 5. Мировая политика в условиях глобализации

1. Политические следствия и противоречия глобализации.
2. Тенденции мировой политики.
3. Глобальные проблемы и пути их решения.

**ТЕМАТИКА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МОДУЛЕЙ
(ПО ВЫБОРУ СТУДЕНТА)**

1. Социально-экономическая политика Республики Беларусь.
2. Изменения в политических системах транзитных обществ.
3. Нормативно-правовое регулирование информационной сферы в демократическом государстве.
4. Приоритеты правовой политики государства в условиях демократического транзита.
5. Политическая наука постсоветских обществ: тенденции и закономерности эволюции.
6. Демократизация постсоветских обществ: политико-правовые аспекты.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

Научное издание

БОНДАРЬ Юрий Павлович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО:
ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ
В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА**

Редактор О. М. Соколова
Технический редактор Л. Н. Мельник

Подписано в печать 08.06.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага писчая № 2. Ризография.
Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 17,80. Тираж 100 экз. Заказ 130.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств».
ЛИ № 02330/0003939 от 19.05.2011.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.